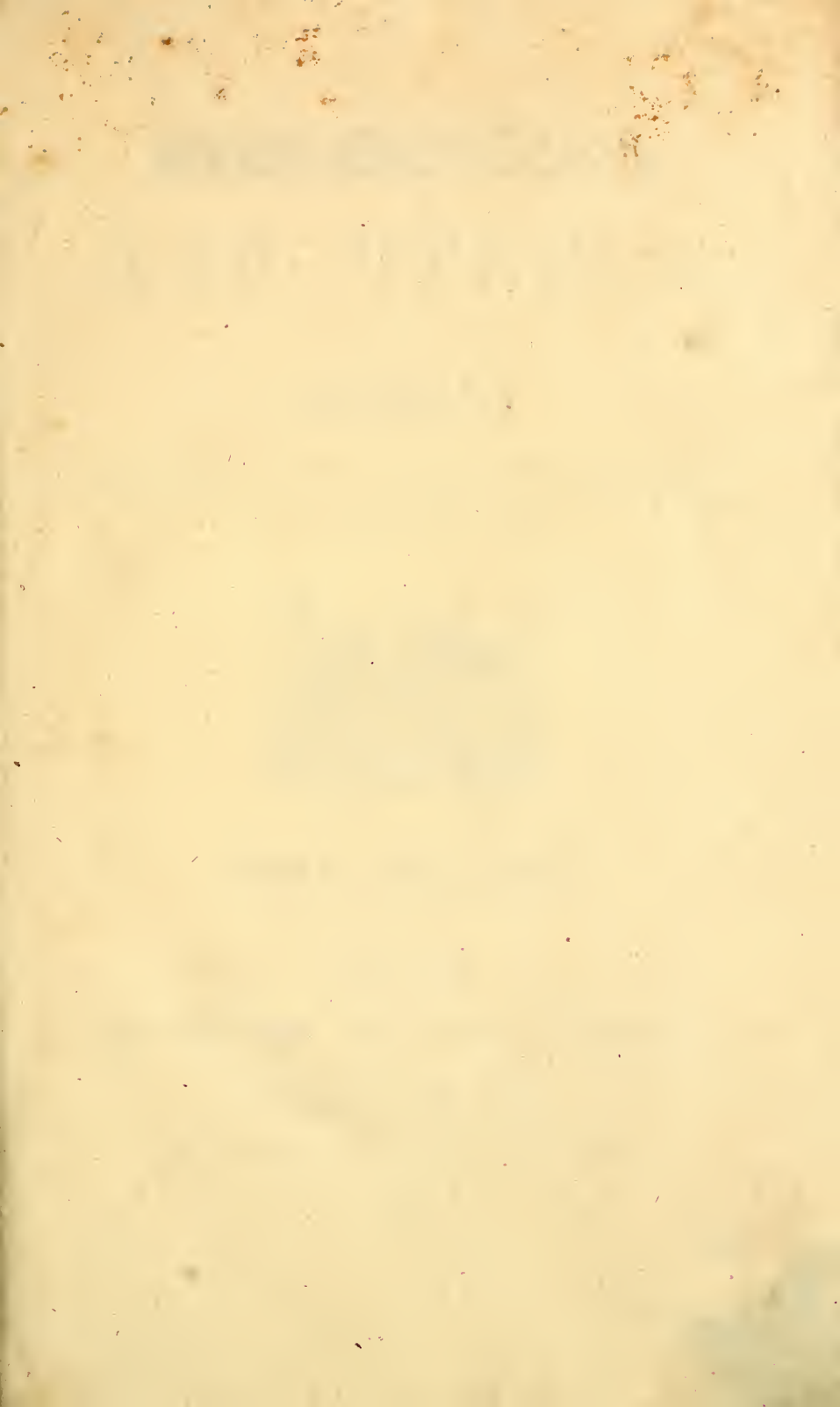
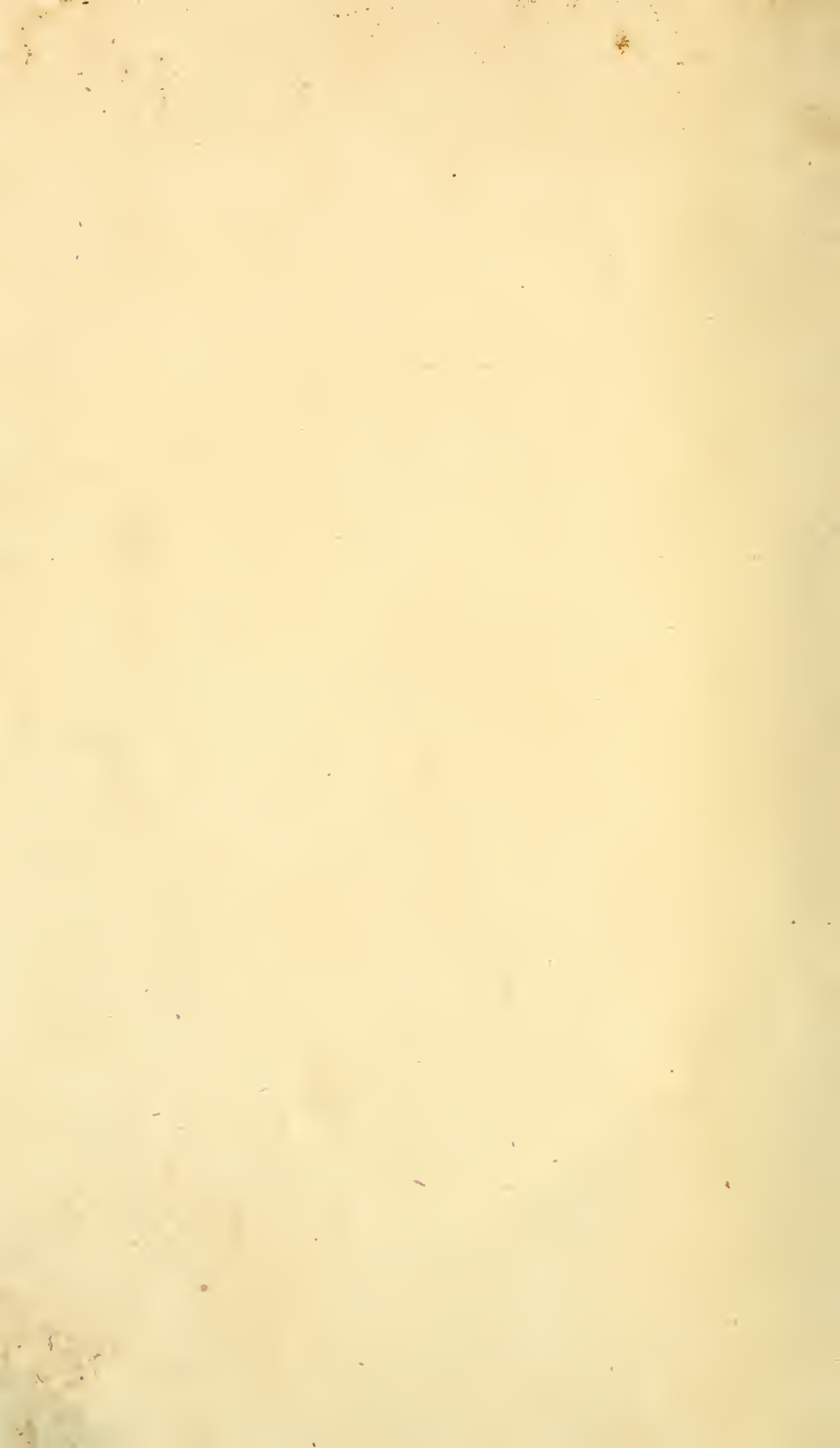

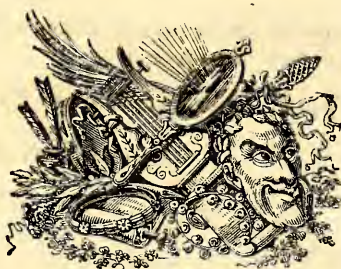

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕН-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

ИЗДАНИЕ

книгопродавца *Александра Смирдина.*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВДОВЫ ПЛЮШАРЬ СЪ СЫНОМЪ.

1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цен-
сурный Комитетъ три экземпляра.

Санктпетербургъ, 1855 года апрѣля 29 дня.

Ценсоръ *А. Никитенко.*

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СКАЗКА

о

РЫБАКЪ И РЫБКЪ.

Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неведомъ рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Разъ онъ въ море закинулъ неводъ, —
Пришелъ неводъ съ одною тиной.
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ, —
Пришелъ неводъ съ травой морской.
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ, —

Пришелъ неводъ съ золотой рыбкою,
Съ непростую рыбкой, — золотою.
Какъ взмолился золотая рыбка!
Голосомъ молвить человѣчьимъ:
«Отпусти ты, старче, меня въ море!
Дорогой за себя дамъ откупъ:
Откуплюсь чѣмъ только пожелаешь.»
Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
И не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбку золотую,
И сказалъ ей ласковое слово:
— Богъ съ тобою, золотая рыбка!
Твоего мнѣ откупа не надо;
Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ. —
Воротился старикъ ко старухѣ,
Разсказалъ ей великое чудо.
— Я сегодня поймалъ-было рыбку,
Золотую рыбку, непростую;
По нашему говорила рыбка,
Домой въ море синее просилась,
Дорогою цѣною откупалась:
Откупалась чѣмъ только пожелаю.
Не посмѣлъ я взять съ нее выкупъ;
Такъ пустилъ ее въ синее море. —
Старика старуха забранила:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
Хоть бы взялъ ты съ нее корыто,
Наше-то совсѣмъ раскололось.»
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю:
Видитъ,—море слегка разыгралось.
Сгаль онъ кликать золотую рыбку,
Приплыла къ нему рыбка и спросила:
— Чего тебѣ надобно, старче? —

Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ
«Смилуйся, государыня рыбка!
Разбранила меня моя старуха,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совѣтъ расколосъ.»
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
— Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ,
Будетъ вамъ новое корыто. —
Воротился старикъ ко старухѣ:
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится,
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросилъ, дурачина, корыто!
Въ корытѣ многи корысти?
Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ;
Поклонись ей, выступи ужъ избу.»
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю:
Помутилося синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку,
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
— Чего тебѣ надобно, старче? —
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Еще пуще старуха бранится,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Избу просить, сварливая баба.»
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
— Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ.
Такъ и быть: изба вамъ ужъ будетъ. —
Пошелъ онъ ко своей землянкѣ,
А землянки нѣтъ ужъ и слѣда;
Передъ нимъ изба со свѣтелкой,
Съ кирпичною, бѣленою трубою,
Съ дубовыми, тесовыми ворота.
Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
На чемъ свѣтъ стоитъ — мужа ругаетъ.

«Дурачина ты, прямой простофиля!
 Выпросилъ, простофиля, пзбу!
 Воротись, поклонись рыбка:
 Не хочу быть черной крестьянкой,
 Хочу быть столбовою дворянкой.»

Пошелъ старикъ къ синему морю:
 Не спокойно синее море.
 Сталъ онъ кликать золотую рыбку.
 Приплыла къ нему рыбка, спросила:
 — Чего тебѣ надобно, старче? —
 Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
 «Смилуйся, государыня рыбка!
 Пуще прежняго старуха вздурилась,
 Не даетъ старику мнѣ покою:
 Ужъ не хочетъ быть она крестьянкой
 Хочетъ быть столбовою дворянкой.»
 Отвѣчаетъ золотая рыбка:
 — Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ. —

Воротился старикъ ко старухѣ.
 Чтожъ онъ видитъ? Высокій теремъ;
 На крыльцѣ стоитъ его старуха,
 Въ дорогой собсьей душегрѣйкѣ;
 Парчевая на маковкѣ кичка,
 Жемчуги огрузили шею;
 На рукахъ золотыя перстни,
 На ногахъ красныя сапожки;
 Передъ нею усердныя слуги;
 Она бьетъ ихъ, за чупринъ таскаетъ.
 Говоритъ старикъ своей старухѣ:
 «Здравствуй, барыня сударыня дворянка!
 Чай, теперь твоя душенька довольна.
 На него прикрикнула старуха,
 На конюшнѣ служить его послала.»

Вотъ недѣля, другая проходитъ,
Еще пуще старуха вздурилась :
Опять къ рыбкѣ старика посылаетъ.
— Воротнись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей. —
Испугался старикъ, взмолился :
«Что ты, баба, бѣлены объѣлась?
Ни ступить, ни молвить не умѣешь!
Насмѣшишь ты цѣлое царство.»
Осердилась пуще старуха,
По щекѣ ударила мужа,
— Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою?
Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честию :
Не пойдешь, поведуть по-неволѣ. —

Старичокъ отправился къ морю :
Почернѣло синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку.
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
— Чего тебѣ надобно, старче? —
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтуетъ :
Ужъ не хочетъ быть она дворянкой,
Хочетъ быть вольною царицей.»
Отвѣчаетъ золотая рыбка,
— Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ.
Добро! будетъ старуха царицей. —

Старичокъ къ старухѣ воротился.
Что жъ? Предъ нимъ царскія палаты;
Въ палатахъ видитъ свою старуху:
За столомъ сидитъ она царицей,
Служать ей бояре да дворяне,
Наливаютъ ей заморскія вины,

Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ,
Вкругъ ея стоитъ грозная стража,
На плечахъ топорики держать.
Какъ увидѣлъ старикъ, — испугался!
Въ ноги онъ старухъ поклонился,
Молвилъ; «Здравствуй, грозная царица!
Ну теперь твоя душенька довольна.»
На него старуха не взглянула,
Лишь съ очей прогнать его велѣла.
Подбѣжали бояре и дворяне,
Старика въ-защени затолкали.
А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,
Топорами чуть не изрубила.
А народъ-то надъ нимъ пасмѣялся:
«Подѣломъ тебѣ, старый певѣжа!
Впредь тебѣ, певѣжа, наука:
Не садися не въ свои сани!»

Вотъ недѣля, другая проходитъ,
Еще пуще старуха вздурилась.
Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ:
Отыскали старика, привели къ ней.
Говорить старику старуха:
«Воротись, поклонися рыбкѣ.
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мнѣ въ Окіанъ-морѣ,
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая,
И была бъ у меня на посылкахъ.»

Старикъ не осмѣлился перечить,
Не дерзнулъ поперегъ слова молвить,
Вотъ идетъ онъ къ синему морю,
Видитъ, на морѣ черная буря:
Такъ и вздулись сердитыя волны,
Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку,

Приплыла къ нему рыбка, спросила:
 — Чего тебѣ надобно, старче? —
 Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
 «Смилуйся, государыня рыбка!
 Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
 Ужъ не хочетъ быть она царицей,
 Хочетъ быть владычицей морской,
 Чтобъ жить ей въ Окіанѣ-морѣ,
 Чтобы ты сама ей служила,
 И была бы у ней на посыткахъ.»
 Ничего не сказала рыбка:
 Лишь хвостомъ по водѣ плеснула,
 И ушла въ глубокое море.
 Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,
 Не дождался, къ старухѣ воротился:
 Глядь, опять передъ нимъ землянка!
 На порогѣ сидитъ его старуха!
 А предъ нею разбитое корыто!

А. ПУШКИНЪ.

СИБИРСКІЙ КАЗАКЪ.

=

СТАРИННАЯ БЫЛЬ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

=

Дни со свѣтомъ идутъ,
 Ночи съ мракомъ бѣгутъ,
 Утро вечеръ прохладный смѣняетъ;
 Въ полдень солнце горитъ,
 Въ полночь мѣсяцъ глядитъ:
 Часовой по редуту гуляетъ.

И, въ полуденный зной,
 Золотистой волной
Озеріенных зыблются нивы;
 И, въ раздолье степей,
 Стадо дикихъ коней
 Въетъ по вѣтру косматыя гривы.

И въ небесной выси,
 Будто рати Руси,
 Громоносыя движутся тучи;
 И, подпора небесъ,
 Не шелохнется лѣсъ,
 Не играеть въ степи вихрь летучій.

И молчанье кругомъ.
 Утомленнымъ крыломъ
 Царь пернатыхъ на землю слетаетъ;
 И съ стѣсненной душой
 Пышеходъ молодой,
 Ослабѣвши, шаги ускоряетъ.

Вотъ громады сошлись.
 Молнии въ тучахъ заглись, —
 И ударилъ перунъ быстротечный.
 Опаленный кругомъ,
 Съ раздробленнымъ челомъ,
 Рухнулъ кедръ, — великанъ вѣковѣчный.

И, дохнувши огнемъ,
 Прошумѣли дождемъ,
 И песчаную степь наводнили.
 Свѣтлый солнечный лучъ
 Проглянулъ изъ за тучъ, —
 И двѣ радуги сводъ расцвѣтили.

Оксанъ разсыпной,
 Будто конь молодой,
 Сребровласую шею вздымаетъ;

Гриву въ космы плететь,
Чуткимъ ухомъ прядеть,
Длинный хвостъ въ три трубы завиваетъ.

Въ надвоздушный предѣлъ
Царь-орель полетѣлъ
Осушиться въ потокъ огнистомъ,
И, — предвѣстникъ весны, —
Съ голубой вышины
Засверкалъ перерывчатымъ свистомъ.

На курганъ крутомъ,
Подъ истлѣвшимъ крестомъ,
Молодая казачка сидѣла,
И, склоняся главой
На тополь луговой,
Она грустно на степи глядѣла.

Изъ развитой косы
Въ безпорядкѣ власы
На лилейную грудь упали,
И на блѣдныхъ щекахъ,
Какъ роса на цвѣтахъ,
Какъ жемчужины, слезы блитали.

Тихо все. Лишь у ногъ
Говорилъ ручеёкъ,
И прозрачной волной къ ней ласкался;
И съ журчаньемъ ручья
Тихой голосъ ея,
Будто ласточки щебетъ, сливался.

* *
*

ПѢСНЯ КАЗАЧКИ.

Полетай, мой голубочекъ,
Полетай, мой сизокрылой,

Черезъ степи, черезъ горы,
Черезъ темныя дубровы!

«Отыщи, мой голубочекъ,
Отыщи, мой сизокрылой,
Мою душу, мое сердце,
Моего милѣва друга!

«Спустишь, мой голубочекъ,
Опустишь, мой сизокрылой,
Легкимъ перышкомъ ко другу, —
На его правую руку!

«Проворкуй, мой голубочекъ,
Проворкуй, мой сизокрылый,
Моему милѣму другу
О моей тоскѣ-кручинѣ!

«Ты лети, мой голубочекъ,
Отъ восхода до заката;
Отдыхай, мой сизокрылый,
Ты, во время темной ночи!

«Если на небо порою
Набѣжитъ налетна тучка,
Ты сокройся, голубочекъ,
Подъ кустокъ частой, подъ вѣтку!

«Если коршунъ хищна-птица
Надъ тобой разпуститъ когти,
Ты запрячься, сизокрылый,
Подъ навѣсъ крутой, подъ кровлю!

«Ты скажи мнѣ, голубочекъ,
Что увидѣлъ мое сердце!
Ты повѣдай, сизокрылой,
Что здоровъ мой ненаглядный!

«Я за вѣсточку люблю
Накормлю тебя пшеничкой;
Я за радостну такую
Напою сытой медвяной.

«Я прижму къ ретиву сердцу,
Сладко, сладко поцѣлую;
Обвяжу твою головку
Дорогою алой лентой.»

* *
* *
*

Вдругъ песокъ полетѣлъ:
Ясный день потемнѣлъ,
И гроза поднялась отъ восхода.
Громъ — отъ громкихъ рѣчей!
Молнья — съ свѣтлыхъ мечей!
То казаки летятъ изъ похода.

Пламень грозный въ очахъ,
Кликъ побѣдный въ устахъ,
За спиной понавѣшены вьюки.
На конѣ боевомъ,
Впередѣ молодцомъ
Выѣзжаетъ удача Безрукій.

И широкой копною
Вьѣтъ песокъ конь степной,
Рветъ узду, и храпитъ, и бодрится.
Есаулы за нимъ
Предъ отрядомъ своимъ:
Грозы ихъ загорѣлыя лица.

«Гей! мои трубачи!
Опустите мечи,
Занграйте въ трубы боевыя!
Съ хлѣбомъ съ солью скорѣй
Пусть встрѣчаютъ гостей,
И отворять врата крѣпостныя!»

И, не мѣдя, за-разъ
 Атаманскій приказъ
 Трубачи-усачи выполняютъ:
 Боевой мечъ—въ ножны,
 И трубу со спинны,
 И походную пѣсню играютъ.

«Гей, скорѣй на редутъ!
 Наши, наши идутъ!»
 Закричалъ часовой. И въ минуту,—
 «Наши, наши идутъ!» —
 Крича, люди бѣгутъ
 Отвсюду толпами къ редуту.

Грянулъ въ пушку пушкарь, —
 Зазвонилъ пономарь, —
 И широки врата заскрыпѣли.
 Изъ отверзтыхъ воротъ
 Хлынулъ съ шумомъ народъ, —
 И казаки орломъ налетѣли.

«Къ церкви, храбрый отрядъ!
 (Есаулы кричатъ)
 Исполняйте отцовской обычай;
 И къ иконѣ святой
 Вы усердной рукой
 Приносите дары изъ добычи.»

Казаки съ коней въ рядъ,
 Въ Божью церковь спѣшатъ, —
 Имъ на встрѣчу причетъ со крестами:
 Подъ хоругвью святой,
 Въ ризахъ, пастырь съдой
 Ихъ встрѣчаетъ святыми словами:

Пастырь.

Съ нами Богъ! съ нами Богъ!

Онъ возвысилъ нашъ рогъ!
Укрѣпилъ Онъ во брани десницы!

Клиръ.

Съ нами Богъ! съ нами Богъ!
Супостать изнемогъ,
Мы крѣпки: покоряйтесь языцы!

Пастырь.

Мышцей сильной своей
Укротилъ Онъ звѣрей,
Онъ низвергнулъ коней, колесницы!

Клиръ.

Съ нами Богъ! съ нами Богъ!
Супостать изнемогъ,
Мы крѣпки: покаряйтесь языцы!

Пастырь.

Онъ слышалъ нашъ гласъ;
Онъ сталъ крѣпко за насъ,
Онъ явился во блескъ денницы!

Клиръ.

Съ нами Богъ! съ нами Богъ!
Супостать изнемогъ,
Мы крѣпки: покоряйтесь языцы!

Пастырь.

Онъ щиты ихъ сломилъ,
Ярый огонь воздымилъ, —
И вихрь бурный пожралъ ихъ станицы!

Клиръ.

Съ нами Богъ! съ нами Богъ!
Супостать изнемогъ,
Мы крѣпки: покоряйтесь языцы!

Старецъ кончилъ. За нимъ,
За начальствомъ своимъ,

Казаки въ Божью церковь вступили,
Т. X. — Отд. I.

И съ молитвой въ устахъ
 При святыхъ образахъ
 Они часть изъ добычи сложили.

И, подъ громъ пушкарей,
 Пѣтъ Владыкъ царей
 Благодарственный гимнъ за спасенныхъ;
 И, подъ медленный звонъ,
 Похоронный канонъ
 Возгласили за прахъ убиенныхъ.

Служба кончена. Тутъ
 Всѣ на площадь бѣгутъ:
 Ихъ родные, друзья ожидаютъ;
 Сынъ къ отцу, къ брату братъ
 Съ полнымъ сердцемъ летятъ,
 И съ слезами на грудь упадаютъ.

Что жъ казачка? Она,
 Вещей грусти полна,
 Ищетъ друга милова очами:
 Вся на площади рать, —
 Но его не видать, —
 Не видать казака межъ рядами!

Не во храмъ ли онъ?
 Божій храмъ затворёнъ, —
 Вотъ ограду ключарь запираетъ!
 Что жъ онъ къ ней не спѣшитъ?
 Сердце рвется спросить, —
 Но вопросъ на устахъ замираетъ.

Вдругъ урядникъ съдой
 Подошелъ къ молодой,
 И взглянулъ на нею со слезами;
 Ей кольцо подастъ:
 «Онъ окончилъ походъ!»
 И поспѣшными скрылся шагами.

И, блѣдный полотна,
Съ тихимъ воплемъ, она,
Недвижима, безгласна упала;
Свѣтъ померкнулъ въ очахъ,
Смерть на блѣдныхъ устахъ,
Тихо полная грудь трепетала.

Вотъ, съ угрюмымъ челомъ,
Ночь сѣнцовымъ крыломъ
Облекла и поля и дубравы,
И съ далекихъ небесъ
Сыплетъ искрами звѣздъ
И катитъ въ облакахъ шаръ кровавый.

И на ложѣ крутомъ
Спитъ болѣзненнымъ сномъ
Молодая казачка. Прохладой
Надъ ея головой
Вѣетъ вѣтеръ ночной
И дымится струей надъ лампадой.

Кровь горитъ. Грудь въ огнѣ,
И въ мучительномъ снѣ
Страшный призракъ, какъ червь, сердце гложетъ.
Темнота. Тишина.
И зловѣщаго сна
Ни одинъ звукъ живой не тревожитъ.

Вдругъ, она поднялась!.....
Чья-то тѣнь пронеслась
Мимо оконъ, и въ мракъ сокрылась.
Вотъ—храпѣнье коня!
Вотъ, кольцомъ не зѣняя,
Дверь тяжелая вдругъ отворилась!

Онъ вошелъ. Страшный видъ!
Весь онъ кровью покрытъ,
Страшно впади померкшія очи;
Кости въ кожу вдались,

И уста запеклись,
Мраченъ взоръ: онъ мрачнѣй темной ночи!

Онъ близъ ложа стоитъ,
Онъ ей въ очи глядитъ,
Онъ манитъ поспѣлой рукою.
То казакъ молодой!
Онъ пришелъ во тмѣ ночной
Свой исполнить обѣтъ предъ женою.

И она узнаетъ:
Тихо съ ложа встаетъ,
И выходить за нимъ молчаливо.
У воротъ чернѣй конь
Бьетъ копытомъ огонь,
И трясетъ серебристою гривой.
Вмигъ казакъ — въ стремя.
Молодая жена
Съ нимъ, дрожа и блѣднѣя, садится.
Закусивъ удила,
Какъ свинецъ, какъ стрѣла
Конь ретивой дорогою мчится.

Вотъ гора: на-лету
Онъ сровнялъ высоту;
И несется широкой долиной!
Вотъ рѣка: чрезъ рѣку!
На могучемъ скаку
Онъ сплотилъ берега надъ пучиной.

Скачутъ день. Скачутъ два.
Ни жива, ни мертва
И не смѣетъ взглянуть на милова.
Куда путь ихъ лежитъ,
Она хочетъ спросить;
Но боится. Казакъ ни полслова.

Наконецъ, въ день шестой,
Какъ коверъ золотой,

Развернулись степи передъ нами.

И кругомъ пустота!

Лишь вдали три креста

Возвышались въ безбрежной пустыни.

«Вотъ нашъ кровъ! вотъ нашъ домъ,

Подъ лазурнымъ шатромъ!»

Вдругъ промолвилъ казакъ. «Посмотри же,

«Какъ хорошъ онъ на взглядъ!

Что за звѣзды горять!

Что за блескъ! То вдали, что же ближе?

«Насъ тутъ сто казаковъ, —

Все лихихъ молодцовъ:

Мы привольно живемъ, не старѣемъ.

Ни печаль, ни болѣзнь

Намъ невѣдомы здѣсь,

И житейскихъ заботъ не имѣемъ.

Мы и утромъ и днемъ

Спимъ въ землѣ крѣпкимъ сномъ

До явленья вечерней зарницы;

Но зато при звѣздахъ

Мы гарцуемъ въ степяхъ

До восхода румяной денницы.»

Тутъ казакъ замолчалъ:

Конь заржалъ, запрядалъ.....

И казачка глядитъ въ изумленье.

Степь! Средь бѣлаго дня

Ни его, ни коня:

Только что-то гудитъ въ отдаленьи.

И въ степи! и одна!

Будто пытка, страшна

Одинокая смерть! Озирая

На холмъ насыпномъ

Степь горящу кругомъ,

Ищетъ тѣни казачка младая.

Но кругомъ степь пуста!
 Ни травы, ни куста,
 Ни отъѣзка въ сѣни отдаленной.
 Кругомъ небо горить,
 Воздухъ душень, — томить, —
 Что за зной на степи раскаленной!

И на жгучій песокъ,
 Какъ увядшій цвѣтокъ,
 Задыхаясь, она упадаетъ.
 И въ томленьи пѣмомъ,
 Сжавши руки крестомъ,
 Безнадежно въ стени погибаетъ.

П. ЕРШОВЪ.

ПОБѢДА ВАКХА.

Пируетъ богъ вина румяный
 Въ долину мирной Индостана.
 Толпы Сатировъ и Менадъ
 Вкругъ бога юнаго стоятъ.
 Межъ шимн, на скамь дерновой,
 Сидитъ восторженный пѣвецъ;
 На головъ его — лавровый,
 Сплетенный музами, вѣнецъ.
 Восторга пылъ кудри густые
 Подъемятъ надъ его челомъ,
 И очи темноглубые
 Горятъ божественнымъ огнемъ,
 И славить сынь достойный Фесба
 Созданья дивныя боговъ,
 Величье дня, красу Эрсба,
 И радость Зевсовыхъ пировъ,
 И ужасъ мстительнаго ада,
 Грозу Иракловыхъ побѣдъ:

Лишь только бога винограда
Не славить доблестный поэтъ.

Потунилъ очи Вакхъ ревнивый
Съ негодоваиємъ, и стыдъ
Въ душѣ его едва сокрытъ.
«Почто пѣвецъ краснорѣчивый
Вина и Вакха не поетъ?
Воспой-же пѣснь вину и лѣту,
Красть Вакханокъ!» — И поэту
Онъ полный кубокъ подаетъ.

— «Тебѣ, источникъ вдохновенья,
Жизнеподатель Апполои!» —
И чашу богу пѣснопѣца
Надменно посвящаетъ онъ.

И Вакхъ, исполненный смущенья,
Вакханку юную зоветъ.
Мгновению дѣва предстаетъ:
Огнемъ любви и наслажденья
Горятъ коварные глаза,
И виноградная лоза
Вѣнчаетъ голову младую;
И, возжеланія полна,
Лебяжья грудь обнажена.
Вотъ, снова, чашу роковую
Подноситъ юношѣ она.
Обнявъ ее рукою жадной,
Онъ томно смотритъ на нее,
И, вмѣстѣ съ влагою отрадной,
Онъ пьетъ лобзаніе ея.
Она, съ улыбкою лукавой,
Ему твердитъ слова любви:
Кипитъ волшебная отрава
Въ поэта дѣвственной груди.
На обезсиленные плечи
Главой горячей онъ поинкь;

Невразумительныя рѣчи
 Твердить коснѣющій языкъ.
 Его глаза, полужакрыты,
 На все безсмысленно глядятъ;
 Его румяныя лапы
 Багровымъ заревомъ горятъ;
 Смолкаютъ звуки томной лиры,
 Напрасно пальцы струны рвутъ, —
 И вотъ косматая Сатиры
 Пѣвца сраженнаго несутъ.
 Ужасенъ ихъ безумный хохотъ,
 Побѣдный кличъ, тимпановъ грохотъ:
 Подъ ихъ нестройный звукъ поютъ
 И пляшутъ рѣзвые Фауны.
 Пѣвецъ подъ яворомъ лежитъ;
 Вокругъ его Вакханокъ юныхъ
 Толпа безумная шумитъ.

Онъ, снявъ тонкія съ плечъ бѣлыхъ покрывала,
 Колѣни спутали поэту моему,
 И винограда сокомъ алымъ
 Лице забрызгали ему.

«Эванъ, эвоэ! Бейте въ бубны!
 «Богъ винограда отомщенъ!
 «Пѣвецъ надменный побѣжденъ!»
 И вдругъ въ долину говоръ шумный
 Со всѣхъ подымется сторонъ:
 «Эванъ, эвоэ! Слава, слава!
 «Вакхъ побѣдителемъ грядетъ!
 «Во вѣки Вакхова держава
 «Какъ плющъ зеленый да цвѣтетъ!
 «И слава мирному атлету!
 «Онъ въ битву доблестно вступилъ.
 «Вънчайте гроздіемъ поэта!
 «Его неслетный побѣдилъ!»

М. СОРОКИНЪ.

П Р О З А.

Т Р И Ж Е Н И Х А.

П Р О В И Н Ц И А Л Ы Н Ы Е О Ч Е Р К И.

I.

Тому назадъ, — такъ точно! — не болѣе двухъ или трехъ лѣтъ..... Но прежде чѣмъ я расскажу вамъ эту исторію, мнѣ хочется спросить васъ, живали ли вы когда нибудь въ провинціи. Не въ деревнѣ, не въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ, но въ губернскомъ городѣ, — среди людей, которые говорятъ съ гордо-стью, и почти всегда на Французскомъ языкѣ, о *сво-емъ* большомъ свѣтѣ, о своемъ хорошемъ и дурномъ тонѣ, даже о разныхъ кругахъ, на которые раздѣляется ихъ общество. Если вы никогда не живали въ этихъ, подчасъ довольно забавныхъ, обрачкахъ нашей матушки Москвы — Бѣлокаменной, и желаете знать хоть поверхностнымъ образомъ, что такое провинціальный городъ, — не двадцать лѣтъ тому назадъ, но теперь, въ наше время, — такъ слушайте.

Далеко отсюда, въ низовомъ губернскомъ городѣ, въ Дворянской Улицѣ, — почти въ каждомъ губернскомъ городѣ есть улица, которую зовутъ «Дворянскою», — возвышается крытый желѣзомъ, двухъ-этажный кирпичный домъ, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ года два тому назадъ вращались въ землю деревянные хоромы, выстроенныя, какъ говорятъ старики, еще до Пугачева. Онъ тянулся въ длину сажень шест-

надцать, не считая двухъ подъездовъ съ холодными сѣнями и небольшою пристройкой, въ которой помещалась Русская баня съ двумя предбанниками. Этотъ домъ занималъ всю глубину обширнаго двора, который съ двухъ сторонъ былъ застроенъ развалившимися службами, а съ третьей отдѣлялся отъ улицы почерпнувшимъ отъ времени рѣшетчатымъ заборомъ. Сзади, къ самому дому примыкалъ большой плодovitый садъ, поросшій высокою травою и почти непроходимый отъ безчисленнаго множества кустовъ колючаго крыжовника, барбариса и смородины. Разумѣется, эти хоромы не были ни окрашены, ни обшиты тесомъ, и на дощатой ихъ кровлѣ росла преспокойно мурава шелковая и пробивались кой-гдѣ укрادкою цвѣты лазоревые.

Однажды, вечеромъ, въ началѣ маія мѣсяца, который, несмотря на восторги нашихъ поэтовъ, почти всегда хуже апрѣля, погода стояла самая осенняя, дождь лилъ какъ изъ ведра, и хотя еще не было восьми часовъ, однако на дворѣ сдѣлалось такъ сумрачно, что въ одномъ изъ оконъ развалинъ, описанныхъ мною, замѣлькалъ огонекъ. Онъ свѣтился въ диванной, въ которой хозяйка, пожилая вдова, статская совѣтница, Анна Степановна Слуккина, сидѣла за ломбернымъ столомъ и раскладывала гранъ-пасансъ: насупротивъ ея, расположась покойно въ широкихъ креслахъ и понохивая табакъ изъ огромной серѣбряной табакерки, сидѣлъ человекъ лѣтъ шестидесяти, въ коричневомъ доггополомъ кафтанѣ, съ бронзовой медалію въ петлицѣ и въ черныхъ плисовыхъ сапогахъ. Къ нимъ спиною, подлѣ раствореннаго окна, стояла миловидная дѣвушка лѣтъ семнадцати, въ простомъ бѣломъ платьѣ. Широкий поясъ со стальной пряжкой обхватывалъ гибкій станъ ея; свѣтлорусые волосы, завитые и убранные à l'enfant, рассыпались густыми кудрями по ея плечамъ,

полнымъ, и бѣлымъ какъ пушистый снѣгъ въ перевозимъ. Попытаюсь, удастся ли мнѣ описать вамъ наружность хозяйки. Не совѣмъ еще увядшее лицо высказывало не болѣе сорока пяти лѣтъ. Большіе черные глаза, довольно правильныя черты, прекрасный цвѣтъ лица, — все это заставило бы подумать каждого, что она была нѣкогда очень хороша собою: но вотъ бѣда, — эти большіе черные глаза походили на красивые фонари безъ свѣчъ, а румяное, ничего не выражающее, лице ея было просто —

бѣло и красно, —

И точно херувимъ на вербѣ восковой!

Впрочемъ я ошибся, сказавъ, что лице ея ничего не выражало: нѣтъ, въ немъ замѣтно было безпрестанное усиліе казаться «горькой, беззащитной вдовою», какое-то подленькое притворное смиреніе, едва прикрывающее невѣжественную спѣсь и чванство провинціальной барыни пятого класса. Эта беззащитная вдова успѣла, по собственнымъ словамъ ея — при помощи Господа Бога и добрыхъ людей, укрѣпить за собою двѣ тысячи душъ покойнаго своего супруга, выиграть три процесса, пустить по міру нѣсколько спроть, разорить вконецъ роднаго брата и выплакать себѣ шесть сотъ рублей пожизненнаго пенсіона.

Самый пошлый мадригалъ щеголя Демутѣ, столкнувшись печально съ самой высокой, творческою мыслию великаго Ньютона или Гердера, не представилъ бы такой рѣзкой противоположности, какую представляло почти безобразное лице пожилаго господина въ коричневомъ кафтанѣ съ румянымъ и правильнымъ лицомъ хозяйки: огромный носъ Николая Ивановича Холмина, — такъ звали этого гостя, — его изрытыя оспой багровыя щеки, его узкіе Калмыцкіе глаза, крутой лобъ, покрытый морщинами,

и въ то же время умъ и веселость, которые блистали въ его маленькихъ стрыхъ глазахъ, и улыбка по временамъ насмѣшливая, но всегда добродушная, и пріятный звукъ голоса, и то, чему пѣть названія, — это неизъяснимое *что-то такое*, что плѣняетъ насъ съ перваго взгляда, — всё это вмѣстѣ составляло одну изъ тѣхъ загадочныхъ фizioномій, которыя нравятся, не спросясь у Эстетики и вопреки всѣмъ условнымъ понятіямъ о красотѣ и безобразіи человѣческомъ.

— Опять не вышло! сказала Анна Степановна, бросивъ съ досадою карты, которыя остались у нея на рукахъ: а все этотъ проклятый валетъ! Нейдетъ, какъ нейдетъ!.... Эй, дѣвка! Дашка!..... поди сюда, подыми платокъ! Возьми, положи карты въ комоду, въ третій ящикъ!..... Да что это, мать моя? Ни-какъ въ корсетъ? Смотри, пожалуй, ужъ и они стали затягиваться!.... Эй, мальчикъ! сними съ свѣчи..... Дуракъ! чуть не погасилъ!.... Варинька!

Дѣвушка въ бѣломъ платьѣ вздрогнула, и обернувшись торопливо къ своей мачихѣ.

— Ну что, мой другъ? продолжала Анна Степановна: дождикъ пересталъ?

— Пересталъ, маменька!

— Такъ на дворѣ прочистилось?

— Прочистилось, маменька!

Въ эту самую минуту проливный дождь загудѣлъ сильнѣе прежняго, и въ сосѣднемъ покоѣ вода, пробивъ оштукатуренный потолокъ, съ шумомъ полилась на полъ.

— Помилуй, матушка! вскричала Анна Степановна: дождь ливня льетъ, а ты говоришь..... Да что ты, ослѣпла чтоль? Эй, мальчикъ! Андрюшка!.... Ну что стоишь? Ведро въ гостиную! Подставить тамъ, гдѣ протекло. Да вѣрно на чердакѣ нѣтъ ушатовъ? Вотъ я васъ, разбойники!.... То-то вдовье дѣло! Обо всемъ изволь сама думать..... Смотри, пожалуй, — прочисти-

лось! дождь пойдет! Да чего жъ ты въ окно-то смотрила, сударыня?

Варинька вспыхнула, и не отвѣчала ни слова, а гость, какъ-будто-бы не нарочно, повернулся, и взглянулъ на окно, подлѣ котораго она стояла. Прямо черезъ улицу, въ небольшомъ домикѣ мелькалъ огонекъ, и, хотя слабо, но вполне, освѣщалъ гусарскій киверъ, небрежно кинутый на окно. Николай Ивановичъ улыбнулся.

— Что это, Анна Степановна? сказалъ онъ, обращаясь къ хозяйкѣ: ни-какъ противъ вашего дома военный постой?

— Да, Николай Ивановичъ! Вонъ въ томъ домикѣ дней пять тому назадъ отвели квартиру гусарскому офицеру..... какъ бинь его?.... Дай Богъ память!.... Да! Тонскому!

— Александру Михайловичу? Отличный молодой человекъ!

— И, батюшка! да что жъ въ немъ отличнаго? Конечно собой онъ молодецъ изрядный, — говорятъ, не пьетъ, въ карты не играетъ: да и то сказать, что ему сердечному проигрывать? Въдь, чай, за нимъ души нѣтъ христіанской, — голъ, какъ соколъ: а какъ поглядишь иногда, такъ, Господи Боже мой, весь облить золотомъ! Ну право фунта три выжиги будетъ! А не бось, дома перекусить нечего. Вотъ то-то и есть! Служилъ бы себѣ, да служилъ, въ пѣхотѣ. Такъ нѣтъ, всѣ въ гусары лѣзутъ!

— Онъ не такъ бѣденъ, какъ вы думаете. Его дядя, Александръ Алексѣичъ Тонской, оставилъ ему небольшое, но прекрасно устроенное, имѣнье.

— Право? А сколько душъ, батюшка?

— Конечно, немного. Душъ тридцать....

— Тридцать душъ! И ты, Николай Ивановичъ, называешь это имѣньемъ?

— Да онъ даютъ безъ малаго двѣ тысячи рублей въ годъ доходу.

— Двѣ тысячи? Ну, батюшка, подлинно несмѣтное богатство!

— Нельзя же всякому, какъ вамъ, Анна Степановна, имѣть тысячъ пятьдесятъ въ годъ доходу. Разумѣется, въ сравненіи съ вами, Тонской бѣдснѣ, но зато какой образованный, воспитанный малой....

— Да, Николай Ивановичъ! Что правда, то правда: воспитанъ хорошо, знаетъ себя и разумѣетъ другихъ. Вотъ хоть со мной: всегда обходится весьма политично, — и, нечего сказать, услужливъ! Пршрое воскресенье, кабы не онъ, такъ не знаю, что было бы со мною: на рукахъ вынесъ изъ собора.

— А что такое съ вами было?

— Вотъ что, батюшка, Николай Ивановичъ. Я, прошлое воскресенье, была, какъ слѣдуетъ всякой христіанкѣ, у обѣдни въ соборѣ; самъ преосвященный изволилъ служить, и, хоть въ трапезѣ было довольно просторно, но зато въ настоящей, а особливо кругомъ амвона, и сказать нельзя, что за давка была. Ну, нельзя же, мой отецъ, статской совѣтницѣ стоять позади Бога-вѣсть кого! Вотъ я, гдѣ бочкомъ, гдѣ локотками, продралась, и стала впереди. Тѣсно, батюшка, душно, а дѣлать нечего, — стою! Вотъ, подѣ конецъ, голова стала у меня кружиться, и начало въ глазахъ зеленѣть, — а я все-таки стою! Когда преосвященный вышелъ съ крестомъ, я, пропусти мимо себя губернаторшу, хотѣла-было по моему чину вслѣдъ за нею, какъ-вдругъ откуда не возмись дворянская предводительница, — шмыгъ изъ подѣ меня, — да шастъ первая впередъ! Коллежская ассессорша!.... Ну, батюшка! хоть я и беззащитная вдова, хоть за меня, круглую сироту, вступиться нѣкому, а ужъ не стерпѣла бы я ни отъ кого такого афрона: и если бѣ это было не въ соборѣ, такъ подняла бы такую аларму, что и Боже

упаси! А тутъ,—дѣлать нечего,—смолчала: да ужъ каково-то было моей душинькѣ! Начало меня подергивать, подкатилось къ сердцу, схватило удушье, и если бѣ не подвернулася этотъ Тонской, дай Богъ ему здоровье, такъ я бы со всѣхъ ногъ грянулася о полъ.

— Знаете ли, Анна Степановна, сказалъ Холминъ, помолчавъ нѣсколько времени: что если бѣ Александръ Ивановичъ Тонской былъ побогаче, такъ этакого жениха поискать!

— Да; если бѣ у него было тысячъ тридцать въ годъ доходу.

— Погодите, будетъ и больше. Онъ отличный офицеръ, служить охотникъ, и пойдеть далеко.

— Статься-можетъ, батюшка! Да вѣдь это еще буки.

— Я увѣренъ, что и теперь любая невѣста въ нашемъ городѣ за него пойдеть.

— Любая не любая, а можетъ-быть и найдутся охотницы. Вѣдь дураковъ и дуръ вездѣ много, Николай Ивановичъ! Ихъ не орутъ, не сѣютъ, а сами родятся.

— Знаете ли что? продолжалъ Холминъ въ полголовы: я иногда думаю — что если бѣ вышла за него ваша Варвара Николаевна?

— Что, что батюшка?

— То-то была бы парочка!

— Эхъ, Николай Ивановичъ, охота тебѣ такой вздоръ говорить!

— Почему же, вздоръ? Онъ не богатъ, зато у васъ прекрасное состояніе.

— Что ты, что ты? Перекрестись, батюшка! Тридцать душъ!.... Да этакъ всякой однодворецъ женихъ моей падчерицы.

— Такъ, Анна Степановна, такъ, не спору: по состоянію, Тонской не женихъ Варинькѣ; но если бѣ онъ успѣлъ ей поправиться.....

— Что? поправиться?...безъ моего вѣдома?...Да если бѣ она смѣла подумать объ этомъ! Если бѣ только заик-

пулась! Да сохрани се Господи! Да развѣ она можетъ выступить изъ моей воли? Развѣ не я ея опекуншею? Да хоть бы за нее вся родня вступилась! Да хоть бы самъ покойникъ всталъ изъ гроба!....

— Ну полно-те, матушка, полно-те, не сердитесь! Въдь это одинъ только разговоръ.

— Добро бы еще онъ былъ въ чинахъ, — четвертаго или пятаго класса: а то простой офицерикъ, нищій... Да чему же ты смеешься, батюшка?

— А тому, что мнѣ удалось васъ разсердить. Эхъ, матушка, Анна Степановна, ну, какъ вы могли подумать, чтобъ я сталъ сватать не-шутя вашу Вариньку, мою крестную дочь, за какого-нибудь гусарскаго поручика, съ тридцатью ревнжскими душами, потому только, что онъ уменъ, молодецъ собою, добрый малой?

— Ну то-то же, мой отецъ! А то было я совсѣмъ перепугалась. Да и я дура! какъ-будто-бы не знаю, что ты всегда подшучиваешь. А мнѣ бы надобно съ тобой о серьезномъ поговорить, батюшка: да вотъ видишь ты какой, — опять начнешь балагурить! Варинька! Что ты мой другъ, нѣ забыла, что мы сегодня съ визитами ѣдемъ? Поди, матушка, надѣнь свое гриденевое платье..... Ну, что стоишь? Ступай, сударыня! Теперь, Николай Ивановичъ, поговоримъ-ка о дѣлѣ.

— Поговоримте, Анна Степановна.

— Охъ, дѣти, дѣти! продолжала хозяйка, смотря вслѣдъ за уходящей Варинькой. Сколько съ ними горя и хлопотъ! Вотъ, говорятъ, мачихи не заботятся о своихъ падчерицахъ: не правда, мой отецъ! Видитъ Господь Богъ, — только и думаю о томъ, какъ бы пристроить Вариньку. Ты человѣкъ умный, батюшка, — посоветуй мнѣ: что ты, родной мой, скажешь, такъ тому и быть.

— Даже и тогда, Анна Степановна, когда мой советъ будетъ не согласенъ съ вашей волею?

— И, батюшка! Да развѣ у меня есть какая-нибудь воля? Что скажутъ добрые люди, то и дѣлаю. Вотъ изволишь видѣть: твоя крестная дочка ужъ на возрастѣ.

— А что, развѣ вы хотите ее выдать замужъ?

— Пора, мой отецъ. Вѣдь ужъ ей скоро семнадцать лѣтъ.

— Да это что еще за годъ, Анна Степановна!

— Полно, полно, Николай Ивановичъ! Я сама по четырнадцатому году за перваго мужа вышла замужъ: такъ что тутъ говорить! Да и не объ этомъ рѣчь.

— А что, развѣ кто-нибудь сватается?

— Кто-нибудь, повторила съ гордой улыбкою хозяйка. — Нѣтъ, батюшка! продолжала она, поправляя свой чепецъ: женишки-то давно уже около насъ увиваются, и въ старину бы мнѣ отъ свахъ отбою не было. Вотъ теперь дѣло другое: за это ремесло взялись наши сестры дворянки. Да полно, лучше ли? Бывало отъ свахи узнаешь всю подноготную, отберешь все до копѣечки, и коли замѣтишь, что она начала лисой лисить да переминаться, такъ ее, голубушку мою, въ три шеп со двора долой: вѣдь дѣло-то было торговое. А теперь прошу покорно! Сама губернаторша прѣдетъ сватать; съ ней много говорить не станешь; вѣрь на честное слово. «У такого-де, сударыня, тысячу душъ, да столько-то доходу, да то, да сѣ.» А попробуй сказать — Нельзя ли матушка, ваше превосходительство, документики сообщить? — такъ пойдутъ исторіи, претензіи, разстанешься всегда домами, и нашей сестрѣ, беззащитной вдовѣ, отъ этой губернаторши и всѣхъ ея прихвостницъ житья не будетъ.

— А что, развѣ губернаторша дѣлала вамъ предложеніе?

— Вотъ то-то и есть, батюшка! Она говорила мнѣ о своемъ племянникѣ.

— Объ Иванѣ Степановичѣ Вельскомъ?

Т. X— Отд. I.

— Да, Николай Ивановичъ! Я ужъ давно замѣтила, что этотъ 'отставной камеръ-юнкеръ имѣетъ виды на мою Вариньку. Конечно, онъ человѣкъ порядочный, — слишкомъ тысячу душъ, — прекрасный домъ, отличная услуга, музыка, — все это хорошо, — да вотъ о чемъ его тетушка не разсудила со мной распространиться: говорить, что у него до пяти сотъ тысячъ рублей долгу, такъ это почти все равно, что онъ ничего не имѣетъ.

— Слѣдовательно вы ему отказали?

— Ужъ тотчасъ и отказать! Погоди, батюшка; пусть посватается порядкомъ. Вѣдь его тетушка стороной только мнѣ объ этомъ намѣкала. Вотъ какъ онъ сдѣлаетъ формальное предложеніе и весь городъ будетъ знать, что онъ ищетъ въ Варинькѣ, такъ успѣю еще и тогда. Небольшая бѣда, если стануть говорить, что у нея много жениховъ было.

— Такъ какого же, матушка, вы просите у меня совета?

— А вотъ постой, мой отецъ: это еще одинъ женихъ.

— А кто жъ другой?

— Алексѣй Андреевичъ Зоринъ.

— Предсѣдатель гражданской палаты?

— Да, батюшка.

— Пожилый вдовецъ....

— Да, батюшка.

— Съ большою семьею....

— Такъ что жъ?

— Да кстати ли ему свататься за Вариньку? Онаему въ меньшія дочери годится.

— Это ничего, Николай Ивановичъ! И мой покойникъ былъ вдвое меня старше. Да вотъ что худо: вѣдь у него наслѣдственного имѣнья нѣтъ, а все благопріобрѣтенное! Куплено было на имя покойной жены; такъ онъ изъ него только и можетъ взять законную седьмую часть, то есть, много много дунѣ сто. Конечно, онъ человѣкъ умный, нажилъ бы еще: да вре-

мена-то не тѣ; батюшка! Ко всему придираются! Судья возьметъ по дружбѣ какой-нибудь подарочекъ, а его назовутъ взяточникомъ. Не бери ничѣмъ, ни деньгами, ни натурой: да этакъ скоро вовсе служить нельзя будетъ!

— И, матушка, Анна Степановна, ну, что Господа Бога гнѣвить! И теперь еще такъ-то себя деревеньки и домики наживаютъ, что на-поди!

— Да, не бось, ты скопилъ имѣньяце? Шестъ лѣтъ былъ дворянскимъ предводителемъ, сколько разъ за-сѣдалъ въ рекрутскомъ присутствіи: а что нажилъ?

— Да покамѣстъ честное имя, Анна Степановна.

— Честное имя! Да вѣдь честное-то имя доходу не дать; его ни продать, ни въ Опекунской Совѣтъ заложить нельзя: такъ съ нимъ далеко не уѣдешь. А сверхъ-того вы всѣ честные люди — гордецы, а гордымъ Богъ противится..... Ну что ухмыляешься?

— Радуюсь, матушка, Анна Степановна, что вы такъ хорошо знаете и такъ ловко толкуете Священное Писаніе.

— Да что объ этомъ говорить! Всякой молодецъ на свой образецъ. Скажи-ка лучше, что мнѣ дѣлать? Я сама вижу, что Зоринъ не женихъ Варинькѣ.

— Такъ откажите ему.

— А про мое тяжёбое дѣло-то, батюшка, ты вѣрно забылъ?

— Нѣтъ, помню. Такъ что жъ?

— А то, что коли испортятъ его здѣсь въ палатѣ, такъ еще Богъ-вѣсть поправишь ли въ Москвѣ. Нѣтъ, мой отецъ, успѣю ему отказать и тогда, какъ дѣло будетъ рѣшено въ мою пользу.

— Ну вотъ ужъ два жениха забраковано. Нѣтъ ли еще третьяго?

— Есть, Николай Ивановичъ, есть женишекъ! Да и дѣло-то почти совсѣмъ слажено.

— Вотъ что? Какъ же мнѣ Варинька ничего объ этомъ не намѣкнула?

— Да она еще сама не знаетъ.

— Право? Такъ вы заранѣе увѣрены, что этотъ женихъ ей понравится!

— Какъ ему не понравиться, батюшка? Вѣдь у него, — легко вымолвить, — четыре тысячи душъ.

— Четыре тысячи? Такъ это.....

Князь Владиміръ Ивановичъ Верхоглядовъ. Что, батюшка, каковъ женишекъ!

— Да хорошо ли вы знаете этого человѣка?

— Я знаю, батюшка, навѣрное, что у него четыре тысячи душъ и ни копейки долгу.

— Конечно, послѣ этого и говорить нечего. Вотъ если бы у него не было ста тысячъ въ годъ дохода....

— Полтора ста, батюшка.

— Неужели?.... Смотри, пожалуй! Такъ что жъ это говорятъ, будто онъ самый пустой человѣкъ; будто у него нѣтъ ни какихъ правилъ; будто онъ на словахъ сумасшедшій либераль, а на дѣлѣ трехъ-бунчужный паша; будто онъ толкуетъ безпрестанно о потребности вѣка, о вышнихъ взглядахъ, о правахъ человѣчества, и разоряетъ своихъ крестьянъ; будто у него давно уже умъ за разумъ зашелъ, и что, рано или поздно, ему не миновать опеки?

— И, что ты, мой отецъ! Да развѣ отдають подъ опеку людей, у которыхъ полтора ста тысячъ въ годъ дохода и ни копейки долгу?

— Вотъ то-то и есть. Говорятъ также, что будто-бы у него такой причудливый и скверный характеръ, что съ нимъ ужиться нѣтъ ни какой возможности.

— Вздоръ, батюшка, вздоръ! То же самое говорили и про моего покойника: да вѣдь жили же мы кое-какъ? Ну конечно, — какъ безъ того? — бывало, пошумимъ, погрыземся, а все таки онъ, — дай Богъ ему царство небе-

сное, сдѣлаетъ какъ сдѣлаетъ по-моему. Правильный мужъ не бѣда, мой отецъ: лишь только не поддавайся, да кричи громче его, такъ все пойдетъ своимъ чередомъ.

— Правда, Анна Степановна, правда: это самый лучший способъ жить въ ладу съ мужемъ. Дурака зпугаешь, умному надѣвшь, такъ и тотъ и другой будутъ поневолю дѣлать все, что жена захочетъ. Да Варинька-то, кажется, у насъ не такого характера: она уступчива, добра, самого кроткаго нрава.....

— Перемѣнится, мой отецъ, переменится. Въдѣ пужда чему не научить!

— Конечно, Анна Степановна, конечно. Да и материнскіе ваши совѣты, быть-можетъ, на нее подѣйствуютъ. Такъ, это дѣло кончено: племяннику губернаторши Вельскому.....

— Я ничего рѣшительнаго не сказала; однако же, признаюсь, надеждою польстила.

— Предсѣдателю палаты, Зорину.....

— Его поневолю приголубливаю, батюшка: вотъ такъ изрѣдка намѣки дѣлаю, обинячки говорю.

— А князю Владиміру Ивановичу Верхоглядову?

— И ему еще формальнаго слова не давала.

— То есть, вы обнадежили разомъ трехъ жениховъ?

— Эхъ, батюшка, батюшка, да когда же мнѣ и поломаться-то какъ не теперь? Пока я не совсѣмъ еще порѣшилась, такъ мнѣ житье-то славное. Посмотри въ собраніи, на балахъ, кому такой почетъ, какъ мнѣ? Одинъ слугу отыщеть, другой салонъ подастъ, третій съ лѣстницы сведетъ: не успѣешь откланиваться. А какъ въ вистикъ-то съ ними засяду, батюшка, въ вистикъ! Житье да и только! Ренонсъ сдѣлаю, — никто не видитъ; безъ двухъ фигуръ сочту четыре онѣра, — молчатъ. И даже этотъ скопидомъ, Зоринъ, не заикнется сказать, что я ошиблась. О! ужъ объ этомъ не говорю, сколько другихъ прочихъ мелкихъ женишковъ мнѣ въ

глаза-то забѣгаютъ: ну такъ и рвутся одинъ передъ другимъ, чтобъ мнѣ услужить!

— Не спорю, Анна Степановна: теперь вамъ весело, да весело ли будетъ тогда, какъ женихи узнаютъ, что вы ихъ дурачили.

— Такъ что жъ, батюшка? Посердятся, посердятся, да будутъ таковы. Одинъ Алексѣй Андреевичъ Зоринъ могъ бы мнѣ хлопотъ надѣлать, если бъ узналъ объ этомъ: да, къ счастью, дѣло мое слушаютъ на будущей недѣль. Ты сама знаешь, батюшка, — резолюціи перемѣнить нельзя: такъ что жъ мнѣ помѣшаетъ тогда выдать Вариньку за князя Владиміра Ивановича?

— Хорошо разочтено, Анна Степановна! Вы только забыли одно, что отъ этого можетъ пострадать репутація вашей дочери.

— А это какъ, батюшка?

— Да такъ: станутъ говорить, что Варинька сама заводила всѣхъ жениховъ, что она съ ними кокетствовала, что обманывала съ вами за одно. Мало ли что злость можетъ придумать!

— Помилуй, да съ чего бы это взяли?

— Знаю, Анна Степановна, что въ этомъ и на волосъ не будетъ правды: по зачѣмъ давать поводъ къ злословію? Вѣдь клевета какъ уголь, — не обожжетъ, такъ замараешь.

— И, полно, мой отецъ! Стану я бояться всѣхъ людскихъ рѣчей. Да мало ли что и про меня грѣшную говорили: и обобрала-то я покойнаго моего мужа, и пустила по міру роднаго брата, да и Богъ-вѣсть что! Всего, батюшка, не переслушаешь. А! вотъ и Варинька. Ну, что одѣлась, мой другъ?..... Побудь покамѣстъ съ твоимъ крестнымъ, а я пойду, и сама принаряжусь. Пора тѣхъ съ визитами.

Варинька, оставшись одна съ крестнымъ отцомъ своимъ, сѣла подлѣ него, и, не говоря ни слова, не смѣя поднять глаза, перебирала въ рукахъ концы

своего газового эшарпа. Щеки ея то пылали, то покрывались блѣдностью. Холминъ также молчалъ. Онъ смотрѣлъ съ нѣжностью и примѣтнымъ состраданіемъ на блѣдную дѣвушку, которая нѣсколько разъ пыталась начать разговоръ, но каждый разъ чувствовала такое сильное замираніе сердца, что слова исчезали на устахъ ея. — Бѣдненькая! сказалъ наконецъ Холминъ, положивъ руку на ея плечо. — Варинька подняла глаза, взглянула робко на своего крестнаго отца, и бросилась къ нему на шею.

— Ну что, мой крестный папенька? прошептала она едва слышнымъ голосомъ: говорил ли вы?

— О чемъ, мой другъ?

— Ну.....о томъ.

— О томъ? повторилъ съ улыбкою Холминъ. Нѣтъ, мой ангелъ, я ничего не говорилъ *о томъ*.

— Не правда! Вы что-то говорили; я слышала сама, что вы называли его по имени.

— Да о комъ ты говоришь, Варинька?..... Ну полно, полно, не гнѣвайся! Да, мой другъ, я говорилъ объ немъ.

— Ну что жъ маменька?

— И слышать не хочу.

— Ахъ, Боже мой!

— Она рѣшилась выдать тебя замужъ за князя Владиміра Ивановича.....

— Что вы говорите? вскричала съ ужасомъ Варинька.

— Чего жъ ты испугалась, мой другъ? Не бойся, на святой Руси насильно никого не вѣщаютъ. Послушай, моя душа. Ты ужъ не ребенокъ, и должна иногда думать о будущемъ. Ты любишь Тонскаго, и онъ достоинъ этого счастья. Но у князя полторасти тысячъ въ годъ дохода, а Тонской почти ничего не имѣетъ. Ты также, мой другъ, безъ всякаго состоянія, или, что почти одно и тоже, оно совершенно зависить отъ твоей мамихи. Покойный твой батюшка былъ человѣкъ ис-

тинно добрый, но подъ старость такъ ослабѣлъ и тѣломъ и душою, что не имѣлъ рѣшительно собственной своей воли. Ты знаешь, Варинька, что всѣмъ его имѣньемъ владѣть по жизни Анна Степановна, и что хотя по духовной покойнаго ты имѣешь право требовать въ приданое за собою тысячи душъ, но только тогда, когда выйдешь замужъ за того, кого она сама назначитъ: въ противномъ случаѣ, одно только добровольное ея прощеніе можетъ возвратитъ тебѣ это право. Теперь ты видишь, мой другъ, что у тебя нѣтъ. Анна Степановна никогда не согласится выдать тебя замужъ за Тонскаго, и никогда не проститъ тебя, если ты выйдешь за него противъ ея воли.

— Ахъ, Боже мой, да какая ей прибыль, если я выду за этого князя?

— Пребольшая, мой другъ. Засадить тебя вѣчно въ дѣвкахъ она не можетъ: это было бы уже слишкомъ явнымъ и слишкомъ гнуснымъ доказательствомъ ея жадности. Ты сирота: правительство можетъ взять тебя подъ свою защиту, а сверхъ-того и самые бездушные люди боятся общаго мнѣнія. Князь Владиміръ Ивановичъ беретъ тебя безъ приданого: я это знаю, хотя почтенная Анна Степановна заблагоразсудила умолчать объ этомъ, говоря со мною. Теперь видишь ли, мой другъ.....

— Такъ что жъ? перервала съ живостью Варинька: неужели вы думаете, что Тонской не откажется также отъ моего приданого? .

— О, я не сомнѣваюсь въ этомъ!

— И развѣ богатство можетъ сдѣлать наше счастье?

— Не о богатствѣ рѣчь, мой другъ. Полтора ста тысячъ въ годъ доходу не сдѣлаютъ тебя ни на волосъ счастливѣе; но бѣдность.... Ахъ, Варинька, Варинька, мы живемъ не въ Аркадіи! Кустъ розановъ, шалашъ и милый другъ, — все это прекрасно въ романсѣ, который ты

поешь, сидя за фортепiano; но въ шамашъ и холодно и тѣсно; розы цвѣтутъ только вееною; милый другъ не вѣчно будетъ ворковать подлѣ тебя: онъ захочетъ ѣсть, ты также, а тамъ-семья, дѣти.... Нѣтъ, мой ангелъ, если счастье наше не веегда бываетъ ельдствиемъ хорошаго состоянія, по-крайней-мѣръ оно помогаетъ намъ еносить терпѣливѣе вѣе житейскія гореетт и напасти, которыя при бѣдности становятся ееще неспоееѣе. Подумай хорошенъко: еели ты выдешъ за князя, то вѣе желанія твои, вѣе прихоти будутъ неполняться. Ты очень молода, мой другъ: тебя ееще, безъ вейкаго еомнѣнія, плѣняютъ и щегольекой экипажъ, и модныя платья, и тысячи другихъ блеетящихъ бездѣлокъ, которыя стоятъ такъ дорого, хотя и не служатъ ни къ чему. Придетъ время, когда вее это тебѣ надоѣстъ, не епорю; но пока ееще лѣта и горькій опытъ не отбучатъ тебя забавляться этими игрушками възрослыхъ людей, ты етанешь тосковать объ нихъ. Сколько разъ ты будешь плакать отъ зависти и доеады, еравнивая свой простинъкой Московской буръ-де-суа еъ какимъ-нибудъ Колокольцевекииъ платкомъ или Турецкой шалью прежней твоей подруги, ветрѣчая на каждомъ шагу знакомыхъ, которые етанутъ давить тебя евоимъ богатетвомъ и роскошью! Ты поневоле сдѣлаетя подозрительною; дружба богатыхъ людей будетъ тебѣ казаться обиднымъ покровительствомъ, а каждое лаековое елово милоетиноу, ксторую подають тебѣ изъ еостраданія. Что, если тогда, ветревоженное твое самолюбіе и эта тяжкая необходимость отказывать себѣ почти во всемъ раехолодятъ прежнюю любовь твою? Что, еели ты начнешъ горевать отомъ, что не вышла за богатаго князя, и бѣдный мужъ твой отгадаетъ наконецъ причину этой горести?...

— Мужъ мой? перервала еъ жаромъ обиженная дѣвушка: тотъ, кого выбрало мое сердце? И вы можете такъ дурно думать о вашей крестной дочери? Щегольской экипажъ? Турецкая шаль? Боже мой!.... да!

и я стала бы плакать о Турецкой шали, если бы въ ней показалась милѣ моему мужу; и я стала бы завидовать богатому экипажу, когда бы могла имъ потѣшить моего мужа; но желать всего этого для себя, грустить, что богатый мужъ не закутаетъ меня какъ куклу въ Турецкія шали, горевать о томъ, что я не принадлежу этому князю, котораго ненавижу..... Да, да!..... ненавижу.....

— Да за что же, мой другъ?

— Зато, что онъ хочетъ быть моимъ мужемъ! И вы могли мнѣ совѣтовать?....

— Я ничего тебѣ не совѣтую. Когда дѣло идетъ объ участи цѣлой жизни, тогда трудно, мой другъ, совѣтовать. Впрочемъ, если любовь твоя къ Тонскому не одно только минутное предпочтеніе, не кака-нибудь романтическая, безотчетная страсть, но искренняя, душевная привязанность, то, безъ всякаго сомнѣнія, съ нимъ и бѣдность будетъ для тебя счастьемъ. Но прежде, чѣмъ ты рѣшительно откажешься отъ супружества, которое свѣтъ сталъ бы называть блестящимъ, я долженъ былъ описать тебѣ всѣ невыгоды твоего замужства съ человѣкомъ небогатымъ. Тебѣ самой никогда бы не пришло въ голову и подумать о вашемъ будущемъ домашнемъ бытѣ, о необходимомъ прожиткѣ, о расходѣ и приходѣ, однимъ словомъ о всемъ томъ, что господа поэты называютъ земнымъ и прозаическимъ, но безъ чего и поэзія становится подчасъ прескучною прозою. Теперь я исполнилъ мою обязанность, и если безпрерывныя лишенія и бѣдность тебя не пугаютъ, если любовь точно можешь для тебя замѣнить все, вотъ тебѣ рука моя, — ты будешь женою Тонскаго. Не богатъ, Варинька, но все, что имѣю, будетъ принадлежать вамъ..... Не благодарю меня, мой другъ. Я былъ искреннимъ пріятелемъ отца твоего и люблю тебя какъ родную дочь. Покойный твой батюшка, умирая на

рукахъ моихъ, повидимому раскаялся въ своемъ необдуманномъ поступкѣ: но духовной переменить было уже невозможно. За нѣсколько минутъ до своей кончины, онъ крѣпко сжалъ мою руку, и устремилъ свой потухающій взоръ на твой портретъ, который висѣлъ надъ его изголовьемъ. Онъ не могъ уже говорить, но я понялъ его, — и мой бѣдный, обманутый другъ умеръ спокойно: онъ зналъ, что дочь его не останется круглой сиротою.....

Варинька опустила голову на плечо крестнаго отца своего, и горько заплакала.

— Полно, полно, мой другъ! сказалъ Холминъ. Ты и такъ довольно погорѣвала.—Ба, ба, ба! да ни-какъ и я расплакался? продолжалъ онъ, утирая глаза. Куда мнѣ это должно быть къ лицу!..... Послушай, мой другъ. Хорошій генералъ никогда не считаетъ себя побитымъ до тѣхъ поръ, пока не истощитъ всѣхъ средствъ, чтобъ вырвать побѣду изъ рукъ непріателя. Ты выйдешь за Тонскаго, это рѣшено; но если въ тоже время и состояніе ваше будетъ обезпечено, такъ, кажется, это ничего не испортитъ.

— Да вы сами говорите, что Анна Степановна никогда не согласится....

— Безъ всякаго сомнѣнія, не согласится. Но дѣло не въ томъ, чтобъ она была твоей посаженной матерію, а только бы, послѣ свадьбы, васъ простила. У меня кой-что бродитъ въ головѣ. Что если бы.....? Почему же нѣтъ! — А какъ бы это было забавно! при-молвилъ Холминъ, и глаза его, выражавшіе за минутою глубокую чувствительность, заблестали веселостію. — Но вотъ, кажется, Анна Степановна кончила свой туалетъ, продолжалъ Николай Ивановичъ. Вы ѣдете сегодня съ визитами: я также сдѣлаю завтра поутру нѣсколько визитовъ, и можетъ-быть..... Но впередъ загадывать нечего. Прощай, Варинька. Прощай, мой другъ!

II.

На другой день Николай Иванович Холминъ, часу въ девятомъ утра, надѣлъ свой коричневый кафтанъ, накрылъ голову бѣлымъ пуховымъ картузомъ, и, опираясь на высокую «натуральную» трость съ костянымъ набалдашиникомъ, отправился пышкомъ, — сначала въ домъ председателя гражданской палаты, Алексѣя Андреевича Зорина. Но прежде, чѣмъ я открою читателямъ причину его посѣщенія, мнѣ должно ихъ предъувѣдомить, что вмѣсто разсказа я намѣренъ предложить имъ для прочтенія, нѣсколько отдѣльныхъ драматическихкихъ сценъ изъ этой комедіи, которую мы называемъ «Общественною жизнію», и которая, глядя по тому, какъ на нее смотришь, и забавна и скучна, и смѣшна и печальна, а иногда, — не погнѣвайтесь, — не только вовсе не утѣшительна, но даже гадка и возмущаетъ душу. Можетъ-быть, я ошибаюсь; но мнѣ кажется, что эта глава будетъ мнѣ утомительна, если я дамъ ей форму совершенно драматическую. *А посему*, прерывая мой разсказъ, прошу почтенныхъ читателей превратиться въ почтеннѣйшихъ зрителей, и вообразить, что передъ ними театральная помость, на которомъ происходитъ *ниже* слѣдующее:

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Довольно опрятная комната, оклеенная зелеными обоями. По стѣнамъ висятъ эстампы въ потерпѣвшихъ золоченыхъ рамкахъ, шпала безъ темляка и шляпа съ бѣлымъ плюмажемъ. Между двухъ оконъ, покрытый краснымъ сукномъ столъ, заваленный бумагами. Въ одномъ углу нѣсколько полокъ съ толстыми книгами. Передъ столомъ широкія кресла, обтянутыя черной кожей, которая прибита по краямъ кругомъ гвозди съ мѣдными головками. На креслахъ сидитъ Алексѣй Андреевичъ Зоринъ, въ Бухарскомъ халатѣ, тафтяномъ зеленомъ наглазникѣ, и красныхъ, шитыхъ золотомъ, сапожкахъ. Подлѣ него съ бумагами стоитъ секретарь.

ЗОРНИНЪ (подписавъ одну бумагу).

Ну что, Андрей Пахомычъ, что говорятъ присутствующіе о дѣлѣ Анны Степановны Слукиной? Вѣдь оно на будущей недѣлѣ пойдетъ въ докладъ.

СЕКРЕТАРЬ.

Да что, ваше высокородіе! Совѣтникъ все-еще ломается. Ни какихъ резоновъ не принимаетъ! А когда я сталъ ему докладывать, что, въ силу сепаратнаго указа, тысяча семьсотъ восемьдесятъ перваго года, можно дать резолюцію въ пользу челобитчицы, вдовы, статской совѣтницы Слукиной, такъ онъ наговорилъ мнѣ столько, что и сказать нельзя: и новые, дискать, указы уничтожаютъ силу предъидущихъ, и случайное — де измѣненіе закона, сдѣланное не въ примѣръ другимъ и въ пользу одной особы, не можетъ служить основаніемъ для судейскаго приговора, и то, и сѣ. Вотъ я-было намѣкнулъ ему, что штрафа бояться нечего, — во-первыхъ потому, что палата во всякомъ случаѣ можетъ отозваться, что судила по крайнему своему разумѣнію, — а во-вторыхъ потому, что всякое денежное взысканіе будетъ обезпечено со стороны просительницы: но лишь-только я это вымолвилъ, какъ онъ закричитъ, Господи, Боже мой! Вѣрите ль, ваше высокородіе?.... не зналъ, куда дѣваться.

ЗОРНИНЪ.

Чудакъ!..... Хорошо, хорошо. Я съ нимъ самъ объ этомъ поговорю. (*Дверь изъ лакейской потихоньку растворяется*). Кто тамъ?

СЕКРЕТАРЬ.

Андрюшка сапожникъ.

АНДРЮШКА (въ синемъ сюртукѣ и кожаномъ фартукѣ. Въ одной рукѣ шило, въ другой сапожное голенище).

Николай Ивановичъ Холмнинъ.

ЗОРНИНЪ.

Проси. А ты, братецъ, Андрей Пахомычъ, подожди покаместъ въ столовой. Быть-можетъ у насъ завяжется серьезный разговоръ. Вѣдь онъ крестный отецъ Варвары Николаевны.

(Секретарь кланяется, и выходитъ въ боковыя двери).

ХОЛМНИНЪ (входя въ комнату).

Здравствуйте, Алексѣй Андреевичъ!

Зоринъ (идя къ нему на встрѣчу).

А, почтеннѣйшій! Добро пожаловать! Какими судьбами?...
Прошу покорно! (*подвигаетъ стулъ*).

Холминъ (сядаясь).

Давно хотѣлось съ вами повидаться. Ну что? Какъживаете?

Зоринъ.

Плохо, батюшка, Николай Ивановичъ, плохо! Когда хозяйки нѣтъ въ домѣ, такъ какое житье.

Холминъ.

Хозяйки нѣтъ, — такъ что жъ? Вы, Алексѣй Андреевичъ, не въ такихъ еще годахъ, чтобъ вамъ оставаться вдовцомъ. Я думаю, вамъ и пятидесяти нѣтъ.

Зоринъ.

Да; съ небольшимъ.

Холминъ.

Такъ зачѣмъ же дѣло стало? Неужли за невѣстою?

Зоринъ (улыбаясь).

Невѣста быть-можетъ найдется.....

Холминъ.

Вотъ что? Поздравляю! А кто, если смѣю спросить?

Зоринъ.

Полноте, почтеннѣйшій! Полноте подшучивать! Чай, вы давнымъ-давно знаете.

Холминъ.

Право нѣтъ.

Зоринъ.

Да перестаньте! Какъ вамъ не знать? Вы у нихъ чело-вѣкъ свой.

Холминъ.

У кого, Алексеѣй Андреевичъ?

Зоринъ.

Да хоть у Анны Степановны.

Холминъ.

Слукиной? Такъ вы на ней хотите жениться?....

Зоринъ.

И, нѣтъ батюшка! Анна Степановна ни за кого не пойдетъ замужъ. Да и на что ей? Вотъ дѣло другое — дѣвица безродная, безъ отца, безъ матери.....

Холминъ.

Какъ! Такъ дѣло-то идетъ о моей крестной дочери?

Зоринъ.

Что жъ вы этому такъ удивились, Николай Ивановичъ? Конечно, мы съ ней не ровни.....

Холминъ.

И, что вы? Не о лѣтахъ рѣчь. По мнѣ, чѣмъ старѣе мужъ, тѣмъ лучше. Да и чего ждать путнаго, если бъ такой ребенокъ, какъ Варинька, вышла замужъ за какого-нибудь мальчишку!

Зоринъ.

Конечно, конечно!

Холминъ.

Когда дѣвушка по сиротству, или какой ни есть другой причинѣ, выходитъ прежде двадцати лѣтъ замужъ, такъ ей надобно мужъ не вѣтрогонъ, не слѣтокъ какой-нибудь, а человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ, опытный и благоразумный.

Зоринъ.

Совершенная правда.

Холминъ.

Хороши мужъ и жена, которые оба еще въ куклы играютъ! Въдь страсть — пустое дѣло, Алексѣй Андреевичъ. И къ молодому и къ старому мужу приглядишься. Любовь пройдетъ, а дружба и уваженіе остаются.

Зоринъ.

Правда, истинная правда!

Холминъ

Нѣтъ, батюшка, я знаю, какой мужъ ей надобенъ. Человѣкъ умный (*Зоринъ кланяется*), солидный, (*Зоринъ кланяется*); который не станетъ учиться, а другихъ можетъ поучить, какъ домъ вести (*Зоринъ кланяется*); который ея приданого не промотаетъ, да и своего имѣнья не прожить (*Зоринъ ухмыляется*); по милости котораго жена будетъ занимать не послѣднее мѣсто въ губерніи (*Зоринъ бросаетъ довольный взглядъ на свою шляпу съ бѣлымъ плюмажемъ*); который могъ бы въ одно и то же время быть ея супругомъ и наставникомъ. Однимъ словомъ, такой мужъ какъ вы, Алексѣй Андреевичъ!

Зоринъ. (*кланяясь и пожимая руку у Холмина*).

Помилуйте!.... Мнѣ право совѣстно! Такъ вы не прочь отъ этого?

ХОЛМИНЪ.

Кто? я? Да если бы это отъ меня зависѣло, такъ я и думать бы не сталъ; но вы знаете, что ея мачиха.....

ЗОРИНЪ. (улыбаясь)

Съ пей-то мы какъ-нибудь поладимъ.

ХОЛМИНЪ.

Право? А что, развѣ ужъ объ этомъ рѣчь была?

ЗОРИНЪ.

Какъ же! Сначала мы говорили все обвиняками, да намѣки другъ другу дѣлали; а третьяго дня я просто, напрямки сказалъ.

ХОЛМИНЪ.

Ну, что жъ она?

ЗОРИНЪ.

Почти слово дала; только просила пообождать и до-времени не говорить никому.

ХОЛМИНЪ.

Вотъ что? Ай-да Анна Степановна!.... Ну!!!

ЗОРИНЪ.

А что такое?

ХОЛМИНЪ.

Такъ, ничего! Что мнѣ въ эти сплетни мѣшаться! Когда они отъ меня секретничаютъ, да не хотятъ со мною посоветоваться, такъ мое дѣло сторона.

ЗОРИНЪ.

Да что жъ вы такое знаете?

ХОЛМИНЪ.

Что я знаю?.... (*Помолчавъ нѣсколько времени*) Послушайте, Алексѣй Андреевичъ. Мнѣ васъ учить нечего, а на вашемъ мѣстѣ я зналъ бы, какъ поступить. Всѣ эти секреты да отсрочки ни къ чему не ведутъ. Я настоятельно бы сталъ требовать помолвки, да не по-домашнему, а публично, торжественно, чтобъ весь городъ зналъ, что вы женитесь на Варинькѣ. И мальчишкѣ лѣтъ въ двадцать остаться съ носомъ вовсе не забавно: а какъ нашему брату, пожилому человѣку, забрѣютъ затылокъ, такъ признаюсь!....

ЗОРИНЪ.

Забрѣютъ затылокъ?.... Такъ вы полагаете, что Анна Степановна изволить надо мной потѣшаться?

ХОЛМИНЪ.

Я не говорю этого. И какъ подумаешь, такъ на что-бы, кажется, сй васъ обманывать?... Э! да вѣдь у ней ссть тяжбное дѣло, и если оно должно скоро рѣшиться.....

ЗОРИНЪ.

Ну, нѣтъ еще! Очсреди не за нимъ. А позвольте васъ спросить: развѣ у ней ссть еще какіе-нибудь женишки на примѣтъ?

ХОЛМИНЪ.

Женихъ? Да въ нашемъ городѣ, кажется, жениховъ довольно. Вотъ хоть Иванъ Степановичъ Вельской.

ЗОРИНЪ.

Э, э, э! губернаторской племянникъ!

ХОЛМИНЪ.

Да этого также обракуютъ. (*Поглядѣвъ вокругъ себя, и въ полголоса*) А развѣ князь Владиміръ Ивановичъ.....

ЗОРИНЪ.

О, о! Вотъ что? Такъ и онъ также сватается за Варвару Николаевну.

ХОЛМСКОЙ (значительно улыбаясь).

Не знаю!

ЗОРИНЪ.

Ну, если такъ, то позвольте, Николай Ивановичъ..... И подлинно, это дѣло надо привести въ ясность.

ХОЛМИНЪ.

Однако жъ, смотрите, не выдавайте мся.

ЗОРИНЪ.

Не беспокойтесь.

ХОЛМИНЪ.

Ну то-то же! Пожалуйста, чтобъ это осталось между нами.

ЗОРИНЪ.

Да ужъ будьте увѣрены! Тутъ и умерло.

ХОЛМИНЪ.

Правду сказать, мнѣ бы вовсе не слѣдъ мѣшаться въ эти сплетни. Да и что мнѣ въ голову пришло? Вотъ то-то и есть: языкъ мой — врагъ мой! (*Вставая*) Ну добро, прощайте, Алексѣй Андреевичъ. Да смотрите же!

ЗОРИНЪ.

Не бойтесь! Мы люди присяжные, молчать умѣемъ. Да что жъ вы такъ изволите торопиться? Не угодно ли закутить чего-нибудь?

ХОЛМИНЪ.

Нѣтъ, я никогда не завтракаю.

ЗОРИНЪ.

Не прикажите ли Донскаго?.... Рюмочку мадеры?

ХОЛМИНЪ. (уходя):

Покорнѣйше васъ благодарю.

ЗОРИНЪ (проводивъ его до дверей передней).

Гмъ! гмъ! такъ вы, матушка, Анна Степановна, фянтить со мной изволите?.... Нѣтъ, моя благодѣтельница! Прошу не прогнѣваться, мы васъ выведемъ на чистую воду: а покамѣсть.... *(подходитъ къ дверямъ)* Андрей Пахомачъ! Пожалуй сюда! *(Секретарь въ ходитъ)*. Такъ ты говоришь, что совѣтникъ никакъ не соглашается съ твоимъ мнѣніемъ?

СЕКРЕТАРЬ.

Касательно дѣла госпожи Слукиной?

ЗОРИНЪ.

Да.

СЕКРЕТАРЬ.

И слышать не хочетъ.

ЗОРИНЪ.

А что, любезный,—какъ ты думаешь, — вѣдь оно въ самомъ дѣлѣ....

СЕКРЕТАРЬ.

Что грѣхъ тантъ! Плоховато, ваше высокородіе.

ЗОРИНЪ.

То-то и есть! Не худо бы его еще разокъ, другой, прочесть со вниманіемъ. Да время-то коротко: вѣдь мы слушаемъ его на будущей недѣлѣ?

СЕКРЕТАРЬ.

Можно и поотложить.

ЗОРИНЪ.

Нѣтъ ли справокъ какихъ?

СЕКРЕТАРЬ.

Какъ не быть! И если вы прикажете.....

ЗОРИНЪ.

Да, да! Не мѣшаетъ. Ступайка, любезный, да похлопочи объ этомъ.

СЕКРЕТАРЬ.

Слушаю-съ. *(Кланяется и уходитъ)*.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Роскошный кабинетъ, отдѣланный въ готическомъ вкусѣ. Онъ освѣщается двумя окнами: одно изъ нихъ съ узорчатыми рамами, въ которыя вставлены разноцвѣтныя стекла. Полъ обитъ цѣльнымъ ковромъ. На длинномъ столѣ съ выпуклыми ножками множество бронзовыхъ вещицъ; коллекція обдѣланныхъ въ золото и перламутръ щеточекъ, гребешечковъ, лорнетовъ и трубочекъ; полный приборъ инструментовъ для чистенія и подстриганія ногтей, и нѣсколько черплицъ, безъ черпиль, готическихкихъ, Китайскихкихъ, фантастическихкихъ, изъ бронзы, хрусталя, фарфора. Стѣны оклеены Французскими насыщенными обоями. Вмѣсто картинъ и эстамповъ, вдѣланные въ четырехугольныя дощечки изъ черпаго дерева, миниатюрныя портреты мамзель Марсъ, Тальони, Зонтагъ, Г-жи Пасты и многихъ другихъ знаменитыхъ артистокъ. Въ одномъ углу этажерка съ дюжиною альбомовъ, кипсековъ и альманаховъ, въ тисненыхъ, сафьянныхъ и бархатныхъ, переплетахъ; въ другомъ, на мраморной колоннѣ, ваза изъ прозрачнаго алебастра, и прочая, и прочая. Иванъ Степановичъ Вельской почти лежитъ въ широкихъ, украшенныхъ рѣзбою креслахъ; на немъ, сверхъ фланелевой фуфайки, надѣтъ халатъ изъ терно. Противъ него, на стулѣ съ высокой готической спинкою, сидитъ Холминъ.

в е л ь с к о й (зѣвая).

Извините! я не смѣлъ васъ не принять.... Но если бъ вы знали, какъ я измученъ! (Зѣваетъ.) Вчера я имѣлъ дурачество сѣсть послѣ ужина по пятидесяти рублей въ каску съ этимъ несноснымъ Волгинымъ. Ахъ, какой злодѣй!.... полчаса думаетъ, полчаса держится за карту, двадцать разъ ее мнѣять. Повѣрите ли, мы кончили нашу партію безъ свѣчей!

х о л м и н ъ.

А что вы сдѣлали?

в е л ь с к о й.

Пронгралъ.

х о л м и н ъ.

Немного?

в е л ь с к о й.

Такъ, бездѣлицу! (Зѣваетъ.) Рублей триста, или четыреста, — не помню.

х о л м и н ъ.

Вы, кажется, всегда проигрываете?

в е л ь с к о й.

Почти.

ХОЛМИНЪ.

Такъ зачѣмъ вы играете?

ВЕЛЬСКОЙ.

Для того, чтобъ какъ-нибудь убить время. Мнѣ надобно было прѣхать сюда, чтобъ устроить мое имѣнье, и вотъ ужъ я два года занимаюсь хозяйствомъ. Это очень забавно, не спору. Когда я до обѣда порядкомъ пошумлю съ моими прикащиками, одного похваляю, другаго побраню; выгоню ихъ наконецъ изъ моего кабинета, отобѣдаю, отдохну, — вотъ, кажется, и день прошелъ, слава Богу! — а съ вечеромъ-то что прикажите мнѣ дѣлать? Неужли ѣхать въ здѣшній театръ, который, хоть мнѣ это казалось и невозможнымъ, право еще хуже Московскаго.

ХОЛМИНЪ. (улыбаясь).

Нѣтъ, шутите!

ВЕЛЬСКОЙ.

Въ самомъ дѣлѣ. Виповать! здѣсь иногда въ трагедіи я смѣюсь, а тамъ... о Боже мой! Но въ Москвѣ есть Французскій спектакль, въ Москвѣ есть даже общество: а здѣсь если васъ не посадятъ за карты, такъ смѣю спросить, какъ вы проведете вашъ вечеръ? Говорить! — О чемъ? съ кѣмъ?... Съ Хопровой, — что ея горничная дѣвка свела любовную связь съ вице-губернаторскимъ лаксеемъ? Съ Елецкимъ, — что у него взбѣсился полковникъ кобель и перекусалъ всю стаю? Съ губернскимъ докторомъ фонъ-Раухомъ, — что онъ дѣлаетъ, изъ собственнаго своего табаку, отличный кнастеръ? Съ Вельдюзевой, — что у ней сманили третью мадамъ?.... Конечно, все это имѣетъ свою забавную сторону въ первые три дни: но два года!!.... Нѣтъ, Николай Ивановичъ, холостому человѣку, который ищетъ разсѣянія въ обществѣ, не возможно жить въ провинціи; а если ему придется по своимъ обстоятельствамъ заживо схоронить себя въ какомъ-нибудь губернскомъ городѣ, то онъ долженъ непременно....

ХОЛМИНЪ.

Жениться, не правда ли?

ВЕЛЬСКОЙ.

Разумѣется. Расчетъ самый вѣрный: съ хорошей женою ему будетъ весело и дома; съ дурной онъ станетъ безпретанно ссориться: следовательно во всякомъ случаѣ не у-

мреть отъ этой проклятой муки (*зѣвастъ*), которая душитъ меня съ утра до вечера.

ХОЛМИНЬ.

Такъ что жъ, Иванъ Степановичъ! лекарство у васъ, кажется, подъ руками.

ВЕЛЬСКОЙ (*значительно улыбаясь*).

Вы думаете?

ХОЛМИНЬ.

Да мало ли у насъ певѣтъ? Вотъ напримѣръ, Катерина Оедоровна Радугина: восемнадцати лѣтъ, собой не дурна, состояніе хорошее, воспитана....

ВЕЛЬСКОЙ (*прерывая*).

Прекрасно! Двухъ словъ не умѣетъ сказать сряду, и одѣвается какъ прачка. Помилуйте! Да ее стыдно будетъ въ люди показывать.

ХОЛМИНЬ.

Я думаю, вы не скажите этого о Катинкѣ Лидиной. Она воспитана въ Смольномъ Монастырѣ, ловка, мила, собою прелесть....

ВЕЛЬСКОЙ.

То есть, молода. Впрочемъ, конечно она довольно *презентабельна*, и если бъ я что-нибудь къ ней чувствовалъ, такъ ужъ вѣрно бы не остановился затѣмъ, что у нее ничего нѣтъ. Я не хлопочу о богатствѣ, однако жъ....

ХОЛМИНЬ.

Понимаю. Такъ вамъ бы жениться на единственной дочери перваго виннаго заводчика нашей губерніи, у котораго, какъ говорятъ, есть лежаныхъ до полумиліона. Конечно, Степанида Алексѣевна Салковская, не красавица....

ВЕЛЬСКОЙ.

Салковская! Что вы, что вы? Да развѣ мой домъ кушторная? Салковская? Побойтесь Бога! Да ее можно возить по ярмаркамъ, чтобъ за деньги показывать.

ХОЛМИНЬ.

Ну вотъ то-то и есть: на васъ не угоднѣшь.

ВЕЛЬСКОЙ.

Да вы Богъ-знаетъ кого называете.

ХОЛМИНЬ.

Какъ, Богъ-знаетъ? Я назвалъ вамъ первыхъ здѣшнихъ певѣтъ.

ВЕЛЬСКОЙ.

А для чего же вы ни слова не говорите о вашей крестнице?

ХОЛМИНЬ.

О Варинькѣ?

ВЕЛЬСКОЙ.

Да; о Варварѣ Николаевнѣ.

ХОЛМИНЬ.

Для того, что по моему мнѣнію, одна и та же дѣвушка не можетъ быть въ одно и то же время невѣстою двухъ жениховъ.

ВЕЛЬСКОЙ.

Двухъ жениховъ! Что вы хотите сказать?

ХОЛМИНЬ.

Не погнѣвайтесь! Это еще покамѣстъ семейная тайна. По настоящему, мнѣ бы не должно было и памѣтать объ этомъ.

ВЕЛЬСКОЙ.

Ахъ, сдѣлайте милость!....

ХОЛМИНЬ.

Послушайте, Иванъ Степановичъ. Я могу вамъ сказать только одно, и то подъ большимъ секретомъ: не сватайтесь за мою крестницу, — она почти помолвлена.

ВЕЛЬСКОЙ.

За кого?

ХОЛМИНЬ.

Извините, этого я не могу вамъ сказать.

ВЕЛЬСКОЙ.

Вы меня удивляете! Трестяго дня тетушка говорила обо мнѣ съ Анной Степановной, и она не только не отказала, но даже подала ей большую надежду.

ХОЛМИНЬ.

Что вы говорите?

ВЕЛЬСКОЙ.

Увѣряю васъ.

ХОЛМИНЬ.

Ну, это не хорошо, очень не хорошо! Эхъ, Анна Степановна! Вѣчно надѣлаетъ глупостей.

ВЕЛЬСКОЙ.

Такъ поэтому вы увѣрены.....

ХОЛМИНЪ.

Теперь и самъ не знаю, что подумать, — кого она дурачить, меня или васъ?

ВЕЛЬСКОЙ (невольно приподымаясь съ кресель.)

Меня!.... Да нѣтъ, это невозможно! (*Садится опять*).

ХОЛМИНЪ.

Со мною, кажется, ей хитрить нечего, — такъ воля ваша! А мнѣ, кажется, она дурачить васъ.

ВЕЛЬСКОЙ (съ примѣтной досадою.)

Меня? Oh, ceci est trop fort! Я не люблю, чтобъ меня дурачили женщины, и помоложе Анны Степановны. Впрочемъ, я во всякомъ случаѣ благодаренъ, что вы мнѣ это сказали. Теперь я знаю, какъ мнѣ должно поступить.

ХОЛМИНЪ.

Постойте, постойте! Что вы хотите дѣлать?

ВЕЛЬСКОЙ.

Не беспокойтесь, я васъ не скомпрометирую; но сегодня же эта статская совѣтница скажетъ мнѣ рѣшительно, принимаетъ ли она мое предложеніе, или нѣтъ. Я знаю, что замужство Варвары Николаевны зависить отъ ея воли; но если она для того, чтобъ продолжать грѣзбить свою падчерицу, будетъ подъ разными предлогами отдѣлываться отъ рѣшительнаго отзыва, то дядя мой, какъ начальникъ губерціи, и безъ-сомнѣнія нашъ предводитель дворянства, вступятся въ положеніе этой несчастной сироты, тѣмъ болѣе, что исканія мои, какъ видно по всему, не противны Варварѣ Николаевнѣ.

ХОЛМИНЪ.

Въ самомъ дѣлѣ?

ВЕЛЬСКОЙ.

А вотъ послушайте. Недѣли три тому назадъ, мой дядя давалъ балъ; я пріѣхалъ поздно, потому что долженъ былъ завернуть къ Александру Михайловичу Тонскому, — вотъ къ этому гусарскому офицеру, — вы, кажется, съ нимъ знакомы?

ХОЛМИНЪ.

Да! Немножко.

ВЕЛЬСКОЙ.

Онъ также приглашенъ былъ на балъ, и просилъ меня захватить за нимъ въ моей каретѣ. Тетушка рассказала мнѣ послѣ все. До моего пріѣзда на балъ ваша крестница была

печальна, задумчива, разсѣяна, безпрестанно смотрѣла на двери, и какъ-будто кого-то дожидалась; но лишь только я показался на балѣ, она въ ту же самую минуту стала весела, разговорчива, — словомъ совершенно переродилась. Ну что вы на это скажете?

ХОЛМИНЪ.

Да; это не даромъ.

ВЕЛЬСКОЙ.

Въ прошлую субботу, на *déjeuner-dansant* у княгини Ландышевой, когда въ котильонѣ къ ней подводили два раза меня и Тонскаго, — то какъ вы думаете, кого она каждый разъ выбирала?..... Да не забудьте, что это было въ глазахъ ея мачихи; не забудьте также, что Тонской танцуетъ лучше меня, и, какъ кажется, старается очень съ ней любезничать. Меня, Николай Ивановичъ! Оба раза меня! Смѣю спросить, что это значить?

ХОЛМИНЪ.

О, это явное предпочтеніе!

ВЕЛЬСКОЙ.

Когда я сталъ въ первый разъ говорить ей о любви моей, такъ она поблѣднѣла, и до того смѣшалась, что не могла отвѣчать ни слова. Конечно, не всякой постигнетъ настоящую причину этого испуга; но тотъ, кто имѣетъ нѣкоторый опытъ, кто успѣлъ уже разгадать женское сердце, — тотъ безъ труда пойметъ, что значить такая необычайная робость.

ХОЛМИНЪ.

Ну, Иванъ Степановичъ, исполать вамъ! Да я вижу, вы настоящій профессоръ въ этомъ дѣлѣ.

ВЕЛЬСКОЙ (улыбаясь).

Опытъ, Николай Ивановичъ, опытъ! Женщины имѣли всегда такое сильное вліяніе на судьбу мою! Въ жизни моей было столько необычайныхъ случаевъ, что я..... Да вы вѣрно знаете Французскую пословицу — *à force de forger....*

ХОЛМИНЪ.

Какъ не знать! Однако жъ я съ вами черезчуръ заговорился: мнѣ еще надобно кой-куда зайти, а ужъ теперь, я думаю, часъ первый?

ВЕЛЬСКОЙ.

Едва ли. Да постоитъ, выпейте со мною чашку шоколаду.

ХОЛМНИЙ.

Я его никогда не пью. (*Вставая.*) Прощайте. Только съѣдайте милость! Если у васъ дойдетъ до какого-нибудь изъясненія съ Анпой Степановной, такъ прошу васъ, чтобъ я былъ совершенно въ сторонѣ.

ВЕЛЬСКОЙ (*проводя его нѣсколько шаговъ.*)

Не беспокойтесь. Я коммеркаей не люблю, а особливо съ тѣхъ поръ, какъ живу въ провинціи. Все то, что слишкомъ обыкновенно, становится скучнымъ. Прощайте. До свиданія.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Обширная комната. Кругомъ большіе шкафы съ книгами. Въ одномъ углу на столѣ модели разныхъ машинъ, воздушный насосъ и полный гальванической приборъ; въ другомъ, коллекціи медалей и образчики разныхъ минераловъ. По стѣнамъ развѣшены эстампы, гравированные съ картинъ Вернета, и портреты Лафаета, Манюэля, Виктора Гюго, Мирабо, Байрона и леди Морганъ. Все шкафы и этажерки уставлены бюстами Вольтера, Руссо, Дидерота и другихъ философовъ прошедшаго столѣтія. Вездѣ, на окнахъ, въ простѣнкахъ, на столахъ, бюсты и статуи Наполеона, большіе, маленькіе бронзовые, фарфоровые, изъ слоновой кости, во всѣхъ возможныхъ видахъ и положеніяхъ. Посреди комнаты огромный столъ; на столѣ ящикъ съ сигарами, переплетенные въ юфть фолианты, одинъ томъ Conversations-Lexicon'a, романы Жюль-Жанена, Евгенія-Сю, и Жоржа-Занда; Journal des Débats и Revue de deux mondes. Подъ столомъ нѣсколько листовъ Франкфуртскаго Журнала и цѣлая кипа Русскихъ періодическихъ изданій. Къ ножкѣ стола привязанъ веревкою оборванный мальчикъ лѣтъ двѣнадцати. Князь Верхоглядовъ сидитъ въ откидныхъ волтеровскихъ креслахъ. Онъ держитъ въ одной рукѣ исписанный листъ бумаги, а въ другой толстый хлыстъ. Холмний стоитъ въ дверяхъ кабинета.

КНЯЗЬ, (*незамѣчая Холмина, и обращаясь къ мальчику.*)

Глупое созданіе! Грубая порода! Ничего не помнить! ничего не понимаетъ! Да я вколочу въ тебя просвѣщенія понятія! Мало ли я, дуракъ, толковалъ тебѣ объ этомъ?.... Ну, чѣмъ человѣкъ отличается отъ медвѣдя?

МАЛЬЧИКЪ, (*привязанный къ ножкѣ стола.*)

Человѣкъ отличается отъ медвѣдя образованностью.

КНЯЗЬ.

Слѣдовательно, первая обязанность всякаго человѣка.....

мальчикъ.

Первая обязанность всякаго человека.....

князь.

Быть кроткимъ и человеколюбивымъ..... Ну!

мальчикъ (переминаясь).

И не поступать, какъ..... не поступать, какъ.....

князь (бьетъ его хлыстомъ).

И поступать съ другими кротко.....и сардобольно!

мальчикъ (кричитъ и плачетъ).

Ай, ай!..... Кротко и сардобо-бо-больно..... больно..... больно.

холмнинъ.

Что это вы князь, Владиміръ Ивановичъ, какую науку преподаете?

князь (вставал).

Ахъ, это вы, Николай Ивановичъ!

холмнинъ.

Извините, что я вошелъ къ вамъ безъ доклада: въ лакейской никого нѣтъ.

князь.

Какъ никого? Возможно ли! (*Бѣжитъ къ дверямъ, и вдругъ останавливается*) Да, да! совсѣмъ забылъ. Вы знаете, что я либераль, Европеецъ; что я ненавижу эту Азіатскую роскошь, и никогда не держу болѣе четырехъ слугъ: вчера я долженъ былъ двухъ прогнать въ деревню....

холмнинъ.

А третьяго я сей часъ повстрѣчалъ: онъ, кажется, ведетъ четвертаго въкабакъ, чтобъ утѣшить его въ горѣ послѣ острастки.

князь.

Нсгодяй!..... Закоренѣый невѣжда! Какъ вы думаете?— онъ не только не хотѣлъ мнѣ вѣрить; но даже осмѣлился спорить со мною, когда я сталъ ему толковать, что у насъ нѣтъ еще ни одной книги..... (*Отвязываетъ мальчика*). Пошелъ въ лакейскую!..... Да если ты выдешь за ворота!.... (*Мальчикъ уходитъ*).| Прощу покорно садиться. Ну что, не слышали ли чего нибудь новаго? Правда ли, что въ Петербургъ входятъ въ большое употребленіе Артезіанскіе колодцы?

холмнинъ.

Нѣтъ, не слыхалъ. Да для чего бы это?

князь.

Какой вопросъ! Помилуйте, Николай Ивановичъ, да будемъ ли мы когда-нибудь Европейцами?

холминъ (улыбаясь).

А развѣ Европеецъ непременно долженъ пить воду изъ Артезіанскаго колодца?

князь.

О святая Русь!.... Да неужели вы не постигаете, что отвергать всѣ улучшенія, держаться во всемъ старины, стоять на одномъ мѣстѣ, когда вся Европа движется впередъ, есть самый вѣрный признакъ непросвѣщенія.

холминъ.

Нѣтъ, князь, я постигаю, что хорошее перенимать во все не стыдно; да только вотъ бѣда,—не все хорошее равно хорошо для всѣхъ. Перенимать, не думая о томъ, полезно ли будетъ эта новость собственно для насъ; передразнивать иностранцевъ только для того, чтобъ сказать — «Я иду за вѣкомъ, я Европеецъ!», воля ваша, а это по мнѣ просто пускать пыль въ глаза и увлекаться одними фразами, громкими словами, которыя конечно имѣютъ свою цѣну послѣ сытнаго обѣда и рюмки шампанскаго, но которыя на тощій желудокъ никуда не годятся.

князь.

Да почему жъ вы полагаете, что, хоть напримѣръ, введеніе Артезіанскихъ колодцевъ...
♦♦♦

холминъ.

Чрезвычайно будетъ полезно въ степныхъ и безводныхъ мѣстахъ, — въ этомъ конечно никто съ вами спорить не станетъ: но въ Петербургѣ, гдѣ подчасъ отъ воды не знаютъ куда дѣваться, смѣю васъ спросить, какую пользу принесутъ эти Артезіанскіе колодцы?

князь.

Пользу? пользу? Вы только и думаете о пользѣ! Да знаете ли, сударь, что эти-то меркантильные расчеты и убиваютъ все на свѣтѣ. Прошу говорить о просвѣщеніи, вышнихъ взглядахъ, съ людьми, которые считаютъ копѣйки!

холминъ.

Что жъ дѣлать, князь! Каждый думаетъ по своему. По мнѣ, всякое новое изобрѣтеніе, служащее къ улучшенію

общественнаго быта, тогда только достойно подражанія, когда оно приноситъ дѣйствительную пользу не одному человѣку, не одному и малочисленному классу людей, а цѣлому обществу. Все то, что не облегчаетъ труда рабочихъ людей, не улучшаетъ состоянія простаго народа, не оживляетъ торговли, не уменьшаетъ расходовъ на первыя и необходимыя потребности человѣка, однимъ словомъ что не доставляетъ существенной и общей пользы, едва ли можетъ быть предметомъ безусловнаго подражанія. Я удивляюсь изобрѣтательному гению человѣка, который придумалъ Артезианскіе колодцы, и сталъ бы еще болѣе удивляться тому, кто нашелъ бы способъ извлекать изъ воздуха чистую, рѣчную воду; но вѣрно бы не рѣшился тратить и время и деньги на то, чтобъ для вседневнаго употребленія добывать воду, посредствомъ химическаго процесса, когда могу просто зачерпнуть ее въ рѣкѣ. Вотъ, я очень понимаю всю пользу канала, который устроивается теперь близъ древней нашей столицы, для соединенія Москвы Рѣки съ Волгою: когда барки съ товаромъ не должны будутъ отправляться изъ Москвы въ Нижний, чтобъ попасть въ Петербургъ, такъ тутъ не трудно понять, для чего правительство учреждаетъ это водяное сообщеніе.

князь.

Водяное сообщеніе! И, Николай Ивановичъ, кто въ наше время станетъ заботиться о водяныхъ сообщеніяхъ! Да развѣ вы не знаете, что чугунныя дороги давно уже убили всѣ каналы?

холмичъ.

Можетъ - быть; но до тѣхъ поръ, пока у насъ нѣтъ еще чугунныхъ дорогъ.....

князь.

Да что у насъ есть! Степи, лѣса, болота. Намъ еще надобно многому учиться у иностранцевъ, много перенять.... Нѣтъ, Николай Ивановичъ: я совершенно согласенъ съ однимъ изъ нашихъ мыслителей, что мы до тѣхъ поръ не поумнѣемъ, пока не перейдемъ не только обычаевъ, но даже одежды иностранцевъ.

холмичъ.

Вотъ что! Вѣроятно, князь, это касается до нашего про-

стаго народа, потому что мы съ вами давно уже носимъ фраки. А что вы думаете? въ самомъ дѣлѣ, нашъ Русской мужичекъ точно поумнѣеть, если вмѣсто своего теплаго овчиннаго тулупа надѣнетъ, А особливо зимою, холодный Нѣмецкой камзолъ или холстинный блузъ Французскаго крестьянина. Хотя, по правдѣ сказать, я не очень вижу, почему нашъ толковый простой народъ глупѣе Французскаго, и когда въ тысяча восемьсотъ чстырнадцатомъ году мнѣ удалось побывать во Франціи.....

князь (перерывая съ досадою.)

Да! вы были, но что отъ этого прибыли, когда вы смотрѣли на все сквозь призму этого, — извините! — кваснаго патріотизма, котораго душа моя вынести не можетъ. Нѣтъ, почтенный Николай Ивановичъ! вы человѣкъ умный, не безъ познаній, много читали; но несмотря на это, — признайтесь, — вы очень очень отстали отъ нашего вѣка.

холмннъ (улыбаясь).

Статься-можетъ, князь. Я человѣкъ пожилой, бѣгать не мастеръ, да и боюсь: какъ разъ спотыкнешься.

князь.

Мы этого не боимся.

холмннъ.

И, полнотъ, князь! Будто-бы вы никогда и ни въ чемъ не ошибались? Несмотря на прсмудрость, *глубину* и либерализмъ нашего вѣка, мы точно такъ же какъ прежде рабы своихъ собственныхъ страстей: слѣдовательно, ошибаемся, дѣлаемъ глупости, и всегда возстаемъ противъ здраваго смысла, если онъ противорѣчитъ нашему образу мыслей. Въ старину, закорснѣлые невѣжды называли благоразумнаго человѣка вольнодумцемъ, а нынче его же, и можетъ-быть же самые люди, назовутъ старовѣромъ, отсталымъ и варваромъ. Нѣтъ, Владиміръ Ивановичъ, люди всегда останутся людьми. Да одна любовь, сколько глупостей заставляетъ насъ дѣлать не только въ молодыхъ лѣтахъ, но въ годахъ зрѣлаго разсудка; и если, князь, вы когда-нибудь любили.....

князь.

Я?.... Если я любилъ!..... И вы это спрашиваете?.. У меня?

ХОЛМННЪ.

Ого! да вы, кажется, и теперь еще любите.

КНЯЗЬ.

Съ безуміемъ, съ неистовствомъ!

ХОЛМННЪ.

Ай, ай, ай!

КНЯЗЬ.

Какъ Ромео любилъ свою Жюльету, какъ Дюмасовъ Антоній, свою..... свою.....

ХОЛМННЪ.

Невѣсту?

КНЯЗЬ.

Нѣтъ. Жену другаго.

ХОЛМННЪ.

Ахъ, батюшки! Да неужели и вы такъ же?....

КНЯЗЬ (почти съ горемъ.)

О нѣтъ! Она свободна.

ХОЛМННЪ.

Слава Богу! Да кто жъ эта красавица, которая, какъ видно, къ крайнему вашему прискорбію, можетъ законнымъ образомъ принадлежать вамъ?

КНЯЗЬ.

Она? Это фантастическое созданіе пламеннаго юга! Это полувоздушная Пери? Эта Сильфида?.... О, какъ она прекрасна! Какое блаженство льется изъ подъ ея сладострастно опущенныхъ рѣсницъ! Она.... Да неужели вы не отгадали, о комъ я говорю?

ХОЛМННЪ.

Нѣтъ, князь. Это пѣстическое описаніе вовсе меня съ толку сбilo.

КНЯЗЬ.

Виновать! Я позабылъ, что вашъ идеалъ красоты не можетъ быть сходенъ съ моимъ. Вы любите Русскую красоту. По вашему была бы только бѣла да дородна, да румянецъ во всю щеку. А такъ какъ ваша крестная дочь блѣдна и худощава.....

ХОЛМННЪ.

А, такъ вы это говорите о Варинькѣ?

КНЯЗЬ.

Да о комъ же, Николай Ивановичъ? Кого могъ бы я назвать Сильфидою?

ХОЛМИНЪ.

Вотъ что. Вѣроятно, и вы, князь, ей такъ же правитесь?

КНЯЗЬ.

О, мы давно уже пошмась другъ друга. Съ мѣсяцъ тому назадъ, я пріѣхалъ поутру къ Аннѣ Степановнѣ; въ гостинной никого не было; но на столѣ лежало рукодѣлье и бѣлый платокъ, онъ былъ смоченъ, — вымыть слезами.

«Этотъ платокъ былъ ся!»

«Я невольно прижалъ его къ груди, и чувство сладостное и горькое, чувство вовсе дотога мнѣ не знакомое, какъ дикой звѣрь впилося въ мое сердце. О, сколько поэзи было въ этомъ брошенномъ платкѣ!»

«Этотъ платокъ былъ цѣлая поэма.»

Она вошла въ гостинную, наши взоры встрѣтились, — и все было кончено.

ХОЛМИНЪ.

Такъ вы даже и не говорили съ ней объ этомъ?

КНЯЗЬ.

Нѣтъ! Одинъ взглядъ сказалъ мнѣ все: я прочелъ въ немъ и настоящій адъ ея положенія, и будущій рай моего блаженства. Мнѣ нужно было только переговорить съ ся мачихою. Тутъ земный языкъ былъ необходимъ: мы съ ней поладили и можетъ-быть недѣли черезъ двѣ вы поздравите меня женихомъ.

ХОЛМИНЪ.

Отъ всего сердца. Но зачѣмъ же черезъ двѣ недѣли? Зачѣмъ не прежде?

КНЯЗЬ.

Вотъ ужъ объ этомъ меня не спрашивайте. Анна Степановна никакъ не хотѣла согласиться на мои просьбы, и даже требовала, чтобъ я отъ всѣхъ скрывалъ это какъ государственную тайну.

ХОЛМИНЪ (значительнымъ голосомъ.)

Право? Послушайте, князь, дѣлайте, что хотите, но по моему чѣмъ скорѣе будетъ вашъ сговоръ съ Варинькою, тѣмъ лучше.

КНЯЗЬ.

Вы думаете?

ХОЛМИНЪ.

И имѣю полное право такъ думать. Отвѣчайте откровенно: какъ вы полагаете, — выдавая за васъ свою падчерцу,

что имѣть въ виду Анна Степановна, ея счастье или собственную свою выгоду? Да не церемоньтесь, говорите прямо.

князь.

Ну, если вы хотите, такъ я думаю, что дѣло идетъ вовсе не о счастьи вашей крестной дочери.

холмннѣ.

Вотъ видите! Вы теперь поладили съ Анной Степановной; а если кто-нибудь другой поладить съ ней еще болѣе... Вы меня понимаете?

князь.

Понимаю. Но развѣ вы имѣете причины подозрѣвать, что кто-нибудь другой....

холмннѣ.

Я не скажу вамъ ничего. Только совѣтую не соглашаться ни на какую отерочку. Эй, князь, куйте желѣзо, пока оно горячо! Вы не знаете Анны Степановны: она готова объявить торги, и съ аукціону продать свою падчерицу.

князь.

Что вы говорите?

холмннѣ.

То, что внушаетъ въ меня искреннее желаніе выдать мою крестную дочь за человека, который ея достоинъ, и за котораго она вѣрно будетъ счастлива.

князь.

Мнѣ чрезвычайно пріятно слышать, Николай Ивановичъ. Я вамъ очень благодаренъ.

холмннѣ.

Не беспокойтесь, князь. Вамъ, право, не за что меня благодарить.

князь.

Такъ вы думаете, что я долженъ....

холмннѣ.

Настоятельно требовать, чтобъ все было рѣшено, и какъ-можно скорѣе. Да оно впрочемъ и натурально. Вы сами говорите, что любите безъ-ума Вариньку, а любовь всегда не терпѣлива. Это знаютъ все. Это даже пойметъ и Анна Степановна: вѣдь всякой изъ насъ любилъ хоть разъ въ своей жизни.

князь.

Любилъ? И полноте! Да знаютъ ли у насъ, что такое любовь? Могутъ ли холодныя сердца, воспитанныя на ква-

съ, понимать это чувство, исполненное жизни и энергій. Взгляните на изображеніе этой неукротимой страсти во всѣхъ произведеніяхъ юной Европейской Словесности, — и если дыханіе не сопрется въ груди вашей, если волосы ваши не станутъ дыбомъ, если вы не постигнете всей прелести этихъ судорожныхъ восторговъ, этихъ неистовыхъ порывовъ страсти, этой адской пытки и райскаго наслажденія, то, сдѣлайте милость, Николай Ивановичъ, — кушайте на здоровье ваши соленые огурцы, живите двѣ трети года по уши въ снѣгу, заведите, если хотите, хозяйкою: только Бога ради, не говорите ничего о любви!

х о л м и н ъ.

Слушаю, ваше сіятельство! Впрочемъ, если за мои грѣхи Господь Богъ пошлетъ на меня горячку съ пятнами, такъ можеть-быть тогда....

к н я з ь. (почти съ презрѣніемъ.)

Не будемте говорить объ этомъ! Скажите-ка лучше, увижу ли я васъ сегодня вечеромъ у княгини Ландышевой?

х о л м и н ъ.

Не думаю.

к н я з ь.

Я постараюсь прѣхать къ ней поранѣе. Вотъ женщина, съ которой еще можно провести безъ скуки нѣсколько часовъ. Не правда ли, что она вовсе не походитъ на нашу Русскую барыню?

х о л м и н ъ (улыбаясь).

А мнѣ, такъ кажется, что очень походить. Однако жъ, прощайте, князь: мнѣ пора домой!

к н я з ь. (Провожая его нѣсколько шаговъ)

Очень вамъ благодаренъ. До свиданья!

III.

Начиная эту повѣсть, я, кажется, говорилъ уже моимъ читателямъ, что почти въ каждомъ губернскомъ городѣ дворянское общество раздѣляется на нѣсколько круговъ. Надобно прибавить къ этому, что ни въ одной изъ столицъ этотъ раздѣлъ не наблюдается съ такою строгостью, какъ въ провинціи. Можно было бы срав-

нить эти отдельные круги съ Индѣйскими кастами, если бы иногда, въ табельные дни за обѣденнымъ столомъ у губернатора и на балахъ Благороднаго Собранія, не сливались они въ одно общество; но и въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ самый высшій кругъ отличается обыкновенно отъ другихъ и туалетомъ и Французскимъ языкомъ, а болѣе всего тѣмъ свободнымъ обращеніемъ и насмѣшливой улыбкою, которыя, какъ кладъ, не даются деревенскимъ, мелкопомѣстнымъ барышнямъ и дочерямъ ассессоровъ, стряпчихъ и секретарей.

Молодая вдова, княгиня Ландышева, занимала первое мѣсто въ числѣ этихъ блестящихъ созвѣздій городского общества. Домъ ея былъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ модныхъ дамъ вышняго круга и молодыхъ, фешіонабельныхъ людей всей губерніи. Княгиня Ландышева имѣла весьма хорошее состояніе, наружность пріятную и столько ума, чтобъ съ перваго взгляда не показаться глупою: она знала наизусть множество краснорѣчивыхъ фразъ, въ которыхъ не было здраваго смысла, и все то, чего не понимала, называла «тривіальнымъ»; говорила весьма хорошо по-Французски, не дѣлала никогда *des liaisons dangereuses*, и выговоръ имѣла самый чистый. Но это еще ничего: она два раза ѣздила въ Карлсбадъ, провела цѣлое лѣто въ Дрезденъ и сверхъ того, — о Господи, помилуй насъ грѣшныхъ, — два мѣсяца жила въ Парижѣ! Ожесточеніе, съ которымъ она преслѣдовала все Русское, было бы очень забавно, если бы она не такъ часто прибѣгала къ этому средству выказывать свое Европейское просвѣщеніе. Впрочемъ, надобно сказать правду, въ этомъ отношеніи ей не чѣмъ было похвастаться передъ своими пріятельницами. Конечно, и наши Московскія барышни, — дай Богъ имъ добраго здоровья, — не упустятъ случая сдѣлать обидное сравненіе между чужимъ и своимъ отечествомъ, но у нихъ бываютъ иногда минуты милосердія и справедливости: случается, что онѣ похва-

литъ отечественнаго художника, прочтуть съ удовольствіемъ Русскую книгу, и даже, къ ужасу своихъ почтенныхъ матушекъ, рѣшятся подчасъ назвать глупцомъ Француза, если онъ точно пошлый дуракъ: но наши провинціальныя молодежи!....

Жестокія созданья!

Онѣ не знаютъ состраданья

И душутъ сряду всѣхъ.

Небольшой кругъ, котораго главою была княгиня Ландышева, называлъ самъ себя обществомъ людей «высокаго полета»,—извините, не умѣю лучше перевести Французскаго выраженія, — *de la haute volée*. Въ числѣ этихъ высоколетающихъ господъ, разумѣется, первыя мѣста занимали князь Владиміръ Ивановичъ и Вельской, а между дамами отличались особенно высокимъ полетомъ Анна Ивановна Златопольская и Глафира Ѳедоровна Гореглядова. Первая—женщина, лѣтъ тридцати пяти, съ томными глазами, глубокой чувствительностью и огромнымъ носомъ, который, *rag pro-cèdè*, называли Греческимъ. Она жила большую часть года въ своемъ городскомъ домѣ, ѣздила по баламъ для того, чтобъ поддержать знакомство, давала у себя вечера для своей дочери, которой еще никуда не вывозила, и не мѣшала заниматься хозяйствомъ своему мужу, который жилъ почти безвыѣздно въ деревнѣ, пахалъ землю, курилъ вино и ѣздилъ съ собаками. Вторая, то есть, Глафира Ѳедоровна Гореглядова, лѣтъ двадцати двухъ, весьма пріятной наружности, ловкая, стройная женщина, которая такъ граціозно присѣдала, входя въ комнату, и такъ мило припрыгивала, когда подходила цѣловаться съ хозяйкою дома, что всѣ дѣвицы и молодыя женщины низшаго полета смотрѣли на нее съ какимъ-то благоговѣніемъ, и удивлялись ей со страхомъ и трепетомъ. Старикъ, мужъ ея, человекъ богатый, но скупой и мѣсяцевъ десять въ году прикованный подагрой къ своимъ волтеровскимъ кресламъ,

женился на ней ддя того, чтобъ не сидѣть одному дома, а она вышла за него потому, чтобъ развѣзжать съ утра до вечера по гостямъ. Сначала онъ сердился; потомъ, какъ слѣдуетъ, пересталъ; и, чтобъ не умереть отъ скуки, билъ хлопнушкою мухъ, выводилъ канарѣекъ и игралъ въ марьяжъ съ своимъ дворецкимъ. Весь городъ дивился ихъ согласію, и всѣ называли старика Гореглядова отменно счастливымъ.

Часу въ седьмомъ вечера въ тотъ самый день, въ который поутру Николай Ивановичъ Холминъ сдѣлалъ три визита, описанные въ предыдущей главѣ, княгиня Лаунышева, въ ожиданіи гостей, которые и въ провинціи не съѣзжаются прежде девятаго часа на вечеръ, сидѣла въ гостиной съ пріятельницами своими, Златопольской и Гореглядовой. Передъ ними на столѣ лежали двѣ Французскія книги въ синей красивой оберткѣ: это были «Сцены изъ приватной жизни», сочиненіе Г. Бальзака.

— «Сцены изъ приватной жизни!» сказала Гореглядова (разумѣется, по-Французски), перебирая листы перваго тома: это названіе не много обѣщаетъ.

— Я получила ихъ сегодня, прервала княгиня. Говорятъ, что онѣ очень интересны.

— Но ужъ вѣрно не такъ, какъ романы моего милаго Дарленкура, подхватила Златопольская, закативъ подъ лобъ свои чувствительные глаза.

— И я сомнѣваюсь въ этомъ, сказала княгиня. Кто написалъ Нензвѣстную, Ренегата, Писибоэ....

— А Пустынника! вскричала Златопольская: а Пустынника! Fuis, fleuve de la vallée!... О, Дарленкуръ!

— Я читала однако жъ, продолжала княгиня, въ одномъ Русскомъ журналѣ, что этотъ Бальзакъ....

— Ахъ, перестань, та chère! прервала Златопольская. Что можетъ сравниться съ Дарленкуромъ..... Fuis, fleuve de la vallée!

— Это правда, прибавила Гореглядова. Кто читалъ Писибозъ, Регената.....

— И знать наизусть Пустынника, сказала Златопольская, тому не скоро понравится какой-нибудь Бальзакъ. Да онъ же и старый писатель! Я еще ребенкомъ слыхала объ немъ отъ нашего Французскаго учителя. Какая разница мой милый Дарленкуръ..... Oh, fuis fleuve....

— Ольга Ѳедоровна Заръцкая! сказалъ громкимъ голосомъ лакей, отворяя двери гостиной.

— Ольга Ѳедоровна! вскричала княгиня, вставая съ канапе. Такъ она пріѣхала изъ Москвы?.... — Ахъ, chère amie, какъ я рада, что вы опять съ нами! продолжала она, идя на встречу къ пожилой дамѣ, разодѣтой по послѣдней модѣ, съ преогромными *беретами* на рукавахъ и колоссальнымъ токомъ на головѣ.

Послѣ обыкновенныхъ лобызаній и отрывистыхъ фразъ, которыя, разумѣется, должны всегда выражать искреннюю радость, хозяйка и гости усѣлись вокругъ стола, и между ними начался слѣдующій разговоръ:

Княгиня. Ахъ, ma chère, какіе у васъ чудные рукава! Comme c'est joli!

Заръцкая. Да. Это самая послѣдняя мода. Мадамъ Лебуръ поклялась мнѣ, что этимъ фасономъ первое платье дѣлано для меня.

Златопольская. Ахъ, какъ мило!

Гореглядова. Прелесть! А косынка?..... Посмотрите!

Заръцкая. Ихъ только что привезли изъ Парижа. Это шалѹ.

Княгиня. Шалѹ..... Да, да, знаю! C'est délicieux!

Гореглядова (*тихо Златопольской*). Какъ все это пестро!..... А этотъ токъ! Боже мой, въ пятьдесятъ лѣтъ!..... Elle est d'un ridicule achevé.

Княгиня. Ну что, та сѣге? вы очень веселились въ Москвѣ?

Зарѣцкая. О, не говорите мнѣ! Я умирала съ тоски.

Княгиня. Неужели?

Зарѣцкая. Ахъ, та сѣге, что за общество! Что за тонъ! Я вообразить себѣ не могла, чтобъ въ городѣ, который называется столицею, было такъ мало хорошаго тона. Одни названія улицъ выведутъ всякаго изъ терпѣнія: напримѣръ, я остановилась у моей родственницы, въ собственномъ ея домѣ, — какъ вы думаете, гдѣ? — на Плющихѣ!!!

Златопольская. На Плющихѣ? Dieu, comme c'est vulgaire!

Зарѣцкая. А какъ живутъ, та сѣге! Вотъ однажды пригласили меня на балъ въ одинъ домъ, помнится, за Москвой-Рѣкой, на Зацѣпѣ.....

Гореглядова. На Зацѣпѣ? Боже мой, какія *trivialныя* названія!

Княгиня. Согласитесь, что это можетъ быть только у насъ.

Зарѣцкая. И только въ Москвѣ. Вотъ мы ѣхали, ѣхали, какимъ-то огородами, Крымскимъ Бродомъ.... Ужасъ! И что жъ вы думаете нашли на этомъ балѣ?... Хозяйку, которая заговорила съ нами по-Русски, голыя деревянныя стѣны и сальныя свѣчи въ запачканныхъ хрустальныхъ люстрахъ.

Княгиня. Нѣтъ, шутите!

Зарѣцкая. Увѣрю васъ. По этому вы можете судить о прочихъ. Я была на публичномъ балѣ только однажды, на Масляницѣ. Зала не дурна: но что за тонъ! что за манеры! Молодые люди ходятъ взадъ и впередъ, никто не обращаетъ на васъ ни какого вниманія, и если вы не хотите сидѣть на скамѣйкѣ, то ужъ конечно не догадаются подать вамъ стула. Я это испытала на себѣ.

Княгиня. А театръ, та сдѣге?

Зарецкая. Французскій — прелесть; но зато Русскій!..... Вы не можете себѣ представить!.... Что за актеры, какія названія у этихъ актеровъ! Щепкинъ, Рѣпкинъ. Ну, повѣрите ли, тошно слышать! А какъ играютъ!..... Меня уговорили однажды посмотреть какую-то оперу; кажется, Волшебнаго Стрѣлка. Ну, та сдѣге, признаюсь; мнѣ стало стыдно, что я Русская. Но это еще ничего: подлѣ меня въ ложѣ, какой-то господинъ, котораго называли графомъ, началъ говорить съ своими дамами, и хвалить игру актеровъ, декорации, костюмы, словомъ все, и даже увѣрять ихъ, что онъ видѣлъ эту оперу въ Парижѣ, и что она дается тамъ не лучше чѣмъ въ Москвѣ. Какъ вы думаете? Эти дамы, которыя впрочемъ одѣты были не дурно и, казалось, принадлежали къ хорошему обществу, слушали его какъ оракула! Такое невѣжество вывело меня совершенно изъ терпѣнія, и, чтобъ показать этому господину, какъ мнѣ гадко было слушать его наглуую ложъ, я вскочила, накинула шаль, и тотчасъ уѣхала изъ театра.

Княгиня. Признаюсь, и я на вашемъ мѣстѣ не усидѣла бы спокойно.

Гореглядова. Вы меня удивляете, Ольга Федоровна.

Княгиня. Ахъ, та сдѣге, чему тутъ удивляться! Да развѣ прошлаго года не были у насъ прїѣзжіе изъ Москвы? Помнишь этого князя Брянскаго и еще какого-то ученаго? Ну вотъ этихъ, которые.... ха, ха, ха!..... которые преважно объявили, что *возжируютъ* по Россіи. Они не хотѣли сблизиться съ нашимъ кругомъ, — а съ кѣмъ были знакомы? Съ Волгиными, съ Дубровинымъ, съ Закамскимъ, съ этимъ невѣжою Холминымъ. Помнишь, что они говорили — «Вотъ почтенные люди! Вотъ настоящіе Русскіе дворяне! Вотъ истинно просвѣщенные помѣ-

«щики!» Просвѣщенные! А первый Дубровинъ говоритъ по-Французски, такъ, что безъ смѣха нельзя слышать.

Зарѣцкая. Ну, та сѣге, я въ Москвѣ видѣла двухъ вояжеровъ Англичанъ, которые еще хуже Дубровина коверкаютъ несчастный Французской языкъ.

Княгиня. И, та bonne amie! да зато они прекрасно говорятъ по-Англійски.

Зарѣцкая. Да; это правда. Да что это за князь Брянской, та сѣге? Я что-то никогда не слыхала этой фамиліи. Что онъ такое?

Княгиня. Какъ что? Онъ принадлежитъ къ лучшему Московскому обществу, — я это знаю.

Гореглядова. О, если такъ, то кажется, намъ нечего перенимать у Москвы.

Златопольская. Намъ перенимать? Нѣтъ, та сѣге, не мы у Москвы, а Москва должна перенимать у насъ.

Княгиня. Да, да! Не мѣшало бы ей поучиться здѣсь хорошему тону, и спросить у насъ, что значитъ образованный вкусъ.

Зарѣцкая, (которая между-тѣмъ взяла въ руки одну изъ книгъ). Ахъ, Боже мой! Бальзакъ!

Княгиня. Вы его знаете, та сѣге?

Зарѣцкая. Бальзака? Какой вопросъ! Вся Москва отъ него безъ ума.

Гореглядова. Неужели?

Златопольская. Однако жъ, вѣрно, Дарленкуръ.....

Зарѣцкая. Фи, та сѣге, что вы говорите? Дарленкуръ! Да его ужъ никто не читаетъ, всѣ надъ нимъ смѣются. Но Бальзакъ!..... Ахъ, Бальзакъ!! Въ Москвѣ нѣтъ ни одной порядочной женщины, которая не знала бы его наизусть.

Княгиня. Въ самомъ дѣлѣ?

Зарѣцкая. Да, та сѣге. Когда на Масляницѣ я была въ Благородномъ Собраніи, кто-то сказалъ, что Бальзакъ въ Москвѣ. Потомъ стали говорить, что онъ въ Собраніи. Боже мой, какъ всѣ дамы засуетились, какая пошла тревога, шумъ, распросы, и одного молодого челоуѣка, который свиду походилъ на Француза, совсѣмъ было задушили. Къ счастью, онъ заговорилъ по-Русски: это его спасло.

Златопольская. Ахъ, та сѣге, вы вѣрно дадите мнѣ прочесть эти книги.

Гореглядова. И мнѣ, та *bonne amie*!

Княгиня. Съ большимъ удовольствіемъ.... когда прочту ихъ сама.

Слуга (*растворяя дверь*). Анна Степановна Службѣ!

Княгиня. Ну такъ! всегда первая!.... Какъ она мнѣ надоѣла! (*Идетъ къ ней на встрѣчу*). Вотъ одолжила Анна Степановна! Это по-пріятельски. Чѣмъ ранѣе, тѣмъ лучше..... А, Варвара Николаевна! *Bon soir, mon enfant!*

Черезъ полчаса въ гостиной княгини Ландышевой играли уже на трехъ столахъ въ вистъ, а въ залѣ музыканты настраивали свои инструменты. Иванъ Степановичъ Вельской и Алексѣй Андреевичъ Зоринъ были налице; но Анна Степановна не взяла карточки, потому что не доставало князя Владиміра Ивановича, чтобъ составить ея всегдашнюю партію. Четвертаго игрока найти было не трудно, да только можетъ-быть онъ не сталъ бы прощать Аннѣ Степановнѣ репозы, и не позволилъ бы ей приписывать опѣровъ. Вотъ ужъ въ гостиной стало тѣсно. Вотъ загрѣмѣла музыка и нѣсколько вѣжливыхъ кавалеровъ съ просьбою *подняли* съ полдюжины почетныхъ дамъ и первыхъ чиновницъ общества. Переваливаясь съ ноги на ногу, они потащились въ залу,

чтобы, какъ водится, открыть балъ неизбѣжнымъ польскимъ. Молодые люди нехотя пристали къ нимъ, и длинный рядъ танцующихъ, изгибаясь и изворачиваясь въ разныя стороны, началъ прохаживаться по залѣ и всѣмъ открытымъ комнатамъ. Въ третей парѣ Вельской велъ Анну Степановну, которая съ примѣтнымъ нетерпѣніемъ посматривала вокругъ себя.

— Что это нашъ князь Владиміръ Ивановичъ не ѣдетъ? сказала она наконецъ своему кавалеру. Охота же ему терять золотое времечко! Да не съѣсть ли намъ, батюшка, Иванъ Степановичъ, втроемъ? Я буду играть парти-фиксъ съ болваномъ.

— Князь скоро будетъ, отвѣчалъ сухо Вельской: а между-тѣмъ я хочу воспользоваться его отсутствіемъ и спросить васъ — слышали ли вы, что говорятъ въ городъ?

— А что такое?

— Вы вѣрно не забыли, зачѣмъ пріѣзжала къ вамъ третьяго дня моя кузина. Вы почти дали ей слово; а несмотря на это говорятъ, будто-бы имѣете какіе-то другіе виды на Варвару Николаевну. Я не хочу этому вѣрить; но согласитесь, что такіе слухи очень не пріятны, особливо для человѣка, который, смѣю васъ увѣрить, не привыкъ играть жалкую роль всесвѣтнаго жениха. Такъ извините, Анна Степановна, если я попрошу васъ не откладывать моего благополучія и объявить рѣшительно, что вы принимаете мое предложеніе.

— Что вы, что вы, Иванъ Степановичъ? Подумайте! Мѣсто ли здѣсь?....

— Да я и не прошу васъ дѣлать помолвку здѣсь, на балѣ, а, если позволите, пріѣду къ вамъ послѣ завтра съ моей кузиною.

— Послѣ завтра? То есть, въ пятницу? Помилуйте, что за экстра такая и к чему такъ торопиться?

— Да хоть бы для того, сударыня, чтобъ уронить эти вздорные слухи, столько же обидные для васъ, сколько и для меня. Впрочемъ я не хочу никакъ васъ женить, — извольте, я приѣду къ вамъ не въ пятницу, а въ субботу; но тогда уже попрошу у васъ позволенія извѣстить всѣхъ родныхъ и пріятелей о моей помолвкѣ. Послѣ того, что вы изволили говорить моей кузинѣ, я не смѣю и сомнѣваться....

— Помилуйте, да что жъ я такое говорила? прервала съ большимъ смущеніемъ Анна Степановна. Конечно, я сказала ея превосходительству, что для меня весьма пріятно, что я очень буду рада....

— Следовательно вы согласны? И позвольте вамъ сказать, Анна Степановна, что послѣ этого, всякое съ вашей стороны затрудненіе, будетъ явнымъ доказательствомъ, что вы хотѣли насъ дурачить, смѣяться падо мной, надъ моей кузиной, надъ всѣмъ нашимъ семействомъ.... Но, виновать! я вижу, что ужъ одно это обидное предложеніе васъ огорчаетъ. И такъ, въ субботу! Вотъ и польской кончился. Теперь я въ вашихъ приказаніяхъ, и если вамъ угодно играть втроемъ въ вистъ.....

Но Слукиной было не до виста: она отказалась, и сѣла въ залъ между матушекъ, тетушекъ и старшихъ сестрицъ. Проигравъ еще нѣсколько минутъ польской, музыка перестала, и изъ толпы нетерпѣливыхъ танцовщиковъ, между которыми было челоуѣкъ пять военныхъ, раздалось наконецъ давножданное восклицаніе — Вальсъ! Музыканты заиграли вальсъ изъ Волшебнаго Стрѣлка, и этотъ, исполненный жизни, веселый и невинный танецъ начался.....

Невинный! Какая пошлая иронія! какая старая, избитая насмѣшка! — Извините, я вовсе не шучу; и повторяю еще разъ безъ всякой ироніи, что этотъ танецъ точно такъ же невиненъ, какъ и всѣ прочіе, — какъ щеголеватая Французская кадрили, — какъ блестящая

мазурка, — какъ давно забытые экосезы, — и даже какъ древній, чопорный минуэтъ. Англійскіе писатели, а въ слѣдъ за ними Французскіе, а въ слѣдъ за Французскими наши, немилосердо клеветуютъ на бѣдный и, право безвинный, вальсъ. Послушайте ихъ, какъ сердце дѣвушки бьется почти въ одной груди съ сердцемъ того, кто съ ней танцуетъ, какъ дыханья ихъ сливаются, какъ шелковые волосы красавицы касаются его пылающихъ щекъ, какъ, рука въ руку, душа въ душу, они не летаютъ по гладкому паркету, а отдѣляются отъ земли, живутъ въ другомъ мірѣ, и прочая. Ну, прошу послѣ этого вѣрить печатному! Я спрашиваю всѣхъ молодыхъ людей, что можетъ быть невиннѣе этого удовольствія, и приходитъ ли кому изъ нихъ на умъ въ то время, когда онъ вальсируетъ съ какой-нибудь красавицей, что она почти лежитъ въ его объятіяхъ? Чувствуетъ ли онъ какое-нибудь особенное удовольствіе отъ того, что рука ея поконится на его плечѣ, и не предпочтетъ ли онъ праву обвивать своей рукою ея талию и вертѣться съ нею въ кадансѣ дозволеніе, просто, безъ всякихъ танцевъ и украдкою, взять ее за руку? Почему правовѣрный мусульманинъ, неимѣющій ни какого понятія о нашихъ обычаяхъ, отвернется съ отвращеніемъ отъ самой добродѣтельной женщины, которая подойдетъ къ нему съ открытымъ лицомъ, и почтительно будетъ смотрѣть на какую-нибудь Нинонъ-Ланкло, если она окутаетъ свою голову вуалью? Потому, что наши дамы, даже и не очень красивыя, не прячутъ ни отъ кого своихъ лицъ, а на Востокъ безъ покрывала ходятъ однѣ только жепщины, принадлежащія къ самому последнему и презрительному разряду общества. Почему какая-нибудь краса Востока, пламенная, черноглазая Турчанка, трепещетъ и дрожитъ какъ преступница, почему сердце ее замираетъ отъ восторга и ужаса, когда она откидывается назадъ

свое покрывало передъ мужчиною? Потому, что открывая лице свое, она дѣлаетъ все то же самое, что сдѣлала бы наша Русская барышня, если бъ сказала мужичиѣ — «Я люблю тебя и хочу быть твоею.» Теперь видите ли, что въ нашемъ житейскомъ быту, не самое дѣйствіе, но мысль, которую мы къ нему привязываемъ, дѣлаетъ его или совершенно невиннымъ или рѣшительно преступнымъ въ глазахъ нашихъ? И вотъ почему я называю невиннымъ танецъ, который, несмотря на всѣ пѣнитическія описанія, не можетъ возбуждать въ насъ ни какихъ дурныхъ помысловъ: потому, что право обнимать гибкій станъ дѣвушки и держать въ рукѣ своей ея руку принадлежитъ не исключительно одному, но всѣмъ, то есть, каждому кто танцуетъ, и по этой самой причинѣ не говоритъ ничего нашему воображенію, не ведетъ насъ ни къ чему, и слѣдовательно не значитъ ничего.

Но виновать! заступаясь за бѣдный, оклеветанный вальсъ, я забылъ совсѣмъ про мою, не столь невинную, Анну Степановну. — «Въ субботу!» повторяла она про себя: «въ субботу! А дѣло мое слушаютъ еще на будущей недѣль.... Нѣтъ, батюшка, Иванъ Степановичъ, хоть вы и родня нашему губернатору, а не прогнѣвайтесь! Своя рубашка къ тѣлу ближе. Не хотѣлось бы мнѣ ссориться съ ея превосходительствомъ..... Ну, да дѣлать нечего!»

Въ эту самую минуту обѣ половины дверей передней распахнулись, и губернаторша, въ провожаніи двухъ дамъ, вошла въ залу. Она сказала что-то мимоходомъ хозяйкѣ, и, не замѣчая никого, прямо подошла къ Слукиной; расцѣловалась, сѣла подлѣ нея на стулъ, и наговорила ей столько пріятныхъ вещей, что бѣдная статская совѣтница совсѣмъ одурѣла, особливо когда губернаторшины ассистентки принялись, одна передъ другой, увѣрять ее въ своей дружбѣ, любви и уваженіи. Вся твердость ея поколебалась. — «Ахъ

ты, Господи Боже мой!» думала она, когда губернаторша усълась съ своимъ причетомъ за ломберный столикъ. «Да что же мнѣ дѣлать? Итти на явную ссору съ ея превосходительствомъ послѣ такихъ ласкъ? Теперь я почти первый человѣкъ на балѣ.... а тогда! И взглянуть-то на меня ни кто не захочетъ. Охъ, да вѣдь они требуютъ приданого..... непременно потребуютъ! А мое дѣло?.... Ахти! бѣда, да и только.»

—Здравствуйте, матушка, Анна Степановна! сказалъ председатель гражданской палаты, Зоринъ, усаживаясь подлѣ Слуккиной. Гадъ сердечно, что могу съ вами словечка два перемолвить. Да гдѣ же Варвара Николаевна?

—Здѣсь, батюшка, Алексѣй Андреевичъ! Развѣ не видишь, танцуетъ вотъ съ этимъ гусарскимъ офицеромъ.... какъ его?

—Съ Тонскимъ.

—Да, батюшка. Да что жъ она съ нимъ такъ растанцовалась!... Не видить, что ты здѣсь, а то давно бы кончила, чтобъ подойти къ намъ. Ужъ какъ она тебя уважаетъ, Алексѣй Андреевичъ! какъ любить!..... Варинька, поди сюда, мой другъ. Ну вотъ ты все спрашивала — да будетъ ли сюда Алексѣй Андреевичъ? да прїѣдтъ ли онъ? Вотъ онъ, налице. Ну что, успокоилась?

Бѣдная Варинька поглядывала съ удивленіемъ на свою мачиху, краснѣла, присѣдала, и не знала, что ей отвѣчать.

—Какъ вы позволили воспотѣть, Варвара Николаевна! сказалъ съ вѣжливою ужимкою Зоринъ, цѣлуя у ней руку. Словно розанъ, раскраснѣлись. А что? вѣрно очень устать позволили?

—Нѣтъ-съ! отвѣчала разсѣянно Варинька, поглядывая въ ту сторону, гдѣ стоялъ прекрасный собою молодой человѣкъ, въ гусарскомъ вице-мундирѣ.

—Вы, какъ вижу отменно любите танцы, продолжалъ Алексѣй Андреевичъ.

—Да-съ.

—Угодно вамъ Французскую кадрили, сказалъ, шаркнувъ ногою долговязой недоросль съ огромнымъ хохломъ и накрахмаленными брызжами.

Варинька, подала ему руку, а Зоринъ снова обратился къ Аннѣ Степановнѣ.

—Сегодня, матушка, я цѣлое утро занимался вами, сказалъ онъ вполголоса.

—Мною, Алексѣй Андреевичъ?

—То есть, вашей тяжбою.

—Покорнѣйше васъ благодарю.

—Охъ, Анна Степановна, надѣли вы мнѣ петлю на шею!

—Какъ такъ, батюшка?

—Да вѣдь дѣло-то ваше больно плоховато.

—Что ты, мой отецъ? Дѣло чистое, святое!

—Нѣтъ, матушка, Анна Степановна, пополамъ съ грѣшкомъ. Конечно, можно бы повернуть его иначе, да чтобъ оглядокъ не было. Вѣдь рѣшеніе уѣзднаго суда не законъ, а голословныя доказательства вашего права не документы, матушка, Анна Степановна!

—Ну, Алексѣй Андреевичъ! не думала я, чтобъ ты...

—Да что жъ мнѣ дѣлать! прервалъ председатель. Я вамъ докладываю, что дѣло ваше очень плоховато. Конечно, одинъ Богъ безъ грѣха: что и говорить, какъ подчасъ не покривить душею для роднаго человѣчка!....

— Ну вотъ то-то и есть, батюшка !

— Да вѣдь мы еще съ вами не родня, Анна Степановна !

— Я тебя говорила, мой отецъ, возьми терпѣнья недѣльки на три.

— Такъ и вы ужъ, матушка, потерпите.

— Какъ, потерпѣть? А не ты ли мнѣ сказалъ, что на будущей недѣль?....

— Мало ли что говорится, сударыня! Да вѣдь я же вамъ не передъ зеркаломъ это объявилъ, и мои слова въ протоколъ не записаны.

— Ну, батюшка, Алексѣй Андреевичъ, покорнѣйше благодарю!

— Да что, Анна Степановна, изъ пустова въ порожнее переливать! Не угодно ли вамъ, этакъ, денька черезъ три, помолвку сдѣлать: такъ я за ваше дѣло примусь порядкомъ. А тамъ, какъ свадебку сыгравемъ, такъ на другой день и резолюцію подмахну.

— Что ты, что ты, мой отецъ? Черезъ три дни помолвка! Да вѣдь это не что другое, около пальца не обведешь. Черезъ три дня! Да въ умъ ли ты, батюшка?

— Какъ угодно, Анна Степановна! Вашъ разумъ, ваша и воля.

— И гдѣ видано? Присталъ какъ съ ножомъ къ горлу!

— И, матушка, Анна Степановна! Давно ли вы сами проволочекъ не жалуете? Такъ за что же и мнѣ ихъ любить?..... Но, извините, господинъ Вельской сказалъ мнѣ, что вы отъ партіи отказались: такъ я взялъ карточку и, чай, меня ожидаютъ. Подумайте хорошенько, матушка. Денька черезъ два я самъ у васъ побываю. Честь имѣю кланяться!

Анна Степановна не успѣла еще образумиться отъ такого неожиданнаго нападенія, какъ вдругъ худощавый мужчина, высокаго роста, съ усами и густыми черными бакенбардами, которыя, сходясь подъ галстукомъ, обхватывали, какъ рожками, блѣдное лицо его, явился передъ нею, и, молча, устремилъ на нее свои блестящіе глаза.

— Ахъ, князь Владиміръ Ивановичъ! вскричала Слукина. Это вы?

— Да, сударыня, это я, прошепталъ князь, продолжая смотрѣть на нее съ этой «горькой» Байроновской улыбкою, о которой такъ много говорятъ новѣйшіе Французскіе писатели. — Это я! повторилъ онъ тихо, но такимъ мрачнымъ и глухимъ голосомъ, что у статской совѣтницы сердце замерло отъ ужаса.

— Ахъ, батюшка, ваше сіятельство! сказала она съ безпокойствомъ: да что съ вами сдѣлалось?

— Ничего! Бездѣлица, самый обыкновенный случай. Представьте себѣ, что мнѣ бы вздумалось понтировать, и счастье всей моей жизни поставить на одну карту.

— Эхъ, князь, напрасно! Что вамъ дался этотъ банкъ? Играли бы себѣ, да играли, въ вистикъ.....

— Да! продолжалъ князь, не слушая Слукиной. Да, все блаженство, всѣ радости, все, что привязываетъ насъ къ землѣ, поставлено на одной картѣ, и вы думаете, что я позволю банкомету передернуть?..... Вы меня понимаете?

— Нѣтъ, батюшка, не понимаю.

— Скажите мнѣ, Анна Степановна, знаете ли вы, что такое любовь?

— Какъ не знать, Владиміръ Ивановичъ! Я очень любила покойника.

— Любили? То есть, поплакали, когда онъ умеръ; износили черное фланелевое платье, и построили деревянный голубецъ надъ его могилою?

— Да, князь! Я все это выполнила, какъ слѣдуетъ.

— Какъ слѣдуетъ! Нѣтъ, Анна Степановна, я говорю вамъ не объ этой любви.

— О какой же, батюшка?

— О той, которая наполняетъ мою душу; о той, которая не знаетъ и не хочетъ знать ни какихъ приличій, ни какихъ условій свѣта, которая..... Но я

вижу, что мнѣ должно говорить съ вами опредѣлительныѣ. Эта любовь, сударыня, походить на булатный кинжалъ Черкеса: онъ гладокъ, свѣтелъ и красивъ, но имъ играть опасно. Вы меня понимаете?

— Нѣтъ, батюшка, не понимаю!

— Послушайте. Я люблю Варвару Николаевну, и если бы кто-нибудь осмѣлился забавляться этой страстью, шутить счастьемъ всей моей жизни; если бы вы, Анна Степановна,....

— Ахъ, батюшка, ваше сіятельство, что вы, что вы?.....

— Я васъ спрашиваю, длячего она до-сихъ-поръ не принадлежитъ мнѣ? Длячего всѣ эти отсрочки? Кажется, между нами все кончено. Мы сторговались....

— Опомнитесь, князь! Что вы говорите?

— Не прогнѣвайтесь, Анна Степановна! Я ненавижу эту притворную вѣжливость, которая хочетъ все на свѣтъ усыпать розами. Я люблю называть вещи собственными ихъ именами, и повторяю еще разъ, — мы сторговались, и теперь вы не имѣете ни какого права продавать эту несчастную сироту съ публичнаго торга, какъ продають невольницъ на базарахъ Востока. Она моя!

— Тише, князь! Бога ради, тише! Что вы это?....

— Скажите одно слово, и я замолчу.

— Да что это съ вами сдѣлалось? Помилуйте! съ чего вы взяли, что я отступлюсь отъ моего обѣщанія? Но вѣдь надобно также подумать и о Варинькѣ. Дайте ей хоть немножко къ вамъ привыкнуть, — а то долго ли до бѣды? Какъ больно круто повернемъ, да дѣвка-то заупрямится....

— О, объ этомъ не беспокойтесь!

— Ну, Богъ вѣсть! Вѣдь она еще млада, глупа, не вдругъ пойметъ, что жениха съ четырью тысячами душами не встрѣтишь на каждомъ перекресткѣ.

— Фя! что это такое? Да кто вамъ говорить о ду-

шахъ, Анна Степановна? Я вижу, мы вѣчно не поймемъ другъ друга. Послушайте: быть-можетъ, вы имѣете причины откладывать нашу свадьбу, но я ихъ не имѣю, и говорю вамъ рѣшительно,—или завтра же вы меня примите какъ жениха Варвары Николаевны, или весь городъ узнаетъ, какъ вы торгуете вашей падчерицею.

— Завтра! Какъ завтра?

— Извольте, я дамъ вамъ двое сутокъ на размышленіе. Слышите ли, Анна Степановна? Двое сутокъ.— То есть, прибавилъ князь, посмотрѣвъ на свои часы: въ пятницу, ровно въ полночь, Варвара Николаевна назоветъ меня женихомъ своимъ, а вы, — какъ вамъ угодно,—вы можете меня не называть своимъ сыномъ: я объ этомъ не хлопочу.

Сказавъ это, князь кивнулъ слегка головою Аннѣ Степановнѣ, и пошелъ отыскивать хозяйку дома.

— «Да что жъ это такое?» прошептала статская совѣтница. «Что они всѣ, прости Господи, бѣлены что ль объѣлись? Ну какъ они вздумаютъ стакнуться, да всѣ трое разомъ ко мнѣ пристанутъ? Ахъ, Господи, нѣтъ!..... нѣтъ! Уберусь-ка, за добра ума, поскорѣй домой, и завтра чѣмъ свѣтъ пошлю за Николаемъ Ивановичемъ: авось онъ придумаетъ что нибудь?... Варинька! Варинька!.... Не слышитъ! Да что у ней за шуры-муры съ этимъ Тонскимъ?..... Варвара Николаевна!

— Что вамъ угодно? сказала Варинька, подойдя къ Аннѣ Степановнѣ.

— А то, сударыня, чтобъ вы не извоили перебивать съ каждымъ сорванцемъ, который танцуетъ съ вами на балѣ. О чемъ ты, матушка, тараторила полчаса съ этимъ офицерикомъ..... а? Ужъ не подпускаетъ ли онъ тебѣ какихъ-нибудь турусовъ на колесахъ? Ну то-то у меня смотри, сударыня! Да изволь-ка взять свою шаль: мы сейчасъ ѣдемъ.

— Какъ, маменька? Такъ рано!

— У меня голова очень разболѣлась.

Когда Слукина сошла съ крыльца, чтобъ ѣхать домой, она почувствовала, что кто-то подсаживаетъ ее въ карету. Этотъ вѣжливый кавалеръ былъ Тонской. — Покорно васъ благодарю, батюшка! сказала она очень сухо: напрасно изволили трудиться! — Карета застучала по исковерканной мостовой, и кто-то черезъ минуту, проскакалъ мимо ея на дрожжахъ. — Да что жъ это такое? продолжала Слукина, помолчавъ нѣсколько времени: что этотъ усачъ, словно осенняя муха, такъ въ глаза мнѣ и лѣзетъ? Куда я не люблю этихъ подлипалъ!

— А онъ очень васъ любитъ и уважаетъ, сказала робкимъ голосомъ бѣдная дѣвушка.

— Право?... А что мнѣ, матушка, въ его любви? И на какую потребу уваженіе этого нищаго? Я и сама замѣтила, что онъ что-то не путемъ умильно на меня поглядываетъ. Ужъ не хочетъ ли денегъ попросить въ займы?... Пожалуй, чего добраго, прикинется, что влюбленъ въ меня. Вѣдь эта голь хитра на выдумки; на обухъ рожь молотить, и съ камня лыки дереть.

— Вы напрасно, маменька, такъ дурно объ немъ думаете. Онъ очень честный и хорошій человѣкъ.

— Ась?.... Что, мать моя?

— Я говорю, что онъ честный и хорошій человѣкъ.

— Право? Да что ты такъ за него заступаешься! Что это значить, сударыня?

— Такъ, маменька; ничего.

— То-то ничего. Правда, я до нынѣшняго дня не замѣчала, чтобъ ты съ нимъ пускалась въ большіе разговоры, да и не думаю, чтобъ этотъ однопорецъ осмѣлился..... Но какъ бы то ни было, а прошу васъ, сударыня, впередъ съ нимъ не фамиллярничать: я этого не люблю. Да вотъ ужъ мы и пріѣхали. Ну что сидишь? Вымѣзай, матушка!

Варинька выпрыгнула изъ кареты, и, когда обернулась назадъ, сердце ее забилося отъ радости: на-супротивъ, въ маленькомъ домикъ, свѣтился огонекъ, и подлѣ открытаго окна сидѣлъ Тоиской.

IV.

— Голубчикъ, Николай Ивановичъ! батюшка! будь отецъ родной! приставь голову къ плечамъ! такъ говорила Анна Степановна Слукинѣ, когда на другой день рано поутру Холминъ вошелъ въ гостиную, въ которой она его дожидалась.

— Что съ вами сдѣлалось, Анна Степановна? спросилъ онъ, садясь подлѣ нее на канапе.

— Охъ, бѣда, кормилецъ! Сушная бѣда! Всю поченьку не спала: ужъ я вертѣлась съ боку на бокъ, думала, думала!..... А что проку? какъ не кинь, все клинь!

— Да что такое?

— Что, батюшка, худо! Всѣ женихи мои взбѣленились.

— Какъ такъ?

— Да такъ; словнозаговоръ какой. Вчера, — да еще, слава Богу, что поодиначкѣ, — пристали ко мнѣ: «Рѣши, да рѣши!» Я и такъ, и сякъ. Куда-те! И слышать не хотятъ. Повѣришь ли, никто больше трехъ дней сроку не даетъ? Этотъ Франтъ, шематонъ, губернаторскій племянничекъ, такъ закидалъ меня словами, что я чуть-было сама не повѣрила, что выдаю за него Вариньку. А кропивное-то сѣмя, выжига проклятая, Зоринъ, какъ-будто-бы ему чортъ на ухо шепнулъ! Формально объявилъ мнѣ, что дѣло мое до тѣхъ поръ не будетъ рѣшено, пока я сама съ нимъ не порѣшусь. И даже этотъ шальной князь, Владиміръ Ивановичъ: ну, вотъ такъ и напираетъ, — да какія рѣчи говорить! Господи, Боже мой, уши вянуть, батюшка!

— Ну, матушка, не предсказывалъ ли я вамъ?.....

— Эхъ, Николай Ивановичъ! брани меня, ругай, да только выручи.

— Выручи! Это легко сказать, Анна Степановна. Какъ не вертись, какъ не хитри, а надобно объявить, за кого Варинька идетъ замужъ.

— Да лишь-только я объявлю, такъ Зоринъ и Вельской....

— Что и говорить: житья вамъ не будетъ! А особливо Вельской и его семейство....

— Охъ, бѣда, батюшка! живую съдятъ. Вѣдь ты знаешь, какая семейка-то!

— То-то и есть. Впрочемъ, что жъ въ самомъ дѣлѣ: не за того, такъ за другаго, а надобно вытти замужъ. Оно досадно, спору нѣтъ: да вѣдь нельзя же и Варинькѣ разорваться. Посердятся, посердятся, да перестанутъ. А вотъ чего никогда вамъ не простятъ — что вы ихъ обманывали, водили за носъ, за знамо дурачили.

— Такъ, батюшка, такъ!

— Ну, пусть Варинька выдетъ за князя Владиміра Ивановича, это еще ничего: только бы васъ-то какъ-нибудь выгородить.

— Въ томъ-то и дѣло, мой отецъ. Постарайся, родной! Придумай что-нибудь.

— Пойдите-ка!... А что, въ самомъ дѣлѣ, Анна Степановна! вѣдь вы тогда только будете въ отвѣтъ, когда отдадите сами Вариньку замужъ?... Ну, а если она убѣжитъ и обвиняется безъ вашего вѣдома?....

— Какъ убѣжитъ?

— Ну да! Если ее увезутъ.

— Увезутъ? Кто увезетъ?

— Разумѣется, князь Владиміръ Ивановичъ.

— А, понимаю! Только воля твоя, что ему за радость увозить Вариньку, когда онъ и безъ этого можетъ на ней жениться?

— Что за радость? Такъ вы вовсе его не знаете! Да онъ, я думаю, съ тоски умираетъ, что долженъ жениться такимъ обыкновеннымъ и пошлымъ образомъ. О, повѣрьте мнѣ, Анна Степановна : лишь-только я ему намѣкну, что онъ можетъ и даже долженъ увезти свою невесту, такъ онъ запрыгаетъ отъ радости. Да впрочемъ это ужъ мое дѣло: не беспокойтесь.

— Но я думаю, мнѣ надобно прежде поговорить объ этомъ съ Варинькой?

— Что вы, что вы? Напротивъ, она должна думать, что все дѣлается безъ вашего вѣдома. За скромность мою я вамъ ручаюсь, но я никакъ не поручусь вамъ ни за Вариньку, ни за будущаго ея мужа, съ которымъ, вѣроятно, она секретничать не станетъ. Вы, я думаю, понимаете всю важность этой тайны. И малѣйшее подозрѣніе можетъ васъ совершенно погубить въ общемъ мнѣніи. А если, на бѣду, откроется вся истина, то вы совсѣмъ погибли. Весь городъ на васъ обрушится: чего добраго, эту невинную хитрость назовутъ, пожалуй, подборомъ, стачкою, фальшивымъ поступкомъ, вмѣшаютъ правительство : а вы знаете, Анна Степановна, какъ судятъ дворянъ за фальшивые поступки?.....

— Охъ, знаю, батюшка, знаю! Лишатъ чиновъ и дворянства. Да только, воля твоя, гдѣ жъ тутъ фальшивый поступокъ?

— Какъ гдѣ! Да развѣ вы не должны будете принести жалобу губернатору? развѣ не станете кричать, что Вариньку увезли; что она обвинчалась безъ вашего вѣдома и согласія?.... Въдѣ чѣмъ болѣе вы надѣлаете шуму, тѣмъ невиннѣе будете казаться въ глазахъ тѣхъ, которые по милости вашей останутся въ дуракахъ.

— Правда, мой отецъ, правда!

— Не мѣшайте только мнѣ, а ужъ дѣло будетъ сдѣлано. Да гдѣ Варинька?

— У себя, батюшка, на антресоляхъ.

— Такъ я пойду и переговорю съ нею, а вы поождите меня здѣсь.

Часа черезъ полтора Холминъ вошелъ опять въ гостиную.

— Ну что, мой отецъ? спросила торопливо Анна Степановна: уладилъ ли ты наше дѣльцо?

— Кой-какъ уладилъ. Да ужъ чего же мнѣ этостойлю! Въ одномъ я не ошибся. Варинька точно не равнодушна къ князю; но убѣжать съ нимъ и обвинчаться безъ вашего вѣдома никакъ не хотѣла.

— Вотъ что!

— Я объявилъ рѣшительно, что вы никогда не выддите ея замужъ за того, кого она любитъ.

— Ну!... Что жъ она?

— Заплакала, а бѣжать не соглашалась. Я сказалъ ей, что она не родная ваша дочь, и не обязана вамъ слѣпымъ повиновеніемъ.

— Ну, ну! Что жъ она?

— Согласилась со мною, а бѣжать не хотѣла. Я сталъ ей доказывать, что это одинъ способъ выйти замужъ, что она вѣчно останется въ дѣвкахъ, если будетъ дожидаться вашего благословенія....

— Ну!

— И въ этомъ не спорила со мною; а убѣжать никакъ не рѣшалась.

— Этакая упрямая дѣвченка! Батюшкинъ правъ, что и говорить. Да чего жъ она хотѣла?

— Чтобы я далъ честное слово, что вы ее простите. Нечего было дѣлать: я побожился ей, что вы, торжественно и при всѣхъ, ее простите. Теперь смотрите же, Анна Степановна, не введите меня въ слово.

— Такъ она очень этого добивалась? А не знаешь ли, батюшка, на что ей мое прощеніе?

— Она говоритъ, что ей стыдно будетъ на людей смотрѣть, если вы навсегда отъ нее отступитесь.

— Право? Такъ у ней нѣтъ ничего другаго на умъ?

— А что такое?

— Такъ, ничего! Впрочемъ мы съ княземъ на этотъ счетъ ужъ объяснились; и у меня есть кой-какіе документы.

— Документы? Какіе документы?

— Такъ, батюшка, такъ! Вотъ изволишь видѣть: дѣло мое вдовье; сохрани Господи, навяжется зять лѣбдникъ, затаскаетъ по судамъ. Вѣдь за меня сиротинку вступитья нѣкому. Такъ Варинька хочетъ непременно, чтобъ я ее простила?

— Да, Анна Степановна, и я въ этомъ далъ ей честное слово.

— Ну, хорошо! Однако жъ, какъ ты думаешь, батюшка: все-таки надобно помолаться?

— Немножко, да! Но много не совѣтую: это будетъ ненатурально. Вы всегда такъ любили Вариньку, ваша нѣжность къ ней вѣсѣмъ извѣстна, и если вы хоть крошечку пересолите, злые люди тотчасъ скажутъ, что вы играли комедію.

— Хорошо, батюшка, хорошо! А когда же?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; а то, Богъ знаетъ, не равно еще ваши женихи какъ-нибудь изъяснятся между собою, такъ и выдумка наша ни на что не будетъ годиться. Я думаю, сегодня, ночью.

— Сегодня?...

— Да. Скажите, что у васъ голова болитъ. Вариньку спать не укладывайте, а сами часу въ десятомъ лягте почивать. Она скажетъ своей дѣвушкѣ, что у ней безсонница, и, этакъ, часу въ двѣнадцатомъ поидетъ гулять по саду. Въ задней улицѣ подлѣ калитки будетъ стоять карета, а я, въ моей деревнѣ,—знаете, что верстъ пять отсюда,—стану ихъ дожидаться въ приходской церкви. Да ужъ не безпокойтесь: все будетъ улажено. Вы, Анна Степановна, не извольте вставать ранѣе обыкновеннаго; а какъ встаните, да хватитесь Вариньки, такъ и подымите штурмъ; сейчасъ карету,

къ губернатору; ревите, плачьте. — Да что вамъ толковать! прибавилъ Холминъ, раскрывая свою серебряную табакерку: ученаго учить, лишь только портить.

Служанка улыбнулась, и, понюхавъ табаку вмѣстѣ съ Николаемъ Ивановичемъ, сказала съ видомъ глубокаго смиренія: — И, батюшка, гдѣ намъ! Вѣдь я чловѣкъ глупой; что на умъ, то и на языкъ. Да дѣлать нечего: попробую, прикинусь какъ-нибудь.

— Только смотрите! продолжалъ Холминъ, вставая: если губернаторъ васъ спроситъ, на кого вы имѣете подозрѣнiе, не вздумайте намѣкнуть на князя: онъ изъ всѣхъ Варинькиныхъ жениховъ самый выгодный. Слѣдовательно тотчасъ можетъ родиться подозрѣнiе, что тутъ есть съ вашей стороны какая-нибудь хитрость и подборъ. Стойте въ одномъ — Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю!

— Слушаю, батюшка.

— Прощайте же, Анна Степановна. Я отправлюсь теперь къ князю; а тамъ къ себѣ, въ деревню. Мнѣ сегодня дѣла будетъ много: такъ не погнѣвайтесь, если я къ вамъ ужъ не заѣду.

Николай Ивановичъ отправился. Вотъ, прошло утро. Вотъ, ужъ буфетчикъ Филька въ своемъ засаленомъ сюртукѣ вошелъ въ гостиную, и доложилъ, что кушанье готово. Анна Степановна сѣла вдвоемъ съ своей падчерицей за столъ. Онѣ обѣ молчали. Какъ ни старалась Варинька казаться спокойною, но яркой румянецъ, который выступалъ по-временамъ на ея блѣдныхъ щекахъ, разсѣянные взоры, смущенный видъ, — все изобличало необыкновенное состоянiе души. Анна Степановна была также не очень спокойна; кушала очень мало, то есть, не за троихъ, вертѣлась на своемъ стулѣ и безпрестанно посматривала на стѣнные часы съ курантами, которые висѣли въ столовой. — Что это подѣлалось съ нашей барыней? шептали межъ собой слуги: словно въ воду опущенная! Сло-

вечка не вымолвить! Да и барышня-то не краше ея. Посмотри-ка, Пароень! сказалъ буфетчикъ, сдавая повару не початое блюдо: что за диковинка такая? Барыня не изволила сегодня и левашниковъ кушать.— Да, братъ, это не даромъ! замѣтилъ поваръ, поглядывая съ удивленіемъ на любимое «хлѣбное» Анны Степановны: всѣ до одного цѣлехоньки! Ну!..

Такъ прошелъ весь день. Часу въ девятомъ Анна Степановна стала жаловаться на головную боль, повязалась намоченнымъ въ уксусъ полотенцемъ, и безпрестанно нюхала о-де-колонъ.— Ахъ, какъ у меня голова-то расходилась! примолвила она подконецъ болѣзненнымъ голосомъ: лягу пораньше, авось сномъ пройдетъ.— А вы, голубушки, смотрите, продолжала она, обращаясь къ своимъ горничнымъ дѣвушкамъ: прошу не мѣшать мнѣ спать; чтобы ни случилось, не смѣй никто меня будить. Слышите?.... Ахъ, Господи, словно молотками въ виски колотить. А все отъ того, что совсѣмъ моціону не дѣлаю. Да и ты, Варинька, вовсе неходишь; все сидишь за рукодѣльемъ. Ну, что хоть теперь: вечеръ славный, пошла бы себѣ гулять по саду. Эхъ, вы, барышни, барышни! толку-то въ васъ нѣтъ: или всю ночь танцуете до-упаду, или цѣлый день сидите на одномъ мѣстѣ. Въ твои годы я, бывало, такую теплую ночь напролетъ гуляю. Ступай-ка, мой другъ, ступай. Какъ обойдешь разъ двадцать всѣ дорожки, такъ завтра будешь какъ встрепаная. А я прилягу: авось пройдетъ! Охъ, батюшки свѣты, что за боль такая! Такъ голова и трещить. Прощай, Варинька; прощай, мой другъ.

Прошло еще около двухъ часовъ. Вотъ, въ столовой заиграли куранты, и громкой колокольчикъ прозвенѣлъ одиннадцать разъ сряду.— Не дожидайся меня, Дуняша, сказала тихимъ голосомъ Варинька: мнѣ что-то не спится; я пойду гулять по саду, и разбужу тебя, когда ворочусь назадъ.— Дуняша, толстая дѣвка

лѣтъ тридцати, у которой давно ужъ глаза слипались, вышла въ другую комнату, помолилась Богу, прилегла на свою постеленку, и заснула мертвымъ сномъ. Варинька закутала голову платкомъ, накинула на себя бархатную казавейку, и сошла по дѣвичьему крыльцу на дворъ. Кругомъ, все было тихо: одинъ только дремлющій сторожъ постукивалъ отъ времени до времени въ чугунную доску, и лаяла изрѣдка цѣпная собака. Робко озираясь кругомъ, Варинька растворила рѣшетчатые дверцы сада, и пустилась по длинной, заросшей травою аллеѣ. Ночь была лунная, но свѣтъ отъ полного мѣсяца едва проникалъ сквозь частыя вѣтви огромныхъ липъ, которыми обсажены были дорожки. О, какъ билось, какъ замирало сердце бѣдной дѣвушки! Черезъ нѣсколько минутъ участь ея должна была навсегда рѣшиться. Каждый шорохъ приводилъ ее въ трепеть: зашелеститъ ли вѣтерокъ между деревьями, хрухнетъ ли сухая вѣтка подъ ея ногою, вскрикнетъ ли кузнечикъ, — все заставляло ея вздрагивать и озираться.

Случалось ли вамъ, — я спрашиваю это у моихъ читателей, а не читательницъ: женская скромность помѣшаетъ имъ отвѣчать откровенно, — случилось ли вамъ, во-первыхъ, любить?... Но поймите меня хорошенько: не такъ любить, какъ любятъ многіе, какъ любить всѣ, во-второй, десятой, сотой разъ; а такъ, какъ мы любимъ въ первый разъ жизни, со всею непорочною юной, дѣвственной души, когда честь и добродѣтель той, которую выбрало наше сердце, дороже намъ самой жизни, когда мы не вѣримъ, а вѣруемъ и въ дружбу и въ любовь. Если вы испытали это чувство, если когда-нибудь, поздно вечеромъ или въ тихую весеннюю ночь, вы дожидались вашей любезной въ тѣнистой рощѣ, и дожидались для того только, чтобъ въ миліонный разъ повторить ей, и можетъ быть въ первый услышать отъ нея — «Я люблю тебя!»,

то скажите мнѣ, что происходило тогда въ душѣ вашей. Не замирало ли сердце, не перерывалось ли ваше дыханіе, когда, послѣ многихъ и напрасныхъ тревогъ, вы услышали наконецъ знакомый для васъ шорохъ, и вдали между деревьевъ замелькало бѣлое платице? Если вы не забыли еще, какое производили надъ вами дѣйствіе эти мучительныя и, въ то же время, неизъяснимо пріятныя ощущенія, то легко можете себѣ представить, что почувствовала Варинька, когда въ недалекомъ отъ нея разстояніи раздався внятный шелестъ шаговъ. Въ концѣ аллеи, по которой она шла, двѣ густыя черемухи, сплетаясь вѣтвями, составляли небольшой сводъ, сквозь который видѣлись, какъ въ окно, свѣтлоголубыя, усыянныя звѣздами, небеса. Вдругъ, что-то темное заслонило этотъ отдаленный просвѣтъ. — Это онъ! шепнула Варинька, прислонясь къ дереву, чтобъ не упасть на землю. — Вотъ опять замелькали вдали звѣзды; опять что-то ихъ застало. Этотъ темный предметъ, бросая передъ собой длинную тѣнь, быстро подвигался впередъ. Вдругъ свѣтлый лучъ мѣсяца прорвался сквозь частыя вѣтви липъ, и облилъ своимъ мирнымъ и тихимъ свѣтомъ закутаннаго въ сѣрую шинель, высокаго мужчину. Варинька хотѣла сдѣлать шагъ впередъ, но ноги ея подогнулись, и она упала почти безъ чувствъ въ объятія Тонскаго. — Это вы!.... это ты, мой другъ!.... вскричалъ съ восторгомъ молодой человѣкъ. О, я не смѣю вѣрить моему счастью! Мнѣ все кажется.... Да, мой другъ, да, я боюсь проснуться!

Варинька не говорила ни слова, но голова ея лежала на груди Тонскаго, и крупныя слезы текли по ея пылающимъ щекамъ. — Ахъ, если вы когда-нибудь перестанете любить меня! прошептала она прерывающимся голосомъ.

— О, никогда, никогда!

— Меня некому было благословить, продолжала Варинька, рыдая. У меня нѣтъ ни отца, ни матери.....

— Они видятъ мое сердце, перервалъ Тонской, и вѣрно въ эту минуту благословляютъ насъ обоихъ. Но пойдемъ, мой другъ! Твой крестный отецъ дожидается насъ въ церкви. О, поспѣши, поспѣши сказать, что ты навсегда будешь принадлежать мнѣ!

Опираясь на руку Тонскаго, Варинька вышла изъ алмѣн на обширный лугъ, который начинался отъ самаго дома, и оканчивался заборомъ. Она невольно оглянулась назадъ, и ей показалось, что одно изъ оконъ спальни ея махихи до половины было растворено. Между-тѣмъ Тонской отперъ калитку. Она опять захлопнулась, и коляска, запряженная четверкою лихихъ коней, помчалась какъ изъ лука стрѣла. На минуту оживилась молчаливая улица, — вдали раздался окликъ полусоннаго будошника, — еще далѣе залаяли встревоженные собаки, — тамъ стукъ отъ звонкой мостовой сталъ все тише и тише, — вотъ раздался еще одинъ едва слышный окликъ часоваго, — и вскорѣ все замолкло попрежнему.

— Ну, слава Богу, уѣхали! сказала Слуккина, затворяя окно. Ухъ! какъ гора съ плечь!

Она поправила свой ночникъ, легла на постель, и, мечтая о двухъ тысячахъ душъ, которыя теперь на всю жизнь и нераздѣльно останутся въ ея единственномъ владѣнн, заснула самымъ сладкимъ и спокойнымъ сномъ.

У.

— Дѣвка, дѣвка!.... Малашка!

Горничная дѣвушка отворила потихоньку дверь въ спальню Анны Степановны, и остановилась на порогѣ.

— Который часъ?

— Семь часовъ, сударыня.

— Какъ я заспалась сегодня! Да что ты тамъ стоишь? Войди!

Горничная вошла. За нею перевалилась за порогъ старуха Кондратьевна, нянюшка Анны Степановны. За Кондратьевной тащилась ключница Мавра. За Маврой двѣ пожилыя сѣнныя дѣвушки, изъ-за которыхъ видѣлись головы трехъ или четырехъ прачекъ: онѣ не смѣли войти въ опочивальню ихъ барыни, и стояли въ уборной. На всѣхъ лицахъ изображались страхъ, смущеніе, и какое-то робкое любопытство.

— Что вы, что вы? вскричала Слуккина. Зачѣмъ?

Нянюшка посмотрѣла на ключницу. Ключница поглядѣла на сѣнныхъ дѣвушекъ. Сѣнныя дѣвушки поглядѣли другъ на друга. Но никто не отвѣчалъ ни слова.

— Ну, что жъ вы молчите? Зачѣмъ пришли? повторила грознымъ голосомъ Слуккина.

— Ахъ, матушка, Анна Степановна! прохрипѣла наконецъ Кондратьевна.

— Родная ты наша! завопила ключница.

— Да что такое сдѣлалось? спросила Слуккина, вставая съ постели, и накидывая на себя шлафрокъ.

— Бѣда, матушка! завизжала одна изъ сѣнныхъ дѣвушекъ: такой грѣхъ, что и доложить не смѣемъ.

— Да скажите ли вы мнѣ, проклятыя? закричала Анна Степановна. Говори хоть ты, Кондратьевна.

— Что, матушка! несчастье, да и только. Варвара Николаевна безъ вѣсти пропала.

— Какъ пропала?

— А такъ, кормилица! Сгинула да пропала. Вчера около полуночи она изволила пойти гулять въ садъ; Дуняшкѣ приказала себя не дожидаться, а та съ дуру-то прилегла соснуть, да и прохрапѣла до самаго утра, окаянная. Какъ проснулась, — глядь, барышни нѣтъ! постель не измята! Она въ садъ: и тамъ никого. А калитка отперта! Вотъ, какъ она увидѣла,

что дѣло-то худо, — ко мнѣ! Мы подняли всю дворню нанюги, обшарили всѣ мышиныя норочки: нѣтъ, какъ нѣтъ!

— Ахъ, Боже мой, да что жъ это значить? Не ужъ ли Варинька убѣжала съ какимъ-нибудь пострѣломъ? Быть не можетъ!

— Охъ, кормилица, видно такъ! промолвила ключница я сейчасъ ходила купить Французскихъ хлѣбовъ къ Нѣмцу булочнику, вонъ, что живетъ позади нашего сада. — «Все ли у васъ здорово?» спросилъ онъ у меня. — А что, Францъ Ивановичъ? — «Да такъ! Вчера, этакъ, въ полночь, подлѣ калитки вашего сада, стояла коляска, и я самъ видѣлъ, какой-то высокой баринъ съ барыней вышли изъ саду, сѣли въ нее, да и по всѣмъ по тремъ!

— Ахъ, Господи! Такъ въ самомъ дѣлѣ? вскричала отчаяннымъ голосомъ Слукина. Такъ точно, она ушла! Карету, карету! одѣваться, скорѣй, сейчасъ! Ахъ, срамъ какой! Бѣгите къ Николаю Ивановичу! Скажите ему, что я поскакала къ губернатору. Вотъ до чего дожила! Что стоите? Ступайте вонъ!.... Антонъ и Филька поѣдутъ за каретою.... Ахъ, батюшки мои свѣты, что это! Малашка, черное платье!.... Да поворачивайся, негодная!.... Государи мои, что это! Бѣлой чепецъ!.... Да Бога ради, карету, скорѣй карету!

Карету подвезли. Два дюжихъ лакея посадили въ нее Анну Степановну, у которой съ горя ноги подкосились и чуть-чуть голова держалась на плечахъ. Кучеръ ударилъ по лошадамъ, и они взяли съ мѣста рысью, — что обыкновенно случалось въ однихъ только важныхъ и «экстренныхъ» случаяхъ. Анна Степановна была очень сострадательна къ животнымъ, и особенно берегла своихъ лошадей: правда, она кормила ихъ однимъ сѣномъ; но зато всегда ѣздила шагомъ. До губернаторскаго дома было далеко, и Слукина успѣла обдумать все и приготовиться къ своей

полн. Она сдернула на одну сторону чепецъ, растрепала волосы, перевернула на изнанку свою Турецкую шаль, и до тѣхъ поръ шохала сткляночку съ шашатырнымъ спиртомъ, пока глаза ея наполнились кровью, а вѣки распухли и покраснѣли. Вотъ наконецъ усталые кони остановились у подъѣзда губернаторскаго дома. Антонъ и Филька вынули свою барыню изъ кареты, почти внесли ее на рукахъ на лѣстницу; потомъ ввели подъ руки въ столовую, и посадили въ кресла, которыя подаль ей вѣжливый губернаторскій камердинеръ, сказавъ, что его превосходительство сейчасъ ее приметъ. Минуть черезъ пять двери изъ гостиной отворились, и вышелъ Николай Ивановичъ Холмицъ. — Губернаторъ проситъ васъ къ себѣ, сказалъ онъ. — Ахъ, это ты, мой отецъ! вскричала Слуккина: помоги мнѣ, родной. Охъ, батюшки мои!.... Ноги нейдутъ.

Николай Ивановичъ пособилъ ей подняться, и введя ее подъ руку, прошепталъ: — Славно, Анна Степановна! славно! нельзя лучше. Только, пожалуйста, не такъ налегайте: тяжело, матушка. — Въ гостиной встрѣтилъ ихъ губернаторъ; подлѣ него стояли дворянскій предводитель и докторъ фонъ-Раухъ.

— Успокойтесь, сударыня, сказалъ губернаторъ, усаживая Слуккину на канапе.

— Ахъ, батюшка, ваше превосходительство! завопила она. Отецъ ты нашъ! Помогни, спаси!

— Успокойтесь. Будьте увѣрены, я сдѣлаю все, что отъ меня зависить. Я сейчасъ узналъ отъ Николая Ивановича, что Варвара Николаевна....

— Вотъ, ваше превосходительство, до чего я дожила! Какой позоръ! Уйти изъ моего дома! Убѣжать Богъ знаетъ съ кѣмъ!....

— Какъ? Такъ вы не знаете?....

— Нѣтъ, ваше превосходительство! Какъ Богъ-святъ, не знаю.

— И не имѣете даже подозрѣнія?

— Не имѣю. Видить Богъ, не имѣю! Да и кого я могу подозрѣвать? Какъ могло прійти мнѣ въ голову, чтобъ дочь покойнаго моего Николая Степановича рѣшилась на такое дѣло? Ахъ, Господи, да неужели бы я стала противиться ея склонности? Ужъ я ли не любила, я ли не тѣшила ее неблагодарную? На всѣхъ пошло: въ глаза ей смотрѣла, сдувала съ нея каждую порошинку. И чѣмъ же она мнѣ отплатила? Ахъ, я несчастная! Охъ, тошно!.... Батюшки мои, тошно!.... Смерть моя!....

Анна Степановна закрыла глаза, голова ея скатилась на грудь, и она упала *безъ чувствъ* на канapé.

— Воды, скорѣй воды! закричалъ губернаторъ. Ей дурно!

— Однако жъ она вовсе не поблѣднѣла, замѣтилъ предводитель.

— Позвольте! сказалъ докторъ фонъ-Раухъ, взявъ за руку Слуккину. — Гмъ, гмъ! промышчалъ онъ, нахмуривъ брови: пульсъ очень высокъ, весьма высокъ..... Сильный приливъ крови къ головѣ..... Посмотрите, какъ горитъ ея лице! Э, да это можетъ имѣть серіозныя послѣдствія. Сей же часъ надобно пустить кровь.

— Вы думаете? сказалъ Холминъ.

— Да, да! Позвольте. Со мною, кажется, есть ланцетъ. Гей, человѣкъ, тарелку!... полотенце! Скорѣй! скорѣй! Не надобно терять ни минуты! Потрудитесь, Николай Ивановичъ, заворотить рукавъ; хотя на правой рукѣ.... все равно!

Анна Степановна очнулась.

— Что вы, что вы? вскричала она, отталкивая Фонъ-Рауха.

— Ничего, сударыня, ничего! Потерпите одну минуту. Вамъ надобно непременно пустить кровь.

— Ахъ, батюшка, зачѣмъ? на что? Подите прочь, подите прочь!...

— Какъ вы себя чувствуете? спросилъ губернаторъ.

— Крошечку получше. Охъ, батюшка, ваше превосходительство, что мнѣ дѣлать? къ чему приступить?... Надоумите меня, посовѣтуйте мнѣ!

— Если вамъ угодно знать мое мнѣніе, такъ вотъ оно. Вѣроятно Варвара Николаевна уже обвиняна: слѣдовательно этого перемѣнить нельзя. На вашемъ мѣстѣ я простилъ бы ее.

— Какъ, батюшка, ваше превосходительство? Вы мнѣ совѣтуете.....

— Да вы сами говорили, что не стали бы противиться ея склонности.

— О, конечно бы не стала!.... Но разсудите милостиво!

— Я не оправдываю поступка вашей падчерицы: она дурно сдѣлала, что не имѣла къ вамъ довѣренности; вы такъ ее любите....

— Какъ родную дочь! Видитъ Богъ, какъ родную дочь!

— А если такъ, сударыня, сказалъ предводитель, такъ будьте же до конца нѣжной матерью: простите ее!

— Въ самомъ дѣлѣ, Анна Степановна, прибавилъ Холминъ, мигнувъ украдкою Слукиной: вѣдь снявши голову, о волосахъ не плачутъ. Добро бы дѣло-то было поправное, а то что толку и себя надрывать, и ихъ мучить? Эхъ, матушка, простите ее!

— Ну, если всѣ меня просятъ, сказала съ глубокимъ вздохомъ Слукина: такъ видно пришлось простить.....

— По можетъ-быть, примолвилъ губернаторъ, тотъ, за кого она вышла замужъ.....

— Да кто бы онъ не былъ! перервала Слуккина: все равно! По-моему, батюшка, ваше превосходительство, прощать, такъ прощать. Онъ мужъ ея, такъ я и его буду любить какъ роднаго сына.

— Какъ вы добры, Анна Степановна! сказалъ предводитель.

— Что жъ дѣлать, Николай Ивановичъ! Знаю сама, что это слабость: да ужъ у меня натура такая!

— Вы слышите, ваше превосходительство? сказалъ въ полголоса Холминъ, обращаясь къ губернатору: господа Слуккина добровольно, по одному побужденію своего добраго сердца, прощаетъ мою крестницу. Варинька здѣсь, Анна Степановна; и если вы позволите ей войти

— Охъ, постой, батюшка, постой! Дай собраться съ духомъ.... Сердце-то у меня, сердце!.... Вотъ такъ выскочить и хотеть.

— Право, вамъ не мѣшаетъ пустить кровь, сударыня, шепнулъ докторъ Фонъ-Раухъ. Вы въ такомъ волненіи.....

— Не ваше дѣло, батюшка! вскричала Слуккина. — Ну, пусть войдетъ, продолжала она, закрывая лице объими руками. О, Господи, укрѣпи меня грѣшную!

Боковыя двери отворились, и молодые вошли въ гостиную.—Вотъ она! сказалъ Холминъ, подводя къ Слуккиной свою крестницу.

— Ну, Варинька, Богъ тебѣ судья! проговорила Анна Степановна, стараясь всхлипывать: огорчила ты меня на старости! Ну, да такъ и быть. Господь съ тобой! Я прощаю тебя, мой другъ!... Да гдѣ же твой мужъ?

— Вотъ онъ, маменька.

Слукина подняла глаза: передъ нею стоялъ Тонской.

На этотъ разъ она не-шутя упала въ обморокъ, и докторъ фонъ-Раухъ добился своего: онъ пустилъ ей кровь.

* * *

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого приключенія, въ собраніи общества людей «высокаго полета» происходилъ такой разговоръ:

княгиня ландышева (*обращаясь къ Вельскому*). Такъ, князь Владиміръ Ивановичъ сегодня къ намъ не будетъ?

вельской. Нѣтъ, княгиня. Я уговорилъ его отправиться въ деревню.

гореглядова. Что это вамъ вздумалось?

вельской. Такъ вы не знаете? Князь хотѣлъ рѣзаться съ Тонскимъ.

златопольская. Ахъ, Боже мой! Дуэль?

вельской. Да! И вы не можете себѣ представить, какого мнѣ стоило труда доказатьему, что онъ навсегда сдѣлается смѣшнымъ, если станетъ драться съ этимъ молокососомъ, — и за кого же? — за какую-то Варвару Николаевну Тонскую, урожденную Слукину!

княгиня. Да неужели онъ въ самомъ дѣлѣ былъ влюбленъ въ эту дѣвочку?

вельской. До безумія.

княгиня. Впрочемъ у ней очень хорошее состояніе. Надобно сказать правду, Анна Степановна поступила съ ней весьма благородно: она дала за ней въ приданое тысячу душъ.

гореглядова. Право? О, такъ я понимаю, что Тонской могъ въ нее влюбиться. Но князь!! Боже мой! да что онъ нашелъ въ ней хорошаго? Une petite sottise!

зарѣцкая. Худа, блѣдна какъ смерть.

гореглядова. Стекланные, голубые глаза...

княгиня. Стрые, та chère.

гореглядова. Стрые или голубые, только въ нихъ
вовсе нѣтъ души.

златопольская. А носъ, та chère, носъ?.... (*взглянувъ украдкою въ зеркало.*) Надѣюсь, его никто не назоветъ Греческимъ?

вельской. И, полноте! Охота вамъ говорить объ этой алебастровой куклѣ? Мнѣ всекажется, какъ-будто-бы ее сейчасъ на лоткѣ носили.

зарѣцкая. Comme vous êtes méchant!

гореглядова. Для меня этотъ Тонской несравненно лучше своей жены. (*Взглянувъ изъ подлѣбья на Вельскаго*) Il est assez joli garçon!

вельской. Кто, онъ? Да, конечно, онъ былъ бы прекраснымъ тамбуръ-мажоромъ.

княгиня. Да; это правда, онъ не дурень собою, но такъ обыкновененъ! Такія инъобельныя формы!....

зарѣцкая. Бѣлъ, румянъ....

златопольская. Свѣтлые волосы.... Фи! настоящая Русская физиономія.

вельской (*улыбаясь*). Вы, кажется, не всегда это думали.

златопольская (*коверкаясь*). Ай! что вы это говорите? Полноте!

вельской (*обращаясь къ Зарѣцкой*). Да мнѣ помнится, что и вы....

зарѣцкая (*ломаясь*). Кто? я?..... Quelle idée!

вельской. Если не ошибаюсь, такъ было время, что даже и вы княгиня.....

княгиня (*взглянувъ пристально на Вельскаго*). Я?

вельской. Да, да! Признайтесь, что онъ вамъ очень нравился.

княгиня. Можетъ-быть. Я даже вамъ скажу

когда это было.... Да, точно такъ! Въ то самое время, какъ вы сватались за эту алебастровую куклу.

ГОРЕГЛЯДОВА (*вспыхнувъ*). Какъ? Вельской, вы хотѣли на ней жениться?

ВЕЛЬСКОЙ (*съ примѣтнымъ замѣшательствомъ*). Кто? я?.... Жениться на Слукиной? Помилуйте!..

КНЯГИНЯ. Да вы почти при мнѣ ей дѣлали предложенія.

ГОРЕГЛЯДОВА (*нескрывая своей досады*). Прекрасно!

ВЕЛЬСКОЙ (*тихо Гореглядовой*). Полноте! (*Громко*). Какъ вамъ не стыдно,, княгиня!

КНЯГИНЯ. А, Вельской, вы любите шутить надъ другими!

ГОРЕГЛЯДОВА. C'est bien, monsieur! C'est très-bien! Такъ вы хотѣли жениться?... (*Ее начинаетъ подергивать.*)

КНЯГИНЯ. Qu'avez-vous, ma chère?.... Что вы?....

ГОРЕГЛЯДОВА. Ничего!... Dieu!... Спазмы! Мнѣ душно!....

КНЯГИНЯ. Человѣкъ! человѣкъ!.... Спирту, воды!

(*Всѣ суетятся около Гореглядовой.*)

ГОРЕГЛЯДОВА (*Вельскому*). Laissez-moi!.... Ахъ, я задыхаюсь!.... Oh, les hommes, les hommes!

ВЕЛЬСКОЙ. Это ничего. Пройдетъ! (*Тихо княгинѣ*). Какая неосторожность!

ЗЛАТОПОЛЬСКАЯ (*тихо Зарѣцкой*). Какъ она себя компрометируетъ!

ЗАРѢЦКАЯ. Да, ma chère! Мнѣ очень ее жаль! Elle est si bonne!.... (*Въ сторону*) Поѣду сейчасъ разсказать объ этомъ моей кузинѣ!

М. ЗАГОСКИНЪ.

СТАМБУЛЬСКІЕ ОРИГИНАЛЫ.

=

Я не стану рассказывать вамъ здѣсь ни о томъ, какъ Бостанджи-баши пытается Армянскаго банкира, ни о томъ, какъ на углу улицы палачъ, среди глупой и любопытной толпы, отрѣзываетъ голову преступнику, какъ барану, и кладетъ ее подъ мышку или между ногъ окровавленному трупу; ни о чумѣ, ни о пожарахъ, ни о бунтахъ, ни даже о здѣшнихъ балахъ. Я предпочитаю всему этому здѣшнихъ оригиналовъ. Я познакомлю васъ съ особымъ классомъ путешественниковъ. Они не за тѣмъ пришли сюда, чтобы вылечиться отъ болѣзни: здѣсь и здоровый не устоитъ при встрѣчѣ съ черною гостью, которая, прибывъ изъ Африки вмѣстѣ съ пассажирами на купеческомъ бригѣ, такъ роскошно гуляетъ по берегамъ Босфора и каждый годъ собираетъ жатвы нѣсколькихъ тысячъ кяфировъ всѣхъ народовъ, толпящихся въ столицѣ Исламизма, — вѣрующихъ или нѣтъ въ предопредѣленіе. Они также не артисты: Турки не любятъ артистовъ, и считаютъ тяжкимъ грѣхомъ писать свои портреты. Кромѣ всѣхъ путешественниковъ, которыхъ любопытство, наука или торговля, сзываютъ въ Константинополь, есть другой родъ странниковъ, гораздо многочисленнѣе, пестрѣе, предприимчивѣе. Это люди, которые гонятся за счастьемъ. Это искатели приключеній, которымъ вся широкая Европа тѣсна для полета ихъ генія; которымъ всѣ обыкновенные пути въ жизни кажутся грязными тропинками; которые рѣшились проложить себѣ новую дорогу, во что бы то ни стало, покинули родину и родныхъ, готовы выбрать голову и отказаться отъ своей вѣры, чтобъ осуществить

сонъ, встревожившій ихъ праздную лѣнь картиною золоченнаго кіоска на берегу Босфора, ароматической атмосферы восточнаго цвѣтника на терасѣ сада, сладострастной нѣги гарема и круга розовыхъ пажей и нѣмыхъ рабовъ. Французы въ этомъ разрядѣ занимаютъ первое мѣсто, можетъ-быть по существующему у нихъ сочувствію къ Туркамъ и къ ихъ образу жизни; можетъ-быть, — и это вѣрнѣе, — по недостатку религіозныхъ правилъ, которымъ страждетъ значительная часть этого народа. Первое ихъ дѣло по прибытіи въ Константинополь — идти на кладбище Дервишей-пласуновъ въ Перъ, и поклониться огромному мрамору, украшенному старинною Турецкою чалмою, и подъ которымъ почиваетъ прахъ славнаго ренегата, ихъ соотечественника, графа Бонневая, прежде Австрійскаго генераль-лейтенанта, сражавшагося противъ Турокъ подъ знаменами принца Евгенія, потомъ Турецкаго паши и дервиша, и наконецъ безстыднаго хоть и остроумнаго историка своихъ походовъ. Со времени преобразования, введеннаго султаномъ въ военной системѣ, каждый корабль, идущій отъ береговъ западной Европы, доставляетъ въ его армію или въ армію его врага, Мехеммедъ-Алія, будущихъ пашей изъ самой послѣдней сволочи Европейскихъ обществъ. Правда, что большая часть ихъ, отъ неудачъ или по другимъ причинамъ, скоро получаютъ отвращеніе къ новому роду жизни: пробывъ нѣсколько лѣтъ на берегахъ Босфора и Нила, многіе изъ нихъ вспомнили свои родные берега, и уже возвратились тайкомъ во-свояси; но многіе также, разорвавъ навсегда все узы родства и боясь показаться въ отечествѣ, гдѣ вѣроятно ожидаетъ ихъ исправительный домъ за старыя прегрѣшенія или тюрьма за долги, рѣшились пуститься въ другую промышленность: они промѣняли шпагу на ланцетъ, сдѣлались *signori medici*, и дѣятельно стали за-

лечивать подданныхъ султана, которыхъ надѣялись прежде душиить другими средствами, въ качествѣ его сановниковъ и любимцевъ. Мнѣ случилось видѣть нѣсколько такихъ побочныхъ дѣтей Эскулапа въ Кандіи, въ Смирнѣ, въ Дарданеллахъ. Многіе изъ нихъ сознаются безъ обиняковъ, что никогда не учились Медицинѣ, что даже для формы не знаютъ сколько-нибудь по-Латыни, и увѣряютъ, что практикою узнали свойства человеческого тѣла, и что такимъ образомъ пріобрѣтаютъ они болѣе свѣдѣній, нежели ихъ Европейскіе собраты, коптыющіе въ книгахъ. Они всегда составляютъ какую-нибудь сентиментальную исторію своихъ приключеній, принудившихъ ихъ оставить Европу и сдѣлаться докторами: то неудачи по службѣ, то преслѣдованіе за благородство мыслей, то измѣна любимой особы, заставили искать убѣжища въ Турціи. Самые добросовѣстные изъ нихъ идутъ въ шарлатаны: они употребляютъ только невинныя средства, и даютъ за хорошую цѣну своимъ паціентамъ стекляночки съ водою, окрашенною розовымъ, желтымъ, кофейнымъ цвѣтомъ, пилюли изъ хлѣба съ какимъ-нибудь незначащимъ порошкомъ, и тому подобное. Другіе не такъ снисходительны, и лечатъ на убой. Рыская по Турціи съ сумою, наполненною лечебнымъ запасомъ, они иногда заслуживаютъ громкую извѣстность, особенно если насмѣшница судьба вздумаетъ имъ улыбнуться и позволить вылечить какое-нибудь высокое лицо подъ ихъ надзоромъ: тогда открываются имъ гаремы; они пріобрѣтаютъ политическій вѣсъ вліяніемъ своимъ на вельможу или на его кадыну; впиваются какъ пѣявки въ ихъ довѣренность; простираютъ свои интриги до самого серая, продаютъ дорогою цѣною свое покровительство не только мелкимъ просителямъ, но посламъ и государямъ, и иногда располагаютъ судьбою цѣлыхъ областей. Но большею частію они при-

нуждены довольствоваться весьма скромною промышленностью: я видѣлъ, какъ они десятками отправляются каждый день изъ Перы въ Константинополь, обходятъ самыя уединенныя улицы, и хриплымъ голосомъ исчисляють болѣзни, отъ которыхъ несомнѣнные лекарства хранятся въ ихъ коробкѣ, оканчивая всегда исчисленіе какою-нибудь фразою въ восточномъ вкусѣ освоенъ врачебномъ всемогуществѣ. Положеніе ихъ незавидно, несмотря на возможность вдругъ выскочить въ люди. Въ странѣ, гдѣ царствуетъ вѣра въ предопредѣленіе, они имѣють опасныхъ соперниковъ въ старыхъ дервишахъ, которые лечатъ всѣ болѣзни талпзманами. Азіятское воображеніе, воспламененное таинственными изрѣченіями Корана, обрядами словія и мученичествомъ, которому эти святоши добровольно подвергаются, крѣпко вѣритъ въ силу средствъ, почерпнутыхъ въ самой религіи: притомъ дервиши имѣють то преимущество предъ другими шарлатанами, что въ случаѣ неудачи своего пользованія, могутъ торжественно объявить, что смерть была написана на скрижаляхъ судебъ, — а что значать усилія человѣка передъ одною буквою предвѣчной книги! А докторамъ по званію нерѣдко достаются палки по пятамъ, и были случаи, что какой-нибудь своенравный паша предлагалъ имъ или вылечить любимого сына, или готовиться къ висѣльцѣ въ случаѣ его смерти, и потомъ буквально сдерживалъ свое слово. Сверхъ-того, въ странѣ непрерывныхъ переворотовъ опасно связывать свою судьбу съ судьбою могучаго лица, которое при первомъ гнѣвѣ султана, при первой вспышкѣ мятежа, можетъ сдѣлаться жертвою обстоятельствъ.

Въ Перѣ есть теперь нѣсколько ученыхъ Европейскихъ врачей, но они служатъ почти исключительно для Европейцевъ, поселившихся въ этомъ предмѣстіи Константинополя: если случится, что ихъ

позовутъ къ мусульманину, они должны только бороться съ непреодолимыми предразсудками, и часто всѣ ихъ убѣжденія безсильны передъ упрямымъ невѣжествомъ Турка. Недавно, одинъ Англіійскій докторъ, желая познакомиться съ состояніемъ своей науки въ Константинополѣ, рѣшился войти въ кофейный домъ, гдѣ Левантскіе его собраты обыкновенно имѣютъ свои засѣданія, и сыграть комедію подобно имъ. Онъ важно усѣлся на скамьѣ, а его переводчикъ сталъ, по обычаю, исчислять мнимые его подвиги. «На дняхъ, говорилъ онъ, этотъ достопочтенный *хекимъ* («мудрецъ»), цвѣтъ мудрецовъ (лекарей) Френгистана, «вылечилъ, въ присутствіи многихъ свидѣтелей, почти умершаго эфендія: онъ извлекъ изъ груди больного легкое, очистилъ отъ всѣхъ поврежденій, положилъ назадъ, и на другой день эфенди былъ въ вожделѣнномъ здравіи, за что и щедро наградилъ его пятью мѣшками золота.» Слушатели, привыкшіе вѣрить подобнымъ разсказамъ, такъ же какъ чудесамъ Тысячи Одной Ночи, «положили въ уста палецъ удивленія.» Одинъ воскликнулъ — «Нѣтъ божества кромѣ Бога!»; другой прибавилъ — «и Магометъ пророкъ Бога!»; третій, вставъ съ мѣста, сказалъ доктору самымъ дружелюбнымъ голосомъ — *Гель гяуръ!*, «Поди за мной, огнепоклонникъ *!», и повелъ его къ одному больному пашѣ. Медики всѣхъ націй, правовѣрные и невѣрные, осаждали постель страждущаго, вмѣстѣ съ толпою друзей, слугъ и рабовъ его. Главную дѣйствующую роль въ этомъ пестромъ собраніи игралъ важный имамъ: онъ началъ консилиумъ слѣдующимъ экзордомъ: «Аллахъ сотворилъ міръ для того, чтобы разлитъ въ немъ свѣтъ Исламизма. Госпо-

* Мы не скажемъ ничего новаго, напоминая читателямъ, что слово *гяуръ*, которымъ Турки величаютъ всѣхъ иноверцевъ, есть исковерканное ими Персидское—*геберъ*, или *гевеъръ*, Гебръ, Гвебръ, огнепоклонникъ.

«динъ пашъ, Магометь-Избранный — да благословить «его Аллахъ, да привѣтствуетъ онъ его! — получилъ «благородный Коранъ изъ рукъ ангела Гаврііла. Эта «книга писана собственноручно Аллахомъ прежде «всѣхъ вѣкъ, и на ея священныхъ страницахъ изоб- «ражена вся мудрость богословія и природы. И такъ «всякое знаніе, почерпнутое не изъ Корана, есть толь- «ко обманъ и нечестіе.» Имамъ справлялся съ Кора- номъ, и нашель-было, что слово «медъ» повторялось въ немъ столько разъ, сколько дней продолжалась болѣзнь паша: слѣдовательно медъ былъ единствен- нымъ отъ ней лекарствомъ. Воскъ входитъ въ составъ меду: и такъ, надлежало употреблять воскъ. «Мудре- «цы, *хекимы*! продолжалъ онъ, возложимъ унованіе «на Аллаха, и дадимъ болящему должный пріемъ во- «ску. Онъ страждетъ уже тридцать шесть дней: *ин- «маллахъ теалъ*, — если угодно Всевышнему Аллаху, — «при благословеніи Его пророка, — пусть онъ прини- «маетъ по тридцати шести капель воску черезъ каж- «дые тридцать шесть часовъ.» Когда имамъ кончилъ эту рѣчь, слуги, рабы, друзья больного и правовѣр- ные хекимы, превозгласили глубокую его премуд- рость, и кончили тѣмъ, что нѣтъ божества кромѣ Ал- лаха, и другаго лекарства кромѣ воска для Его Благо- получія, государя нашего, паша. Никому не было позволено противурѣчить. Всякое свѣтское разсужде- ніе считалось бы нечестіемъ послѣ всесильнаго га- данія по Корану. Имамъ далъ каждому врачу по пяти цекиновъ: они раскланялись, и оставили больного на произволъ судьбы. Англичанинъ, который описывалъ потомъ эту комъ-трагическую сцену, выходя отъ паша, изъявлялъ свое удивленіе одному Армянскому врачу: тотъ, болѣе опытный въ подобныхъ обстоя- тельствахъ, съ осторожностью осмотрѣлся, и сказалъ ему на ухо: «Пашу хотятъ отравить! Онъ завѣщалъ всѣ свои богатства одной мечети.» Англичанинъ, для

облегченія своей совѣсти, зашелъ опять въ домъ паши, и сказалъ одному изъ невольниковъ, чтобы онъ предостерегъ своего господина, что онъ умретъ, если прійметъ лекарство. Но смерть паши была написана въ книгѣ предопредѣленія, и судьба его исполнилась.

Нѣчто подобное случилось съ капитанъ-пашею, умершимъ въ 1830 году. Ахмедъ-Папуджчу, то есть, Ахмедъ-Башмачникъ, до вступленія въ должность главнаго адмирала Турецкой имперіи, или, какъ его офиціально называли въ фирманахъ, въ должность «опытнаго пловца среди острововъ и скалъ, и храбраго вонтеля морей отъ одного горизонта до другаго», занимался шитьемъ туфель въ одной изъ грязныхъ улицъ Галаты. Его пользовали Европейскіе доктора, но, при самомъ критическомъ переломѣ болѣзни былъ призванъ имамъ, который, запретивъ всѣ лекарства невѣрныхъ, увѣрилъ больного, что нечистый духъ поселился въ его желудкѣ, и сталъ его заговаривать. Нензвѣстно, какія средства употребилъ имамъ для изгнанія нечистаго, но потомъ всѣ невольники паши увѣрили, что онъ извлекъ пять штукъ чертей изъ тѣла великаго адмирала, связалъ ихъ, и положилъ на софу. Они скоро улетѣли: разумѣется, что за нечистыми духами улетѣла и чистая душа его превосходительства Ахмеда-Башмачника.

Французскій врачъ, Г. Бальи, который провелъ нѣсколько лѣтъ въ Константинополѣ по любви къ своей наукѣ, также насмотрѣлся на странныя приключенія съ докторами, которые лечатъ Турокъ. Любопытенъ анекдотъ его съ славнымъ Гусейнъ-Пашею, истребителемъ янычаръ, который теперь омрачилъ свою славу въ войнѣ съ Ибрагимомъ-Пашею, но который послѣ побѣдъ этой страшной рати на Атъ-мейданѣ, или Иннодромѣ, былъ однимъ изъ первыхъ любимцевъ султана и однимъ своимъ именемъ приводилъ въ

трепетъ оробѣвшіе остатки дѣтей Хаджи-Бекташа.

Гусейнъ-Паша сказалъ доктору Балы, что прежде страдалъ онъ какою-то болью, — будто его три иглы кололи по печени, и что эта боль наводила на него порой сильную лихорадку. — Это, вѣроятно, отъ усталости послѣ неумѣреннаго движенія, или отъ какого-нибудь удара, замѣтилъ докторъ. — «Нѣтъ! отвѣчалъ паша: въ Варнѣ измѣнили мнѣ три злодѣя; мнѣ не удавалось ихъ наказать, и тогда зародилась эта болѣзнь. Шесть мѣсяцевъ я сильно страдалъ; потомъ мнѣ посчастливилось застрѣлить двухъ изъ моихъ злодѣевъ: это меня облегчило. Боль осталась только въ одной точкѣ, потому что третій спасся.» — Докторъ замѣтилъ ему, что, поѣтому, его леченіе зависѣло болѣе отъ поисковъ полиціи, нежели отъ Медицины. — «Я совершенно убѣжденъ, прибавилъ паша, что вся боль пройдетъ, если третій изъ злодѣевъ попадетъ въ мои руки: но не можешь ли облегчить мое страданіе?» — Я совѣтую вамъ быть умѣреннѣе, если вы дорожите жизнью. — «Меня и безъ того изломали годы! сказалъ паша со вздохомъ. Что если бъ ты меня зналъ прежде, когда голова у меня была желѣзная, умъ въ головѣ огонь, и душа пороховая! Все во мнѣ кипѣло тогда. Оступился ли моя лошадь, пуля ей въ лобъ! Разсердить ли меня непослушный солдатъ, долой ему голову!» — Васъ бы излечила, сказалъ ему докторъ, кровавая битва, такая напримѣръ, какъ Атъ-мейданскій день. — При этомъ воспоминаніи лице Гусейна загорѣлось. — «Ты правъ, хекимъ! сказалъ онъ доктору: ты угадалъ мою болѣзнь!»

Болѣе всего досаждаютъ Турки своимъ докторамъ безпрестанными требованіями крѣпительныхъ, *менджунѣ*, необходимыхъ имъ при непомѣрной неводержности. Всѣ изобрѣтенія невѣжественныхъ и сладострастныхъ вѣковъ употребляются до-сей-поры въ

Цареградскихъ гаремахъ для возбужденія чувственной любви въ пресыщенныхъ *Османлы*. Ихъ женщины, которыхъ судьба значительно улучшася, когда сдѣлаются онѣ матерями, убѣдясь въ беспиліи всѣхъ употребленныхъ фильтровъ, обращаются также къ докторамъ, и просятъ у нихъ напитковъ, способствующихъ къ дѣторожденію. Все это, не считая палокъ и вистѣлицы, поставляетъ врачей въ весьма непріятное положеніе, но зато они щедро вознаграждены особымъ преимуществомъ ихъ званія, — правомъ входить въ завѣтныя двери гаремовъ. Визиты въ гаремы дѣлались прежде съ большими предосторожностями: всѣ невольницы, кадыни (барыни), постытительницы, запирались въ особомъ покоѣ; эвпухъ велѣ доктору къ постели больной, лежавшей подъ покрываломъ; если докторъ хотѣлъ пощупать пульсъ, рука давалась подъ тонкою кисеею, чтобы не осквернить тѣла прикосновеніемъ чужаго мужчины; если онъ требовалъ языка, только часть покрывала приподнималась, и онъ могъ видѣть кончикъ языка, не видя губъ красавицы. Въ наше время Турки возымѣли лучшее понятіе, если не о нравственности своихъ Европейцевъ, по-крайней-мѣрѣ о правилахъ Европейской Медицины, и безпрекословно покоряются всѣмъ требованіямъ доктора, даже въ гаремахъ. Мой пріятель докторъ Г*** имѣлъ много случаевъ посѣщать Турецкіе гаремы въ Константинополь и въ Смирнѣ. Въ этомъ послѣднемъ городѣ, сохраняющемъ гораздо строже коренные Оттоманскіе обычаи, визиты дѣлаются еще съ какою-то таинственностью, и окружены безчисленными предосторожностями; но въ Стамбулѣ, гдѣ Европизмъ дѣластъ столь чувствительные успѣхи, хотя онъ и не облегчилъ, да и никогда не облегчитъ, участи гаремныхъ затворницъ, въ этихъ случаяхъ гораздо менѣе церемоній. Турокъ прехладнокровно вводитъ доктора въ свои покои, показываетъ ему жену

или дочь, и всѣ вопросы, которые привели бы въ замѣшательство Европейскую даму, дѣлаются преспокойно въ его присутствіи. Въ этихъ визитахъ забавнѣе всего то, что всѣ Турчанки гарема, въ покрывалахъ и безъ покрывалъ, поочередно подходятъ къ доктору, даютъ ему пульсъ и показываютъ языки. Въ первый разъ мой пріятель, смущенный этимъ обрядомъ, принялъ то за насмѣшку своему званію, и хотѣлъ удалиться отъ фигуръ, которыя окружали его съ разинутымъ ртомъ и протянутыми руками; но бывшій съ нимъ старикъ переводчикъ поспѣшилъ объяснить ему, что необходимо пощупать у всѣхъ пульсъ и осмотрѣть всѣ языки, потому что Турчанки увѣрены, что одно это дѣйствіе снабжаетъ ихъ здоровьемъ по-крайней-мѣрѣ на нѣсколько недѣль. Были даже случаи, что если непредувѣдомленный объ этой церемоніи докторъ отказывался отъ ревизіи двадцати здоровыхъ языковъ, оскорбленные невѣжествомъ его Турчанки снимали туфли и били его хоромъ по щекамъ, доколь онъ не согласился надѣлать всѣхъ ихъ порціею здоровья.

Эти понятія, такъ способствующія развитію самаго дерзкаго шарлатанства, и эти вольности, позволяемыя привилегированному классу врачей, подаютъ иногда поводъ къ самымъ интереснымъ интригамъ. Такъ какъ одна только круглая шляпа на головѣ составляетъ въ глазахъ Турокъ аттестатъ медицинской академіи, то всякой, кто ее носитъ, можетъ выдать себя за доктора и подъ его именемъ нарушить неприкосновенность гаремной святыни. Этого рода самозванцы не довольствуются однимъ только воззрѣніемъ на языкъ мусульманокъ. Зная сильную ихъ склонность къ пзмѣнѣ и особенную привязанность ихъ къ Франкамъ, о которыхъ нравъ и обхожденіи съ женщинами ходятъ между ними весьма благопріятныя слухи, многіе изъ этихъ господъ умѣли воспользоваться случаемъ, и затѣ-

вали сношенія, сопряженные съ величайшими опасностями. Турчанки, несмотря на свою непомѣрную глупость, слѣдствіе ихъ вѣчнаго затворничества, одарены какимъ-то природнымъ остроуміемъ въ назначеніи любовныхъ свиданій, и самозваные доктора стараются развивать счастливое ихъ расположеніе, хотя нерѣдко поплачиваются дорого, въ случаѣ открытія. Но вообще смѣлость, съ которою Турчанки пускаются въ приключенія, превосходитъ вѣроятіе. Во время пребыванія нашего въ Константинополь, двѣ изъ нихъ надѣлали такую суматоху, что вся Пера пришла въ волненіе.

Два восемнадцатилѣтніе мичмана Англійскаго военнаго корабля, стоявшаго на Босфорѣ, бѣлые, свѣжіе, весьма привлекательной наружности, шли одной изъ Перскихъ улицъ, и были подмѣчены гаремными затворницами. Данный изъ-за рѣшетки знакъ остановилъ ихъ. Черезъ минуту отворяется калитка, и черная пеньвольница приглашаетъ ихъ войти въ домъ. Они, не долго думая, бросаются въ калитку, но къ несчастію сосѣди ихъ замѣтили, и дали знать на гауптвахту, занятую отрядомъ регулярнаго войска. Солдаты окружили домъ и ожидали выхода Англичанъ: они не смѣли отыскивать ихъ въ гаремѣ, потому что полиція гаремовъ не подлежитъ вѣдѣнію ни какой другой власти кромѣ мужниной. Черезъ часъ молодые джентльмены, которые знали уже о своемъ осажденіи, вышли съ обнаженными саблями. Штыки загородили имъ дорогу; Турецкій офицеръ хотѣлъ ихъ арестовать, но они упершись спиною въ стѣну, стали махать саблями, въ твердомъ намѣреніи не сдаться. Солдаты составили около нихъ полукружіе, но атаковать ихъ не смѣли: впечатлѣнія войны съ Россіею поселяли въ нихъ страхъ къ Европейскимъ воинамъ. Англійскій консулъ былъ увѣдомленъ о происходившемъ, и поспѣшилъ освободить молодыхъ шалуновъ. Онъ взялъ ихъ

на свое поручительство, съ условіемъ представить по востребованію, по въ тотъ же вечеръ тайкомъ отправилъ изъ своего дома обратно на корабль, который выгружалъ тогда у арсенала пушки, присланныя султану изъ Англій. На другой день капитанъ-паша, стоявшій на рейдѣ со всѣмъ флотомъ и начальствующій надъ этою частію города, получилъ донесеніе о происшествіи. Хозяинъ гостепріимнаго гарема былъ его любимый офицеръ, и капитанъ-паша рѣшился утѣшить его наказаніемъ преступниковъ. Онъ послалъ къ Англійскому капитану требовать съ угрозами, чтобы виновники были выданы въ его руки. Англичанинъ отвѣчалъ съ насмѣшкою, что онъ справлялся съ своими законами, но не нашелъ въ нихъ никакого наказанія за посѣщеніе гарема. Озлобленный капитанъ-паша велѣлъ схватить двухъ первыхъ офицеровъ, какіе попадутся на берегу, и привести ихъ къ нему. Такъ случилось, что два офицера другаго Англійскаго корабля о восьмидесяти-четырехъ пушкахъ, были тогда въ городѣ: люди Турецкаго адмирала поймали ихъ на улицѣ. Капитанъ, узнавъ, что два его офицера арестованы на Турецкомъ кораблѣ, поспѣшилъ объявить черезъ своего министра капитанъ-пашѣ, что за это оскорбленіе Великобританскаго флага онъ готовъ рѣшиться на все, чего только требуетъ отъ него долгъ службы и чести, и что если черезъ нѣсколько часовъ офицеры не будутъ освобождены, онъ притянется къ арсеналу и сожжетъ все, хотя бы и самъ сдѣлался жертвою пламени. Капитанъ-паша не хотѣлъ вѣрить столь дерзкой угрозѣ, но когда Англійскій корабль приготовился сняться съ якоря, онъ освободилъ офицеровъ, которыхъ, быть-можетъ, собирався посадить на колъ съ особеннымъ удовольствіемъ, за проказы невѣрныхъ мичмановъ съ мусульманками.

Судьба Турчанокъ осталась совершенно неизвѣстною.

Возвращаясь къ шарлатанамъ, не должно забывать, что въ Константинополь есть главноначальствующій надъ шарлатанами, министръ шарлатанства. Это хекимъ-баши, «глава мудрецовъ», то есть, врачей, который въ тоже время управляетъ всею медицинскою частію, какъ это, впрочемъ, извѣстно даже и читателямъ романовъ. Я имѣлъ удовольствіе быть у него съ моимъ пріятелемъ докторомъ, чтобъ лично осведомиться о состояніи его кейфа. Хекимъ-баши Бегджеть-Эфенди-Турокъ очень примѣчательный, и одинъ изъ самыхъ любезныхъ *Османлы*. Онъ живетъ въ своемъ Босфорскомъ домѣ, передъ которымъ фрегаты нашъ стоялъ на якорѣ. Бегджеть-Эфенди-человѣкъ лѣтъ пятидесяти, говоритъ довольно бѣгло по-Италіянски, но въ глазахъ Турокъ имѣетъ важный недостатокъ, — онъ занкается, а это вредитъ мусульманской важности. Онъ былъ когда-то въ Европѣ, и болѣе всего любитъ говорить о политикѣ. Чтобы ослѣпить насъ всемъ блескомъ своихъ обширныхъ познаній, онъ сдѣлалъ намъ нѣсколько вопросовъ о Камчаткѣ и о нравахъ Алеутовъ: мы стали ему рассказывать, какъ шаманы лечатъ Камчадаловъ, надѣясь обратить разговоръ на его предметъ. Но онъ объ этомъ мало заботился. Онъ ставитъ берега Босфора выше всего на свѣтѣ, и любитъ свою безмятежную жизнь, которая есть не что иное, какъ продолжительный кейфъ при долговременной къ нему благосклонности падишаха: что касается до Медицины, то знаніе этой науки ни сколько не входитъ въ его обязанности.

Прежде это мѣсто было почетнымъ званіемъ; по Мустафа III (1768), по случаю смерти любимаго имъ кызларъ-аги, умершаго въ рукахъ одного шарлатана; подчинилъ всѣхъ Константинопольскихъ медиковъ придворному своему хекиму. Теперь должность этого министра Медицины состоитъ въ томъ, чтобы передъ весеннимъ равноденствіемъ разсылать всемъ султан-

шамъ и вельможамъ крѣпительныя и продавать по червонцу дипломы на докторство всемъ желающимъ вписаться въ врачебное сословіе; безъ-сомнѣнія, чѣмъ болѣе является шарлатановъ, тѣмъ для него лучше, потому что этотъ сборъ составляетъ его доходъ. Другой не менѣе значительный источникъ его доходовъ состоитъ въ томъ, что султанъ имѣетъ обыкновеніе, въ знакъ особенной милости къ больному вельможѣ, посылать къ нему своего лейбъ-медика, — а эти визиты обходятся дорого и карману и жизни осчастливленнаго подобнымъ вниманіемъ.

Нынѣшній хекимъ-баши бываетъ иногда приглашаемъ въ засѣданія Дивана, то есть, совѣта министровъ, какъ человекъ, который знаетъ всѣ болѣзни и котораго мнѣніе, поэтому, очень важно въ случаѣ политическаго недуга государства. Такъ напримѣръ, въ тотъ критическій день, когда рѣшалась судьба Оттоманской имперіи, когда всѣ министры султана, всѣ лица, имѣющія вѣсъ при дворѣ и въ народѣ, собрались въ домъ великаго муфтія, чтобы подписать уничтоженіе янычаръ, послѣ рѣчи, въ которой верховный визирь излагалъ вредъ, нанесенный государству этимъ войскомъ, Бегджетъ-Эфенди подалъ свое мнѣніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Безпорядокъ есть испорченная кровь, которая разстроиваетъ организацію общественнаго тѣла, и которую должно извлечь ланцетомъ мудрости. Пусть же изложитъ намъ Рейсъ-эфенди состояніе нашихъ внѣшнихъ сношеній, чтобы мы могли, какъ опытные врачи, по разсмотрѣніи всѣхъ припадковъ недуга, предписать должное лекарство». Это напечатано въ «Исторіи истребленія янычаръ», писанной государственнымъ исторіографомъ, Эсадъ-эфендіемъ. Въ случаѣ открытія войны или заключенія мира, хекимъ-баши равнымъ образомъ подаетъ иногда свое мнѣніе, стараясь всегда прикрасить свои рѣчи учеными терминами въ родѣ

приведеннаго образца его медицинскаго краспорѣчія.

Я посѣтилъ также медицинскую академію, находящуюся при мечети Сулейманіе. Въ прежнее время слава ея гремѣла по всему Востоку: ее называли «обильнымъ источникомъ здравія на почвѣ мудрости», и «свѣтлою планетою, которой каждый лучъ возбуждаетъ жизнь»; но въ послѣдніе годы эта планета много потеряла въ общемъ мнѣніи. Я нашелъ только довольно неопрятную комнату, въ которой сидѣло на коврахъ до десяти учениковъ, болышею частію людей возмужалыхъ, а въ углу старикъ ходжа, или учитель, хриплымъ голосомъ объяснялъ имъ, кажется, вліяніе звѣздъ на здоровье человѣческое. Турки гораздо болѣе успѣваютъ въ хирургіи: это происходитъ отъ частаго опыта надъ живыми людьми, а не отъ изученія Анатоміи, которая встрѣчается у нихъ непреодолимая преграда въ отвращеніи мусульманъ къ разсѣканію труповъ.

Но довольно Медицины. Перейдемъ къ оригиналамъ, которые играютъ со слѣпымъ счастьемъ въ жмурки въ султанской службѣ. Врачебное поприще для нихъ послѣднее средство существованія въ Турціи, и этотъ родъ шарлатанства служить имъ только на худой конецъ. Самые твердые и предпріимчивые остались въ военной службѣ; многіе сдѣлались ренегатами, — не по необходимости, а по вкусу, потому что султанъ не требуетъ этого отъ своихъ Европейскихъ офицеровъ. Послѣдователи графа Бонивалля и барона Детотазанимають теперь разныя должности по арміи. Между ними наиболѣе извѣстны генераль Болѣе и баронъ Болле, образователи генеральнаго штаба, и полковникъ Калоссо. Похожденія послѣдняго весьма любопытны. Онъ родомъ изъ Пиемонта. Подъ Наполеоновскими орлами дослужился онъ до чина ротмистра въ войскѣ принца Эвгенія, и, когда Французская имперія распалась, вступилъ тѣмъ же чиномъ

въ армію возстановленнаго Савойскаго дома. Въ продолженіе шестилѣтняго всеобщаго міра военная жизнь въ полкахъ Сардинскаго короля показалась ему скучнѣе монашеской: притомъ, онъ не имѣлъ другой перспективы, какъ вѣкъ служить капитаномъ и умереть въ томъ же чинѣ. Надѣясь на повышеніе при другомъ порядкѣ вещей, онъ принялъ участіе въ бунтѣ 1821 года, но вся комедія кончилась ровно въ мѣсяцъ; Австрійскія войска поспѣшили на помощь старому королю Виктору Эммануэлю, и карбонари принуждены были спастись бѣгствомъ. Калоссо, блуждавшій изъ города въ городъ, пріѣхалъ наконецъ въ Константинополь. Тогда еще не было рѣчи о преобразованіяхъ; чувство военной чести не позволяло ему сдѣлаться *signor medico*; вся его наука состояла въ верховой ѣздѣ и въ командованіи эскадрономъ, — и эта наука была совершенно бесполезна среди вѣчно пьющей, торгующей толпы его соотечественниковъ, поселившихся въ Перѣ. Нѣсколько времени Калоссо жилъ скудными ихъ подаваніями, скитался полубосый по грязному предмѣстію, и ожидалъ открытія ваканціи прикащика въ какой-нибудь конторѣ. Наконецъ какой-то Швейцарецъ, большой прожектёръ, вздумалъ удесятерить свой капиталъ открытіемъ портернаго завода на Босфорѣ, и взялъ Калоссо въ прикащики. Бывшій ротмистръ «великой арміи» занялся усердно разливаніемъ портера въ бутылки. Къ несчастію, ихъ портеръ оставался въ совершенномъ небреженіи у жителей Стамбула. Прожектёръ имѣлъ въ виду единственно тотъ стихъ Корана, которымъ запрещается правовѣрному употребленіе вина, и былъ твердо убѣжденъ, что вопреки Пророку, непредвидѣвшему его заты, онъ станетъ поить до-пьяна мусульманъ любимымъ напиткомъ Англіи и Германіи, и что они съ восторгомъ примутъ Вакхическую систему съвера, — а того не рассчиталъ, что Турки изба-

лованы шербетами и сластями, и что горечь портеру будетъ имъ вовсе не по вкусу. Дѣйствительно, тѣ изъ нихъ, которые рѣшились отвѣдать Европейской бузы, сдѣлали гримасу, и торжественно объявили, что она никуда не годится. Что касается до моряковъ, на которыхъ также полагался предприимчивый Швейцарецъ, то они тѣмъ только и блаженны подъ острымъ скипетромъ султана, что могутъ досыта и за безцѣнокъ напиваться сладкими винами, и ихъ фанатизмъ вовсе не простирается такъ далеко, чтобы предпочитать невинный портеръ проклятому Тенедосскому и Самосскому винамъ. И такъ, портерный заводъ, расположенный въ Терапін, въ самомъ живописномъ мѣстоположеніи Босфора, скоро былъ включенъ въ списокъ несостоятельныхъ спекуляцій, и Калоссо опять остался безъ мѣста. Новъ Константинополь уже наступала эпоха проектовъ важнѣе и прибыльнѣе пивоварни.

Одна изъ султанскихъ лошадей долго не давалась сѣдокамъ. Калоссо вызвался ее выѣздить: этимъ онъ сдѣлался извѣстнымъ султану, и обратилъ на себя его вниманіе, когда Махмудъ началъ формировать первый кавалерійскій эскадронъ своей гвардіи по Европейскому образцу. Обученіе эскадрона было ввѣрено Наполеоновскому офицеру. Вскорѣ самъ султанъ рѣшился научиться ѣздить по-Европейски, на маленькомъ сѣдлѣ и на длинныхъ стременахъ. Онъ взялъ къ себѣ Калоссо въ учителя. Султанъ Махмудъ считался однимъ изъ лучшихъ ѣздоковъ своей имперіи на старинный Турецкій манеръ, и теперь онъ ѣздитъ прекрасно въ гусарскомъ сѣдлѣ; но въ одномъ изъ первыхъ уроковъ Европейской ѣзды, когда Калоссо заставилъ его скакать въ манежѣ на неосѣдланномъ конѣ, онъ захотѣлъ слишкомъ рано выполнить какую-то эволюцію, показанную ему учителемъ, и съ непривычки, потерявъ равновѣсіе, владыка правотѣрныхъ неминуемо упалъ бы наземь безъ расторопно-

сти Калоссо, который его подхватилъ и спасъ отъ приключенія, сопряженнаго съ ужасными послѣдствіями. Надо знать предрасудки Турокъ и то, какое впечатлѣніе сдѣлало бы на умы царсдворцевъ, войска и народа, это незначашее обстоятельство, чтобы исполнѣ оцѣнить услугу Калоссо. Съ той минуты онъ сдѣлался однимъ изъ любимцевъ Махмуда, — пожалованъ въ полковники, награжденъ значительными подарками и содержаніемъ, и его образованность, его любезность, запрятанныя прежде подъ рубищемъ несчастія и вдругъ блеснувшія въ немъ вмѣстѣ съ богатымъ гусарскимъ мундиромъ, а болѣе всего частые случаи видѣться съ монархомъ, доставили ему уваженіе первыхъ вельможъ: многіе даже изъ членовъ дипломатическаго корпуса Перы ищутъ его дружбы.

Безъ-сомнѣнія, подобный прыжекъ изъ пивоваровъ въ кавалерійскіе полковники, въ любимцы султана, можетъ сильно воспламенить воображеніе искателей счастья, но, къ досадѣ, милость падишаха рѣдко достается незванымъ гостямъ, и Европейцы, пріѣзжающіе сюда опредѣляться въ службу, болышею частію валяются въ Перотской грязи, которая гораздо неопытнѣе грязи всѣхъ Европейскихъ столицъ.

Все это еще второклассные оригиналы: главные, первенствующие и — самые забавные — сами Пероты; Пероты, то есть, коренные жители Перы, Европейскаго происхожденія, — болѣе или менѣе, — потому что генеалогія ихъ весьма сомнительна, хотя многіе изъ нихъ производятъ себя отъ Генуэзцевъ, владѣвшихъ этимъ предмѣстіемъ еще при Византійскихъ императорахъ. Поглядите на нихъ съ окошка, когда они въ странныхъ своихъ нарядахъ расхаживаютъ по тѣснымъ улицамъ, падутые двумя огромными спѣсами, Европейскою и Турецкою; когда суется по базарамъ, важничаютъ по крикливымъ пристанямъ или

гуляютъ по кладбищамъ! Представьте себя на первомъ планѣ этой чудной картины десять, пятнадцать или болѣе разнохарактерныхъ купъ, которыя изображаютъ столько же Европейскихъ племенъ, перемѣшанныхъ и образующихъ родъ винегрета на холмѣ Перы, и которыя при всякомъ «важномъ политическомъ событіи», какъ то, прїѣздѣ новаго посланника, аудіенціи у взира, табельномъ праздникѣ или балѣ въ посольствахъ, отдѣляются однѣ отъ другихъ, чтобы составить такъ называемыя «націи Перы». А націею въ Перѣ называется сословіе всѣхъ подданныхъ какой-нибудь христіанской державы, живущихъ здѣсь и въ другихъ мѣстахъ имперіи подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ своего посольства, и управляющихся своими законами. Не должно думать, чтобы эти двадцать націй составляли по-крайней-мѣрѣ большую часть народонаселенія Перы: онѣ всѣ вмѣстѣ — едва десятая доля жителей предмѣстія, въ которомъ считается до пятидесяти тысячъ душъ обою пола. Но онѣ такъ шумятъ, такъ чванятся тѣмъ, что не признаютъ надъ собою власти султана, что могутъ безнаказанно смѣяться въ глаза всѣмъ Турецкимъ кадіямъ, и что ихъ пяты недоступны палкамъ бостанджи-башни, — что вы скорѣе пріимете ихъ за ватагу крестоносцевъ, идущихъ на завоеваніе Востока и случайно остановившихся въ Византіи при ея императорахъ, нежели за мирныхъ иностранцевъ, пользующихся только правомъ гостепріимства въ чуждой имъ державѣ. Самые даже мусульмане, живущіе въ Перѣ, свыклись съ Европейскою дерзостью своихъ поселенцевъ, которая постоянно увеличивается съ каждымъ новымъ несчастіемъ, постигающимъ Турцію. Конечно, это ни сколько не мѣшаетъ усерднѣвшимъ мусульманамъ честить ихъ, по старой привычкѣ, певѣрными, огнепоклонниками и даже собаками, но эти слова потеряли свое значеніе для народа, и,

при всемъ его религіозномъ презрѣніи къ Евронейцамъ, въ немъ проглядываетъ страхъ, внушаемый гяурами. За это Пероты должны благодарить оружіе Русскихъ и задунайскіе ихъ подвиги. Но они не благодарятъ ихъ ни мало! Они всѣ вообще Турецкіе патриоты.

Значительнѣйшую и самую богатую часть ихъ составляютъ католики, — и католики не въ шутку: ужъ не попадайся имъ еретикъ! Они предпочитаютъ Турка христіанскому иновѣрцу и въ фанатизмъ не уступаютъ самимъ Армянамъ. Теряя постепенно со времени поселенія въ Перѣ свою національную физиономію, они замѣнили любовь къ забытымъ родинамъ привязанностью къ догматамъ своихъ предковъ, выражаемую жестокою ненавистью ко всѣмъ другимъ исповѣданіямъ. Отъ времени до времени пылкій миссіонеръ католическаго Запада приходитъ поджигать новымъ факеломъ ихъ рвеніе. Недавно былъ въ Перѣ извѣстный Французскій аббатъ, Жансонъ-Форбенъ, на возвратномъ пути изъ Іерусалима. Этотъ оригиналъ, вмѣсто того, чтобы у гроба Спасителя научиться смиренію, терпимости и кротости христіанина, воспламенился тамъ неисто вымъ негодованіемъ на «ереси». Увлеченный жаромъ своего воображенія или раскаяніемъ за заблужденія бурной юности, онъ разшевелилъ, проповѣдями своими въ здѣшней католической церкви, всю ненависть здѣшнихъ католиковъ противъ грековъ и протестантовъ. Главнымъ предметомъ своихъ проповѣдей избралъ онъ опасность всякихъ сношеній, особенно кровныхъ связей, Римскихъ католиковъ съ христіанами другихъ исповѣданій; и такъ какъ всякое краснорѣчіе, согрѣтое воображеніемъ и приправленное мистицизмомъ, сильнѣе дѣйствуетъ на пылкій умъ жепщинъ, то слѣдствіемъ его возгласовъ были безчисленные семейные раздоры. Многія матеріи семействъ этой Церкви, которыхъ

мужья были протестанты или греки, пробудились съ религіознымъ испугомъ, и ихъ долготѣнее домашнее счастье показалось имъ продолжительнымъ грѣхомъ: разрывая священные узы семейной жизни, онѣ вдругъ покинули своихъ супруговъ и дѣтей, чтобы раскаяніемъ купить свое спасеніе. Въ Смирнѣ поведеніе Жапсона было еще преступнѣе. Въ этомъ городѣ нашелъ онъ совершенный миръ между христіанами: когда проповѣди его начали тревожить умы, протестантскій пасторъ вступилъ съ нимъ въ богословское и нравоучительное преніе, не о догматахъ вѣры, а о вредѣ и соблазнѣ, пронтекающихъ отъ подобныхъ раздоровъ въ странѣ магометанской. Благоразуміе требовало производить такія пренія втайнѣ, чтобы не возжигать взаимной ненависти приверженцевъ той и другой Церкви; но аббатъ въ одной изъ своихъ громовыхъ проповѣдей показалъ писъма, писанныя по этому предмету протестантскимъ пасторомъ, началъ со злобою отвергать слова мира, и до того воспламенилъ своихъ слушателей, что фанатическая толпа, оставивъ церковь, бросилась въ домъ пастора, чтобы растерзать еретика. Къ счастью, покуда ломали дверь, пасторъ успѣлъ спастись на крышу сосѣдняго дома, и поспѣшилъ оставить городъ. Можно себя представить, какое впечатлѣніе производятъ подобные соблазны надъ умомъ Турокъ. Въ одинъ этотъ день Смирнскіе мусульмане болѣе не восклицали — Гяуръ! и — Собака! нежели вся остальная Турція въ теченіе цѣлаго послѣдняго вѣка.

Въ прежнее время квакеры иногда посѣщали Турцію; теперь иногда посѣщаютъ ее сенсимонисты. Надъ первыми Турки смѣялись, по сенсимонистовъ они не терпятъ, потому что проповѣдуемая ими свобода женщины вовсе несогласна съ ихъ выгодами и можетъ взбунтовать всѣ гаремы.

Льтомъ высшее общество Перы, ея дипломатическій кругъ и семейства богатыхъ банкировъ живутъ на Босфоръ, въ Терапіи и Бююкдере, въ деревнѣ Санъ-Стефано и на Княжескихъ Островахъ. Одинъ только купеческій классъ всѣхъ націй толпится въ базарахъ Галаты и одушевляетъ своей суетливостью длинную улицу, выходящую вдоль всего предмѣстія. Но теперь весь холмъ Перы гремитъ оглушающимъ стукомъ построекъ. Пожаръ 1851 года превратилъ это богатое предмѣстіе въ кучу пепла. Этотъ пожаръ былъ одинъ изъ ужаснѣйшихъ, какіе только въ памяти у Константинопольскихъ жителей, привыкшихъ впрочемъ считать тысячами дома, истребляемые огнемъ ежегодно. Но я обещалъ не говорить о пожарахъ: это вещь слишкомъ обыкновенная.

Пойдемъ лучше, по здѣшнему обычаю, подышать вечернимъ воздухомъ на одномъ изъ кладбищъ Перы. Ихъ бѣлые мраморы и вѣчнозеленые кипарисы обложили съ разныхъ сторонъ красивою мозаикою погорѣлое предмѣстье, какъ-будто для того, чтобы заключить въ раму неизмѣннаго покоя смерти и постоянства гробоваго быта картину судорожной дѣятельности челоуѣка на пепелищѣ его города. Вотъ конгрессъ оригиналовъ! При вечерней прохладѣ группы жителей Перы всѣхъ сословій, всѣхъ народовъ, всѣхъ вѣроисповѣданій, группы пестрыя, причудливыя, странныя, блуждаютъ по Ключокъ-Мезарлыкъ, или «Маломъ Кладбищѣ», и сидятъ между надгробными мраморами, со всѣмъ безстрастіемъ, какое только внушается привычнымъ сближеніемъ со смертію въ страпѣ чумы, пожаровъ и вѣчныхъ кровопролитій. Мусульмане по-крайней-мѣрѣ сохраняютъ и здѣсь свою ненарушимую важность, на которой, какъ и на всей ихъ жизни, отражается спокойствіе гробницъ; но вы невольно ощущаете непріятное впечатлѣніе при видѣ

болтливыхъ Перотовъ и Перотокъ, которые сходятся по вечерамъ сюда съ хлопотливою веселостью своего Левантскаго права, со всеми сплетнями своихъ тѣсныхъ круговъ; шумно толкуютъ о своихъ оборотахъ, рассказываютъ свои продѣлки, разсыпаютъ свой мелкій житейскій бытъ на величій могильномъ, или въ завѣтный часъ сумрака назначаютъ любовныя свиданія среди обширнаго поля смерти. По праздникамъ жиды скоморохи забавляютъ гуляющихъ: шаманская ихъ музыка, обильныя возліанія Вакху, шумное веселіе гуляющей толпы, немилосердо тревожатъ покой мертвецовъ. Я не могу объяснить себѣ, какимъ образомъ Турки, имѣя столь строгія понятія о неприкосновенности гробницъ и спокойствіи усопшихъ правовѣрныхъ, допускаютъ подобныя оскверненія могильной святыни, ненарушимой у всѣхъ другихъ народовъ!

Одно только кладбище дервишей Мевлеви, расположенное кругомъ *теккїе*, или монастыря этихъ отшельниковъ, въ одномъ изъ лучшихъ мѣстоположеній Перы, свободно отъ гуляющихъ. На немъ воздвигнутъ надгробный памятникъ славному Халедъ-Эфенди, любимцу нынѣшняго султана, отданному имъ въ жертву янычарамъ. Кромѣ своего мавзолея, Халедъ-Эфенди оставилъ этимъ дервишамъ, къ слову которыхъ принадлежалъ онъ самъ, богатую бібліотеку и разные вклады. Онъ также обновилъ и украсилъ *теккїе*, въ которой совершаются ихъ мистическія пляски. Дважды въ недѣлю жители Перы могутъ видѣть это странное зрѣлище, повторникамъ и по пятницамъ въ первомъ часу по полудни. Сказавъ объ Европейскихъ оригиналахъ, я долженъ представить вамъ Турецкихъ. Созерцательная жизнь дервишей Мевлеви однообразно протекаетъ на возвышеніи, съ котораго ихъ взоръ обнимаетъ столицу, Босфоръ и окрестности,—

весь этот обширный театр, гдѣ такъ быстро развиваются въ глазахъ внимательной Европы проекты преобразователя Турецкой имперіи. Но Мевлеви не принимаютъ въ нихъ участія: ни перемѣны костюмовъ, ни устройство регулярнаго войска, до нихъ не касаются. Сохраняя свои высокіе остроконечные колпаки и небрежно драпированныя мантии, они присутствуютъ какъ безстрастные зрители въ великой драмѣ Махмуда; блуждаютъ по Стамбулу среди непознаемой толпы населенія, одѣтаго имъ въ однообразное платье, и попрежнему соблюдаютъ полуязыческіе обряды своего ордена. Они всегда были извѣстны своей вѣротерпимостью, а нынче составляютъ родъ эпикурейской секты между строгими послѣдователями Корана, любятъ застольное веселье, и, послѣ утомительныхъ пируэтовъ, которыми добиваются просвѣтленія свыше, съ удовольствіемъ тянутъ «нечистую влагу» въ ночномъ уединеніи.

Я нѣсколько разъ былъ зрителемъ ихъ религіозныхъ плясокъ. Толпа любопытныхъ всѣхъ народовъ каждый разъ ожидала у рѣшетки, пока откроется ихъ святилище. Входъ въ мечети болѣе или менѣе воспрещенъ иновѣрнымъ, но въ ихъ теккіе позволено бывать христіанамъ, и даже евреямъ. Женщины всегда составляли большую часть этой толпы. Турецкія семейства, кадыны, ихъ дѣти и невольницы, были расположены на травѣ или на мраморныхъ ступеняхъ преддверій храма. Затворническая жизнь Турчанокъ заставляетъ ихъ жадно искать зрѣлищъ, которыя придаютъ сколько-нибудь разнообразія ихъ быту. Широкіе фереджѣ (ферязи, плащи) закрывали все ихъ тѣло; головы ихъ были закутаны въ бѣлую кисею, представлявшею любопытству нашему только черныя ихъ глаза и часть ланитъ, которыхъ блѣдно-матовая бѣлизна можетъ быть цвѣтомъ утомлен-

ныхъ страстей юга, но не согрѣта его солнцемъ. Армянки одѣты были такимъ же образомъ, и отличались только цвѣтомъ платья и испріятнымъ отпечаткомъ грубой, вялой, сидячей жизни своего племени: онѣ такъ рано толстѣютъ, что вся широта плащей не можетъ скрыть ихъ лѣнивыхъ формъ; брови ихъ соединяются природою или кистию въ дугу между глазами. Гречанокъ почти не было. Кромѣ цвѣта фесъ и туфель, нравственныя разности полагали еще больше различія между представителями разныхъ исповѣданій. Турчанки рѣдко благоволили обращать рѣчь къ Армянкамъ и Жидовкамъ: въ ихъ рѣзкомъ и отрывистомъ тонѣ отзывалась вся гордость владычествующаго племени. Армянки съ покорностью опускали взоры предъ женскимъ аристократизмомъ мусульманокъ, и презрительно отдалялись отъ Жидовокъ, которыя составляли отдѣльную группу. Даже дѣти разныхъ религій держались другъ отъ друга въ какомъ-то недружелюбномъ разстояніи, опасаясь въ своихъ играхъ всякаго прикосновенія съ иновѣрцами.

Когда открылась теккѣ, желтыя туфли Турчанокъ, красныя туфли Армянокъ и синія туфли Жидовокъ вдругъ пришли въ движеніе. Женщины вмѣстѣ съ дѣтьми заняли назначенную для нихъ галлерсю, обведенную рѣшеткою, сидѣли тамъ невидимками: только изрѣдка лучъ чьего-нибудь взгляда мгновенно мелькалъ сквозь таинственную рѣшетку. На другой открытой галлерсѣ, кос-какъ, сложивши ноги, усѣлся я среди мусульманъ, расположенныхъ на полу, на старой циновкѣ.

Внутренность теккѣ чрезвычайно проста. Архитектура ея представляетъ Китайскій многоугольникъ подъ остроконечною кровлею; нѣсколько деревянныхъ

колоны и рядъ перилъ отдѣляютъ зрителей отъ мѣста, гдѣ совершается обрядъ. Надъ дверями, въ небольшой галлерей, находится оркестръ, составленный изъ нѣсколькихъ восточныхъ флейтъ и литавръ, и хоръ поющихъ дервишей. Огромнаго размѣра Арабскія надписи изъ Корана украшаютъ стѣну съ восточной стороны. Зеленая подушка для настоятеля ордена и нѣсколько цыновокъ для братьи, — вотъ все внутреннее убранство. Середина залы, назначенная для круженія, полирована какъ стекло.

Настоятель, сухой старикъ скелетнаго цвѣта, въ зеленой мантии и съ зеленымъ турбаномъ на огромномъ дервишескомъ колпакѣ, сидѣлъ на подушкѣ съ восточной стороны залы, обратясь къ зрителямъ и неподвижный какъ истуканъ. Три старыхъ дервиша стояли по сторонамъ, сложивъ руки, потупивъ зоры и не измѣняя спокойнаго выраженія въ лицѣ. Тутъ вошло тринадцать другихъ дервишей въ парадномъ платьѣ ордена, — узкихъ доломанакъ и широкой драпировкѣ изъ сукна самыхъ яркихъ цвѣтовъ, перетянутой ремнемъ кругомъ пояса и висячей до земли. Они стали въ серединѣ круга, въ равномъ одинъ отъ другаго разстояніи. Недвижность ихъ взгляда, опущеннаго долу, болезненная блѣдность лицъ, высокіе колпаки, длинныя сѣдые бороды и разноцвѣтная одежда самаго фантастическаго покроя придавали имъ невыразимую таинственность: въ моемъ воображеніи бродили балладные мертвецы.

Хоръ пропѣлъ вмѣстѣ съ музыкою свое — *Ля иляге иль Аллахъ*; потомъ настоятель произнесъ протяжнымъ, носовымъ голосомъ молитву, при которой всѣ дервиши стали на колѣни: отъ времени до времени они клали земные поклоны, и согласно издавали глухой звукъ — *Гу!* (Опъ!), выходявшій какъ-будто изъ

внутренности груди. Нѣсколько минутъ царствовало глубокое молчаніе. Хоръ началъ протяжное и тихое пѣніе, сопровождаемое только чуть слышными вздохами инструментовъ. Дервиши проходили мѣрными шагами передъ настоятелемъ, останавливались, поклонялись ему до земли, и начали свое круженіе на пятахъ,—сперва медленно и сложивъ руки на груди. Музыка постепенно дѣлалась громче, хоръ издавалъ восклицанія во славу Аллаха и круженіе дервишей становилось живѣе. Они протянули руки. Полы ихъ широкой драпировки поднялись на воздухъ, и образовали огромные вертящіеся круги, среди которыхъ блѣдные дервиши казались вертящимися куколками. Музыка, пѣніе и восклицанія хора слились наконецъ въ дикій, оглушительный гулъ; шумъ и восторженное круженіе дервишей привели, казалось, текіе въ содроганіе. Но среди самой большой суматохи знакъ, данный невидимо, невзначай остановилъ разомъ и музыку и дервишей. Они очутились въ тѣхъ же разстояніяхъ одинъ отъ другаго, какъ при началъ представленія,—опять недвижные и блѣдные какъ мертвецы.

Невозможно себѣ представить, какой сильный эффектъ производитъ это мгновенное прерваніе музыки, пѣсень, пляски. Ихъ дикая гармонія такъ овладѣла нами, что мы находились какъ-будто подъ вліяніемъ волшебной силы: превратясь всѣмъ существомъ въ зрѣніе и слухъ, мы нечувствительно упились этою фантазмагоріею, и текіе съ своею странною архитектурою, и эти кружащіеся вихри, и судорожные звуки этой музыки, и чудныя восклицанія старцевъ, слились—было для насъ въ неразгаданное видѣніе. И вдругъ это все прекратилось, омертвѣло,—какъ-будто съ послѣднимъ трескомъ оркестра лопнула пружина огромной машины. Я невольно содрогнулся, когда послѣ про-

должительной, постепенно возраставшей бури, сдѣлалась вдругъ глубокая тишина, и все какъ-бы окаменѣло. Послѣ короткаго отдыха дервиши начали опять пляску прежнимъ порядкомъ. Это возобновлялось три раза, и каждый разъ ихъ круженіе дѣлалось быстрѣе и продолжительнѣе; музыка также издавала звуки болѣе рѣзкіе, унылый голосъ восточныхъ флейтъ, *ней*, усиливался до самыхъ дикихъ и раздражающихъ слухъ гудснй, глухое стenanіe литавръ и барабановъ обращалось въ страшные, разорванные удары грома, а пѣніе дервишей разбивалось въ бѣшенія, дрожащія восклицанія.

Плясуны вертѣлись безостановочно и съ неимоверною скоростью около двадцати минутъ; потъ лился съ нихъ градомъ; блѣдность ихъ лицъ стѣснялась желтыми и синими отливами; но когда они останавливались, ни малѣйшее движеніе усталости не измѣняло ихъ глубокому смиренію, глаза такъ же были опущены и почти закрыты, руки такъ же недвижно сложены на груди, даже дыханіе не становилось сильнѣе и грудь не приподнималась. Во все продолженіе пляски начальникъ ихъ теккѣ ходилъ между ними, по всѣмъ направленіямъ, мѣрными, почти незамѣтными шагами; и въ самомъ изступленномъ ихъ вращаніи, когда круги, очерченные на воздухъ протянутыми руками и длинными полами платья, почти дотрогивались одинъ къ другому, этотъ таинственный старичекъ, сгорбленный и въ зеленой мантии, какъ привидѣніе скользилъ промежъ нихъ, ни къ кому не касаясь.

Мнѣ сказывали, что этимъ плясунамъ дѣлается дурно отъ продолжительнаго круженія, что они падаютъ и издають пѣну: это эпилептическое состояніе считается минутою просвѣтлѣнія; простой народъ вѣритъ, что ихъ душа приходитъ тогда въ ясновидѣніе Божества.

Но при мнѣ этого не случилось. Магометане, сидѣвшіе на галереѣ, были глубоко тронуты зрѣлищемъ, отъ котораго ихъ религіозныя понятія, возбужденныя эффектами чудной пляски и вліяніемъ музыки, воспламенялись и пересиливали на-время ихъ обычное безстрастіе.

Въ этомъ обрядѣ состоитъ все богослуженіе дервишей Мевлеви. Нововступающіе въ ихъ званіе должны подвергнуться тысячн-одно-дневному искусу, въ продолженіе котораго каждое утро сообщаютъ они настоятелю ордена видѣнные ими сны. Магометъ, очищая Востокъ отъ язычества, предалъ проклятію всѣ обряды, всѣ пляски древнихъ маговъ, и запретилъ употреблять въ молитвахъ Творцу музыкальные инструменты: потому пурпсты въ магометанствѣ нелюбятъ этихъ дервишей, ни ихъ пляски, ни музыки; они ихъ подозрѣваютъ даже въ тайномъ ученіи, не со всѣмъ согласномъ съ догматами Исламизма, но простой народъ питаетъ къ нимъ большое уваженіе.

Къ чести этого мистическаго сословія должно сказать, что его члены ведутъ жизнь спокойную и добродѣтельную: они выше бѣшеннаго фанатизма, которымъ славятся другіе дервиши. Они усердно пляшутъ во славу Аллаха, но не вырываютъ себѣ всѣхъ зубовъ какъ это дѣлаютъ Іеменскіе отшельники, въ память Пророка, которому вышибли два зуба въ битвѣ, не привязываютъ себя за волосы къ стѣнѣ, чтобы не уснуть всю ночь, и не терзаютъ своего тѣла раскаленнымъ желѣзомъ. Неблагопріятный слухъ, который посялся въ прежніе годы объ употребленіи ими непозволительныхъ напитковъ, теперь неопасенъ, потому что самъ намѣстникъ Пророка, великій халифъ, разрѣшилъ правовѣрнымъ питье вина, какъ увѣряютъ злые языки, собственнымъ примѣромъ. Впрочемъ, законъ,

воспреещающій хмѣльные напитки, никогда не былъ такъ строго соблюдаемъ въ Турціи, какъ о томъ думали въ Европѣ: во-первыхъ Турки, такъ же какъ и другіе народы, умѣютъ толковать законы, а во-вторыхъ и оправданіе, въ случаѣ явнаго нарушенія этой статьи, не сопряжено съ большими трудностями: оно большею частію состоитъ въ томъ, чтобы виновный прочиталъ передъ кадіемъ то мѣсто Корана, которымъ вино предается анаѣмъ. Ежели онъ въ состояніи исполнить это какъ-нибудь, то, при помощи небольшой взятки, не считается пьянымъ. Одинъ даже изъ ихъ богослововъ законодателей требуетъ, чтобы, для обвиненія кого въ нѣянствѣ, онъ былъ не въ состояніи различить мужчины отъ женщины. Да сверхъ того, на Турецкомъ языкѣ есть книга, подъ заглавіемъ — «Остроты Ходжы Насиръ-эддина», которая составляетъ любимое чтеніе нижшихъ сословій, и гдѣ значительная часть анекдотовъ относится всякъ пьянымъ кадіамъ.

Вкусу этихъ оригиналовъ къ созерцательнымъ удовольствіямъ должно благопріятствовать много и самое мѣстоположеніе ихъ монастыря. Онъ вѣчаетъ вершину холма Перы и обладаетъ однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ видовъ Константинополя.

БАЗИЛИ.

=

ПОТЕРЯННАЯ ДЛЯ СВѢТА

П О В Ъ С Т Ъ .

=

§ 1.

О ТОМЪ, КАКЪ МЫ ОТПРАВЛИЛИСЬ ОБЪЕДАТЬ ВЪ ПАРГАМОВО.

Наконецъ положено было собраться къ Якову Петровичу, который жилъ въ Болотной улицѣ, — что между Пустой и Безымянной, — и оттуда уже всѣмъ вмѣстѣ идти къ омнибусамъ. Яковъ Петровичъ и Лука Лукичъ наканунѣ были избраны распорядителями *сего parti plaisir* какъ изъяснялся Иванъ Никитичъ на разныхъ діалектахъ, и они взяли съ собою все нужное, — самоваръ, кремень, огниво, трутъ, горсть угольевъ въ носовомъ платкѣ, фонарь, свѣчку, скатерть, салфетки, — нѣтъ, къ чему салфетки! по зрѣломъ соображеніи, мы разочли, что дѣло загородное, своя компанія, можно обойтись и безъ салфетокъ, — чайникъ, чашки, тарелки, три мелкихъ и двѣ глубокихъ, блюдо, ножей, вилокъ, ложекъ, — пару занялъ онъ у хозяйки и три у знакомаго трактирщика, съ которымъ нѣкогда имѣлъ дѣлшки, — лимоновъ, сахару, перцу, соли, стакановъ, рюмокъ, — впрочемъ, лгать не стану: статья можетъ, что рюмки не было ни одной, — сельдей, колбасу, окорокъ, уксусу, хрѣну, бѣлаго хлѣба, сыру, рѣдьки, масла, — сливочнаго и прованскаго, — жаренаго пѣтуха и огромную кулебяку. Все съѣстное и все относительное къ пушшу Яковъ Петровичъ забралъ въ сосѣдней мелочной лавочкѣ, тоже по знакомству. Максимъ Козмичъ являлся съ парюю холодныхъ сиговъ, Иванъ Никитичъ съ

частью поросенка, Галактіонъ Андренчъ съ кускомъ жареной говядины, Лука Лукничъ со штофомъ отличной домашней настойки и бутылкой краснаго, Илья Никифоровичъ съ тремя бутылками дрей-мадеры, наконецъ я самъ съ двумя бутылками рому, также съ картузомъ трехрублеваго табаку и пучкомъ сигарокъ съ перышками и безъ перышекъ, — *ad libitum*, — такъ что было чего и поѣсть, и попить, и покурить, сколько душѣ угодно.

Мы сошлись, съ удивительною точностью, ровно въ одиннадцать, хотя жили одни на Петербургской Сторонѣ, а другіе въ Гавани, и черезъ часъ сидѣли уже въ омнибусѣ, — точнѣе, на омнибусѣ, потому что одинъ только Яковъ Петровичъ не хотѣлъ подняться на имперіаль, а Максимъ Козмичъ сѣлъ съ нимъ внизъ только для компаніи. Трясаясь на высотѣ колесницы, — немножко похожей на погребальную, но это не наше дѣло, — мы всю дорогу разсуждали о «горахъ» Паргаловскихъ, — Галактіонъ Андренчъ (бывшій въ юности, кажется, придворнымъ пѣвчимъ) спѣлъ по этому случаю большую Малороссійскую арію, *Пидъ горою Маруся*, — и о невыгодахъ, сопряженныхъ съ высокими чинами. Лука Лукничъ первый замѣтилъ: — Вотъ, напримѣръ, Яковъ Петровичъ! дослужился до седьмаго класса, и поневолѣ садится ужъ въ первое мѣсто въ омнибусѣ. Чтобы ему взобраться на имперіаль! — Тутъ пошли толки о независимости и близости къ милой простотѣ природы чиновъ четырнадцатаго, двѣнадцатаго и десятаго класса, — отчасти даже девятаго. Такія разсужденія могутъ казаться мелочными стороннимъ людямъ, вѣдущимъ шибко въ Паргалово въ своихъ коляскахъ, но надо знать, какъ облегчаютъ они сердце дѣловое, эксъ-канцелярское, неиспорченное высокоблагородіемъ, на пути отъ Гостинаго Двора до Поклонной Горы, гдѣ кучеръ деспотически приказалъ намъ слѣз-

ти съ имперіала, потому что его чахлыя четыре клаченки не могли встать на гору всей нашей компаніи съ провіантомъ. Мы хотѣли спорить, но онъ отвѣчалъ, что омнибусы имѣютъ на то привилегію. Далѣе мы ѣхали довольно скоро, — кучеръ разгорячился, обгоняя Чухонскую одноколку, — и пріѣхали бы на мѣсто почти безъ приключенія, если бъ одна изъ четырехъ лошадей не пала и не околѣла на осьмой верстѣ. Злополучная! она околѣла вполвинѣ пути, хотя имѣла привилегію ходить десять лѣтъ безпрепятственно отъ Городской Башни до самого Паргалова.

Мы наконецъ пріѣхали. Яковъ Петровичъ, принявшій на себя почетное званіе хозяина, — онъ превосходно знаетъ Паргалово, — повелъ насъ прямо во второй садъ, къ круглому, зеленому столу на одной ножкѣ, осѣненному великолѣпными соснами, между которыми есть и ели, и самъ, собственными руками, разстелилъ скатерть, — не совсѣмъ чистую, но и не совсѣмъ запачканную: можно заключать, что она вымота не далѣе какъ за недѣлю, — потомъ разставилъ свою посуду, являвшую самое пестрое разнообразіе фабрикъ, размѣровъ, оттѣнковъ и царапинъ; наконецъ общими силами приступили мы къ установкѣ блюдъ, — статья чрезвычайно важная и сопряженная съ большими затрудненіями, потому что при малѣйшемъ нарушеніи равновѣсія столъ имѣетъ привычку наклоняться то въ ту, то въ другую сторону, и какъ-будто угрожать паденіемъ. Но съ помощію палокъ, чубуковъ и разбитаго цвѣточнаго горшка, подъ руководствомъ Ильи Никифоровича, который некогда служилъ въ артиллеріи, удалось намъ утвердить его совершенно въ горизонтальномъ положеніи; мы выпили по полустакану пастойки.....

Я долженъ прервать здѣсь рассказъ. Теперь я хорошо помню, что рюмокъ у насъ не было: мы пили пастой-

ку стаканами, такъ какъ въ хорошемъ обществѣ нынче совсѣмъ не въ модѣ пить прямо изъ бутылки, а Илья Никифоровичъ очень советовалъ употребить къ тому стаканы, что, какъ онъ увѣрялъ, вообще принято въ низовыхъ, приволжскихъ губерніяхъ.

Мы вышли по полустакану настойки, закусили рѣдькой, перекрестились и, съѣли объѣдать. День былъ прекрасный, — не было ни дождя, ни солнца, — не холодный, — но и не жаркій, — какъ обыкновенно бываетъ въ знойное, каникулярное, свободное отъ занятій время, — когда бѣсятся собаки.

=

§ 2.

О томъ, какъ мы объѣдали въ паргалоу.

Не знаю, отчего жребій палъ прежде всего на холодныхъ сиговъ, но знаю, что черезъ пять минутъ ихъ какъ не бывало. — «Подвиньте-ка, сказалъ Яковъ Петровичъ твердымъ голосомъ: подвиньте-ка сюда поросенка.» — Но поросята оказались такъ же скоропребноходящими, какъ и сиги, — какъ колбаса и окорокъ, преемники поросенка: впрочемъ, ясное доказательство, что никто изъ насъ не слѣдовалъ ученіямъ ни Юдаизма, ни Исламизма, и что все былъ народъ православный. Говядина и пѣтухъ смѣнили голую кость окорока, и мы напали на нихъ съ такимъ же плотояднымъ ожесточеніемъ: живо ходили ножи и челюсти, погребальная тишина господствовала въ сосновой рощѣ, мертво было молчаніе присутствующихъ. Первый нарушилъ его Иванъ Никитичъ.

— Желательно бы вынѣть теперь за ваше здоровье! сказалъ онъ Лукѣ Лукичу, утираясь рукою.

— Съ моимъ удовольствіемъ! отвѣчалъ тотъ: но

чего прикажете? У меня только настойка да красное.

— Да хоть красненькаго, батюшка! Къ настоичкѣ имѣли случай прикладываться.

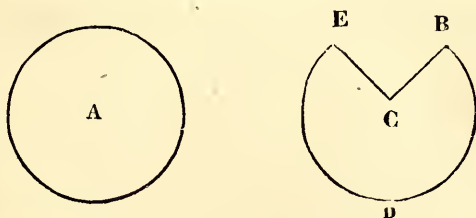
— Что за церемоніи! молвилъ Яковъ Петровичъ, взявъ бутылку, и разомъ пустилъ ее въ ходъ, какъ залежавшееся дѣло послѣ доброй взятки.

Всѣ отзывались съ самой лучшей стороны о красномъ, которое было объявлено отмыннымъ винограднымъ виномъ и ротвейномъ перваго сорту, и наговорили Лукъ Лукичу столько лестныхъ привѣтствій, что лице его непремѣнно покрылось бы румянцемъ стыдливости, если бъ не было такого цвѣта, къ которому нельзя прибавить ни какого дополнительнаго отлива красноты. О дополнительныхъ отливахъ, зри «Библіотеку для Чтенія», на которую мы подписались вшестеромъ: седьмой, Максимъ Козмичъ, покаместъ читаетъ ее даромъ, потому что еще не внесъ семи рублей четырнадцати копѣекъ. Въ нынѣшнемъ году однако жъ мы оставили «Библіотеку» и подписались на «Энциклопедическій Лексиконъ» вмѣстѣ съ нашимъ лавочникомъ,—такъ какъ въ самой «Библіотекѣ» и «Сѣверной Пчелѣ» было сказано, что лексиконъ тотъ же журналъ, только по алфавитному порядку. Все это говорю я только для свѣдѣнія и надлежащаго соображенія тѣхъ, которые числятся успѣхи наукъ и образованности въ Гавани и на Пестербургской Сторонѣ. Дѣло въ томъ, что румянецъ на щекахъ Луки Лукича былъ бы то же самое, что позолота на чистѣйшемъ золотѣ.

— Ахъ, а сыръ! Сыръ-то мы и забыли, воскликнулъ Яковъ Петровичъ почти съ отчаяніемъ, потому что красное было выпито, а мадера стояла еще не раскупорена и мракъ неизвѣстности покрывалъ намѣреніе ея расчетливаго хозяина.

— А кулебяка съ капустой! подхватилъ Максимъ Козмичъ.

Вытащили сыръ и кулебяку. Мы принялись за кулебяку съ необыкновеннымъ рвеніемъ. Она имѣла видъ весьма странный, — круглая какъ солнце, — я никогда въ жизни не видывалъ такой кулебяки, — двѣнадцать вершковъ въ поперечникъ, — и запахъ ея разлился по всей сосновой рошѣ, какъ скоро ее разрѣзали. Рѣзать ее по общепринятымъ правиламъ было очень неудобно, но мы нашли средство: въ самое короткое время выѣли въ ней уголь въ 45 градусовъ. Она явилась на столъ правильнымъ кругомъ, но черезъ нѣсколько минутъ видъ ея совершенно измѣнился, — что можно яснѣе видѣть изъ слѣдующаго чертежа

А — первоначальный видъ кулебяки; EBD — видъ кулебяки послѣ перваго натиска семи исключенныхъ изъ службы чиновниковъ, которыхъ презрительно называютъ въ романахъ мелкими» EBC — уголь въ 45°.

Чтобъ не повторять чертежей, я могу сказать тутъ же, что и сыръ, — настоящій Латышинскій, — княгини Мещерской, — представлялъ точно такую же геометрическую фигуру не болѣе какъ послѣ пяти минутъ нашихъ усилій.

— Господа! произнесъ Яковъ Петровичъ, оглядывая съ самодовольнымъ видомъ корку сыра: право,

мы умно сдѣлали, что не навезли съ собой ни десертовъ, ни бланманже, ни мороженаго, ни какой дребедени!

Мы единодушно обнаружили свое презрѣніе ко всѣмъ ничтожнымъ затѣямъ избалованнаго вкуса, извѣстнымъ на лѣвомъ берегу Невы и при-этомъ невольно взглянули на непочатые бутылки, стоявшія передъ Ильею Никифоричемъ. Ободренный этимъ взглядомъ, ясно выражавшимъ общее сочувствіе большинства присутствующихъ, Яковъ Петровичъ рѣшился взять одну изъ нихъ и откупорить; однако жъ, не наливъ себѣ ни капли, онъ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ передалъ ее хозяину.

— Я, сказалъ Илья Никифоричъ, если и выпью, такъ развѣ на поросенка: боюсь, чтобъ не забурчало въ животѣ.

— А мнѣ непременно должно запить сига, подхватилъ Лука Лукичъ, принимая бутылку.

— Я, сказалъ Иванъ Никитичъ, выпью отъ жару: нынче мнѣ что-то такъ душно!

— Я тоже выпью стаканчикъ, сказалъ Максимъ Козмичъ: у меня цѣлый день какъ морозъ по кожѣ.

— Такъ выпить и мнѣ! молвилъ Галактіонъ Андреевичъ: дѣйствительно, погода такая странная, — не знаешь что дѣлать!

— И я за вами, сказалъ Яковъ Петровичъ, съ свойственнымъ ему достоинствомъ и лаконизмомъ.

— Что грѣха таить! сказалъ наконецъ историкъ этой попойки: признаться вамъ, я выпью потому, что люблю выпить.

Несмотря на то, что мы пили всѣ по разнымъ причинамъ, въ бутылкахъ не осталось ни капельки.

§ 3.

О ТОМЪ, КАКЪ МЫ РАЗГОВАРИВАЛИ ВЪ ПАГГАЛОВѢ.

Когда это было сдѣлано, всѣ мы легли на травѣ и закурили трубки и сигарки, — но легли такъ, какъ лежали Римляне, которые, несмотря на лежащее свое положеніе, могли удобно пить. Вино было право хоть куда, и мы тѣмъ сильнѣе чувствовали его достоинство, что, въ нашихъ странахъ, рѣдко употребляемъ ренское. Бесѣда наша скоро оживилась, и, — Боже милостивый, о чемъ не было у насъ рѣчи! Я думаю, ни въ одной книгѣ, не только Русской, но и Французской, даже въ Смѣсн «Библіотеки для Чтенія», нѣтъ и со-той доли тѣхъ исторій, поговорокъ и шуточекъ, которыя отпускались тутъ наперерывъ, не говоря ужъ о канцелярскихъ анекдотахъ и дѣльных толкахъ касательно службы и награды, или точнѣе награды и службы, безъ которыхъ два православные не могутъ пробыть пяти минутъ вмѣстѣ. Черезъ нѣсколько времени разсужденія наши образовали одинъ, непонятный, хаотическій гулъ звуковъ, въ которомъ, слушая со стороны, можно было различить только одинъ глаголь, — повторяемый всѣми въ различныхъ тонахъ: — получилъ! — не получилъ! — да, получилъ! — не получилъ! — получилъ! — получилъ!!!!....

Потомъ пошли разсказы, — сцены изъ частной жизни.

Илья Никифоровичъ разсказывалъ, какъ, поступивъ въ милицію, онъ прежде всего воспользовался своимъ мундиромъ, чтобъ припугнуть одного лавочника въ Бѣлевѣ, который пришелъ къ нему за старымъ должкомъ. Яковъ Петровичъ служилъ съ отличіемъ по питейному сбору, а когда тамъ все пошло на новый ладъ, онъ поспѣшилъ выйти въ отставку съ неболь-

шимъ чиномъ и маленькимъ кускомъ хлѣба, который накопилъ изъ жалованья и крошечныхъ доходцевъ. Съ тѣхъ поръ Яковъ Петровичъ занимается дѣлишками, и былъ бы совершенно доволенъ своимъ состояніемъ, если бы прежніе товарищи его не были теперь кто коллежскимъ, кто даже статскимъ совѣтникомъ. Лука Лукичъ, въ бытность его безъ всякой вины подъ судомъ, управлялъ партикулярно однимъ господскимъ домомъ, — и надо было видѣть, въ какой онъ привелъ его порядокъ и какъ умѣлъ держать въ стрункѣ людей! Правда, онъ вывихнулъ себѣ обѣ руки, но безъ такой усиленной дѣятельности не возможно быть управителемъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Иванъ Никитичъ, — тотъ самый, который изъяснялся «на разныхъ діалектахъ», — былъ прежде кварталнымъ поручикомъ, и уволенъ отъ службы за сущую бездѣлицу: въ его кварталъ былъ рынокъ, и каждый торговый день Иванъ Никитичъ ходилъ туда съ двумя будочниками, наблюдалъ за порядкомъ, и иногда, единственно для домашняго обихода, снималъ сливки у деревенскихъ бабъ, которыя привозили съ молокомъ изъ окрестностей. Подъ этимъ ничтожнымъ предлогомъ бдительный Иванъ Никитичъ былъ отставленъ: но онъ клянется, что его отставили только для того, чтобы мѣсто его дать другому. Максимъ Козмичъ былъ смотрителемъ въ одномъ казенномъ домѣ; ему поручили распорядиться экономическимъ образомъ поправкою печей, и архитекторъ, который крестилъ у него старшаго сына, Петю, засвидѣтельствовалъ, что, сколько можно судить по паружности, печи совершенно исправны; но не прошло двухъ недѣль, какъ четыре изъ нихъ развалились. Представьте, что начальство велѣло передѣлать всѣ печи на счетъ строителя, въ то время, какъ Максимъ Козмичъ не виноватъ ни тѣломъ, ни душою!

Затѣмъ разговоръ обратился къ Словесности, — по-

тому что *все это* уже читаетъ, *все это* уже судить, не прогнѣвайтесь, господа сочинители,— и само собою разумѣется, что литература Московская и литература Петербургская были поставлены лицомъ къ лицу, обозрѣны и сравнены въ своихъ относительныхъ достоинствахъ. Большинство клонилось въ пользу того мнѣнія, что въ Петербургскихъ книгахъ болѣе просвѣщенія образованности, вкуса..... то есть, сударь, толку.....

Тутъ Яковъ Петровичъ хотѣлъ налить себѣ мадеры, но ея уже не было.

— Плохой же вашъ погребщикъ, сказалъ онъ Ильѣ Никифору, что отпускаетъ вамъ по три бутылки! Право, следовало бѣ узаконить, чтобъ меньше полудюжины отнюдь не давали въ долгъ.

— Правда ваша, отвѣчалъ Илья Никифору. Я жъ ему, разбойнику, не заплачу за это ни копѣйки!

И не думайте, что Илья Никифору пошутилъ: могу васъ увѣрить, что въ подобныхъ случаяхъ онъ всегда держитъ слово.

Наконецъ возникло самое интересное преніе о томъ, какъ лучше насладиться ромомъ, въ видѣ пуншу, или въ видѣ грогу. Нѣкоторые утверждали, что въ хорошихъ компаніяхъ грогъ теперь гораздо больше въ употребленіи чѣмъ пуншъ, и что эта мода основывается на весьма логическомъ началѣ: горячую воду съ чаемъ можно пить отдѣльно, и ромъ съ горячей водою отдѣльно; такимъ образомъ ни чай, ни ромъ не уничтожаютъ другъ друга и совокупно содѣйствуютъ успѣхамъ просвѣщенія. Яковъ Петровичъ предложилъ рѣшить вопросъ коллегиально. Пошли на голоса:

Въ пользу грогу.

Лука Лукичъ.

Яковъ Петровичъ.

Галактіонъ Андреевъ.

Я.

Въ пользу пуншу.

Илья Никифоровичъ.

Максимъ Козмичъ.

Иванъ Икитичъ.

Большинство въ пользу грогу.

Къ чести нашего общества должно замѣтить , что никто не изъявилъ желанія пить ромъ голыю.

Илья Никифоричь былъ отряженъ къ самовару, а я избранъ для приготовленія грогу на все общество, — во-первыхъ какъ ревностный защитникъ этого напитка, — во-вторыхъ по тому соображенію, что, живучи въ Гавани, поближе къ морьякамъ, я долженъ обладать основательными свѣдѣніями въ пропорціи двухъ главныхъ составныхъ частей его , рому и воды, — что весьма важно: пѣтъ ничего легче, какъ испортить лучшій ромъ, разливъ его черезчуръ водой!

=

§ 4.

О томъ, какъ Галактіонъ Андренчъ прервалъ свое молчаніе въ паргатовѣ.

Когда мы выпили по четыре чашки чаю, наступила очередь грогу. Когда мы стали пить грогъ, бесѣда пошла шумнѣе прежняго. Читатели конечно уже замѣтили, что я ни разу не упоминалъ объ участіи, какое принималъ въ общемъ разговоръ Галактіонъ Андренчъ. Это единственно потому, что онъ во все время не вымолвилъ почти ни слова. Галактіонъ Андренчъ на службу поступилъ, — кажется, изъ пѣвчихъ! — но онъ говоритъ, что изъ дворянъ, — и въ чины происходилъ по провіантской части, и если бъ не одно несчастное обстоятельство, которое заставило его облецись въ сѣрый мундиръ и потомъ просить увольненія отъ должности, онъ вѣрно былъ бы провіантмейстеромъ.

Отчего же онъ такъ безмолвствовалъ въ нашемъ обществѣ? Я, право, не знаю. Прежде, когда онъ

служилъ по провіантской части, онъ любилъ разсуждать, любилъ рассказывать «случай», и, о чемъ бы вы съ нимъ ни заговорили, — хоть объ Астрономіи, — ну хоть о Философіи, — онъ тотчасъ прерывалъ васъ восклицаніемъ — «Вотъ именно былъ у насъ одинъ подобный случай по провіантской части!» — Тутъ начиналась длинная исторія. Такихъ исторій по провіантской части у него было по двѣ, иногда по три, на всѣ обстоятельства внѣшней и внутренней жизни, на всѣ предметы разговора. Длины ихъ въ точности опредѣлить не могу, но помню, что одна была какъ отсюда до Могилева, — потому что разъ путешествовалъ съ нимъ туда на перекладныхъ и онъ рассказывалъ мнѣ ее всю дорогу. Словомъ вся созданная природа объяснялась у него какъ нельзя лучше провіантскою частию, и только нѣкоторые, очень темные вопросы, комиссаріатскимъ штатомъ. Но, между нами сказать, Галактіонъ Андреичъ былъ не далекъ, и, кажется, не чувствовалъ въ себѣ отваги тягаться съ такими людьми, какъ Максимъ Козмичъ или Яковъ Петровичъ. Какъ бы то ни было, онъ, сердечный, присмирѣлъ какъ мокрая курица, такъ, что мнѣ даже стало его жаль. Однако жъ, осушивъ стаканчикъ, другой, грогу, онъ какъ-будто поободрился, и за третьимъ стаканомъ въ немъ явно обнаружилось намѣреніе что-нибудь сказать. Мы на эту пору посмолкли, и прилежно курили свои трубки и сигары, какъ вдругъ изъ облака табачнаго дыма раздался козлиный голосъ Галактіона Андреича, и произнесъ очень явственно:

— Вотъ именно одинъ такой случай былъ у насъ по провіантской части....

Всѣ мы продолжали курить въ глубокомъ молчаніи, прислушиваясь къ словамъ рассказчика, и Галактіонъ Андреичъ завелъ предлинную исторію. Ничто не мешало звонкому его голосу; только изрѣдка случайный

звукъ стакана или шиньоне докурившейся трубки сливались съ потокомъ его рѣчи. Повѣсть длиннѣла, ширилась, толстѣла; Галактіонъ Андреичъ излагалъ ее во всей полнотѣ, безъ малѣйшаго опущенія; мы слушали какъ нельзя внимательнѣй, пускали дымъ, тянули грогъ, — а исторія все шла своей дорогою. Галактіонъ Андреичъ не кончилъ бы ея до сихъ поръ, если бъ стукъ отъѣзжающаго омнибуса не заставилъ насъ вскочить съ мѣстъ, допить остатки грогу и настойки и уложить на-скоро драгоценную посуду Якова Петровича.

Какъ мы доѣхали на трехъ лошадакахъ до заставы, какъ начали расходиться по домамъ, какъ я имѣлъ несчастіе попасть въ руки будочниковъ и почевать на съѣзжемъ дворѣ, — все это легко себѣ представить безъ особеннаго о томъ параграфа.

=

§ 5.

О томъ, какую исторію разсказывалъ Галактіонъ Андреичъ въ паргаловѣ.

На другой день, прямо съ казеннаго нечлега, зашелъ я къ Якову Петровичу. У него былъ Илья Никифоричъ. Мы выпили по рюмкѣ водки, закусили остатками вчерашняго сыра, потомъ стали смѣяться, стали вспоминать о своей поѣздкѣ, — признаваясь другъ другу, что еще никогда такъ славно не потѣшились, — повторяя сказанное нѣсколько разъ накануне, — и опять смѣяться отъ чистаго сердца, какъ будто были еще въ сосновой рошѣ. Мы сожалѣли только объ одномъ, — что намъ никакъ не удалось погулять по саду! Вдругъ лице Якова Петровича омрачилось думою; онъ былъ въ явномъ недоумѣніи, и сидѣлъ не говоря ни слова.

— Яковъ Петровичъ, что съ вами сдѣлалось?

Подумавъ еще не много, онъ спросилъ насъ:

— Что за исторію рассказывалъ вчера Галактіонъ Андренчъ, когда мы сидѣли за третьимъ стаканомъ грогу?

— Я помню, что она начиналась такъ: «Вотъ именно одинъ такой случай былъ у насъ по провіантской части.....»

— Да, да! У насъ, по провіантской, подхватилъ Илья Никифорычъ.

— Это-то я знаю, отвѣчалъ Яковъ Петровичъ: да что же дальше? Я, хоть убей, не припомню.

Напрасно всѣ мы ломали голову: повесть Галактіона Андренча не оставила ни малѣйшихъ слѣдовъ въ нашей памяти; въ отношеніи къ ней мы какъ-будто не существовали. Между-тѣмъ пришли еще Лука Лукичъ и Иванъ Никитичъ.

— Знаете ли, объ чемъ мы сейчасъ толковали дорогой? спросилъ послѣдній.

— Нѣтъ, не знаемъ.

— О томъ, продолжалъ Иванъ Никитичъ, какую исторію рассказывалъ намъ вчера Галактіонъ Андреевичъ.

— Она начинается:— «Вотъ именно былъ такой же случай и по провіантской части», примолвилъ Лука Лукичъ: а далѣе мы ни какъ не могли вспомнить.

— Вотъ чудо! воскликнули мы всѣ вмѣстѣ.

— Ахъ, да вотъ и Максимъ Козмичъ! У него память не подлиннѣй ли нашей?

Тщетная надежда! Максимъ Козмичъ зналъ только— «Вотъ именно то самое случилось и у насъ по провіантской части.....»

— Да это психологическая задача! вскричалъ онъ съ удивленіемъ: Максимъ Козмичъ учился въ семинаріи, и сверхъ-того читалъ повѣсть М. П. Погодина о Московскомъ извозникѣ, который нашелъ мѣшекъ съ деньгами, отдалъ хозяину и самъ повѣсился; онъ знаетъ, что такое *психологическая*, и очень часто употребляетъ это слово: — Пойдите же! со мной кажется сѣть красненькая: сейчасъ пойду къ Галактіону Андрсичу, позову его въ Палкинъ завтракать, подпою голубчика, и онъ разкажетъ мнѣ снова свою исторію.

Иванъ Никитичъ увязался съ нимъ вмѣстѣ, а мы остались ждать ихъ у Якова Петровича. Они воротились въ сумерки.

— Ну что, разсказалъ ли онъ вамъ, что было по провіантской части?

— Разсказать-то разсказалъ, отвѣчалъ Максимъ Козмичъ почти съ ужасомъ: только боюсь вамъ, я ничего не припомню.

— И я то же, примолвилъ Иванъ Никитичъ.

Эта странность сдѣлала въ насъ сильное впечатлѣніе. Мы выпили по стакану пуншу, и рѣшились тотчасъ же послать за Галактіономъ Андреичемъ и навести его на вчерашній разсказъ.

Черезъ полчаса онъ уже сидѣлъ между нами. Пуншъ и настойка развязали ему языкъ, и ровно въ одиннадцать онъ началъ тѣмъ же голосомъ:

— Вотъ именно одинъ такой случай былъ у насъ по провіантской части.....

— Ну! воскликнули мы въ одинъ голосъ: теперь-то услышимъ мы эту исторію. Чуръ, не проронить ни одного слова!

— Что это значитъ? спросилъ Галактіонъ Андренчъ съ изумленіемъ.

— Ничего, ничего! Намъ очень хотѣлось слышать вашу повѣсть.

— Понимаемъ-съ! сказалъ Галактіонъ Андренчъ съ бѣшенствомъ. Теперь помню, что когда-то ужъ я вамъ ее рассказывалъ. Не беспокойтесь! я не дамъ въ дураки.....

— Полно сердиться, Галактіонъ Андренчъ! сказалъ ласково хозяйинъ.

— Нѣтъ, Яковъ Петровичъ! терпѣть не могу на-смѣшекъ, и если вы затѣмъ меня позвали, такъ прощайте.

Сказавъ это, онъ схватилъ шляпу и зонтикъ, и убѣжалъ изъ комнаты.

Да! убѣжалъ, — съ тѣмъ, чтобъ никогда не возвращаться, и повѣсть его осталась по-сю-пору неизвѣстною. Скорѣе успѣете вы прочесть всѣ іероглифы древняго Египта нежели повѣсть Галактіона Андренча: она погребена въ душѣ его, и никогда не воскреснетъ для свѣта. Эпохи будутъ слѣдовать за эпохами, государства будутъ процвѣтать и падать, но никто не узнаетъ, что это за исторія. Такова непре-ложная воля судьбы!

Поэтому и я не могу сообщить вамъ этой исторіи для напечатанія въ «Библіотекѣ для Чтенія». Вы потеряли повѣсть, — или былъ, все равно, — оригинальную, настоящую Русскую, въ которой не было ни малѣйшаго слѣда подражанія иностранному; въ которой все было наше; которая отличалась неподдѣльною народностью, — и которая теперь, увы, невозвратно погибла для Словесности!.....

Покорнѣйше прошу упомянуть, сочиняя Исторію Русской Литературы, что повѣстей и бывшей собственно у насъ одною меньше, чѣмъ бы слѣдовало быть по-настоящему, потому что, клянусь, я имѣлъ твердое намѣреніе напечатать этотъ любопытный случай по провіантской части: вѣдь такимъ образомъ пишутся почти всѣ повѣсти для нашей Словесности, — повторяя безъ всякихъ усилій своего воображенія, первый слышанный гдѣ-нибудь анекдотикъ! Будь только разсказъ Галактіона Андреича такого свойства, чтобъ можно было его упомянуть, — вы бы имѣли одной «оригинальною» повѣстью больше, и я былъ бы одинъ лишній оригинальный сочинитель.

А теперь имѣю честь пребыть и прочая.

А. ВЪЛКИНЪ.

=

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ВОЛШЕБНЫЙ КЛЮЧЬ.

ПОВѢСТЬ Г. КРУЗЕ.

Когда я учился въ Копенгагенскомъ университетѣ, въ одномъ домѣ со мною жилъ товарищъ, студентъ же. Знакомство наше обратилось въ дружбу, и во все время академическаго курса неразлучность была для насъ потребностью. Всякой, кто только знавалъ Рудольфа, не находилъ въ этомъ ничего удивительнаго; напротивъ, я примѣчалъ, что товарищи и знакомые завидовали мнѣ въ томъ удовольствіи и той пользѣ, которыя сопряжены были съ его сообществомъ. Мы оба были родомъ изъ одного мѣста; оба священническіе дѣти; оба подверглись предварительнымъ испытаніямъ, и теперь заботливо высматривали себѣ будущность. Хотя мы жили вмѣстѣ, однако ученіе обыкновенно разлучало насъ до поздней ночи: по окончаніи дѣла мы сходились, и тутъ повѣряли другъ другу наши дневныя событія. Наибольшее удовольствіе находили мы въ посѣщеніи театра вмѣстѣ: удовольствіе это было для насъ столь заманчиво, что мы часто отказывали себѣ въ положительныхъ necessitatibus, чтобъ имѣть средства воспользоваться идеальнымъ наслажденіемъ. Намъ бывало чрезвычайно весело, когда, взявшись подъ руки, мы шли къ нашему

любимому мѣсту, и Рудольфъ въ особенности былъ тогда такъ одушевленъ, такъ восторженъ, что я часто вспоминаю о ночныхъ часахъ, проведенныхъ нами вмѣстѣ такимъ образомъ, какъ о счастливейшихъ въ моей жизни.

Послѣ Рудольфа не случилось мнѣ встрѣчаться ни съ кѣмъ, кто бы владелъ даромъ описывать характеры и положенія съ такою живостью, какъ онъ. Его воображеніе, его чувствованія, непреодолимо увлекали слушателя; было что-то особенно трогательное въ глубокой привязанности его къ своимъ роднымъ и въ той неизъяснимой прелести, которую этотъ молодой человѣкъ, кумиръ всѣхъ нашихъ обществъ, облакалъ свои воспоминанія о родительскомъ кровѣ.

Самопознаніе, какъ онъ говорилъ, пробудилось въ немъ первоначально печалію о смерти его матери: это случилось, когда ему было не болѣе семи лѣтъ. Первые чувствованія радости позналъ онъ двумя годами ранѣе при возвращеніи своей сестры, прибывшей въ родительскій домъ отъ одного родственника изъ Альтоны.

Ничто не могло быть обольстительнѣе его описанія молодой Полины. Ея красота, ея пріятности, удивленіе отца при ея прибытіи, ея легкій иностранный выговоръ, ея изящное траурное платье, ея дѣтская радость въ объятіяхъ ближнихъ родственниковъ, наконецъ ея грусть при воспоминаніи о недавней потерѣ матери. — Ахъ! восклицалъ онъ, посмотрѣли бы вы, какъ она плачетъ, какъ она смѣется: никто никогда такъ не смѣялся, ни плакалъ, какъ она! Какое милое лукавство въ ея взглядахъ! Какая очаровательная улыбка! Какая горестъ, какое непреодолимое волшебство въ ея слезахъ! Самое суровое сердце не могло бы противустоять ихъ вліянію. Никакая фizioномія не можетъ быть такъ выразительна, никакая душа такъ

удободвижима. Всякая черта красоты или добра, какъ бы слаба ни была, всегда находитъ себѣ сочувственное отраженіе въ ея прелестной груди.

Часто, слыша такіе рассказы Рудольфа, приходилось мнѣ говорить самому себѣ: — О, если бы эта дѣвушка не была его сестрою! Гдѣ пойдетъ онъ невѣсту, которая бы всегда поддерживала свое владычество надъ его воображеніемъ и его сердцемъ? — По-несчастью, мои предчувствія слишкомъ скоро осуществились событіями, которыя за тѣмъ послѣдовали.

Рудольфъ получилъ отъ отца своего письмо, которымъ его извѣщали, что одинъ богатый и красивый молодой человѣкъ изъ сосѣдей начиняетъ искать руки Полины. Съ полученіемъ этого роковаго письма, казалось, что нашъ добрый геній отлетѣлъ отъ насъ: лишь-только Рудольфъ прочелъ отцовское посланіе, имъ одолѣлъ столь сильный, столь неистовый припадокъ печали, что онъ тотчасъ почувствовалъ лихорадку и слегъ въ постель на нѣсколько дней. Съ той минуты спокойствіе его покинуло; глубокая горестъ, совершенный безпорядокъ въ мысляхъ овладѣли имъ; даже извѣстіе, которое онъ вскорѣ потомъ получилъ, что Полина самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергла это искательство, хотя нѣсколько утѣшило взволнованную душу, не могло возстановить его веселости, ни прояснить его мрачныхъ думъ. Обыкновенныя занятія сдѣлались ему въ тягость, здоровье его видимо ослабѣвало, и даже въ минуты самыхъ откровенныхъ, сердечныхъ изліяній, онъ никогда не упоминалъ имени Полины. Въ одинъ вечеръ, когда онъ былъ немножко живѣе обыкновеннаго, мы сидѣли вмѣстѣ въ партерѣ, и, по опущеніи занавѣсы въ между-дѣйствіи, начали осматривать красавицъ, мелькавшихъ въ ложахъ. Вдругъ наше вниманіе было привлечено видомъ одной дамы, находившейся въ одной изъ отдаленныхъ ложъ. Никогда не видалъ я ничего такъ

ослѣпительно, такъ волшебнo-прекраснаго. Ея вьющіеся локоны блитали при театральномъ освѣщеніи какъ золото; ея глаза, алебастровая бѣлизна и какой-то отсвѣтъ ея чела и плечъ, казалось, осыпали блескомъ то мѣсто гдѣ она сидѣла; классическое спокойствіе, разлитое по всѣмъ ея чертамъ, ея превосходно образованныя формы, напоминали намъ статуй Фидіаса, изваянныя изъ золота и слоновой кости и предназначенныя къ украшенію храмовъ богинь. Въ надеждѣ поближе разсмотрѣть эту красавицу, мы рѣшились стать у дверей ея ложи, чтобы воспользоваться ея выходомъ и даже въ нѣкоторомъ отдаленіи послѣдовать за нею для узнанія, кто такая эта прелестная незнакомка, возбудившая въ столь сильной степени наше удивленіе и любопытство.

Едва представленіе кончилось, какъ мы уже стояли у дверей ложи, которой номеръ былъ намъ извѣстенъ. Мы ждали, ждали, но напрасно; зрители, одинъ послѣ другаго выходили изъ этой и изъ сосѣднихъ ложъ. Театръ постепенно пустѣлъ; капельдинеры, обходя корридоры, затворяли ложи; предметъ нашего удивленія не являлся.

— Она вѣрно вышла въ то самое время какъ мы выходили изъ партера, сказалъ я. — Иначе, отвѣчалъ Рудольфъ, она была бы не земнымъ существомъ, но нимфою или феей, покинувшею свою родную область для того, чтобы мгновенно ослѣпить наше зрѣніе и потомъ покинуть насъ во мракъ.

Въ продолженіе этого разговора вышли мы изъ театра, и лишь-только пустились по улицѣ, какъ Рудольфъ наступилъ на что-то ногою. Онъ нагибается и поднимаетъ ключъ. — Повидимому, сказалъ Рудольфъ, это ключъ отъ комнаты, и конечно потеря его поставитъ хозяина въ затрудненіе.

Мы немного постояли около театра въ ожиданіи, что хозяинъ ключа воротится отыскивать свою поте-

рю; но прождали напрасно. Рудольфъ положилъ его къ себѣ въ карманъ, и, какъ въ теченіе нѣсколькихъ дней никто объ немъ не навѣдался, онъ считалъ его своимъ и обыкновенно носилъ съ собою. Этотъ простой, обыкновенный ключъ, кажется, особенно завладелъ его воображеніемъ; онъ часто вынималъ его, разсматривалъ и погружался въ глубокую задумчивость.

— Съ этимъ ключемъ, сказалъ онъ однажды, должно быть сопряжено что-нибудь пріятное; онъ очевидно назначенъ отворять маленькую дверь. Желалъ бы я знать, гдѣ мнѣ отыскать ее. Я увѣренъ, что какой-нибудь влюбленный обронилъ его. Это талисманъ, доставлявшій ему доступъ къ счастію: и вотъ онъ потерялъ его въ то время, когда спѣшилъ къ назначенному свиданію! Счастливъ тотъ, кому такой ключъ ввѣренъ. Онъ можетъ — быть вмѣстѣ съ нами любовался предметомъ своего обожанія и мечтаній тысячи другихъ, но къ сердцу и ласкамъ красавицы онъ одинъ только имѣлъ этотъ ключикъ. Нѣтъ! ни какая любовь не можетъ быть столь благополучна, какъ то урывчатое блаженство, которое сопровождается тайною и препятствіемъ.

— Ни какая любовь столь благополучна? возразилъ я. О, въ тысячу разъ предпочелъ бы я быть торжествующимъ, счастливымъ, молодымъ супругомъ, сидящимъ въ театрѣ подлѣ цвѣтущей молодой жены, и возвращающимся оттуда съ нею подъ руку, въ сопровожденіи нѣсколькихъ друзей, очарованныхъ ея милыми свойствами и готовыхъ раздѣлять общія радости!

— Но, отвѣчалъ Рудольфъ, за этимъ пріятнымъ вечеромъ какъ скоро послѣдовали бы дни огорченій! Ссоры, хозяйственные заботы, счета модистокъ и магазинщиковъ, плачущія дѣти, сварливость жены, и тысяча другихъ золъ, неразрывно сопряженныхъ съ брачнымъ состояніемъ!

— Ты описываешь брачное состояніе въ бѣдности,

а не въ довольствѣ, перервалъ я: но даже и въ этомъ несчастномъ положеніи нѣжная внимательность и сочувствіе жены можетъ доставить нѣкоторую степень отрады, можетъ въ извѣстной мѣрѣ облегчить то, что въ немъ есть неспоснаго. Что въ самомъ дѣлѣ связываетъ насъ тѣснѣе, какъ не злополучія, раздѣляемые и переносимыя вмѣстѣ съ взаимною вѣрностью и съ достоинствомъ?

— На одну такую чету придется по сотнѣ, которыя разошлись.

— Положимъ, отвѣчалъ я: но то же самое можно примѣнить и къ тѣмъ сокровеннымъ связямъ, о которыхъ ты говоришь.

Какъ ни маловаженъ можетъ показаться этотъ разговоръ, но изъ него я вновь удостовѣрился, какъ люди иногда невольно обнаруживаютъ свои сокровенныя желанія и чувствованія, проявляющіяся даже въ самой горести ихъ жалобъ и укоризнъ, которыми они, какъ кажется, стараются заглушить ихъ. Мы рѣдко ошибаемся, когда предполагаемъ, что женщина питаетъ тайную привязанность къ человеку, котораго бранить она не пропускаетъ ни малѣйшаго случая. Несчастный Рудольфъ пытался скрыть силу своихъ чувствованій, издѣваясь надъ тѣмъ благополучіемъ, которое для него казалось недоступнымъ, между-тѣмъ какъ я, такъ горячо бравшій сторону супружескаго счастья, въ самомъ дѣлѣ былъ совершенно къ нему равнодушенъ.

Въ тотъ самый день, какъ происходилъ между нами этотъ разговоръ, я воротился домой необыкновенно поздно; однако, противъ моего ожиданія, Рудольфа еще не было. Я рѣшился подождать его; взялъ книгу, но часы летѣли, а Рудольфъ все не приходилъ. Наконецъ его отсутствіе стало меня безпокоить. Я растворилъ окно, и высматривалъ его во всѣ стороны:

почъ была свѣтлая, лунная; то было въ осеннее равноденствіе. Улицы совершенно пусты; нигдѣ ни малѣйшаго признака жизни; только по временамъ крики пѣтуховъ, привѣтствовавшихъ занимающуюся зарю, бой церковныхъ часовъ и окликъ почтаго сторожа нарушали всеобщее безмолвіе. Наконецъ слышались приближающіеся шаги, и я съ радостью узналъ Рудольфа; онъ насвистывалъ веселую арію, примѣтилъ, что я стою у окна, вошелъ, и сталъ извиняться, что заставилъ меня провести бессонную ночь.

— Со мною случилось, сказалъ онъ, такое странное и вмѣстѣ такое пріятное происшествіе!.... Но теперь я не хочу отвлекать тебя отъ покоя. Утромъ я расскажу тебѣ все: сегодня праздникъ; у насъ будетъ и досугъ и развлеченіе.

Путру мы вошли почти въ одно время въ нашу общую комнату, и были невыразимо удивлены роскошью и изысканностью завтрака, который намъ приготовили. На зажженной спиртовой лампѣ стоялъ превосходной отдѣлки серебряный кофейникъ; сервизъ былъ изъ отличнаго хрусталя и фарфора; столъ уставленъ самыми лакомыми яствами. На окнахъ стояли цвѣты. Осеннее солнце самымъ живописнымъ образомъ освѣщало эту картину. Мы никакъ не могли объяснить себѣ всего этого иначе какъ тѣмъ, что хозяйка наша, достаточная и очень добрая женщина, вздумала изумить насъ печальностью. Однако, на распросы наши, и хозяйка и домашняя прислуга изъявили величайшее удивленіе, и увѣряли, что они не знаютъ, какъ и объяснить этотъ случай. Наконецъ мы съли въ самомъ пріятномъ расположеніи духа. Рудольфъ, затворивъ двери, началъ свой обѣщанный рассказъ.

— Не знаю, замѣтилъ ли ты между разрушенными домами, свидѣтельствующими донынѣ бомбардировку Англичанъ, одно мѣсто, гдѣ стоитъ высокая

красная стѣна: по ея уединенію, по ея сбѣжавшему цвѣту, въ сравненіи съ окружающими ее новыми красивыми домами, ее можно уподобить старому изувѣченному инвалиду, смотрящему на парадъ, составленный изъ свѣжихъ полковъ. Дорога, по которой я каждый вечеръ возвращаюсь, пролегаетъ, какъ тебѣ извѣстно, черезъ самое это мѣсто, и въ наружномъ видѣ стѣны было всегда что-то такое, что поражало мое воображеніе. Вчера вечеромъ, проходя мимо, я остановился и началъ ее разсматривать. Освѣщенная сіяніемъ луны, осыпанная высокими деревьями, она показала мнѣ живописнѣе и величественнѣе обыкновеннаго. Между - тѣмъ въ одномъ углу примѣтилъ я небольшую дверь, и вдругъ представились мнѣ вопросы, куда эта дверь можетъ вести: къ какому нибудь опустѣлому двору, наполненному развалинами? Вѣрить ли мнѣ предчувствію, что за этою дверью что-нибудь да есть? Тутъ пришла мнѣ мысль о ключѣ, который я всегда ношу въ карманѣ. Я не могъ противустоять искушенію, и попыталъ, не придется ли онъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ пришелся, дверь отворилась, и я очутился въ длинной галлерей, слабо освѣщенной лампою. Странная фигура подошла ко мнѣ съ почти-тельнымъ видомъ: то былъ небольшого роста негръ, въ темноцвѣтномъ платьѣ и съ чалмою на головѣ. Поклоная мнѣ очень низко, онъ сказалъ: — Позвольте мнѣ провести васъ къ моей госпожѣ: она васъ ожидаетъ. — Прежде нежели я успѣлъ опомниться, негръ подбѣжалъ къ дверямъ, вынулъ ключъ, заперъ снаружи, потомъ подаль его мнѣ съ видомъ величайшаго уваженія и повторилъ: — Извольте идти за мною.

Отступленіе было уже не возможно; но если бы это и было иначе, все-таки мнѣ хотѣлось посмотреть, что будетъ дальше. Негръ велъ меня черезъ длинный корридоръ, на концѣ котораго была опять маленькая дверь. Потомъ мы поднялись нѣсколько

ступеней и вошли въ другой корридоръ, приведшій насъ къ великолѣпной залѣ, обставленной статуями, растеніями въ цвѣтахъ и въ плодахъ, и освѣщенной висячею лампою. Отсюда я вошелъ въ гостиную: волшебныхъ украшеній, упоительныхъ благоуханій, сладостной музыки, которыми наполнялась эта комната, я описать не въ силахъ. Въ гостиной сидѣло нѣсколько молодыхъ прекрасныхъ женщинъ, одѣтыхъ особеннымъ образомъ, почти въ восточномъ вкусѣ. Представъ себѣ мое изумленіе, когда я увидѣлъ, что ко мнѣ подходитъ одна изъ нихъ и именно та самая, которая очаровала насъ въ театрѣ, и которая столь неизъяснимымъ образомъ отсюда исчезла.

Она привѣтствовала меня какъ стараго знакомаго, и посадила подлѣ себя на диванъ; окружавшія ее женщины, которыя составляли повидимому прислугу, подали намъ десертъ, потомъ запѣли хоромъ, пріятно, но довольно тихо, конечно для того, чтобы только покрыть нашъ разговоръ, но не помѣшать ему.

Когда я сталъ извиняться передъ нею въ вольности, которую позволилъ себѣ, зашедши въ ея очарованный замокъ, она, перервавъ меня, сказала:—Правда, что мы недавно познакомились: но сколько есть въ человѣческой жизни непостижимыхъ обстоятельствъ! Какъ она ни кратковременна, но человѣкъ колеблется насладиться тѣми удовольствіями, которыя она ему представляетъ; онъ не вѣритъ, что на то уполномоченъ, если онъ не употребилъ на пріобрѣтеніе ихъ ни размышленій, ни трудовъ, если не пожертвовалъ въ этой борьбѣ цвѣтомъ молодости и свѣжестью мыслей. Должна ли радость походить на глубоко зарытое сокровище, къ которому не иначе можно прикасаться, какъ слабою, трепетною рукою? Или смотрѣть на печаль какъ на самовластнаго деспота, которому должно приносить въ дань лучшую

часть этого сокровища? Если такъ, то конечно наслажденію принадлежать немногія минуты.

Я былъ въ восхищеніи отъ философін моей пльнительной красавицы. Тутъ начались танцы, которые составили ея женщины; но онѣ были помрачены въ этомъ своею госпожею. Она встала, взяла тамбуриръ и начала танцовать вмѣстѣ съ ними; ея плавныя, ловкія движенія были сопровождаемы такою пріятностью, что ни какими словами нельзя изобразить произведеннаго впечатлѣнія. Что за ножка, что за руки, что за волосы! Надо тебѣ сказать, что во время танцовъ волосы ея распустились и обвили будто лучезарнымъ вѣникомъ ея нѣжное, полупрозрачное личико. То была пляска духовъ въ лѣтнюю ночь, утонченная, приводящая въ изступленіе. Я чувствовалъ что-то подобное этому. Лишь только она приблизилась, я бросился къ ея ногамъ. Мы открыли другъ другу любовь свою: самый сладостный союзъ соединилъ насъ. Другъ мой! эта дивная красавица моя совершенно, безвозвратно моя.

— Но кто эта красавица? спросилъ я. Или можетъ быть тебѣ нельзя отвѣчать на этотъ вопросъ.

— Нѣтъ! нельзя, и по весьма простой причинѣ: я самъ этого не знаю. Я ее спрашивалъ; но она отвѣчала мнѣ: «Кто я такова? — твоя любовница, я думаю! Чѣмъ я могу быть болѣе? Развѣ я не любовница твоя? О, тогда я ничто! Мое имя Аура; будь доволенъ этимъ.»

Я слушалъ разсказъ Рудольфа съ удивленіемъ. Я зналъ всю опасность подобныхъ связей. Въ нашихъ разговорахъ мы часто касались этого предмета, и Рудольфу извѣстно было мое о немъ мнѣніе. Тутъ однако надлежало выбрать изъ двухъ золъ одно, — или связь съ Аурую или пагубную, преступную страсть, которую я невольно подозрѣвалъ въ немъ къ сестрѣ его, и съѣдающую меланхолію, которая

угрожала изсушить все источники его мысли и деятельности. Взявши это, я сказалъ самъ себѣ, какъ Шарлотта у Гёте въ «Родствѣ по выбору»:— Могущество, усматривающее добро тамъ, гдѣ мы видимъ одно зло, быть-можетъ опредѣлило ему возвратиться этимъ путемъ къ самому себѣ и къ спокойствію, какъ ни опасенъ онъ съ перваго взгляда!

Мы провели остатокъ этого пріятнаго осенняго дня съ друзьями за городомъ, и, воротясь домой, подумали, что мы какъ-нибудь ошиблись или что насъ обольщаетъ сновидѣніе. Въмѣсто нашей старой простой и нѣсколько бѣдной мебели, мы увидѣли новую, изящную, удобную, даже роскошную, хотя впрочемъ соотвѣтственную скромному виду нашего жилища.

Все это дышало какимъ-то идеальнымъ изяществомъ. Въ особенности понравились намъ небольшая, но избранная библіотека и картина, изображавшая съ обольстительною живостью нимфъ, пляшущихъ при лунномъ свѣтѣ на морскомъ берегу. Почти вся ночь прошла прежде, нежели мы могли окончить свое обозрѣніе: мы оба онемѣли отъ удивленія; насъ обонхъ тревожили одинаковыя предчувствія, но ни который изъ насъ не рѣшился повѣрить другъ другу своихъ подозрѣній. Вошедши на другое утро въ эту комнату, я отскочилъ назадъ при видѣ странной фигуры, тамъ стоявшей; но, вспомнивъ Рудольфовъ рассказъ, я тотчасъ догадался, что это долженъ быть Ауринъ чернѣйшій карла. Родольфъ уже сидѣлъ за завтракомъ, а чернѣйшій уродецъ разставлялъ передъ нимъ разныя лакомства, которыя вынималъ изъ корзины, стоявшей на полу у стола. Окончивъ свое дѣло, онъ низко поклонился, поднялъ корзину на плечи, и, прощаясь, спросилъ:— Не угодно ли вамъ приказать мнѣ что-нибудь?

— Ничего, добрый Омаръ, отвѣчалъ Рудольфъ: благосклонность твоей госпожи приводитъ меня въ смущеніе.

Негръ, пренизко поклонясь, вышелъ изъ комнаты.

Оставшись одни и передавъ другъ другу наше удивленіе, мы стали придумывать, какъ бы лучше скрыть все происходившее съ нами отъ вниманія нашей хозяйки. Благодаря нѣжности и тонкому соблюденію приличій, съ которыми Аура предупреждала каждое желаніе своего любовника, это было, по-счастью, не такъ затруднительно. Домашніе и немногіе друзья, которые были съ нами въ короткихъ сношеніяхъ и могли бы примѣтить видимую перемѣну въ нашемъ состояніи, легко повѣрили, что это улучшеніе произошло отъ успѣховъ нашихъ въ преподаваніи частныхъ уроковъ и отъ бережливости.

Такъ протекла зима. Каждое утро Омаръ являлся, и приносилъ въ корзину все, что только могло понадобится Рудольфу въ теченіе дня. Я замѣтилъ, что между подарками, которые присылали ему, никогда не было денегъ. Между-тѣмъ долги его всегда бывали выплачены, когда онъ освѣдомлялся объ нихъ по истеченіи мѣсяца. Онъ всякій разъ получалъ въ отвѣтъ, что по счетамъ все заплачено и что расписки въ полученіи денегъ отосланы къ нему: въ самомъ дѣлѣ, возвращаясь домой, онъ всегда находилъ ихъ на своемъ письменномъ столѣ.

Такъ какъ мы все продолжали преподавать уроки, не смотря на измѣненіе нашего состоянія, и какъ Рудольфу некуда было издерживать своихъ денегъ, то онъ употреблялъ все свои доходы на подарки отцу и сестрѣ. Мнѣ въ особенности было пріятно, что Рудольфъ вмѣсто того, чтобы предаться пѣгѣ и сладострастно въ объятіяхъ своей Армиды, посвящалъ данныя ему средства на пріобрѣтеніе тѣхъ сокровищъ ис-

куства и науки, которыя при обыкновенныхъ его способахъ могли бы остаться для него недоступными. Въ немъ почти не замѣтно было признаковъ веселаго и безпечнаго любовника. Напротивъ того, едва нѣсколько мѣсяцевъ протекло съ того времени, какъ началась его таинственная связь, и слѣды его прежней задумчивости, правда, болѣе скромной, болѣе облагороженной, нежели въ эпоху полученія роковаго письма, стали вновь обнаруживаться.

Однажды, когда я спросилъ его о причинѣ снова появившейся тоски, онъ отвѣчалъ мнѣ: — Кажется, я неблагодаренъ и причудливъ; но, признаюсь, я чувствую себя недовольнымъ, несчастнымъ въ моей связи съ Аурою. Какъ ни искусна она въ сообщеніи всей пріятности, всей утонченности наслажденіями жизни, однако у ней нѣтъ тѣхъ высокихъ, благородныхъ чувствованій, которыя могли бы одни сдѣлать союзъ нашъ счастливымъ и прочнымъ. Я приведу тебѣ примѣръ, который лучше объяснитъ мои слова, нежели всѣ описанія ея характера. Третьяго дня вечеромъ, она забавлялась при мнѣ и при своихъ женщинахъ съ маленькою, очень красивою обезьяною, и вдругъ это животное укусило ее за руку. Она отбросила его отъ себя съ пронзительнымъ воплемъ, и, увидѣвъ, что изъ ея ничтожной раны показалась кровь, начала рыдать и плакать какъ ребенокъ. Ея женщины раскричались и расплакались пуще ея самой; напрасно я старался ихъ успокоить. Онѣ столпились вокругъ нея, а между-тѣмъ одна изъ нихъ съ яростью въ глазахъ схватила бѣдную обезьяну. Бѣдное животное въ страхъ сложило свои переднія лапы и какъ-бы умоляло о помилованіи; но, видя, что его кривлянья ни сколько не помогаютъ, оно вырвалось изъ рукъ схватившей его женщины и стало кидаться изъ угла въ уголъ, пока наконецъ не разбило себя головы о мраморный пьедесталъ и не упало безъ жиз-

ни на полъ. Я поднялъ обезьяну, поднесъ къ Ауръ, и сказалъ съ нѣкоторымъ огорченіемъ: — Она мертва! Эти слова и видъ околѣвшей обезьяны, казалось, лишили Ауру чувствъ. Черты ея измѣнились отъ судорожныхъ движеній, и она упала въ обморокъ. Подруги окружили ее съ воплями отчаянія; я самъ почувствовалъ, что голова моя разстроилась отъ этой суматохи, и лишь-только Аура пришла въ себя, какъ я поспѣшилъ оставить это мѣсто, сдѣлавшееся для меня столько же ненавистнымъ, сколько было прежде пріятнымъ. Однако въ слѣдующій вечеръ я пошелъ туда какъ обыкновенно. Я засталъ Ауру въ ея кабинетъ одну, лежащую на софѣ, блѣдную и въ изнеможеніи. Тутъ она показалась мнѣ болѣе обыкновеннаго привлекательною: было что-то плѣнительное въ этой тоскѣ, отънявшей прекрасныя черты, которыхъ всегдашнее улыбающееся выраженіе начинало надоедать мнѣ. Естественно, что разговоръ обратился на сцену предшествовавшаго вечера, и когда я изъяснилъ удивленіе, что такая бездѣлица могла такъ сильно ее потревожить, она отвѣчала: — Бездѣлица? Развѣ бездѣлица терпѣть страданіе, видѣть текущую кровь, быть свидѣтельницею отвратительной перемѣны, которую называютъ смертію! Это бездѣлица?

— Милая Аура, возразилъ я: даже это измѣненіе, какъ оно ни ужасно, не есть еще самое худшее изъ того, что можетъ случиться съ нами.

— Какъ! воскликнула она: можетъ ли что быть хуже, отвратительнѣе смерти?

— Конечно, сказалъ я, послѣ краткаго молчанія: смерть не всегда величайшее изъ золъ; есть много случаевъ, въ которыхъ она можетъ быть сочтена за большое благодѣяніе.

— Ахъ, не говори такъ безразсудно! сказала Аура.

— Прелестная дѣвушка! отвѣчалъ я: скажи сама, развѣ нѣтъ печалей, гнетущихъ горестей, которыхъ

непереносимая тягость заставляетъ насъ призывать смерть на помощь?

— Нѣтъ, я не знаю ни какой.

— Не сердись же на меня за то, что я скажу, продолжалъ я. Ты явила столько доказательствъ своей любви ко мнѣ, что я вполне убѣжденъ, что ты меня дѣйствительно любишь. Отвѣчай же мнѣ послѣ этого, — какая мысль была бы для тебя болѣе убійственна, та ли, что громовой ударъ поразилъ бы вдругъ насъ обоихъ, въ объятіяхъ другъ друга, или та, что наступило бы время, въ которое бы ты меня презрѣла, почла недостойнымъ своей любви и раскаялась, что избрала Рудольфа предметомъ своихъ вѣчныхъ чувствованій?

— Презрѣть тебя? раскаяться въ моей любви?... Этихъ понятій я не разумѣю; они непоетижимы. Развѣ ты находишь возможнымъ сдѣлаться ко мнѣ еуровымъ, жестокимъ, способнымъ меня возненавидѣть? Это ли ты хочешь сказать?

— Милая Аура, отвѣчалъ я: я право не знаю что и говорить. Но скажи мнѣ, знакомо ли тебѣ чувство тоски и томленія? Скажи, не помрачало ли когда-нибудь твоихъ мыслей опасеніе, что я могу любить другую?

— Чувство томленія? — нѣтъ. Тоски? да, конечно. Но только при мысли о смерти, о жестокости. Страшилась ли я когда-нибудь, что ты могъ любить другую? На это я буду отвѣчать одною улыбкою. Ахъ, перестань мнѣ говорить о своихъ неистовыхъ страстяхъ, перестань говорить о ревности и тому подобномъ! Я этого ничего не понимаю; это лишь грезы разстроеннаго воображенія. На Востокъ, гдѣ пламенное солнце доставляетъ живѣйшую яркость цвѣтамъ, гдѣ почный зефиръ вѣетъ благоуханіями, гдѣ любовь пылаетъ жарче, тамъ жена живетъ въ родственномъ согласіи съ своими подругами, а онъ покор-

ствують ей, какъ почтительныя рабыни; онѣ любятъ ее, и между дѣтьми ихъ нѣтъ ни какого различія.

— Такъ ты была и на Востокѣ, милая Аура? спросилъ я ее: не принадлежишь ли и ты къ тѣмъ прекраснымъ цвѣтамъ, которые заимствуютъ блескъ свой отъ лучей тамошняго солнца?

Она приложила палецъ къ устамъ и сказала: — Не спрашивай меня; я уже тебѣ сказала, что на эти вопросы отвѣчать я не могу.

Такимъ образомъ оканчивается большая часть нашихъ разговоровъ. Напрасно старался я постигнуть это удивительное существо: оно всегда ускользало отъ моихъ изслѣдованій. Но связь моя съ нею тяготитъ меня. Я лучше желаю умереть, нежели причинить ей малѣйшее страданіе; но я не увѣренъ, станеть ли она оплакивать мою потерю. Иногда случается, что я являюсь къ ней послѣ недѣльнаго отсутствія; она даже и тогда принимаетъ меня съ одинаковою веселостью, никогда не спрашиваетъ о причинахъ моего отсутствія, и не перестаетъ присылать ко мнѣ съ Омаромъ все, что по ея мнѣнію можетъ доставить мнѣ удовольствіе. Каковы бы ни были ея свойства, они въ самомъ дѣлѣ и благородны и нѣжны, но по-несчастью они не соотвѣтствуютъ моимъ требованіямъ: она есть и будетъ всегда чуждою моему сердцу.

Это признаніе облегчило душу Рудольфа: онъ сдѣлался спокойнѣе, и могъ съ большею ясностью и хладнокровіемъ сообщить мнѣ свои виды и чувствованія относительно Ауры. Что онъ не любилъ ея, что онъ никогда не могъ любить ея истинно, было для меня яснѣе чѣмъ для него самого. Мнѣ даже казалось, что я могъ бы довольно естественно объяснить бѣдшую часть этого загадочнаго приключенія; но я не отваживался входить далѣе въ этотъ предметъ, изъ опасенія вновь потревожить едва успокоившіяся мысли и

чувствованія Рудольфа. Я рѣшился предоставить все это случаю, и онъ наступилъ гораздо скорѣе, чѣмъ я ожидалъ.

Пришло лѣто. Однажды утромъ, сидя съ Рудольфомъ наединѣ, мы слышали легкій стукъ удверн. Я отворилъ, и увидѣлъ челоуѣка пожилыхъ лѣтъ съ молодою прекрасною дѣвицею: онъ спрашивалъ Рудольфа, и при первыхъ звукахъ его голоса, Рудольфъ вскочилъ со своего мѣста и бросился въ объятія отца. То былъ отецъ его и съ нимъ сестра. Они пріѣхали ночью и располагали пробить только одну недѣлю. Въ теченіе этого времени мы старались бывать какъ-можно долѣе вмѣстѣ, и, хотя быстро оно протекло, я успѣлъ однако полюбить этихъ милыхъ и достойныхъ людей, какъ своихъ ближайшихъ и дорогихъ родственниковъ. Всякая минута, проведенная въ обществѣ Полины, живо напоминала мнѣ, какъ изображалъ ее Рудольфъ.

Она принадлежала къ числу тѣхъ рѣдкихъ созданій, о которыхъ можно сказать, что духовное начало такъ проникло ихъ вещественныя формы, что казалось почти доступнымъ взору: каждое движеніе ея души просвѣчивало наружу, и всѣ они сливались между собою какъ музыкальные звуки, куда разногласіе допущается только для того, чтобъ разрѣшиться въ стройность, въ гармонію.

День ихъ отъѣзда наступилъ слишкомъ скоро. Мы обѣдали вмѣстѣ въ послѣдній разъ, отецъ пошелъ со двора для окончанія дѣлъ своихъ передъ выѣздомъ, и, уходя, вручилъ мнѣ рукопись, которую прежде обѣщалъ дать для прочтенія. Посреди нашей комнаты стоялъ огромный каминъ, разделявшій ее на двѣ половины, а въ простѣнкѣ противъ каминна висѣло зеркало. Братъ съ сестрою сидѣли по одну сторону каминна и разговаривали очень тихо, а я по другую читалъ рукопись: мы находились въ та-

комъ положеніи, что за выдавшимися углами камина не могли видѣть другъ друга иначе какъ въ зеркалѣ, висѣвшемъ на противъ насъ. Мое занятіе было скоро прервано ихъ бесѣдой, которую, по забвенію или по равнодушію къ моему присутствію, они вели уже не шепотомъ.

— Полина! воскликнулъ Рудольфъ: ты раздраешь мою душу. По какому поводу ты обвиняешь меня въ холодности? Не пользовался ли я всѣми случаями, чтобы доказать вамъ, что всѣ мои помышленія были направлены къ моему семейству?

— Такъ, Родольфъ, отвѣчала ему Полина: ты присылалъ мнѣ дорогіе подарки, ты украсилъ нашу обитель тысячею прескрасныхъ вещей въ продолженіе минувшаго года, и, повѣрь мнѣ, я умѣю цѣнить твои дары: но Рудольфъ,—не сердись на меня — что они значатъ въ сравненіи съ твоими письмами, которыя ты бывало ко мнѣ писывалъ? Въ теченіе полутора года я получила отъ тебя только два, да и то такіа, что лучше бъ никогда не получать подобныхъ: я замѣтила въ нихъ чудную перемену. Я вскрыла ихъ съ быющимъ отъ радости сердцемъ, а сложила съ горькими слезами. Они были ласковы, даже льстивы: но какъ холодны, какъ принужденны, какъ различны отъ тѣхъ, которыя я привыкла получать въ то время, когда каждое изъ нихъ доставляло мнѣ радость на нѣсколько дней сряду. Что значатъ всѣ привѣтствія и дары въ сравненіи съ непринужденнымъ языкомъ сердечныхъ чувствованій? Цѣть, «не о хлѣбѣ единомъ живѣтъ человѣкъ, но о всякомъ глаголь, исходящемъ изъ устъ Божіихъ.» Ахъ, если бъ ты слышалъ батюшкину проповѣдь на этотъ текстъ, ты лучше бы меня понялъ!

Рудольфъ вскочилъ съ своего мѣста, и воскликнулъ: — Полина! я понимаю тебя лучше, нежели ты думаешь, лучше нежели ты можешь вообразить!

— Я содрогаюсь отъ собственныхъ моихъ предчувствій, отвѣчала Полина: такія мрачныя мысли невольно тревожатъ мое воображеніе!... Мнѣ иногда кажется, что ты уже никогда не можешь смотрѣть на меня такъ, какъ смотрѣлъ прежде! Ахъ, это изобиліе, въ которомъ ты живешь, это богатство, эта роскошь, которыя веселятъ твоего отца, воображающаго, что все это плоды твоихъ дарованій и дѣятельности! Я не могу ихъ видѣть! Мнѣ кажется, что все это похоже на деньги, выигранныя въ карты, купленные пожертвованіемъ совѣсти, пріобрѣтенныя безчестно. Прости меня, братъ, за это выраженіе: я сожалею, что такъ изъяснилась; я не смѣла бы даже коснуться этого предмета, если бы не чувствовала, что твоя душа, что твоя совѣсть неразрывно перевиты съ моими.

При этихъ словахъ она начала плакать. Рудольфъ стоялъ противъ нея блѣдный, окаменѣлый. Она взглянула на него съ печальною улыбкою: крупныя слезы еще катились по щекамъ ея; она протянула къ нему руку, и онъ опять сѣлъ подлѣ нея.

— Ты будешь смѣяться тому, что я скажу тебѣ, продолжала она: и въ самомъ дѣлѣ это довольно смѣшно: я написала къ тебѣ множество писемъ, которыхъ ты никогда не получалъ, и которыя вовсе для тебя не назначались. Когда я оставалась одна въ своей комнатѣ по ночамъ, и чувствовала на сердцѣ тягость, тогда я садилась писать къ тебѣ письмо, прочитывала его, и смывала строки своими слезами, чтобъ въ слѣдующій вечеръ повторять то же самое.

Рудольфъ бросился къ ногамъ ея, и, сжавъ ея руки, сказалъ умоляющимъ голосомъ: — Полина, милая сестра, сестра души моей!... прости меня. Съ этой минуты я буду жить только для того, чтобы быть братомъ и сыномъ, — клянусь тебѣ.

Тутъ послышались шаги возвращающагося пасто-

ра. Рудольфъ вскочилъ. Почтенный старикъ привѣтствовалъ меня ласково, взглянулъ на дѣтей съ важно-стью, и въ молчаніи сѣлъ въ уголь.

Полина подошла къ нему. — Любезный батюшка, сказала она: что съ вами сдѣлалось? Не дурно ли вамъ?

— Нѣтъ, дитя мое, я не много разстроенъ. Я только что покинулъ изголовье грѣшника; въ ожесточенное сердце его старался я вдохнуть чувство кротости и милосердія; но напрасно. — Я старался въ то же время, примолвилъ онъ, взявъ Родольфа за руки, устроить твою будущность, но не успѣлъ и въ этомъ. Нужды нѣтъ: жалобы тутъ напрасны, все можетъ быть хорошо и безъ того. Общай мнѣ только, что при первомъ случаѣ ты станешь искать пасторскаго мѣста въ нашемъ сосѣдствѣ.

Къ изумленію моему, Рудольфъ далъ это обѣщаніе, ни мало не колеблясь, и на другой день отецъ съ дочерью уѣхали. Вечеромъ того же дня Рудольфъ сказалъ мнѣ: — Сдѣлай одолженіе, пойдемъ прогуляться; я чувствую такую тягость, что мнѣ необходимо подышать чистымъ воздухомъ. Какая дорога за городомъ самая безлюдная? Пойдемъ туда. Мнѣ хочется поговорить съ тобою безъ помѣхи. — Мы отправились за городъ, и пошли по самой уединенной дорогѣ. Вечеръ былъ пасмурный, вѣтреный, безотрадный. Мы шли противъ вѣтра, и намъ нельзя было разслышать другъ друга. Мы воротились, и какъ намъ было все равно куда ни идти, то мы стали бродить по самымъ безлюднымъ улицамъ Христіансгавена. Долго Рудольфъ не могъ сказать ни слова; наконецъ, когда я навелъ рѣчь на связь его съ Аурою, онъ началъ укорять себя съ необыкновеннымъ жаромъ.

— Мнѣ кажется, сказалъ онъ, что я продалъ себя дьяволу. Нельзя, чтобъ всѣ приключенія, случившіяся со мною съ той несчастной минуты, какъ я поднялъ ключъ, были естественны! Ты улыбаешься, но пой-

ми меня. Я не такъ слабъ, чтобъ приписывать вліянію какихъ бы то ни было обстоятельствъ возможность измѣнять непреложный порядокъ природы. Но кто осмѣлится сказать, что ему извѣстенъ этотъ порядокъ? Кто можетъ сомнѣваться, что мы окружены міромъ, который, по слабости или по грубости нашихъ чувствъ, остается для нихъ неосязаемымъ, но который однако имѣетъ непосредственное вліяніе на насъ самихъ и на нашу участь?

Правда, перервалъ я его: есть тысячи подобныхъ сокровенныхъ вліяній въ природѣ, но слѣдуетъ ли изъ того, чтобъ это были нечистыя силы?

— И я также могъ бы разсуждать тому съ недѣлю, возразилъ онъ: но теперь я убѣжденъ, что есть могущественныя и направленныя ко злу силы въ природѣ, и по всей вѣроятности духовнаго начала: онъ ниже, недостойнѣе, но могущественнѣе человѣческихъ. Возьми въ примѣръ страшное злоупотребленіе, какое можно сдѣлать изъ магнетизма; обрати вниманіе на повѣсти о духахъ, на каждое народное суевѣріе: что-нибудь во всемъ этомъ должно же быть, потому что весь народъ, или лучше сказать всѣ народы, какъ самые образованные, такъ и самые сильные характеромъ, тому вѣрятъ! Меня страшитъ мысль, что я переступилъ предѣлъ, назначенный мнѣ какъ человѣку, и что я невольно вошелъ въ сношеніе съ міромъ, который моя душа отвергаетъ съ чувствованіемъ страха и ужаса.

— Любезный Рудольфъ, сказалъ я: твое собственное, слишкомъ живое воображеніе ослѣпляетъ тебя. Не входя съ тобою въ изслѣдованіе этого запутаннаго, хаотическаго предмета, позволь сказать тебѣ, что я не совсѣмъ отчаяваюсь объяснить твою загадочную исторію. Нашъ пріятель, докторъ А***, который не можетъ даже и подозрѣвать твоихъ связей, недавно мнѣ сказывалъ, что онъ былъ призванъ въ качествѣ

врача къ молодой дамѣ, которая страдала спазмодическими припадками, испугавшись легкой раны, случайно ей нанесенной. Человѣкъ, который пригласилъ его, былъ его старыи знакомый, жившій долгое время въ чужихъ краяхъ. Онъ былъ введенъ имъ въ великолѣпный домъ и представленъ молодой страдальницѣ, которая хотя перешла первыя лѣта цвѣтущей молодости, но все еще была необыкновенно прекрасна. Онъ не могъ скрыть невольнаго удивленія, видя своего знакома, котораго всегда почиталъ человѣкомъ недостаточнымъ, окруженнаго такимъ богатствомъ и великолѣпіемъ; но скоро узналъ отъ него, что все это богатство принадлежитъ не ему, а одному иностранцу, который провелъ большую часть своей жизни въ путешествіяхъ по различнымъ странамъ, особенно на Востокъ, потому что нравы и обычаи Азіатцевъ чрезвычайно ему понравились. Вотъ уже два года, продолжалъ онъ, какъ мой иностранецъ владѣетъ этою дѣвицею: она Черкесскаго происхожденія; онъ привезъ ее сюда, и на время своего отсутствія обыкновенно поручаетъ ее мнѣ и женѣ моей для надзора. По возвращеніи, онъ намѣренъ обвиняться съ нею, потому что любить ее до безумія, и она управляетъ имъ съ неограниченною властію. Молодая дама, продолжалъ докторъ, скоро выздоровѣла, и я почти совершенно забылъ объ этомъ, какъ недавно встрѣтилъ опять того же знакома въ Гамбургѣ: онъ мнѣ разсказалъ, что старикъ иностранецъ женился на своей красавицѣ, и, устроивъ для ней въ Копенгагенѣ домъ, отдѣланный во вкусъ восточнаго великолѣпія и охраняемый съ восточною же недовѣрчивостію, опять уѣхалъ путешествовать. Возвращенія этого старика ожидаютъ въ Копенгагенѣ къ нынѣшней осени: онъ намѣренъ, взявъ съ собою свою жену, уѣхать отсюда, и поселиться въ своей сторонѣ, гдѣ у него также есть домъ, убран-

ный съ необыкновеннымъ великолѣпїемъ. Анекдоты, которые рассказывалъ мнѣ докторъ о старомъ женнхѣ, были, несмотря на ихъ дивную странность, смѣшны чрезвычайно. Онъ обладаетъ, говорилъ докторъ, познаніями въ сокровенныхъ наукахъ и въ духовныхъ таинствахъ: короче, это былъ настоящій Кальостро.

— Аура! воскликнулъ Рудольфъ. Это она! Ни ты, ни докторъ А*** неспособны перениначивать дѣла, и весь этотъ рассказъ очень согласуется съ ея положеніемъ. Но этотъ Кальостро, какъ ты его назвалъ, не есть ли какой-нибудь старый, гнусный волшебникъ, заманившій это прелестное созданіе въ свои адскія сѣти?

— Стыдись, Рудольфъ! прервалъ я его. Возможно ли, чтобъ этотъ князь шарлатановъ даже и по смерти своей имѣлъ силу разстроивать твой умъ, какъ онъ разстроивалъ воображеніе многихъ людей при жизни? — Станемъ разбирать дѣло, сказалъ онъ. Былъ ли я въ домѣ Ауры? Какимъ образомъ я вошелъ туда? Какъ достался мнѣ ключъ? Отчего онъ пришелся къ ея дверямъ? Откуда взялся негръ, ожидавшій меня у открытыхъ мною дверей? Отчего Аура приняла меня какъ давно знакомаго?

— Ну есть ли тутъ какое-нибудь чудо, отвѣчалъ я, что ключъ пришелся къ двери, для которой онъ не былъ сдѣланъ? что Аура, соскучившись въ гаремѣ, гдѣ была заключена какъ невольница, съ радостью приняла красиваго молодого человѣка, явившагося передъ нею? Что касается до негра, то онъ невольникъ: мы не можемъ знать данныхъ ему наставленій.

— Но если Аура, возразилъ Рудольфъ, въ самомъ дѣлѣ затворница, какимъ же образомъ она могла быть въ театрѣ, гдѣ мы оба ее видѣли, и гдѣ, какъ сама говорить, она видѣла меня?

— На это я не могу положительно отвѣчать; но конечно, чтобъ объяснить это явленіе, нѣтъ надобности прибѣгать къ сверхестественнымъ силамъ. Безъ сомнѣнія, въ отсутствіе ея мужа, всѣ его слуги служатъ ей даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда воля ея совершенно противоположна его волѣ. Онъ въ отдаленіи: да и совершенно ли ты увѣренъ, что она именно та самая особа, которую ты видѣлъ въ театрѣ? Я не отвергаю словъ ея, что она замѣтила тебя тамъ.

— Предположимъ, что все это такъ, какъ ты говоришь, продолжалъ Рудольфъ. Но какъ ты объяснишь то, что желанія, которыя я чувствовалъ и однако никогда не обнаруживалъ, всѣ были узнаны и предупреждены? И какимъ образомъ, безъ посредства чего-нибудь неестественнаго, можно имѣть въ городѣ такой домъ, какой описывалъ тебѣ докторъ, чтобы онъ не сдѣлался предметомъ общихъ разговоровъ?

— Я буду отвѣчать на твои многочисленные вопросы, какъ только съумѣю, но въ обратномъ порядкѣ. Я спрашивалъ доктора А*** объ улицѣ, въ которой находится тотъ домъ, гдѣ была его больная. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что, сколько можетъ припомнить, онъ находился въ улицѣ, параллельной къ той самой стѣнѣ, въ которой твоя дверь открывается, и, какъ кажется, дверь эта должна быть задняя, вѣроятно потайной ходъ. Что касается до замѣчанія, что такой домъ не могъ бы существовать, не сдѣлавшись всѣмъ извѣстенъ, то и это довольно понятно: хозяинъ его окруженъ толпою рабовъ, покорныхъ малѣйшему его мановенію, обязанныхъ хранить ненарушимое молчаніе и вознаграждаемыхъ за это всѣми способами, какіе даетъ большое богатство. На первый труднѣйшій изъ твоихъ вопросовъ я только и могу отвѣчать, что предупрежденіе твоихъ жела-

ній должно приписать случайности, удѣливъ что-нибудь и воображенію.

— Если бы ты и успѣлъ, говорилъ мнѣ Рудольфъ печальнымъ голосомъ, удовлетворительно объяснить мнѣ всѣ предложенныя мною трудности, — чего ты сдѣлать однако не можешь то, — еще есть одно такое обстоятельство, которое, по моему мнѣнію, опровергаетъ всѣ твои доводы: я разумѣю вчерашнія слова Полины, озарившія мгновеннымъ свѣтомъ тотъ мрачный путь, по которому я шествую; чувство отвращенія къ вещамъ Ауры и ко мнѣ самому, возбужденное въ этой чистой душѣ, которая отвергаетъ все худое, какъ противоположный полюсъ магнита отталкиваетъ желѣзо.

Во время этого разговора мы подошли къ Нѣмецкой церкви, и, походивъ по площади, пустились въ тѣсный переулокъ между церковною оградой и заборомъ сада. Было уже поздно, и это мѣсто, вообще мало посѣщаемое, нашлось въ то время совершенно пустымъ. Рудольфъ остановился противъ церковнаго фасада, взглянулъ на шпигъ колокольни, и съ видимымъ волненіемъ сказалъ мнѣ :

— Мой отецъ потребовалъ отъ меня, чтобы я сдѣлался пасторомъ, и я въ тогдашнемъ расположеніи духа изъявилъ на то согласіе. Но какъ исполню я обѣтъ свой, — я, вовлеченный въ ковы діавольской силы? Смѣю ли я приблизиться къ алтарю, когда не имѣю силы вынести взгляда Полины?

— Любезный Рудольфъ, возразилъ я : твои ощущенія при встрѣчѣ ея взглядовъ могутъ быть легко объяснены и безъ волшебства.

Онъ помолчалъ, потупилъ глаза въ землю, и отвѣчалъ съ возрастающимъ жаромъ :

— Ты правъ, и можетъ — быть болѣе чѣмъ самъ подозрѣваешь. Такъ, мой другъ! тебѣ не все извѣстно; ты знаешь только половину моего преступленія.

Гораздо прежде моего знакомства съ Аурою, я уже питалъ преступную страсть: въ этомъ состоялъ тотъ грѣхъ, который ввергнулъ меня во власть лукаваго. Какъ Прометей, я осмѣлился похитить съ небесъ огонь, и съ тѣхъ поръ ястребъ грызеть мое сердце, съ тѣхъ поръ предсталъ мнѣ искуситель и осыпалъ меня земными благами въ замѣнъ души моей.

Въ пзступленіи вырвалъ онъ таинственный ключъ изъ кармана и бросилъ его, сказавъ: — Сгинь, сатана!

Мы слышали, какъ онъ звякнулъ о камень: потомъ раздалось еще нѣсколько звуковъ, какъ-будто задѣвалъ онъ что-то въ паденіи, и наконецъ слабѣйшій, глухой отголосокъ возвѣстилъ намъ, что онъ улегся въ землю.

По мнѣ пробѣжала дрожь, самъ не знаю отчего. Я взглянулъ на Рудольфа: онъ былъ блѣденъ, глаза его блуждали; мы повернули въ улицу, которая вела къ нашей квартирѣ, прибавили шагу, и во всю дорогу не сказали другъ другу ни слова.

Только вошедши въ свои комнаты, мы уже примѣтили, что нѣтъ Рудольфовой собаки. Это было очень красивое и очень умное животное, подаренное Рудольфу Аурою въ первые дни ихъ связи. Эта собака ни на минуту не отставала отъ своего хозяина, и Рудольфъ очень любилъ ее. Она была съ нами во время прогулки, и мы очень помнили, что она вертѣлась около насъ, когда мы были подлѣ церкви. Рудольфъ тотчасъ побѣжалъ ее отыскивать. Онъ не возвращался до разсвѣта: наконецъ, вошедши въ комнату, онъ промолвилъ съ видомъ сожалѣнія — Нѣтъ, не отыскалъ! — и поспѣшилъ въ свою спальню.

При сказанныхъ имъ словахъ мнѣ пришло въ голову, что они могутъ относиться и къ собакѣ и къ ключу, и что онъ не ограничился отыскиваніемъ первой. Я тоже пошелъ спать, чувствуя сильную усталость, но не могъ заснуть. Я всталъ довольно рано; во-

шедши въ залу, не встрѣтилъ, какъ обыкновенно, чернаго Омарова лица; онъ не приходилъ ни на другой день, ни послѣ; мы уже болѣе никогда его не видали.

Съ того времени, казалось, будто какая-то враждебная сила испровергала всѣ наши предпріятія. На другой же день послѣ того, какъ Рудольфъ лишился ключа, онъ потерялъ одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ своихъ доходовъ по неожиданному отзыву его учениковъ въ родительскіе дома. Черезъ недѣлю послѣ этого, онъ поспорилъ съ содержателемъ пансіона, въ которомъ преподавалъ по часамъ, и былъ принужденъ отказаться отъ своего мѣста, а то, что получалъ онъ за остальные уроки, было слишкомъ недостаточно для его содержанія. Подобныя непріятности, хотя и не въ такой мѣрѣ, случились и со мною: въ теченіе не болѣе трехъ недѣль средства наши сдѣлались скуднѣе, чѣмъ были при самомъ началѣ нашихъ трудовъ. Хозяйка прислала намъ сказать, чтобы мы очистили квартиру къ первому числу. Текущаго мѣсяца оставалось немного: надо было приискать новую квартиру, но и тутъ, какъ и во всемъ прочемъ, преслѣдовала насъ неудача. Наконецъ, въ узкомъ и темномъ переулкѣ отыскали мы себѣ небольшую квартиру: какъ она ни казалась тѣсною и грязной, но, утомясь безплодными поисками и не надѣясь найти дешевле, мы наняли ее на три мѣсяца. Надлежало перебраться, и это обстоятельство было не маловажно, судя по множеству вещей, накопившихся у насъ въ теченіе минувшаго года: эта перевозка была тоже сопряжена съ разными неудачами и непріятностями. Все, что могло разбиться или сломаться, было разбито и сломано; мебель испорчена, многія изъ лучшихъ вещей унесены. Когда къ вечеру мы обставились на новой квартирѣ, едва могли повѣрить, чтобы это была наша мебель: такъ измѣнился видъ

каждой вещи, такъ все было испорчено, истерто и искажено! Въ особенности огорчило насъ то, что почти всѣ наши книги оказались неполными, и что для прекрасной картины нельзя было отыскать приличнаго мѣста: куда мы ее ни вѣшали, никакъ не могли доставить ей выгоднаго освѣщенія; казалось, что всѣ краски въ ней перемѣшались.

Рудольфъ, потерявъ терпѣніе, сѣлъ въ углу и сказалъ: — Ну, пляска нимфъ кончилась! Волшебство исчезло. Что ты теперь скажешь? Естественно ли все это?

— Слишкомъ естественно, что стекло и фарфоръ могли разбиться, и что мебель попортилась отъ солнца и воздуха на прежней квартирѣ, хотя недостатки ея были тамъ не такъ замѣтны, какъ на новой, гдѣ она разстановлена совсѣмъ въ другомъ порядкѣ.

— А книги? воскликнулъ онъ: а картина?

— Я право не знаю, отвѣчалъ я съ сердцемъ, кому бы вздумалось объяснять столь простыя вещи: квартира эта мерзкая, и отъ того все въ ней кажется гадко. Мнѣ досадно, что мы ее наняли.

Съ каждымъ днемъ мы имѣли новыя причины сожалѣть, что переѣхали въ этотъ домъ: казалось, что всѣ Египетскія язвы поразили насъ съ того времени. Комнаты были сыры; ни солнце, ни мѣсяцъ, ни свѣжій воздухъ не имѣли къ нимъ доступа; онъ наполнялся дымомъ и кухоннымъ запахомъ; непрерывный шумъ и пискъ крысъ и мышей подъ поломъ не давали намъ покоя. Каждый извѣдалъ опытомъ, какъ скопленіе маленькихъ зомъ можетъ составить доброе несчастье; но у насъ не было недостатка и въ злѣ существеномъ. Обстоятельства мои были немного лучше Рудольфовыхъ. Я усугубилъ старанія, и мое положеніе еще болѣе поправилось. Такъ какъ Рудольфъ дѣлилъ со мною свое изобиліе, то естественно, что и я дѣлился съ нимъ моимъ доходцемъ. Однажды, когда мы были въ большемъ противъ обыкновеннаго затрудне-

ни, онъ сказалъ мнѣ: — Любезный другъ, мнѣ прискорбно, что ты все дѣлаешь, а я ничего. Я безъ твоего вѣдома продалъ часть нашей серебряной посуды; этою выручкою мы на нѣсколько времени будемъ имѣть возможность поддержать себя. Онъ отворилъ ящикъ, въ которомъ были спрятаны деньги; сталъ ихъ искать и не нашелъ; сталъ обшаривать всѣ углы, всѣ карманы, но напрасно, — денегъ не было, онъ исчезли.

Онъ бросился въ кресла съ видомъ отчаянія — Видишь ли теперь преслѣдованія діавола? воскликнулъ онъ: что ты на это скажешь?

— Я только скажу, отвѣчалъ я, что деньги крадутъ не въ первый разъ, и есть надежда, что и не въ послѣдній.

Кажется, я перенесъ бы всѣ эти несчастія довольно равнодушно, если бы меня не тревожило разстроенное состояніе Рудольфа. Онъ сдѣлался задумчивъ, молчаливъ, скрытенъ, такъ, что никто не могъ бы узнать въ немъ того любезнаго, откровеннаго, веселаго Рудольфа, какимъ былъ онъ прежде. Часто онъ возвращался домой поздно ночью и всегда съ измѣнившимся лицомъ. Я не смѣлъ его спрашивать, а онъ тщательно избѣгалъ всякаго повода къ разговору.

Однако жъ скоро озарился я печальнымъ свѣтомъ, когда одинъ изъ моихъ пріятелей, жившій въ Христіансгавенѣ спросилъ меня: — Кого другъ твой, Рудольфъ, навѣщаетъ въ моемъ сосѣдствѣ? Я часто встречаю его по вечерамъ близъ Нѣмецкой церкви.

Въ слѣдующій вечеръ, воротясь домой и не найдя Рудольфа, я отправился къ Нѣмецкой церкви, и съ прискорбіемъ увидѣлъ, что несчастный другъ мой роется въ грудахъ камня и кирпича, лежавшихъ подлѣ церкви. Онъ такъ былъ занятъ своею работою, что не примѣтилъ меня, пока я не тронулъ его по плечу и не произнесъ: — Боже мой! ты ищешь ключа? — Пол-

но, полно, перестанемъ! отвѣчалъ онъ мнѣ, и взявъ меня подъ руку, пошелъ со мною домой.

Тутъ наконецъ перервалъ онъ свое мрачное молчаніе, открылъ мнѣ всю душу, и сдѣлался попрежнему моимъ другомъ.

— Любезный, вѣрный товарищъ, говорилъ онъ: признаюсь, много ночей бродилъ я въ надеждѣ отыскать роковой ключъ, брошенный мною въ припадкѣ бѣшенства, но, повѣрь мнѣ, совсѣмъ не для того, чтобы возобновлять не въ добрый часъ начатую связь съ Аурою. Это кончено; я уже никогда не могу быть ея любовникомъ. Довольно странно однако, что съ тѣхъ поръ, какъ лишился того ключа, я сталъ чувствовать, что не могу быть къ ней равнодушнымъ. Не любовь, но глубокое состраданіе томить меня, когда я объ ней вздумаю. Я вижу ее во снѣ, вижу, какъ она выбивается изъ объятій чудовища, которое ею владѣетъ; чувствую, что я всему виною, и это ввергаетъ меня въ отчаяніе. Не такъ бы надлежало прервать эту связь. Мнѣ должно бѣ было пойти къ ней, возвратить ей зловѣщій ключъ, и тогда мы могли бы разстаться съ нею друзьями, а не врагами. Я поступилъ неблагогородно, невеликодушно, безчеловѣчно.

На это я не могъ ничего сказать въ утѣшеніе моему другу, потому что тѣ же самыя мысли приходили и мнѣ въ голову; но я старался не покидать его во весь мой досугъ, и въ особенности уговаривалъ прекратить ночныя прогулки.

Однажды вечеромъ, какъ мы возвращались домой, онъ сказалъ мнѣ:—Сегодня равенденствіе: въ эту ночь прошлаго года вошелъ я къ Аурѣ. Сдѣлай одолженіе, пройдемъ еще разъ мимо ея дома.

Я согласился. Лишь только мы поровнялись съ извѣстною красною стѣною, онъ бросился къ двери и началъ въ нее стучать: не слыша ни какого отзыва изнутри, онъ приложилъ уста къ замочному

отверзтію и сталъ кричать: — Аура, Аура! вели Омару отпереть мнѣ еще разъ! Удостоверь меня, что ты меня простила! Подай хоть знакъ, что съ тобой не случилось ни какого несчастія!

Отвѣта не послѣдовало; не слышно было внутри ни малѣйшаго шороха. Съ трудомъ отвлекъ я его отъ этого мѣста; по-счастію тутъ никого не было, и слѣдовательно никто не могъ насъ примѣтить. Я старался возвратить ему спокойствіе.

Въ слѣдующее утро мы были изумлены, увидѣвъ на столѣ, гдѣ обыкновенно ставили намъ завтракъ, шкатулку диковинной формы. Она имѣла Китайскую наружность, была сдѣлана изъ чего-то похожего на мѣдь, и на крышкѣ лежалъ серебряный сфинксъ, отличной работы. Рудольфъ отворилъ ее; внутри была маленькая коробочка изъ тонкаго листового свинцу, отворявшаяся какъ обыкновенный бумажникъ: тамъ была записка. Рудольфъ развернулъ дрожащею рукою и прочелъ:

«Жестокій, неблагодарный человѣкъ! зачѣмъ ты «зовешь меня? Зачѣмъ ты бросилъ ввѣренный тебѣ «ключъ въ пропасть, откуда ни какая человѣческая рука его не достанетъ? Знай, что судьба моя, мое спокойствіе, моя безопасность неразрывно сопряжены «съ этимъ ключемъ!»

Я не въ силахъ описать дѣйствіе, которое произвели эти строки на взволнованнаго Рудольфа. Я самъ почувствовалъ себя столь встревоженнымъ и разстроеннымъ, что съ величайшимъ трудомъ могъ овладѣть собою для преслѣдованія моихъ занятій.

Рудольфъ былъ вовсе не способенъ ни къ чему. Цѣлый день онъ проходилъ по комнатѣ, погруженный въ глубокую думу, и, лишь-только смеркось и ночная тѣнь стала опускаться на городъ, онъ побѣжалъ опять къ церкви, и принялся искать брошеннаго ключа; потомъ ринулся къ дверямъ Ауры, и началъ умо-

лять самым жалобным голосомъ, чтобы открыли ему, гдѣ можно отыскать тотъ таинственный ключъ; но все напрасно.

Я уже былъ не въ силахъ удерживать его отъ ночныхъ прогулокъ; я могъ только провожать его и присматривать за нимъ изъ опасенія, чтобы онъ наконецъ не впалъ въ совершенное сумасшествіе: я даже сталъ замѣчать, что и моя голова не совсѣмъ въ порядкѣ. Всего страннѣе было то, что куда бы на ночь ни поставлена была шкатулка, утромъ она опять являлась на столѣ. Меня утѣшало это обстоятельство: оно доказывало, что связь между Аурую и Рудольфомъ не вовсе еще пресѣклась, и что наконецъ можно будетъ дознаться, гдѣ дѣвался ключъ, — который не могъ же провалиться сквозь землю! Когда я сообщилъ мои надежды Рудольфу, онъ спросилъ меня, какимъ же образомъ Аура можетъ это знать, когда кромѣ насъ въ то время не было тамъ ни одного челоука?

— Можетъ-быть, отвѣчалъ я, это ей извѣстно посредствомъ собакъ, которая, какъ ты припомнишь, пропала въ тотъ самый вечеръ. Османъ былъ такъ хорошо выдрессированъ, что онъ всегда находилъ и подавалъ всякую оброненную или брошенную вещь.

Постоянное перенесеніе на столъ шкатулки я объяснялъ ему тѣмъ, что Омаръ бываетъ у насъ въ наше отсутствіе: очевидно, что у него былъ особенный ключъ отъ нашей прежней квартиры: следовательно нѣтъ ничего мудренаго, что у него есть ключъ и отъ теперешней; равно и отъ мебели, которую онъ же къ намъ доставилъ. Шкатулка была устроена съ особеннымъ механизмомъ: когда Рудольфъ отперъ ее, фениксъ опустился и лапы его пришлись подъ край крышки, такъ что нельзя было плотно притворить ее. Какъ ни маловажно было это обстоя-

тельство, но въ тогдашнемъ расположеніи духа, и это насъ огорчало.

Однажды, глядя на шкатулку, Рудольфъ сказалъ мнѣ:—Этотъ проклятый сфинксъ какъ-будто на меня смотритъ. Что за ужасная загадка въ этомъ ларчикѣ? отпереть его я могу, а запереть не въ страхъ. Проклятая шкатулка! она подтверждаетъ мои сомнѣнія: Аура конечно во власти адскаго духа! подобно жемъ Рауля Спней-Бороды, ей слѣдовало хранить этотъ ключъ: съ потерей его, преступленіе ея обнаружилось, и она погибла!

Въ это время я сталъ еще разъ осматривать шкатулку, и спросилъ, гдѣ свинцовая коробочка, въ которой была записка.

— Она у меня въ карманѣ, отвѣчалъ онъ, и подаль ее мнѣ.

Я тщательно вложилъ ее въ середину: сфинксъ тотчасъ отскочилъ, и шкатулка стала затворяться и отворяться по-прежнему. Мы не могли открыть механическаго устройства, отъ котораго происходили эти явленія. Но не было сомнѣнія въ томъ, что надлежало сдѣлать. Рудольфъ тотчасъ написалъ слѣдующія строки:

«Скажи мнѣ только, гдѣ можно отыскать твой ключъ, «и если достать его въ человѣческихъ страхахъ, съ «какимъ бы это ни было сопряжено трудомъ или опасностію, хоть бы даже стоило мнѣ послѣдней капли «крови,—ты его получишь.»

Эту записку вложили мы въ коробочку, а ее въ середину шкатулки, затворили и оставили на столѣ.

На другое утро шкатулка исчезла: мы выводили изъ этого самыя отрадныя заключенія, и во весь тотъ день были оба гораздо спокойнѣе.

Воротясь домой вечеромъ, мы нашли шкатулку опять на столѣ. Рудольфъ отперъ, и нашелъ въ ней новую записку:

«Мой ключъ въ пѣдрахъ земли, тамъ гдѣ смерть обитаетъ съ своими жертвами. Онъ брошенъ близъ ея храма, входъ былъ отворенъ, и ключъ опустился въ пещеру смерти. Потеря ума и жизни твой удѣлъ, если ты осмѣлишься извлечь его оттуда.»

Близъ храма смерти, храмъ былъ отворенъ? Загадка разрѣшена! Не устрашась предостереженія, мы приготовились отыскивать ключъ. Мы или не знали или забыли, что подъ церковью были склепы, въ которыхъ хоронили усопшихъ, и, что ключъ могъ упасть туда, было очень вѣроятно. Мы тотчасъ пошли къ церковнику, чтобы испросить дозволенія войти въ слѣдующее утро подъ своды.

Онъ согласился, и рано поутру мы отправились въ церковь. Тамъ встрѣтила насъ маленькая дѣвочка и повела ко входу, говоря, что отецъ ея съ двумя посѣтителемъ уже внизу; потомъ, указавъ намъ, куда надлежало спуститься, она удалилась.

Не обращая вниманія на окружающіе насъ предметы, мы старались подойти къ тому окну, противъ котораго ключъ былъ брошенъ. Къ нашей несказанной радости, мы нашли его тутъ между двумя гробами. Рудольфъ поднялъ его, положилъ въ карманъ и вздохнулъ глубоко, какъ — будто сбросивъ съ себя какую нибудь ужасную тяжесть. Мы хотѣли поблагодарить церковника за сдѣланное намъ одолженіе, но нашли его въ неожиданномъ положеніи: онъ съ помощію еще одного человека старался поднять третьяго, лежавшаго на землѣ. Это былъ старикъ сухощавый и изнуренный. Онъ казался умершимъ: мы поспѣшили, чтобы по возможности пособить ему, и узнали, что старикъ внезапно лишился чувствъ. Мы вынесли его и положили на наперть; свѣжій воздухъ оживилъ его, но слабость не позволяла ему приподняться, и казалось, что для него наступилъ уже послѣдній часъ. Мы посадили его въ карету, и отправились съ нимъ.

вмѣстѣ въ его квартиру, которую указалъ намъ слуга; больного уложили въ постель и тотчасъ послали за его лекаремъ.

Когда лекарь вошелъ съ посланнымъ за нимъ слугою, больной сдѣлалъ знакъ послѣднему, и прошепталъ ему что-то на ухо. Между-тѣмъ лекарь подошелъ къ больному, осмотрѣлъ его, и потомъ вышелъ въ сопровожденіи насъ и слуги въ смежную комнату, чтобы прописать лекарство.

— Захарій, сказалъ онъ слугѣ, я долженъ предвѣстить тебя: твой господинъ не переживетъ нынѣшняго вечера. И скажи, ради Бога, что тебѣ вздумалось вести больного человѣка подъ церковный сводъ въ такую раннюю пору?

— Ахъ, господинъ докторъ, вѣдь вамъ извѣстно его своеправіе! Не возможно было удержать его.

— Ну, скажи мнѣ, устроилось ли то дѣло, о которомъ мы недавно говорили.

— Къ сожалѣнію, нѣтъ! отвѣчалъ Захарій: но онъ очень сожалѣетъ о томъ завѣщаніи, которое написалъ прежде.

— Въ самомъ дѣлѣ жаль, сказалъ лекарь, теперь каждая минута дорога. Не знаешь ли ты, кто надѣнъ имѣетъ власть или вліяніе? — Онъ сейчасъ приказалъ мнѣ сбѣгать за пасторомъ церкви. — Не надо лучше! воскликнулъ лекарь: бѣги, не теряй ни минуты, и приведи въ то же время нотаріуса и свидѣтелей.

Мы съ Рудольфомъ вызвались сходить за нотаріусомъ, пока слуга сбѣгаетъ къ пастору; однако жъ согласились, чтобы одинъ изъ насъ присмотрѣлъ за больнымъ, потому что лекарь не хотѣлъ оставлять его на рукахъ ключницы: кончилось тѣмъ, что Рудольфъ остался.

Я воротился прежде Захарія, и засталъ, что Рудольфъ и ключница ухаживаютъ около больного, только-что

пришедшаго въ себя послѣ втораго обморока: онъ принялъ лекарство, и казался немного покойнѣе.

Между-тѣмъ Рудольфъ, отведши меня въ смежную комнату, разсказалъ мнѣ, что говорилъ ему старикъ Г.Л***, оставшись съ нимъ наединѣ. — Я никогда не видалъ ни васъ ни вашего товарища, и, несмотря на это, вы приняли во мнѣ, покинутомъ, несчастномъ старикѣ, живое участіе. Я можетъ-быть имѣю средства изъяснить вамъ свою признательность: скажите, какъ зовутъ вашего товарища и васъ самихъ. Я объявилъ ему свое имя, потомъ свое. Старикъ повторилъ, возвысивъ голосъ Рудольфъ! Рудольфъ Н***? Не сынъ ли пастора Н*** въ Ютландіи? — Когда я подтвердилъ его слова, онъ всплеснулъ руками и воскликнулъ: — О Господи, твои пути неисповѣдны! — и снова палъ въ обморокъ. Я не постигаю, что это значитъ. Какая связь между нимъ и моимъ отцомъ?

Въ это время Захарій вошелъ съ пасторомъ, котораго присутствіе нѣсколько оживило умирающаго старика. Пока мы ожидали въ смежной комнатѣ нотаріуса, Захарій сообщалъ намъ нѣкоторыя подробности о своемъ господинѣ.

— Баринъ чрезвычайно богатъ, и есть какая-то особа, которой однако я не знаю, имѣющая законное право на огромное наследство послѣ его смерти. Можетъ-быть, вы слышали много дурнаго о моемъ старикѣ; но, зная его коротко въ теченіе тридцати лѣтъ, могу васъ увѣрить, что онъ болѣе заслуживаетъ сожалѣнія, нежели укоризны. Ни какой поденьщикъ, снискивающій въ потъ лица хлѣбъ свой, не можетъ быть несчастнѣе этого богача среди его сокровищъ. Когда дѣло идетъ о спекуляціи, онъ не жалѣетъ тысячъ; не удалась спекуляція, онъ въ отчаяніи на день или на два, но потомъ опять забываетъ свою неудачу. Когда же дѣла его идутъ успешно, когда счастье возвращаетъ ему капиталы съ большими прибытками,

тогда онъ поистинѣ несчастливъ, тогда овладѣваетъ имъ тоска и страхъ потерять свои деньги. Днемъ занимають его эти мысли, и ночью не даютъ ему спать: онъ бродитъ какъ призракъ по всему дому. Онъ часто завидовалъ нищему, который проводилъ ночи у нашихъ воротъ на улицѣ, и говаривалъ: «Онъ менѣе меня несчастливъ! онъ спокоенъ душою и можетъ спать по почамъ!» Очень часто онъ будилъ меня и говорилъ: «Захарій! какъ ты счастливъ, что можешь спать такъ покойно,» и садясь на мою кровать, ломалъ руки, плакалъ и жаловался на судьбу, не зная, куда дѣваться съ своимъ золотомъ. Я сожалѣлъ объ немъ отъ всей души: стараясь его утѣшить, я ему говаривалъ, что эти сокровища, которыя такъ возмущаютъ его спокойствіе, можно бы употребить на доставленіе благополучія пуждающимся, на учрежденіе благотворительныхъ заведеній и тому подобное; но онъ на это всегда отвѣчалъ горькою улыбкою недоверчивости. Около полутора года тому, онъ занемогъ очень опасно; никто не ожидалъ его выздоровленія, но онъ оправился, и съ тѣхъ поръ характеръ его перемѣнился. Онъ извлекъ свои капиталы изъ торговли, и обезпечилъ ихъ самымъ вѣрнымъ образомъ, чтобы, по словамъ его, насладиться въ старости покоемъ. Но случилось напротивъ: онъ сталъ тогда помышлять, какимъ образомъ распределить богатство на случай смерти. Въ этой новой заботѣ онъ писалъ множество духовныхъ завѣщаній, и все потомъ уничтожалъ. Наконецъ послѣднее, которое теперь существуетъ, самое нелѣпое и безразсудное изъ всѣхъ предшествовавшихъ: онъ ежедневно сожалѣетъ, что написалъ его, но не имѣетъ надъ собою столько власти, чтобы его уничтожить. Часто я совѣтовалъ ему перемѣнить это завѣщаніе; но онъ всегда колебался, и наконецъ сердился. Недавно овладѣло имъ отвращеніе къ жизни; послѣ заботъ о завѣщаніи проявилась новая за-

бота о мѣстѣ погребенія. Онъ осмотрѣлъ всѣ кладбища, но не нашелъ ни одного по себѣ. Слышавъ, что между прочими кладбищами есть еще одно подъ сводами Нѣмецкой церкви, онъ непременно хотѣлъ и его видѣть; всѣ мои просьбы были напрасны: всю вчерашнюю ночь онъ пробродилъ по комнатамъ отъ бессонницы, и утромъ, ослабѣвшій, изнеможенный, отправился туда со мною.

Лишь только Захарій успѣлъ намъ это высказать, какъ вошли къ намъ нотаріусъ съ пасторомъ. Нотариусъ, подошедъ къ Рудольфу, спросилъ его: — Не вы ли Г. Родольфъ Н***? не въ 1802-ли году родились? Вы сынъ пастора В-скаго прихода въ Ютландіи? его единственный сынъ? — Рудольфъ на всѣ эти вопросы отвѣчалъ утвердительно.

Тутъ подошелъ къ нему лекаръ, взялъ его за руку и въ присутствіи всѣхъ насъ сказалъ: — Г. Л*** объявилъ намъ, что вы его сынъ: доказательства вашего рожденія предъявитъ онъ въ присутствіи этихъ свидѣтелей.

Изумленный Рудольфъ последовалъ за нимъ въ комнату больного, который посадилъ его подлѣ себя, приказавъ Захарію подать себѣ ключъ отъ желѣзнаго сундука, стоявшаго подъ кроватью, красный бумажникъ и духовное завѣщаніе. — Ключъ говорилъ онъ долженъ быть у меня подъ подушкою. Захарій искалъ его тамъ, но ключа не было; обшарилъ всѣ карманы, и то напрасно.

Больной началъ тревожиться. — Куда дѣвался этотъ ключъ? Безъ него нельзя достать бумаги изъ сундука. Замокъ особеннаго устройства: какъ мы его отперемъ?

Безпокойство старика усилилось до того, что лекаръ началъ опасаться за жизнь его. — Успокойтесь, сказалъ онъ больному: успокойтесь, я сыщу ключъ.

Онъ попытался отпереть сундукъ ключемъ, кото-

рый носилъ съ собою, но сундукъ не отпирался, и попытки всѣхъ прочихъ, остались такъ же безуспѣшны. Рудольфъ, какъ будто пробудившись отъ сна, вынулъ свой новонайденный ключъ изъ кармана, вложилъ его въ замокъ, и сундукъ отворился. Захарій вынулъ что ему было приказано, и подалъ все больному. Л^{***}, взявъ бумаги потребовалъ, чтобы затворили сундукъ и подали ему ключъ: когда это исполнили, онъ вручилъ его Рудольфу вмѣстѣ съ бумажникомъ, а духовное завѣщаніе изорвалъ. Сдѣлавши это, онъ сказалъ Рудольфу: — Ты, сынъ мой, знаешь почеркъ пастора ^{***}: въ этомъ бумажникѣ есть его письмо; вынь его и дай Г. пастору прочесть намъ вслухъ.

Пасторъ началъ: «По прошествіи столь многихъ лѣтъ, я чувствую всю несправедливость моего негодованія противъ васъ, и извиняюсь только тѣмъ, что я былъ молодъ и что вы причинили мнѣ нестерпимое оскорбленіе. Вы же въ свое извиненіе уже не могли ссылаться на молодые годы, когда обольстили неопытную дѣвушку и пустили ее съ бѣднымъ малюткою по міру. Это безпомощное созданіе была сестра моя, — сестра, которую я любилъ болѣе всего на свѣтѣ. Я принялъ къ себѣ несчастную Марію, и, для спасенія ея добраго имени, мы съ женою согласились признать ея ребенка своимъ. Когда жена моя умерла, Марія взяла съ собою мою осиротѣвшую дочь въ Алтону, а я оставилъ при себѣ ея сына. Каждый изъ насъ съ своей стороны приложилъ всевозможныя попеченія о воспитаніи этихъ дѣтей. Рудольфъ образовалъ свои способности въ такой мѣрѣ, что всякій отецъ за счастье почелъ бы признать его своимъ сыномъ. Умоляю васъ, покоритесь голосу природы, возвратите вашему сыну, сыну Маріи, принадлежація ему права на ваши чувствованія. Сестра моя уже не существуетъ; ея доброе имя не пострадаетъ отъ это-

го признанія; она въ послѣднемъ письмѣ своемъ ко мнѣ изъявила желаніе, чтобы сыну ея было позволено усладить послѣдніе дни его отца. Рудольфъ конечно имѣетъ право требовать отъ васъ нѣкотораго обезпеченія, хотя онъ обладаетъ такимъ достояніемъ, которое не подвержено тлѣнности сего міра, и которое всегда можетъ доставить ему насущный хлѣбъ, если вы и откажете ему въ вашемъ пособіи. Я только прошу васъ, чтобы вы признали его своимъ сыномъ: на это я имѣю причины, которыхъ не смѣю повѣрять бумагамъ; черезъ нѣсколько недѣль я буду въ Копенгагенъ и лично объясню ихъ. Тогда я открою вамъ мое сердце: наша старая вражда да не спидеть съ нами во гробъ; именемъ нашей несчастной Маріи мы обнимаемся какъ братья, и забудемъ минувшія заблужденія и горести.»

Когда чтеніе кончилось, Л*** протянулъ руку къ Рудольфу, который сталъ передъ нимъ на колѣни и поцѣловалъ ее въ сильномъ волненіи. Старикъ положилъ руку ему на голову и произнесъ:— Да благословитъ тебя Богъ и да наградитъ Онъ тебя лучшимъ счастіемъ, нежели отца твоего! Мое состояніе принадлежитъ тебѣ. Я наживалъ его съ трудомъ и скорбію, но безъ несправедливости. Располагай имъ съ благоразуміемъ.

Послѣ этого онъ началъ самымъ внятнымъ образомъ диктовать свое духовное завѣщаніе, признавая Рудольфа законнымъ сыномъ и единственнымъ наслѣдникомъ, и подписалъ его. Потомъ поручилъ покровительству Рудольфа своего стараго слугу; спросилъ, гдѣ ключъ отъ сундука, требовалъ, чтобы ему еще разъ его показали, наконецъ смолкъ, забылся, и уснулъ навѣки. Рудольфъ поцѣловалъ еще руку, и вышелъ, чувствуя потребность въ свѣжемъ воздухѣ и въ успокоеніи.

Вышедши на улицу, мы какъ-будто пробудились

отъ сна. Долго мы не могли сказать другъ другу ничего болѣе, кромѣ нѣсколькихъ несвязныхъ словъ, выражавшихъ удивленіе.

Во мнѣ, сказалъ наконецъ Рудольфъ, произвели особенное впечатлѣніе тѣ подробности, которыя сообщилъ намъ Захарій о душевныхъ страданіяхъ покойнаго. Я почти предчувствовалъ, что та же безпокойная кровь кипитъ въ моихъ жилахъ. Несчастный отецъ! несчастный сынъ! обонхъ преслѣдуетъ неутомимый демонъ тревоги!.... Но поспѣшить къ Аурѣ; я опасаюсь, не слишкомъ ли поздно приду къ ней.

Въ молчаніи торопились мы къ извѣстному мѣсту. Когда мы подходили къ красной, стѣнѣ мною овладѣло непреодолимое любопытство обозрѣть это волшебное обиталище; и лишь-только Рудольфъ вложилъ ключъ въ замочное отверстіе, я сталъ противъ самой двери, чтобы взглянуть, когда она отворится, на освѣщенный корридоръ на Омара, можетъ-быть на Ауру. Однако въ ту самую минуту влетѣла ко мнѣ въ глазъ мошка, и пока я старался ея вынуть, Рудольфъ уже вошелъ и дверь снова затворилась. Вооружившись терпѣніемъ, я сѣлъ на камень и ожидалъ, не успѣю ли удовлетворить своему любопытству при выходѣ Рудольфа, который противъ моего ожиданія явился очень скоро. Онъ разсказалъ мнѣ, что, шедши во внутреннѣе покои, онъ былъ встрѣченъ Ауриовъ корридоръ; она приняла ключъ, поблагодарила его съ чувствомъ, сказала ему, что она скоро уѣзжаетъ отсюда навсегда, что она счастлива, и, пожелавъ ему всѣхъ благъ, протянула руку и удалась.

— Ну, теперь, сказалъ Рудольфъ, я совершенно свободенъ и счастливъ! Сердцамало, чтобы вмѣстить все мое благополучіе. Такъ Павлина не сестра мнѣ! Пусть проститъ меня тѣнь отца моего за радость, которую чувствую, едва покинувши его смертный одръ; если бѣ онъ видѣлъ мою благодарность, то конечно

не отказалъ бы мнѣ и въ прощеніи. Хотя онъ не признавалъ меня при жизни, но передъ смертію онъ вознаградилъ меня вполнѣ, отстранивъ угрызенія совѣсти, единственный источникъ всѣхъ моихъ несчастій и проступковъ, этими волшебными, отрадными словами — Павлиннѣ не сестра тебѣ!

Едва Рудольфъ успѣлъ это выговорить, какъ откуда ни взялась собака: она прыгала, ласкалась, выла, лаяла, и лизала платье отъ радости. Мы тотчасъ узнали Османа, пропавшаго въ тотъ вечеръ, когда былъ брошенъ ключъ.

Съ этимъ днемъ окончилась наши чудныя приключенія, кромѣ одного послѣдняго. Когда Рудольфъ хотѣлъ отпереть сундукъ своего отца, чтобы вынуть оттуда бумаги, на которыя Захарій просилъ его обратить вниманіе, онъ вдругъ вспомнилъ, что ключъ отъ него былъ врученъ Аурѣ; но, невольно опустивши руку въ карманъ, онъ вынулъ оттуда ключъ, который призналъ за тотъ самый, а Захарій увѣрялъ его, что это именно старый ключъ, который недавно потерялся.

Бракъ Рудольфа съ Павлиною наступилъ въ непродолжительномъ времени, и молодые супруги водворились въ имѣніи, которое Рудольфъ купилъ въ соседствѣ того мѣста, гдѣ онъ провелъ свои ранніе дни. Я навѣстилъ ихъ въ минувшую осень, и очень былъ обрадованъ, пашедши, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ разлуки, моего друга, наслаждающагося всеми семейственными радостями и разливающимъ вокругъ себя отраду и счастье. Тогда было время равноденствія, и онъ приготовилъ для крестьянъ своего имѣнія сельскій праздникъ; за пиршествомъ слѣдовала пляска на полянѣ противъ господскаго дома, каломинованнаго и украшеннаго гирляндами, фестонами и тріумфальными арками. Все радовалось и веселилось отъ души.

Проведя нѣсколько времени на этомъ праздникѣ, Рудольфъ вышелъ вмѣстѣ со мною прогуляться въ ночной тиши. Нашъ разговоръ естественнымъ образомъ обратился къ минувшему и къ тѣмъ чудеснымъ происшествіямъ, которыхъ мы были свидѣтелями. Мы опять разсматривали старые вопросы, и опять приходили къ тѣмъ же неудовлетворительнымъ рѣшеніямъ, относительно естественнаго истолкованія нашихъ Копенгагенскихъ приключеній. Каждый изъ насъ остался при своемъ мнѣніи. Между-тѣмъ мы вошли на небольшое возвышеніе, откуда освѣщенный господскій домъ и танцующія группы представились нашимъ взорамъ.

Здѣсь мы сѣли, и съ истиннымъ наслажденіемъ смотрѣли то вокругъ себя, то на небо: ночь была прекрасная; надъ нами растіался лазуревый сводъ усыпанный звѣздами; внизу живописный ландшафтъ занималъ почти неизмѣримое протяженіе; тамъ лунный свѣтъ, скользя между древесныхъ листьевъ, серебрилъ окрестность и сливался со свѣтомъ иллюминацій; здѣсь мелькали движущіяся фигуры гостей; звуки веселой музыки доходили до насъ въ той степени мелодіи, которая навѣваетъ на душу пріятную задумчивость; сердца наши были полны чистой радости Османъ, обыкновенно слѣдовавшій за хозяиномъ, положилъ голову на Рудольфовы колѣна и пристально смотрѣлъ ему въ глаза.

Рудольфъ приласкалъ собаку, и, продолжая прекрасный разговоръ, сказалъ: — Бѣдный Османъ! если бы ты могъ говорить, то, какъ дѣйствующее лице въ этой волшебной драмѣ, ты можетъ-быть лучше всякаго другаго объяснилъ бы намъ, въ чемъ дѣло.

— Это правда, сказалъ я: не даромъ же говорится изстаринъ, что въ подобныхъ вещахъ собака дальновиднѣе человѣка.

Taschenbuch der Liebe und Freundschaft.

ПОѢЗДКА ВЪ ЛУГОВЫЯ СТЕПИ.

=

ПОСЛѢДНЕЕ СОЧИНЕНІЕ ВАШИНГТОНА ИРВИНГА*.

=

Мы обѣщали познакомить нашихъ читателей съ новымъ произведеніемъ изящнаго пера Г. Ирвинга. «Поѣздка въ луговья степи» восхищаетъ нынче въ Лондонѣ всѣхъ любителей его прекраснаго таланта. Она усѣяна плѣнительными видами дѣвственной и сильной природы Новаго Свѣта, живыми разказами о приключеніяхъ, искусными очерками характеровъ, оригинальными замѣчаніями, и въ особенности отличается тѣмъ блескомъ и той красотою слога, которыя составляютъ главную прелесть твореній этого писателя. И должно признаться, что дарованіе Г. Ирвинга всегда лучше сіяетъ посреди предметовъ родной его земли, — предметовъ новыхъ и живописныхъ, нежели когда онъ изображаетъ нашу старую Европу.

Въ октябрѣ 1832 года Г. Ирвингъ отправился изъ крепости Фортъ - Гибсонъ съ комиссаромъ, посланнымъ отъ правительства Соединенныхъ Штатовъ для водворенія осѣлости между вольными Индѣйскими племенами. Вскорѣ присоединился онъ къ отряду вооруженныхъ объѣздчиковъ, предпринявшихъ отдаленный набѣгъ на западъ, и теперь, начиная разсказъ о своихъ похожденіяхъ, даритъ читателя прежде всего превосходными портретами своихъ спутниковъ, — Швейцарскаго графа, охотниковъ и маленькаго Анту-

* A tour on the Prairies. By the author of The Sketch-Book. New-York and London, 1835.

ана, или Тонниша, хвастливаго, дерзкаго, неисъяднаго Французскаго креола, который исправлялъ при экспедиціи должность повара, хвастуна и шута. Остановимся на минуту въ агентствѣ Озажей, гдѣ путешественники встрѣтились съ толпою Индѣйцевъ и переводчикомъ изъ креоловъ, Петромъ Биттомъ, который играетъ въпослѣдствіи важную ролю.

«Деревушка, въ которой находилось агенство, была вся на погахъ; особенно дѣлались большія приготовленія на кузницѣ. Дюжій негръ подковывалъ лошадей; двое креоловъ выдѣлывали желѣзныя ложки для расплавки свинца на пулп. Старый охотникъ, въ кожаномъ кафтанѣ и панталонахъ, поставивъ ружье къ прилавку, надзиралъ за ихъ работою и толковалъ о своихъ лѣсныхъ подвигахъ; нѣсколько огромныхъ собакъ бѣгали то изъ избы, то въ избу, или спали на солнцѣ, а маленькой ублюдокъ, склонивъ голову на сторону и поднявъ одно ухо вверхъ, смотрѣлъ съ любопытствомъ, свойственнымъ мелкимъ породамъ, какъ подковываютъ лошадей, — будто самъ хотѣлъ научиться этой хитрости или ожидалъ, чтобъ его тоже подковали.»

А вотъ и Петръ Биттъ, о которомъ сейчасъ было упомянуто.

«Признаюсь, онъ мнѣ не слишкомъ понравился, когда я увидѣлъ его въ первый разъ. Онъ рассказывалъ въ старомъ охотничьемъ кафтанѣ и въ лосинныхъ панталонахъ, запачканныхъ, засаженныхъ и вытертыхъ почти до глянца. Онъ былъ повидимому лѣтъ тридцати шести, широкоплечъ и крѣпкаго сложенія. Черты его были не дурны, и имѣли нѣкоторое сходство съ Наполеоновыми; но вообще лице его было угловатѣе, и особенно выдавались Индѣйскія скулы. Быть-можетъ, зеленовато-смуглый цвѣтъ его придавалъ ему еще болѣе сходства съ старымъ бронзовымъ бюстомъ императора, который мнѣ случалось прежде видѣть. Однако жъ у него было какое-то мрачное, могильное выраженіе, усиливается большою, распушенною шляпою и мелкими кудрями, вившимися около ушей.»

Едва переступили они за границу, какъ встрѣтили другое замѣчательное явленіе.

«На краю дикой пустыни мы остановились, чтобъ спросить о дорогѣ въ деревянномъ домикѣ, занимаемомъ бѣлымъ поселенцемъ, — высокимъ, костистымъ и пожилымъ человѣкомъ, съ рыжими волосами, съ худощавымъ, длиннымъ лицомъ и съ закоренѣлою привычкою подмигивать однимъ глазомъ, какъ-будто каждое его слово имѣло особенное значеніе, на которое онъ безпрестанно намѣкалъ. Онъ былъ вѣкъ себя отъ бѣшенства. У него пропала лошадь, и онъ клялся, что она украдена въ эту самую ночь бродячею шайкою Озажей, стоящихъ таборомъ въ сосѣдней долинѣ. Но онъ съ ними справится! Онъ дастъ себя знать краснымъ мерзавцамъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ схватилъ со стѣны ружье, этого беземзынаго защитника правды и неправды на здѣшней границѣ, и, осѣлавъ коня, приготовился сдѣлать набѣдъ на долину, а другой поселенецъ, также съ ружьемъ въ рукѣ, взялся ему сопутствовать.»

Они ѣхали нѣсколько миль съ этимъ оригиналомъ, и вотъ чѣмъ кончилось его приключеніе.

«Остановившись поговорить съ нимъ на отлогости холма, мы увидѣли, что Озажъ выѣзжаетъ на лошади изъ опушки лѣса и держитъ другую лошадь въ поводу. Подмигивающій другъ нашъ тотчасъ узналъ въ ней свою процажу. Когда Озажъ подъѣхалъ ближе, я былъ пораженъ его наружностью. Онъ былъ лѣтъ девятнадцати или двадцати, не болѣе, но славнаго роста и съ прекраснымъ Римскимъ лицомъ, отличающимъ все это племя; онъ ѣхалъ въ одномъ передникѣ, и нагая грудь его могла бы служить образцемъ для ваятеля. Подъ нимъ былъ статный пѣгій конь дикой породы, съ широкимъ ошейникомъ, на которомъ спереди висѣла кисть изъ гривы, окрашенная въ яркій красный цвѣтъ.

«Юноша подъѣхалъ къ намъ съ чистосердечнымъ видомъ и объявилъ черезъ переводчика Битта, что лошадь, которую онъ ведетъ, забѣжала къ нимъ въ таборъ, и что онъ ѣдетъ теперь возвратить ее хозяйну. Я ожидалъ, что нашъ

горемычный вершникъ изъяснить ему признательность, по къ удивленію моему старикъ взбѣсился пуще пресняго. Онъ кричалъ, что Индѣйцы украли лошадь ночью съ тѣмъ, чтобы привести ее утромъ и требовать награды за паходку, по всегдашнему ихъ обыкновенію, и, полагалъ, что должно привязать молодаго Индѣйца къ дереву и дать ему за это хорошую порку: его чрезвычайно удивило общее наше негодованіе противъ этого новаго способа благодарить за услугу. Но такая расправа слишкомъ часто бываетъ здѣсь на границѣ, и даже технически называется «Линчевой расправой», *Lynch's law*: тутъ самъ челобитчикъ можетъ быть и свидѣтелемъ, и присяжнымъ, и судьей, и палачемъ, а ответчика обвиняютъ и наказываютъ по одному подозрѣнію. Я увѣренъ, что это причиною многихъ озлобленій, которыя воспламеняютъ Индѣйцевъ къ мести, и ведутъ къ непрерывнымъ войнамъ.»

Молодому графу хотѣлось кажется приключеній опаснѣе тѣхъ, какихъ можно было ожидать такому многочисленному обществу: поэтому онъ пригласилъ къ себѣ въ проводники молодаго Озажа и отдымался отъ своихъ товарищей; но онъ встрѣтилъ столько безславныхъ и нестерпимыхъ пренятствій на дорогѣ, что воротился черезъ день, совершенно потерявъ охоту къ уединеннымъ предпріятіямъ въ такомъ непроходимомъ краѣ, какъ здѣшній.

Вотъ что говоритъ Г. Првингъ о характерѣ Индѣйцевъ.

«Индѣйцы, которыхъ случалось мнѣ видѣть въ дѣйствительной жизни, отнюдь не похожи на тѣхъ, которыхъ изображаетъ намъ поэзія. Они совсѣмъ не такіе стопки, какими ихъ описываютъ, и совсѣмъ не такъ молчаливы, не такъ непреклонны и не такъ неспособны къ слезамъ и къ смѣху. Правда, они молчаливы съ бѣлыми, которымъ они не доверяютъ и которыхъ языкъ имъ непонятенъ: да въ такихъ обстоятельствахъ не говорить и бѣлымъ. Но между собою Индѣйцы такіе болтуны, какъ нельзя больше. Половину своего времени проводятъ они въ толкахъ о приключеніяхъ на

войны и на охотѣ и въ разсказываніи фантастическихъ повѣстей. Они большіе мимики и буффы, и особенно любятъ позабавиться насчетъ бѣлыхъ, съ которыми имѣютъ дѣло, и которые полагаютъ, что сдѣлали на нихъ глубокое впечатлѣніе своимъ величіемъ и важностью. Они также острые наблюдатели, и замѣчаютъ все молча, но проищательно и неусыпно, мѣняясь иногда взглядомъ или звукомъ, если что поразить ихъ особенно, и удерживаясь отъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій до тѣхъ поръ, пока останутся наединѣ. Тутъ-то даютъ они полную свободу своей критикѣ, сатирѣ, мимикѣ и веселью.»

Однимъ изъ первыхъ предпріятій путешествующаго общества была экспедиція противъ пчелъ.

«Лишь только водворились мы въ станъ, какъ часть нашихъ отправилась искать бортей: любопытствуя видѣть этого рода охоту, я съ удовольствіемъ принялъ ихъ предложеніе взять меня съ собою. Партією предводительствовалъ старшій пчелоловъ, рослый и худошавый, въ платьѣ изъ домашней ткани, которое моталось у него около членовъ, и въ соломенной шляпѣ, довольно похожей на улей; по-пятамъ шелъ за нимъ товарищъ въ такомъ же неуклюжемъ нарядѣ и съ длиннымъ ружьемъ на плечѣ. Потомъ слѣдовали еще шестеро, кто съ топорами, кто съ ружьями, потому что никто не уходитъ далеко отъ табора безъ огнестрѣльнаго оружія, чтобъ быть всегда наготовѣ и противъ дикаго оленя и противъ Индѣйца.

«Черезъ нѣсколько времени пришли мы къ открытой полянѣ на опушкѣ лѣса. Здѣсь остановился нашъ предводитель, и преспокойно подошелъ къ кусту, на которомъ я замѣтилъ часть медоваго сота. То была притрава для дикихъ пчелъ. Многія жужжали около сота и спускались въ ячен. Набравъ меду, онѣ поднимались на воздухъ и летѣли по прямой линіи съ быстротою пули. Охотники внимательно наблюдали, куда онѣ направятъ путь, и пошли въ ту же сторону, глядя въ верхъ и спотыкаясь объ старые корни и валежники. Такимъ образомъ пчелы довели ихъ до самаго улья, бывшаго въ дубовомъ дуплѣ; тутъ онѣ опять поуж-

жали съ минуту и влетѣли въ отверстіе, находившеся футовъ на шесть десятинъ отъ корня.

«Двое пчелолововъ взяли за топоры, и начали подрубать дсрво вровень съ землею. Между-тѣмъ зрители и дилстанты удалились на приличное разстояніе, чтобы избѣгнуть падающаго дупла и мстительности его обитателей. Звонкіе удары топора повидимому ни сколько не тревожили промышленнаго общества. Члены его продолжали свои обычныя занятія: иные прилетали съ полнымъ грузомъ, другіе отправлялись опять на промыселъ, точно купцы въ богатой столицѣ, отнюдь не подозревающіе угрожающаго имъ подрыва и банкротства. Даже сильный скрипъ, возвѣстившій надломъ дерева, не отвлекъ ихъ вниманія отъ дѣловыхъ заботъ: дупло повалилось наконецъ съ страшнымъ трескомъ, разсѣвшись снизу до верху и обнаруживъ всѣ сокровища, накопленные трудолюбивымъ государствомъ.

«Одинъ изъ охотниковъ тотчасъ подбѣжалъ съ зажженнымъ пучкомъ сѣна, чтобы защититься отъ пчелъ; но онѣ не сдѣлали ни какого нападенія и не думали о мести: казалось, что это страшное событіе ихъ совершенно изумило; онѣ не подозревали его причины, и съ жужжаніемъ ползали по развалинамъ, не дѣлая намъ ни какого вреда. Тутъ всѣ наши принялись выгребать ложками и охотничьими пожами соты, которыми было наполнено дупло. Нѣкоторые были уже стары и темнаго цвѣта, но другіе бѣлѣлись какъ снѣгъ, и медъ въ нихъ былъ почти прозраченъ. Тѣ, которые остались цѣлы, сложены были въ котлы и отвезены въ таборъ, а изломанные падснѣмъ были съдены на мѣстѣ. Каждый добрый пчелоловъ держалъ въ рукѣ богатую добычу, которая текла у него по пальцамъ и исчезала такъ же быстро, какъ бисквитка передъ праздничнымъ апетитомъ школьника....

«Окрестность изобиловала дичью, и стаи пашъ были завалены припасами, и какъ мы срубили еще не менѣе двадцати бортей, то намъ было чѣмъ полакомиться. При непомерной расточительности охотниковъ, пирушка вовсе не пррывалась, и едвали кто изъ нихъ откладывалъ запасъ на завтра. Стряпня была также въ охотничьемъ вкусѣ. Мясо втыкал и на дсреновыя всртелы, утвержденныя пирамида

по въ землѣ и поддерживавшіе его надъ самымъ огнемъ: такимъ образомъ оно сохраняло всю свою сочность и пришлось бы по вкусу даже самому опытному гастроному. Этого нельзя сказать о хлѣбѣ, который былъ не что иное, какъ тѣсто изъ муки съ водою, обжаренное въ салѣ. Нѣкоторые употребляли еще простѣйшій способъ, — накачивали тѣсто на палки и такъ пекли его надъ огнемъ. Однако жъ, и жареный и печеный хлѣбы находилъ я тогда очень вкусными. Надо имѣть аппетитъ охотника, чтобъ знать истинную цѣну пищѣ....

«Когда сумерки начали стучаться въ темноту, мы выставили часовыхъ вокругъ стана, — предосторожность, необходимая въ такомъ краѣ, гдѣ бродитъ много вольныхъ Индѣйцевъ. Ночлегъ нашъ представлялъ теперь живописную картину. Огни съ трескомъ пылали тамъ-и-сямъ между деревьями, а вокругъ нихъ расположились охотники: одни сидѣли, другіе лежали наземь; тамъ обливало ихъ румяное зарево, здѣсь мелькали они въ сумракѣ ночи.

«У одного изъ огней царствовало шумное веселье, какъ вдругъ раздался у другаго звуки грустной мелодіи, къ которымъ хоръ пѣвцевъ присоединялъ голоса свои въ самомъ печальномъ псалмопѣніи. Имъ управлялъ одинъ высокій и тощій поручикъ, который, какъ намъ сказывали, исправляетъ въ одной пограничной деревнѣ должности школяра, учителя пѣнія и иногда методистскаго проповѣдника. Пѣніе несло въ печально и торжественно въ ночномъ воздухѣ и напоминало мнѣ описаніе подобныхъ сценъ въ станѣ Ковенантеровъ. Въ одинъ изъ промежутковъ этой удушливой музыки дилеттантка-сова принялась гукать въ запуски съ пѣвцами, и тотчасъ раздалось по всему стану — Это сова Чарли! сова Чарли!.... Кажется, что мрачная птица навѣщала насъ каждую ночь: одинъ изъ часовыхъ, именемъ Чарли, вздумалъ въ нее выстрѣлить, и, когда его спросили, зачѣмъ онъ стрѣляетъ стоя на часахъ, онъ отвѣчалъ себѣ въ извиненіе, что ему сказывали, будто изъ совъ приготавливаютъ чрезвычайно вкусную похлебку. Одинъ изъ объѣзчиковъ въ шутку сталъ кричать по-совиному, и эмблема мудрости съ несвойственною ей простотою прилетѣла на его крикъ и сѣла на голень суку, освѣщенномъ нашими огнями. Моло-

дой графъ тотчасъ схватилъ ружье, прицѣлился, и въ мгновеніе ока бѣдная злобѣщая птица свалилась трепеща на землю. Позвали Чарли, чтобъ онъ сварилъ себѣ совиную похлебку, но онъ отрекся, потому что не самъ убилъ птицу.»

Однако жъ и эта веселая, привольная жизнь на чистомъ воздухѣ несовсѣмъ безъ непріятностей; бури, лѣсные пожары, недостатокъ дичи, потеря лошадей, нашествія дикихъ звѣрей или Индѣйцевъ иногда порядкомъ тревожатъ странника. Кому знакомы Куперовы повѣсти, тотъ вѣрно не забудетъ, какъ искусно пользуется онъ въ нихъ опасностями дикой пустыни. Слѣдующій разсказъ конечно можетъ стать наряду съ лучшими его картинами.

«— Странно должно быть заблудиться въ незнакомой и глухой сторонѣ, сказалъ одинъ изъ молодыхъ объѣзжичковъ.

—Если случится самъ-другъ или самъ-третей, такъ ничего, отвѣчалъ другой постарше. По-крайней-мѣрѣ мнѣ было бы такъ же весело въ этой трущобѣ, какъ и дома, если бъ со мною былъ хоть одинъ товарищъ для смѣны на караулѣ и поддержки огня. Я пролежалъ бы здѣсь цѣлый вѣкъ, глядя на эту ясную звѣздочку, которая смотритъ къ намъ въ таборъ, будто стережетъ его.

—Да! и звѣзда хорошій товарищъ человѣку, когда стоишь на часахъ одинъ-одинехонекъ. Звѣзда же эта веселая,—какъ бишь ее, Венера, что ли?

—Если это планета Венера, сказалъ одинъ изъ мужей со вѣта, и кажется, тотъ же псаломщикъ: такъ она добра не знаменуетъ, потому что я, помню, читалъ въ какой-то книгѣ, что звѣзды этой молятся Индѣйцы Пони и приносятъ ей въ жертву плынныхъ. Такъ по мнѣ, право, хотъ бы не видать ея въ здѣшнемъ захоласть.

—Добро! сказалъ сержантъ, который въ лѣсу и родился, и выросъ: звѣзда ли, нѣтъ ли, а я провелъ много почей одинъ, да еще не въ такой глуши какъ эта, и спалъ крѣпко: право не лгу! Однако жъ разъ и мнѣ пришлось больно жутко. Я запоздалъ, проѣзжая лѣсомъ около рѣки Томбинга; высѣкъ огню, зажегъ костеръ, лошадь пустилъ на волю, а

самъ растянулся спать. Вотъ и слышу, завывли волки; конь такъ и жметсѣ ко мнѣ отъ страха. Я отогналъ его прочь, но онъ опять воротился и подходилъ все ближе и ближе; потомъ сталъ, поглядывая то на меня, то на огонь, дремалъ и безпрестанно переставлялъ переднія ноги, потому что усталость его одолевала. Немного спустя раздался чудный и страшный крикъ. Сперва я думалъ, что это сова, но услышалъ опять и распозналъ, что не сова, а долженъ быть барсъ. Барсовъ-то мы видали, слава Богу, на своемъ вѣку! Мнѣ стало не по себѣ, потому что со мной всего на все былъ двойной перочинный ножикъ. Однако жъ я приготовился къ защитѣ, какъ смогъ, и нагрѣбъ изъ огня головешекъ, чтобы отпаливаться ими, если звѣрь подойдетъ близко. Тутъ лошадь показалась мнѣ дорогимъ товарищемъ: бѣдняжка, легла подлѣ меня и скоро заснула. Я караулилъ, дрсмалъ, кивалъ головою, и опять просыпался и оглядывалъ, не устаеялъ ли на меня барсъ своихъ буркалъ; но, какъ бы то ни было, усталость взяла свое, и я уснулъ какъ убитый. Утромъ нашелъ я слѣдъ барса шагахъ въ шестидесяти; каждая ступня, что мои два кулака. Видно было, что онъ похаживалъ взадъ и впередъ и раздумывалъ, какъ за меня приняться: да слава Богу, зная, не хватило отваги!

Въ противоположность этому разсказу поставимъ картину утреннихъ сборовъ.

«Я сидѣлъ на утесѣ, который повисъ надъ ручьемъ, бѣжавшимъ въ верхней части долины, и любовался картиною перемѣвъ, которыя происходили у меня передъ глазами. Во-первыхъ приготовленія къ отъѣзду: лошадей загоняютъ въ станъ, охотники скачутъ по утесамъ и по кустарникамъ, отыскивая другихъ, которыя далеко забѣжали; съ шумомъ убираютъ весь скарбъ; кто кричитъ, чтобъ отдали ему котелокъ и сковороду, взятые другою артелью, кто громко попускаетъ лѣнивыхъ лошадей или ругаетъ тѣхъ упрямыцъ, которыя съ сѣдломъ и кладью на спинѣ опять ушли щипать траву, — и среди всѣхъ этихъ кликовъ явственно раздается звонкій голосъ нашего Французика Антуана.

«По звуку рога, всѣ садятся на лошадей, и пускаются въ

дорогу. Всадники тянутся неровной цѣпью внизъ по ложбинѣ и по лѣсу, гдѣ исчезаютъ между деревьями, хотя голоса и рожки ихъ слышатся еще и послѣ. Арріергардъ нашъ расположился подѣ деревьями въ нижней части долины: кто былъ на конѣ и подѣ ружьемъ, кто сѣлъ у огня или легъ наземь; разговаривали тихо и какъ-будто пехотя; разстѣланные лошади стояли и дремали близъ сѣдоковъ; между-тѣмъ одинъ изъ нихъ, пользуясь свободнымъ временемъ, брѣлся передѣ карманнымъ зеркальцемъ, приклѣпленнымъ къ дереву.

«И голоса и звуки роговъ наконецъ замерли; въ долину воцарилось безмолвіе, случайно прерываемое тихимъ говоромъ группы, расположившейся передѣ огнемъ, — печальнымъ свистомъ охотника, одиноко бродящаго между деревьями, — шелестомъ пожелтѣвшихъ листьевъ, которые отъ малѣйшаго вѣтерка тучами легли наземь.....

Эта картина дышитъ какою-то отрадною свѣжестью сердца и истиннымъ наслажденіемъ: дѣйствительно, нельзя не согласиться съ слѣдующими словами автора:

«Я едва могу себя представить родъ жизни, болѣе способный къ оздоровленію души и тѣла. Утромъ, верховая ѣзда, продолжающаяся нѣсколько часовъ, и два, три охотничьихъ приключенія для перемѣны; послѣ обѣда, отдыхъ въ тѣнистой рощѣ на берегу свѣтлой рѣки; вечеромъ, ужинъ изъ свѣжей дичи и дикій медъ тотчасъ съ дерева,—все это приправленное апетитомъ, о которомъ столичные ѣдоки не имѣютъ понятія; а ночью такой сладкой сонъ на свѣжемъ воздухѣ! Не то—картина мѣсяца и ясныхъ звѣздъ, которыя просвѣчиваютъ сквозь вѣтви!»

Еще много можно было бы сдѣлать выписокъ въ этомъ родѣ, но мы спѣшимъ къ интересному поиску за лосями.

«Послѣ завтрака, капитанъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ отыскивать лося, котораго онъ ранилъ наканунѣ вечеромъ и, какъ онъ полагалъ, смертельно. Я рѣшился ему сопутствовать, и мы отправились вчетверомъ съ его братомъ,

сержантомъ и еще однимъ поручикомъ. Два охотника шли за нами пѣшкомъ, чтобы отнестъ домой трупъ лани, убитой тоже наканунѣ. Мы скоро къ ней подъѣхали: она лежала на скатѣ холма, среди прекраснаго лѣснаго вида. Двое охотниковъ тотчасъ принялись разсѣкать ее и готовить къ отправкѣ въ лагерь съ истиннымъ искусствомъ, а мы пустились опять своей дорогою. Мы ѣхали отлогими холмами, опушками чащей и рѣдкимъ лѣсомъ, пока достигли одного мѣста, въ которомъ по высокой, помятой травѣ можно было признать почлегъ множества ланей. Отсюда капитанъ и прежде поднималъ все ихъ стадо; осмотрѣвшись пристально, онъ указалъ намъ слѣды ихъ ногъ, не уступавшіе величиною копытамъ рогатаго скота. Онъ поѣхалъ по этимъ слѣдамъ, а мы тянулись за нимъ гусемъ. Наконецъ онъ остановился въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ лось, когда онъ по немъ выстрѣлилъ: кровавыя пятна на травѣ доказывали, что капитанъ не далъ промаха. Видно было, что раненый звѣрь шелъ нѣсколько времени вмѣстѣ съ стадомъ, по брызгамъ крови на кустахъ и листьяхъ около слѣда. Далеѣ эти брызги вдругъ исчезли. «Здѣсь гдѣ-нибудь, сказалъ капитанъ, лось отсталъ отъ своихъ товарищей. Когда они чувствуютъ себя смертельно ранеными, всегда сворачиваютъ съ дороги, чтобы умереть гдѣ-нибудь въ сторонѣ.... Лось долженъ быть здѣсь близко: это вы можете видѣть по тому, что мышеловы такъ и выются въ воздухѣ; они всегда летаютъ такъ надъ трупами. Но мертвый лось отъ насъ не уйдетъ, а мы поищемъ-ка живыхъ: можетъ-быть, они остановились гдѣ-нибудь не далеко щипать траву; мы ихъ опять пощелкаемъ.»

«Мы воротились, и снова поѣхали по слѣдамъ лосей, которые вели насъ вкривь и вкосъ холмами и долинами, изрѣдка поросшими дубомъ. Часто мелькалъ у насъ передъ глазами олень, летящій стрѣлой черезъ пролѣсокъ, но такая легкая добыча не могла отвлечь капитана отъ преслѣдованія лосей. Огромное стадо дикихъ индѣекъ поднялось, испуганное топотомъ нашихъ коней: одни улепетывали отъ насъ такъ скоро, какъ только могли нести ихъ длинные ноги; другія прятались въ деревья и глядѣли на насъ оттуда съ вытянутыми шеями. Капитанъ не позволилъ намъ ни

разу по нихъ выстрѣлить, чтобъ не испугать лосей, которыхъ онъ надѣялся скоро увидѣть. На послѣдокъ мы очутились тамъ, гдѣ лѣсъ оканчивается крутымъ берегомъ и рѣка Редъ-Форкъ изливается въ песчаной ложбинѣ. Слѣдъ спускался съ берега, и можно было видѣть, какъ онъ терлся въ рѣкъ, которую лоси по всей вѣроятности перешли въ бродъ наканунѣ вечеромъ.

«Дальше искать нечего, сказалъ тутъ капитанъ: видно, лоси очень перепугались, и въ такомъ случаѣ они могли уйти миль двадцать за рѣку безъ малѣйшей остановки.»

«Партія наша теперь раздѣлилась: поручикъ съ сержантомъ пустились въ объѣздъ за дичью, а мы съ капитаномъ отправились прямо въ лагерь. Дорогой попали мы на старый слѣдъ буйвеловъ. Онъ былъ не шире обыкновенной тропинки, но пробитъ глубоко, потому что эти животныя ходятъ обыкновенно другъ за другомъ въ одинъ рядъ. Вскорѣ повстрѣчали мы двухъ нашихъ людей, которые охотились пѣшию. Они ранили одного лося, но онъ убѣжалъ, и, преслѣдуя его, они наши застрѣленного наканунѣ капитаномъ. Они воротились, и провели насъ къ тому мѣсту. Лось былъ прекрасный, величиною съ годовалого теленка, и лежалъ на полянѣ, мили за полторы отъ того мѣста, гдѣ получилъ рану. Мышеловы, которыхъ мы прежде замѣтили, вились надъ нимъ и теперь. Замѣчаніе капитана оправдалось. Бѣдный звѣрь, чувствуя конецъ жизни, оставилъ своихъ невредимыхъ товарищей и отошелъ къ сторонѣ, чтобы умереть въ уединеніи.»

Отыскавъ молодаго графа, который заблудился на охотѣ и не возвращался къ нимъ всю ночь, путешественники наѣхали вдругъ на цѣлое общество степныхъ собаченокъ.

«Здѣшнія собаки и видомъ и величиною похожи на кроликовъ,—живы, рѣзвы, чутки, суетливы и запальчивы. Онѣ очень общительны и живутъ обыкновенно большими селеніями на пространствахъ нѣсколькихъ десятинъ, гдѣ хорошо пробитыя дорожки свидѣтельствуютъ о неутомимой бѣготнѣ обитателей. Право, кажется, что они безпрестанно заняты играми, домашними заботами и общественными дѣ-

лами; то швыряютъ другъ къ другу въ норки какъ-будто съ визитами, то собираются на открытомъ воздухѣ и рѣзвятся въ прохладные вечера послѣ дождей. Иногда проводятъ онѣ половину ночи въ забавахъ, лая и визжа потихоньку, какъ самыя маленькія дѣти; но при малѣйшей тревогѣ, всѣ скрываются въ свои кельи, и собачье селеніе остается безмолвно и пусто. Если застанутъ ихъ въ расплахъ, такъ, что имъ некуда спрятаться, онѣ принимаютъ сердитый видъ, пресмѣшно выражающій безсильное негодованіе и задорливость.

«Всѣ, что рассказывали мнѣ объ этихъ животныхъ, заставило меня приближаться къ ихъ селенію съ большимъ любопытствомъ. Къ несчастію, въ этотъ день посѣщали его стрѣлки, и даже убили двухъ или трехъ обывателей. По этому случаю все общество было въ сильномъ негодованіи; кругомъ стояли, кажется, часовые, которые при появленіи нашемъ тотчасъ бросились бить тревогу, и осторожные граждане, спявшіе каждый у своей норы, таякнули и ушли въ землю такъ проворно, что одніе заднія лапки мелькнули у насъ передъ глазами.

«Мы проѣхали черезъ всю ихъ дсревню, занимавшую десятии двѣнадцать во всѣ стороны, и не видали ни одного обитателя. Здѣсь было безчисленное множество норъ, съ маленькими осыпями, образовавшимися изъ земли, которую собачки вырывали: они были пусты, по-крайней-мѣрѣ на то пространство, какое можно было ощупать шомполомъ; мы не нашли ни собакъ, ни совъ, ни гремучихъ змѣй. Отошедъ потихоньку на небольшое разстояніе, мы легли наземъ и караулили нѣсколько времени безмолвно и неподвижно. Мало-по-малу осторожные старшины общества начали кое-гдѣ высовывать свои рыльца, но прятали ихъ тотчасъ опять. Другіе, подальше, выходили и совсѣмъ паружу, но, посмотрѣвъ въ нашу сторону, бросались кувиркомъ въ свои норы. Наконецъ обитатели противоположной стороны селенія, ободренные продолжительной тишиною, рѣшились выйти и перебѣжать въ другую отдаленную норку, какъ-будто для того, чтобъ навѣстить какую-нибудь родственницу или короткую знакомку и потолковать съ ней насчетъ послѣднихъ происшествій. Другіе, которые были еще смѣлѣе,

сходились кучками на улицахъ и площадяхъ и, кажется, разсуждали объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ государству повопришельцами, и о несчастной смерти, постигшей согражданъ. Мы встали, и начали подкрадываться, чтобы лучше разсмотрѣть ихъ, какъ вдругъ взвизгнулъ одинъ, другой, третій, и потомъ всѣ разбѣжались. Мы опять увидѣли однѣ мелькающія лапки, которыя мигомъ исчезли подъ землю.

«Темнота вечера заставила насъ прекратить свои наблюденія, но даже поздно ночью, когда мы воротились въ таборъ, еще слышенъ былъ визгъ изъ отдаленнаго ихъ селенія, какъ-будто бѣ жители его оплакивали всѣмъ міромъ потерю какой-нибудь знатной особы въ ихъ обществѣ.»

Мы сообщимъ еще, въ «Смѣси» слѣдующихъ книжекъ, нѣсколько примѣчательнѣйшихъ отрывковъ этого прелестнаго сочиненія. Тенерь книга знаменитаго Американскаго прозаика послужить намъ предлогомъ къ обзорѣнню поэтической литературы его отечества, о которой мы доселѣ ничего не говорили. По части прозы, какъ мы уже сказали въ прошломъ мѣсяцѣ, Г. Ирвингъ можетъ одинъ быть признанъ оригинальнымъ писателемъ того края: предшественники его не многочисленны, соперники безсильны. Но стихотворная поэзія составляетъ, кажется, любимую отрасль литературныхъ занятій Американцевъ. Она, конечно не блестяща, но характеръ ея достоинъ примѣчанія и служить хорошимъ поясненіемъ свойствъ Американской прозы, которая, какъ то видно даже изъ приведенныхъ отрывковъ, вовсе не похожа на нынѣшнюю Европейскую.

Въ главѣ тамошнихъ поэтовъ надобно поставить Дану, Персиваля и Браента (Bryant). У Даны особенно много вкуса, изящности, и большое искусство освѣщать предметъ сравненіями пріятными или меланхолическими. Дана человекъ лѣтъ сорока: онъ былъ некогда адвокатомъ, а потомъ журналистомъ.

Оба эти ремесла наскучили ему, но не охладили его воображенія. Нынѣ онъ живетъ въ Италіи, любимой землѣ поэтовъ, гдѣ онъ освѣжаетъ мысль свою въ источникъ классической древности.

Въ Америкѣ мало у кого есть дѣдъ; вообще Американецъ знаетъ только отца своего: генеалогія ихъ выходитъ, какъ вы видите, не длинна. Персиваль велъ жизнь бѣдную и скучную; его хотѣли сдѣлать врачомъ, но поэтический инстинктъ увлекъ его: онъ весь предался Музѣ, которая при нынѣшнемъ состояніи Американскаго общества, плохо награждаетъ своихъ любимцевъ и доставляетъ имъ существованіе не блестящее. Бывъ военнымъ хирургомъ и профессоромъ химіи и наскучивъ этими занятіями, Персиваль посвятилъ все свое время корректурѣ большаго Вебстеровъ Словаря: этимъ онъ едва могъ кормиться. Персиваль скромнъ и бѣденъ, но онъ отличается посреди Американскихъ писателей поэтическимъ даромъ самымъ непринужденнымъ и пламеннымъ. Онъ мало поправляетъ свои сочиненія; талантъ его походить на импровизацію, и это для него большое несчастіе. Неправильности и длинноты портятъ почти всѣ стихотворенія Персиваля; но въ нихъ есть что-то пылкое и краснорѣчивое. Дарованіе естественное и сильное, — и если бы обстоятельства благоприятствовали поэту, если бы все окружающее не охлаждало его мысли, оно возвысилось бы до самыхъ высшихъ вдохновеній.

Вслѣдъ за Персивалемъ мы должны упомянуть о Физъ-Гренъ-Галленъ. Это банкиръ, родившійся въ Коннектикетъ. Онъ нажилъ себѣ состояніе, и несмотря на свое промышленное постоянство и коммерческую проникательность, соединенныя съ строгими привычками бережливости, обыкновенными въ его

провинціи, издалъ довольно много скихотвореній, и между прочими «Фонн», комическій романъ въ стихахъ, нѣсколько сатиръ и «Замокъ Ольвинскій». Въ его произведеніяхъ замѣтны даръ юмористическій, тонкая насмѣшливость, которыхъ основаніе — здравый смыслъ, но которыя часто украшаются цвѣтами поэзіи. Докторъ Дракъ (Родменъ) заслуживаетъ почетное упоминаніе въ этомъ спискѣ. Въ отрывкахъ, заимствованныхъ многими журналами изъ его рукописной поэмы «Преступная волшебница» много прелести и легкости. Это достоинство весьма замѣчательно посреди положительныхъ выгодъ, совершенно владѣющихъ Сѣверною Америкою.

У всѣхъ этихъ поэтовъ и даже у Персиваля, страсть является не столь живою и сильною какъ у великихъ Европейскихъ поэтовъ. Самъ Дана, первый Американскій поэтъ, скорѣе человѣкъ съ воображеніемъ задумчивымъ, съ расположеніемъ къ созерцательной философій, чѣмъ съ душою страшною. Главная поэма его называется «Морской разбойникъ»; его описанія сценъ убійства, грабежа, разбоя не удовлетворяютъ читателя, избалованнаго Г. Евгениемъ Сю. Дана человѣкъ ученый, любящій уединеніе, скромный и тихій: какъ же онъ можетъ сродняться съ кровавыми бурями, которыя хочетъ изображать? Талантъ его несравненно болѣе естественъ, когда онъ, слѣдуя по слѣдамъ Вордсворта, несется тихимъ и ровнымъ полетомъ горлицы въ облакъ; подобно своему первообразу онъ умѣетъ занять читателя предметами простыми и обыкновенными. «Старая умирающая ворона» есть превосходное произведеніе въ своемъ родѣ.

Единственная въ Америкѣ женщина, принявшаяся за трудное ремесло поэта, есть мистриссъ Лидія

(Генриетта Сигурни), которая известна была прежде подъ именемъ миссъ Гонтли. Богатое замужство было наградою ея стихотвореній,— правда впрочемъ, что этимъ счастливымъ результатомъ литературныхъ занятій она обязана не силѣ своего генія, а чистой нравственности, замѣтной во всѣхъ ея произведеніяхъ. Мы должны еще упомянуть о Г. Пирпонтѣ, искусномъ прозаикѣ, который въ своихъ стихотвореніяхъ придерживается школы Попа и Роджерса. Версификація у него чиста, но изобрѣтательности мало. Спрагъ, уроженецъ Бостонскій, по мнѣнію своихъ одноземцевъ, одаренъ гениемъ болѣе возвышеннымъ: онъ служитъ кассиромъ въ одномъ банкирскомъ домѣ въ Бостонѣ. Необычайная отдѣлка его произведеній заставляеть поставлять его въ числѣ подражателей, а можетъ-быть и соперниковъ, Кембелля, его соотечественника.

Г. Виллисъ, состоящій нынѣ при Американскомъ посольствѣ въ Парижѣ, издавалъ сначала духовныя стихотворенія, которыя очень славились. Потомъ онъ управлялъ литературнымъ журналомъ, который имѣлъ большой успѣхъ. Поэма его «Умирающій Алхимикъ», — произведеніе превосходное. Въ прошломъ мѣсяцѣ онъ издалъ въ Лондонѣ новый томъ своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ — «Меланія, и другія поэмы», изъ которыхъ мы читали прелестныя отрывки. Должно также упомянуть о В. Лонгфелло, авторѣ прекраснаго произведенія «Духъ поэзіи», и о Джоржѣ Вашингтонѣ Донѣ, который написалъ «Дорожныя пѣсни», стихотворенія почти ребячески простыя, но между-тѣмъ трогательныя. Бренардъ, человекъ одаренный довольно живою чувствительностью и свободною версификаціей, пишетъ только для того, чтобы наполнять столбцы своего журнала, но безъ этой несчастной необходимости могъ бы подняться гораз-

до выше. Нельзя тоже пропустить именъ Эдуарда Пинкни, морскаго офицера; Ветмора, Нью-Йоркскаго купца, поэта и мецената своихъ собратій; Самуила Вудворта, котораго народныя пѣсни повторяются во всей Америкѣ; Джона Ниля, автора «Рожденія поэта». Мы заключимъ списокъ нашъ именемъ Джемса Нака, глухонѣмаго отъ рожденія, который едва достигнувъ юношескаго возраста, издалъ поэму «Легенда утесовъ».

Мы, конечно, не исчислили здѣсь и десятой части Американскихъ поэтовъ: въ Кеттелевомъ Specimen, ихъ насчитано до двухъ сотъ, и все отличныхъ. Вообще благонамѣренность ихъ произведеній заслуживаетъ всякое уваженіе: къ сожалѣнію благонамѣренность и поэзія слова неоднозначны. Не возможно отрицать, чтобы сильное раздраженіе страстей не возбуждало гения. Съ одной стороны Европейскіе образцы не для всякаго удобоподражаемы, съ другой чрезвычайная строгость, почти ханжество Американскихъ правовъ, представляетъ непрерывныя затрудненія порывамъ тамошней Музы. Въ Америкѣ не можетъ быть Байрона въ поэзи, — еще менѣе Бальзака, Виктора Гюгò или Жоржа Занда въ прозѣ. Преимущества, которыя мы отличили здѣсь у разныхъ поэтовъ, совокупляются все въ прозѣ Г. Вашингтона Ирвинга, и придаютъ ей особенную прелесть въ нашу эпоху судорожной мысли и разбитаго, искривленнаго параличемъ слога. Она не возбуждаетъ въ васъ «сильныхъ ощущеній», но вы пріятно отдыхаете на ней послѣ бури.

ПОСЛѢДНІЙ РОМАНЪ

Г. БАЛЬЗАКА.

=

СТАТЬЯ Г. ЮЛІЯ ЖАНЕНА.*

=

Г. Бальзакъ напечаталъ въ *Revue de Paris*, а потомъ издалъ въ видѣ романа, родъ двуличной сказки, одну изъ тѣхъ сказокъ, которую онъ такъ славно рассказываетъ. Эту исторію зовутъ «Старикъ Горіо». Первая ея половина исполнена ума и занимательности: это описательная часть разсказа, — а Г. Бальзакъ большой мастеръ на описанія. Ничто не укрывается ни отъ взгляда, ни отъ пера его. Онъ то именно, встрѣтивъ дворецъ, опишетъ вамъ, какъ говорить Буало, весь фасадъ его и не пропуститъ ни малѣйшаго архитектурнаго украшенія, — да не только дворецъ, но самый дрянной домъ, самую глухую улицу. Это буквально справедливо. Въ Парижѣ есть улицы, открытыя Г. Бальзакомъ: напримѣръ улица Соли! Г. Бальзакъ ея Америкъ Веспунцій и Христофоръ Колумбъ. А хотите ли знать, отъ чего длинныя описанія Бальзака васъ занимаютъ, между тѣмъ какъ описанія Г-жи Скюдери нестерпимы? Оттого, что Г.

* Нѣкоторые приверженцы вышѣшней Французской словесности возставали противъ насъ за то, что мы, нѣсколько прежде, имѣли объ ней то самое мнѣніе, которое теперь здравый разсудокъ, освобождаясь отъ узовъ моды, начинаетъ превозглашать и во Франціи. Г. Бальзакъ, по мнѣнію нашему разсказчикъ съ дарованіемъ, но писатель не умѣющій ни мыслить ни писать, былъ всегда главнымъ предметомъ спора. Въ доказательство тому, что не мы одни такъ его оцениваемъ, мы помѣщаемъ здѣсь, на тѣхъ же страницахъ, гдѣ недавно красовалась одна его повѣсть, сужденіе объ немъ Г. Юлія Жанена. Дѣло идетъ о «Старикѣ Горіо». Мы должны только замѣтить, что упреки Французскаго критика примѣняются болѣе къ подлиннику чѣмъ къ переводу, который мы напечатали, потому что въ переводѣ устранимы были всѣ нелѣпости, которыя только можно было устранить, не портя связи происшествій, и романъ получилъ совершенно другой видъ. *Б. для Ч.*

Бальзакъ большею частию самъ видѣлъ, а Г-жа Скюдери только воображаетъ то, что описываетъ. Такъ и въ сказкѣ «Старикъ Горіо», Г. Бальзакъ открылъ въ старомъ «Латинскомъ кварталѣ» домъ, содержимый старухой, у которой были жильцы на хлѣбахъ, и онъ такъ старательно, такъ натурально описалъ старую мебель, старыя подносы, старую посуду, старыя стѣны, старую экономію, затхлый хлѣбъ и кислое вицо этого дома, что волосы на головѣ дыбомъ становятся. На этихъ страницахъ, написанныхъ если не съ жаромъ и талантомъ, то по крайней-мѣрѣ съ наблюдательностью очевидца, которая тоже талантъ, и съ той мелочною старательностью, которая лучше самой счастливой легкости, вы можете сосчитать одинъ по одному всѣ пороки, всѣ недостатки, всѣ низкіе или смѣшные обычаи этого дома. Г. Бальзакъ ничего не забылъ, ни даже пятенъ, которыя дѣлають лѣтнія мухи на жестяномъ подносѣ. Грустно читать это, и, право, морозъ по кожѣ подираетъ. Тѣмъ болѣе, что посреди этой пищеты Г. Бальзакъ помѣстилъ общество, достойное этого дома, — старики и юношей, молодежку и старыхъ дѣвицъ, студентовъ медицины и студентовъ правовѣдѣнія, и даже бѣлаго каторжника. Все это сидѣло за однимъ столомъ, пило, ѣло, пѣло, кричало, вошло, хохотало, ругалось, благословляло, проклинали. То была забавная смѣсь всего на свѣтѣ, — мнѣній, досадъ, сочувствій, жалости, отчаянія, невѣжества, учености; и надъ всѣмъ этимъ отвратительнымъ хаосомъ парила нищета. Лозунгомъ этого дома было — бѣдность и одиночество. Домъ, въ которомъ живутъ на хлѣбахъ, это — отсутствіе всѣхъ семейственныхъ связей. Подобный домъ — нѣчто среднее между тюрьмою и богадѣльнею: тутъ непрерывно и на все въ свѣтѣ рассчитываютъ, — на вашъ голодъ, на вашъ холодъ, на вашу болѣзнь и на ваше здоровье; тутъ барыши собирають по частичкамъ, по крошкамъ, какъ уличный ветошникъ рассчитываетъ на выбрасываемыя изъ домовъ ветошки. Эта ветошка, какъ она ни мала, непременно должна принести что-нибудь несчастному, который ее подобралъ. Бѣднякъ, какой бы бѣднякъ онъ ни былъ, непременно долженъ приносить что-нибудь дому, въ которомъ онъ живетъ и ѣсть! Г. Бальзакъ нашелъ тутъ введеніе превосходное, романъ, который могъ бы быть превосходнымъ:

къ несчастію, романъ его очень плохъ, совершенно неудаченъ.

Во-первыхъ самъ старикъ Горіо, герой романа, — глупѣйшій изъ смертныхъ. У него двѣ дочери, и онъ каждой изъ нихъ далъ въ приданое по милліону. Одна изъ нихъ графиня, другая баронесса. Онѣ живутъ въ большомъ свѣтѣ, и отца не пускаютъ къ себѣ въ домъ. — Но старикъ Горіо такъ¹ любитъ дочерей своихъ, что всякой день, какая бы ни была погода, онъ караулитъ ихъ на улицѣ, чтобы только увидать какъ онѣ пройдутъ. У него осталось нѣсколько государственныхъ облигацій, которыя приносятъ ему двѣнадцать тысячъ дохода, и кое-какія серебряныя вещи. Онъ продаетъ и серебро и облигаціи, чтобы купить дочерямъ платье, ленты, бездѣлки. А онѣ, его дочери, у которыхъ у каждой по милліону, разоряютъ бѣдняка безъ страха, безъ жалости, безъ пощады, безъ милосердія! А когда онъ умираетъ съ голоду, холоду, съ горя и нищеты въ домѣ старухи, которая не соглашается одолжить ему простыни, на которой бы онъ могъ умереть, ни одна изъ дочерей его не пріѣзжаетъ съ нимъ проститься: имъ нѣкогда, обѣ онѣ поѣхали на балъ, въ платьяхъ, которыя купилъ имъ отецъ. Смертныя муки этого несчастнаго продолжаются двадцать битыхъ страницъ; дѣлая двадцать страницъ вы слышите только стоны, жалобы, крики, ужасы! Вотъ вамъ «Старикъ Горіо.»

Что касается до другой части романа, происходящей внѣ дома, въ которомъ живетъ старикъ Горіо, то, — мнѣ очень жаль Г. Бальзака, — но, право, эта величайшая нелѣпость. Наши сказочники, и въ главѣ ихъ Г. Бальзакъ, непременно хотятъ описывать то, что они называютъ большимъ свѣтомъ Сень-Жерменъскаго Предмѣстья: къ несчастію, этотъ свѣтъ не такъ легко узнать какъ домъ, въ которомъ живутъ на хлѣбахъ, или улицу Соли. Этотъ свѣтъ не поддается; онъ увертывается, когда вы уже думаете, что схватили его; онъ тонокъ, насмѣшливъ; онъ окруженъ твердыми стѣнами. Если онъ когда и пускаетъ къ себѣ сказочника, то развѣ для того только, чтобы часокъ имъ позабавиться; онъ слушаетъ его, и тихоночко надъ нимъ посмѣвается; онъ какъ-будто открывается, а между тѣмъ

очень остороженъ; иногда онъ даже притворяется простакомъ, смиряется, а какъ скоро легковѣрный сказочникъ хочетъ схватить его за гриву, большой свѣтъ оборачивается и кусаетъ сказочника. Сказочникъ является въ большомъ свѣтъ, только въ качествѣ игрушки, и притомъ только тогда, когда большой свѣтъ готовъ показаться; но когда онъ въ спальномъ платьѣ, безъ маски, когда онъ не хочетъ рисоваться и не намѣренъ играть комедию, онъ не пускаетъ къ себѣ сказочника. Да и по чему же не такъ? Большой свѣтъ знаетъ, что этотъ господинъ сказочникъ выставитъ его на сцену, разберетъ по крюкамъ, запрячетъ кусками въ повѣсти и романы, — и большой свѣтъ остерегается. Вотъ почему человекъ, который очень хорошо описываетъ столовую жильцевъ на хлѣбахъ, не умѣетъ разсказать мнѣ что дѣлается въ гостинной какого-нибудь знатнаго дома. Не потому, чтобы для этого пужно было болѣе таланта, но потому что въ эту гостинную входишь и особенно держишься въ ней не такъ свободно. Это исторія романовъ Г. Бальзака.

Покуда онъ разночинецъ, простолюдинъ, студентъ, уличный наблюдатель, покуда онъ Г. Бальзакъ, до-тѣхъ-поръ онъ превосходенъ, простодушенъ, занимателенъ, веселъ, забавенъ, и даже *иногда* хорошо пишетъ; но какъ скоро Г. Бальзакъ дѣлается Г-мъ де-Бальзакомъ, знатнымъ баринѣмъ, маркизомъ, — о, тогда онъ совсѣмъ не тотъ человекъ! Онъ тяжелъ, натянутъ; онъ не доходитъ, или переходитъ; слогъ у него надутый, манерный, пустозвонный; онъ вертится на кончикъ стула какъ провинціалъ застенчивый, или неучтиво разваливается въ креслахъ какъ провинціалъ дерзкій, — потому что онъ не понимаетъ этого особенно языка, этихъ отрывистыхъ речей, ясныхъ только для посвященныхъ. Онъ сидитъ, слушаетъ, и не постигаетъ всѣхъ этихъ маленькихъ хитростей, изворотовъ, мыслей, которыя скрываются подъ словами, какъ подъ самою естественною и ловкою маскою мысли; онъ тутъ какъ человекъ, который попалъ не въ свою компанію, какъ былъ бы знатный баринъ въ нашемъ кругу литературномъ. Все это бѣда еще небольшая; но стараться говорить языкомъ, котораго и на-

чальныхъ основаній не знаешь, хотѣть перенести въ книгу свѣтъ, котораго совсѣмъ не видывалъ или только видѣлъ всколзь, — вотъ что не хорошо, и вотъ отъ чего вторая половина «Старика Горіо», происходящая въ большомъ свѣтѣ, самое безобразное твореніе, какое только можно придумать.

Вообразите напримѣръ, что тутъ являются три женщины, — одна, баронесса, молоденькая и хорошенькая, которая занимаетъ квартиру для своего любовника; другая, графиня, молоденькая и хорошенькая, которая платитъ долги своего любовника; третья, герцогиня, молоденькая и хорошенькая, женщина самаго высшаго «полета», которая дастъ балъ въ тотъ самый день, какъ любовникъ ея женится, а потомъ уѣзжаетъ Богъ-вѣсть куда, — всякая женщина, говоритъ Г. Бальзакъ, такъ хорошо знающій великихъ женщинъ! Эта самая Г-жа Босеанъ, великая женщина съ такимъ тонкимъ вкусомъ, съ такимъ разборчивымъ умомъ, пишетъ подъ диктовку Г. Бальзака письмо, которое начинается слѣдующими словами: *Madame, j'aurai beaucoup de plaisir à faire votre connaissance.* Это языкъ Французской дамы хорошаго тона! Вотъ какъ выражается въ романахъ Г. де-Бальзака большой свѣтъ Сень-Жерменскаго Предмѣстья.

О.

=

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Я П О Н И Я.

Два весьма любопытныя сочиненія, хотя изданныя на языкъ, мало извѣстномъ Европейской публикѣ *, обратили въ концѣ прошедшаго года вниманіе журналовъ на обширное, сильное и образованное государство, о которомъ давно уже не представлялось случая сказать что-нибудь новаго и достовѣрнаго. Почти не нужно напоминать читателямъ, что съ 1637 года, когда Португальцы выгнаны были изъ Японіи, ни одинъ Европейскій народъ, кромѣ Голландцевъ, не имѣлъ доступа къ купцѣ острововъ, составляющихъ это государство. Что это исключительное преимущество всегда ограничивалось тѣсными предѣлами, — извѣстно намъ изъ Кемпфера и всѣхъ старыхъ авторитетовъ. Но изъ разсматриваемыхъ теперь сочиненій узнаемъ мы, что эти предѣлы съ недавнихъ поръ начали еще болѣе стѣсняться: торговля до такой степени обезотважена возрастающею неприязненностью туземцевъ, что производится болѣе по привычкѣ и изъ любопытства, чѣмъ изъ какой-нибудь

* Сочиненія эти писаны по Голландски. — 1. *Japan voorgesteld in Scheetsen over de Zeden en Gebruiken van dat Ryk, byzonder over de Ingezetenenen der Stad Nagasaky, door G. F. Meylan, Opperhoofd aldaar, Amsterdam, 1830.* — 2. *Bydrage tot de Kennis van het Japansche Ryk, door J. F. van Overmeer Fischer, Ambteenaar van Neêrlandsch Indie, Amsterdam. 1833.*

дѣйствительной прибылн. Прежде, депутаты единственной здѣсь Голландской факторіи, въ Десимъ, ѣздили въ Іеддо каждый годъ; теперь пускаютъ ихъ только черезъ четыре года, но все по той же дорогѣ и съ тѣми же обрядами, какіе описаны Кемпферомъ. Поэтому, подлинныя и основательныя извѣстія о нынѣшнемъ состояніи этой дивной державы должны имѣть для насъ особенную занимательность и цѣну.

Г. Фанъ-Мейлапъ, авторъ перваго, по порядку времени, изъ двухъ сочиненій, о которыхъ мы упомянули, жилъ очень долго въ Голландской факторіи, и, кажется, онъ теперь ея начальникомъ. Г. Фанъ-Офермеръ Фишеръ, сочинитель втораго и повѣйнаго, также провелъ тамъ девять лѣтъ, и въ 1822 году, въ качествѣ секретаря, сопровождалъ бывшаго президента ея въ столицу. Разказы ихъ тѣмъ богаче свѣдѣніями, что Японія теперь для насъ край почти невѣдомый. Отдѣленная отъ материковъ, между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ, она защищена самой природою отъ нападений чужеземцевъ. Преданіе и большое сходство, которое Европейскій глазъ находитъ здѣсь съ Китаемъ, указываютъ на «Поднебесное Государство» какъ на первобытный источникъ, если не языка Японцевъ, по-крайней-мѣрѣ образованности, вѣры и обычаевъ, и введеніе ихъ оттуда предполагаетъ или завоеваніе или по-крайней-мѣрѣ открытіе и первоначальное занятіе; но все это теряется въ сумракъ древности, а лѣтописи не упоминаютъ повидимому ни объ одной попыткѣ къ завоеванію, которая не уничтожилась бы естественной недоступностью этого края: теченія, мели и тифоны, всегда лишали Японцевъ случая оказать свою храбрость противъ Монгольскихъ армій. Такъ, напримѣръ, въ 1281 году, когда Японцы отреклись отъ ига Чи-Дзу (Кублая), завоевавшаго Китай, и онъ послалъ противъ нихъ сто тысячъ войска изъ Корей, флотъ его разбился у острова Файран-

до, и только десятая часть спаслась отъ истребленія.

Край, который, въ отношеніи къ природѣ, Г. Фишеръ сравниваетъ съ живописнѣйшими мѣстами сѣверной Италіи, и который обрабатывается какъ плодовой садъ даже на горныхъ возвышенностяхъ; климатъ, въ которомъ главныя произведенія тропиковъ растутъ рядомъ съ южно-европейскими; земля, окаймленная морскими заливами, пересѣкаемая озерами и рѣками, обильная разнообразнѣйшими животными; почва, въ которой наша скромная рѣпа достигаетъ полутора-пудоваго вѣса, а цвѣтъ сливника равняется величиною столпистой розѣ, — и все это въ рукахъ тридцати четырехъ милліоновъ людей, живущихъ подъ деспотизмомъ строгаго, но непреложнаго закона, который по-крайней-мѣрѣ въ два послѣдніе вѣка не допускалъ ни междоусобій, ни внѣшней войны, — вотъ картина, представляемая новѣйшими посѣтителеми этихъ острововъ, которые почти можно назвать счастливыми.

Однако жъ напрасно было бы думать, чтобъ при ближайшемъ обзорѣ этого счастья не отыскалось въ немъ черныхъ пятенъ: процвѣтающая неподвижность, которую все извѣстія приписываютъ вліянію общественныхъ учрежденій Японіи, покупается не иначе, какъ важнымъ пожертвованіемъ умственнаго развитія и утратою почти всякой возможности къ дальнѣйшимъ успѣхамъ.

Японцы отнюдь не признаютъ себя потомками Китайскихъ выходцевъ, и ведутъ собственную родословную, которая объемлетъ нѣсколько милліоновъ лѣтъ и слѣдственно гораздо древнѣе Китайской. Путешественники и ориенталисты пускались въ разныя догадки о происхожденіи этого народа. Нѣкоторые полагаютъ, что одинъ Китайскій императоръ, утомивъ палачей казнію многочисленныхъ заговорщиковъ, рѣшился сослать остальную часть виновныхъ на пустыи

x

острова, бывшіе между Китаемъ и Японіею. Другіе говорятъ, что Китайскій же императоръ, не желая разстаться съ жизнію и верховнымъ владычествомъ, отиравилъ по совѣту и подъ рукою одного изъ своихъ врачей триста юношей и столько же дѣвицъ на острова Японскіе для исканія травъ, пужныхъ къ составленію лекарства отъ всѣхъ болѣзней человѣческихъ. Но это была, говорятъ, одна медицинская хитрость: врачу хотѣлось укрыться на острова отъ тиранства своего властителя и основать тамъ поселеніе. Съ этимъ предположеніемъ согласны отчасти и туземныя преданія. «Японцы показываютъ еще, говорить Кемпферъ, на южномъ берегу Кинокуми и въ другихъ смежныхъ областяхъ мѣсто, гдѣ присталъ этотъ врачъ, и гдѣ онъ основалъ потомъ свое небольшое селеніе: тутъ же можете видѣть остатки храма, сооруженнаго ему въ память того, что онъ перенесъ сюда изъ Китая гражданственность, искусства и общенужныя науки.»

Мы не последуемъ за этимъ авторомъ въ длинномъ его разсужденіи о происхожденіи Японцевъ, тѣмъ болѣе, что онъ начинаетъ *только* съ столпотворенія. Что касается до настоящихъ Японскихъ лѣтописей, то начало ихъ относится къ шестому вѣку передъ Р. Х., не далѣе, хотя сами Японцы приписываютъ свое происхожденіе двумъ поколѣніямъ боговъ: одно, состоявшее изъ чистыхъ духовъ, управляло несчетные вѣки, другое, составленное изъ земныхъ духовъ, или боговъ человѣческихъ, царствовало очень долгое, однако жъ определенное время, пока не произвело третьей породы, населяющей теперь государство и отнюдь не имѣющей ни чистоты, ни совершенства своихъ предковъ. Къ этой-то исторической эпохѣ относится учрежденіе *дайри*, или верховныхъ главъ государства, которые управляли Японіею безпрерывно и нераздѣльно до 1158 года нашей эры. Тогда про-

изошла сильная распря между дайри и главнымъ военачальникомъ, или *сеогунемъ*, и кончилась тѣмъ, что первый лишился половины своихъ дравъ и съ тѣхъ поръ властвовалъ только по имени.

Такъ какъ съ 1585 года сеогунъ обладаетъ одинъ свѣтскою властію, то Японское правленіе можно почитать наследственно-неограниченною монархіею, поддерживаемою *даміосами*, или наследственными князьями, которыхъ покорность верховному властителю упрочивается ихъ взаимной завистью и заложниками. Каждый князь распоряжается доходами своего удѣла, употребляя ихъ на содержаніе двора, военной силы, дорогъ и гражданского управленія. Даміосы пользуются не всею одинаковыми преимуществами, и многіе въ тѣсной зависимости отъ сеогуна. Последніе должны не только оставлять въ столицѣ свои семейства, но и сами жить тамъ по шести мѣсяцевъ. Что касается до сеогуна, то онъ оставляетъ дайри только имя императора, но признаетъ себя, для вида, первымъ его подданнымъ, и оказываетъ ему знаки глубокаго уваженія, даже принимаетъ отъ него почетныя званія, наравнѣ со всеми прочими вельможами. Дайри живетъ затворникомъ въ Міяко, или «святomъ городѣ», въ превеликолѣпномъ дворцѣ, откуда выходитъ только для посѣщенія главнѣйшихъ храмовъ въ государствѣ. Сеогунъ содержитъ при немъ гвардію и пристава, и ежегодно отправляетъ къ нему посольство съ богатыми подарками. Сеогунъ, или *кубо*, живетъ въ Іеддо. Чтобъ дать яснѣйшее понятіе о раздѣленіи власти между этими двумя особами, можно повторить съ каждою географіею, что свѣтская въ рукахъ сеогуна, а духовною обладаетъ дайри.

Еще въ шестнадцатомъ столѣтіи Португалцы, выброшенные бурей на берега Японіи, успѣли овладѣть тамошней торговлею, и быть-можетъ пользовались бы ею и донынѣ, если бъ слѣпой прозелитизмъ слиш-

комъ ревности ихъ Иезуитовъ не навлекъ на нихъ общаго возстанія. Лѣтописи христіанства мало представляютъ прилежнѣе, чтобъ за такимъ быстрымъ торжествомъ слѣдовалъ такое полное истребленіе. Не извѣстно, силою ли обстоятельствъ были вынуждены Иезуиты пристать къ одной изъ сторонъ, раздиравшихъ государство крамолю, или сами они зажгли междоусобіе изъ одной жакды къ кознямъ, которую обыкновенно приписываютъ послѣдователямъ Любли. Достоверно то, что они взялись за это не въ добрый часъ, и погибли. Японскія преданія считаютъ это страшное событіе достойной казны за ихъ сластолюбіе и грабительство. Но пороки эти являются обыкновенно въ слѣдствіе продолжительнаго и безспорнаго властвованія, а Португальскіе миссіонеры были отноду не въ такомъ положеніи. Правдоподобнѣе, что соперники ихъ, Голландцы распространили на весь орденъ Иезуитовъ тѣ упреки, которые были справедливы только въ отношеніи къ нѣкоторымъ Португальцамъ духовнаго и свѣтскаго званія вообще, и что ревность ихъ преслѣдователей увѣковѣчила это обвиненіе. Г. Фишеръ признается, что, по изгнаніи Португальцевъ въ 1637 году, Голландцы были вынуждены дѣйствовать противъ послѣднихъ остатковъ христіанской секты, укрывшейся въ области Синабаръ. Христіане хотѣли лучше погибнуть чѣмъ сдаться, и уже до сорока тысячъ пало съ обѣихъ сторонъ, когда взятіе города рѣшило наконецъ истребленіе побѣжденныхъ. Поэтому можно судить, до какой степени укоренился тогда католицизмъ въ томъ краѣ, гдѣ теперь можетъ возстановить его одно только чудо.

Голландцы, въ соперничествѣ съ Португальцами, такъ хорошо умѣли скрывать свою вѣру, что императоръ крайне изумился, когда узналъ, что и они христіане. Такъ какъ Японское правительство было не въ состояніи различить католицизмъ съ ученіями Лю-

тера и Кальвина, то вѣроятно, что, для избѣжанія преслѣдованій, Голландцы должны были всенародно показывать себя противниками Римскаго богослуженія. Впрочемъ они никогда не могли совершенно успокоить подозрительнаго тиранства своихъ хозяевъ, и съ той поры были заточены на островокъ Десиму, служащій имъ и конторою и острогомъ, и лежащій подъ баттарейми Нагасаки, отъ котораго онъ отдѣляется только широкимъ рвомъ.

Относительно вѣры, Японцы раздѣляются на двѣ большія секты, — Синто и Будзо. Первая существуетъ съ незапамятныхъ временъ, вторая объемлетъ всѣ вѣроученія, занесенныя Китайскими и Индѣйскими племенами, особенно Буддаическое Шаки, или Шекьямуниѣво, и Конфуціѣво. Нѣтъ надобности перебирать всѣ многочисленныя секты, покровительствуемыя высокочтимымъ именемъ Будзо, или Будда, но нельзя не порадоваться ихъ взаимной терпимости. Изъ шестидесяти одного храма въ области Нагасаки, только семь принадлежать исповѣданію Синто.

«Никогда, говоритъ Г. Мейланъ, не слышали мы у Японцевъ о ссорахъ или ненависти за вѣру. Напротивъ, они вмѣняють себѣ въ обязанность посѣщать храмы другъ-друга и обмѣниваться почестями богамъ, которымъ въ нихъ поклоняются. Когда свѣтскій императоръ, кубо, отправляетъ посольство въ Цѣ, молиться за него въ храмъ Синто невидимому богу, онъ въ то же время назначаетъ важную сумму для сооруженія храма въ честь Конфуцію, а духовный императоръ, дайри, позволяетъ мірянамъ ставить въ Японскихъ капищахъ изображенія боговъ, занесенныхъ изъ Сіама или Китая, рядомъ съ туземными божествами. Надъ всеми вѣроисповѣданіями и обрядами паритъ здѣсь настоящій по мнѣнію Японцевъ представитель и прямой потомокъ верховнаго существа, дайри, который оказываетъ равное покровительство всемъ, обожающимъ это существо, какъ бы они ни поклонялись. Конечно, вѣротерпимость эта облегчила и распростра-

неніе христіанства, и если бѣ излишняя ревность миссіонеровъ не увлекала ихъ иногда къ поруганію народнаго богослуженія, если бѣ выбираемые изъ среды ихъ первые епископы не настаивали на совершенной независимости и прицали бы покровительство дайри, если бѣ наконецъ они не вмѣшались въ междоусобія, смущавшія государство, можно рѣшительно полагать, что вѣра католическая не только не была бы изгнана, но восторжествовала бы надъ ученіями Ламизма и Конфуція.»

Дайри, или микаддо, былъ прежде, какъ мы уже говорили, неограниченнымъ властелиномъ государства. Названіе микаддо не что иное, какъ уменьшительное *микотто*, имени Японскихъ полубоговъ. Первый дайри, Синъ-мютей-до, основалъ Японскую монархію въ 660. году до Рождества Христова. Поколѣніе его соединяло въ рукахъ своихъ власти политическую и духовную. Но около двѣнадцатаго вѣка сеогунъ, или главные военачальники, начали раздѣлять съ дайри верховное владычество и безпрестанно усиливались до конца шестнадцатаго столѣтія. Тогда-то сеогунъ Тайко-Сама раздѣлилъ императорскую власть на двѣ части, на свѣтскую и на духовную. Первая сдѣлалась исключительнымъ удѣломъ его династіи со званіемъ кубо, или свѣтскаго императора. Это раздѣленіе было бѣ чрезвычайно опасно, если бѣ всѣ богослуженія не пользовались свободою съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ признавать дайри представителемъ бога на землѣ, и если бы свѣтская власть, оказывая имъ одинаковое покровительство, не держала въ совершенной зависимости народа, вельможъ и самого дайри. Однако жъ сеогунъ очень чувствуютъ опасность, сопряженную съ нынѣшнимъ политическимъ устройствомъ Японіи, и неусыпно наблюдаютъ за всѣми отношеніями чужеземцевъ къ ихъ подданнымъ и самыхъ подданныхъ между собою. Только два народа имѣютъ право приставать къ этимъ

негостепріимнымъ берегамъ — Голландцы и Китайцы, да и они живутъ здѣсь въ такомъ подозрѣніи, которое едва только выносимо. Туземцы, недопускаемые немолчимымъ законодательствомъ ни до малѣйшаго нововведенія или измѣненія общественнаго порядка, подвержены системѣ лазутчества, нисходящей отъ духовнаго императора до послѣдняго чиновника и до самаго мелкаго гражданскаго подраздѣленія, состоящаго изъ пяти семей.

Дайри, заточенный въ своемъ Міякскомъ дворцѣ, выходитъ изъ него только въ торжественные дни, когда отправляется въ храмъ Цивоннѣ. Особу его охраняютъ отъ всякаго нечистаго прикосновенія, предоставляя ему впрочемъ имѣть одну законную жену и двѣнадцать наложницъ. Сверхъ-того развлекается онъ музыкой, поэзіей и науками. Трубки и посуду употребляетъ онъ только по одному разу, послѣ чего онъ тотчасъ разбиваются; зато и подаютъ ему самыя простыя, соразмѣрно съ опредѣленнымъ для него скромнымъ содержаніемъ. Когда онъ умретъ, событіе это скрываютъ до тѣхъ поръ, пока преемникъ займетъ его мѣсто при восклицаніяхъ — Да здравствуетъ дайри! Дворъ его состоитъ изъ многочисленной духовной іерархіи, и начальникъ ея, *куанбафъ*, представляетъ лице духовнаго императора и объявляетъ его приказанія. Кубо не можетъ достигнуть этого сана, но послѣ пятидесяти-лѣтняго царствованія получаетъ иногда званіе *садайзина*, третье въ духовномъ чинопочиніи. Это родъ обоготворенія, котораго удостоился царствующій кубо въ 18⁹² году, и которое не воздавалось ни одному мірянину со времени переворота, переведеннаго Тайко-Самою.

Свѣтскій императоръ затворенъ, подобно дайри, въ своемъ огромномъ дворцѣ въ Іеддо, столицѣ острова Ниппона и всей имперіи. Двойной рядъ гражданскихъ и военныхъ сановниковъ заступаетъ обществен-

нымъ дѣламъ путь къ его престолу, какъ-будто заботы государя были ниже его достоинства. Исполнительная власть ввѣрена семи совѣтникамъ, или министрамъ, первой степени, шести второстепеннымъ и двумъ полицейскимъ сановникамъ, въ родѣ великихъ инквизиторовъ, которымъ особенно поручено смотрѣть, чтобъ христіанская вѣра не появилась опять въ государствѣ. Въ этомъ верховномъ совѣтѣ председательствуетъ первый министръ, и въ случаѣ разногласія дѣло представляется на разрѣшеніе не императора, а трехъ ближайшихъ его родственниковъ, въ томъ числѣ и наследника престола. Совѣтъ ведетъ переписку съ правителемъ каждой области, или лучше съ двумя секретарями, которые управляютъ его именемъ. Должность правителей наследственная: чтобъ избавитися сопряженныхъ съ нею издержекъ, отцы передаютъ ее сыновьямъ, какъ скоро они подросли, и это не влечетъ за собою ни какого неудобства, потому что вся отвѣтственность лежитъ на секретаряхъ, которые живутъ поочередно одинъ въ областномъ городѣ, другой въ Іеддо, а семейства ихъ всегда остаются заложниками въ столицѣ. Здѣсь, подъ видомъ многообряднаго этикета, наблюдаютъ за ними строжайшимъ образомъ: они встаютъ съ постели, обѣдаютъ, прогуливаются, и ложатся спать не иначе какъ въ назначенное время.

Тому же порядку подчинены и императорскіе градоначальники. Лазутчество и доносы преслѣдуютъ малѣйшіе ихъ поступки и простираются на всѣхъ жителей безъ изыятія.

«Не только, говоритъ Г. Мейланъ, описывая Нагасацкую полицію, каждый отецъ семейства обязанъ ручаться за поведение дѣтей, прислуги и гостя, котораго онъ къ себѣ принялъ, но и каждый членъ пятины, или пяти-семейнаго подраздѣленія отвѣчаетъ за поступки своихъ сосѣдей. Отъ этого доносительство дѣлается обязанностью для всякаго, и самый

ничтожный случай въ домашнемъ быту доводится до свѣдѣнія начальства прочими членами пятицы. Малѣйшее нарушеніе этихъ правилъ наказывается строгимъ домовымъ задержаніемъ, продолжающимся обыкновенно до ста дней. На это время запирають въ домъ виновнаго двери и окна, прекращають его занятія, удерживають слѣдующій ему заработокъ, и не впускають не только знакомыхъ, но даже цирюльника.»

Каждая семья ставитъ солдата; пятеро составляютъ капральство, двадцать пять капральствъ баталіонъ подѣ начальствомъ штабъ-офицера, а баталіоны распредѣляются по бригадамъ отъ шести до семи тысячъ человекъ, такъ, что по числу семей въ городъ можно судить о военной его силѣ. Кромѣ регулярнаго войска и полиціи, въ каждой улицѣ есть сторожа, которые день и ночь наблюдаютъ за порядкомъ въ случаѣ большихъ стеченій народа. По концамъ улицъ есть загородки, которыми въ извѣстныхъ обстоятельствахъ можно прерывать всякое сообщеніе съ прочими частями города.

Эта предупредительная система охраняетъ въ Японіи безопасность личности и собственности какъ-нельзя лучше, и содѣлываетъ тѣлесныя наказанія чрезвычайно рѣдкими. Последнее можно приписать еще тремъ другимъ причинамъ, —строгости законовъ, точному ихъ исполненію въ случаѣ доказанной вины и отвращенію гражданъ отъ важныхъ доносовъ.

Характеръ Японцевъ именно таковъ, какой должно предполагать въ народѣ, роскошно надѣленномъ всеми потребностями жизни и уединенномъ отъ прочихъ обитателей земнаго шара своими установленіями.

Они горды, сластолюбивы и невѣжественны. Подобно Китайцамъ презирають они все, что имъ не извѣстно. Мракъ невѣдѣнія, скрывающій отъ нихъ другіе народы, рождается въ этихъ двухъ отрасляхъ мон-

гольскаго племени, полную увѣренность въ собственномъ превосходствѣ и въ ничтожествѣ передъ ними всѣхъ прочихъ обитателей земли, о которыхъ они не имѣютъ ни какого понятія. Но Японцы обладаютъ передъ Китайцами важнымъ преимуществомъ: ихъ ученые занимаются однимъ изъ Европейскихъ языковъ, то есть, Нидерландскимъ. Впрочемъ, имѣя безпрестанно передъ глазами уничиженность торгующихъ съ ними Голландскихъ купцовъ, они тѣмъ болѣе гордятся и гнушаются Европейцами.

Японцы вообще невоздержны и развратны, и въ ра ихъ повидимому благопріятствуетъ этой склонности вмѣсто того, чтобъ ее обуздывать. Городъ Нагасаки, который могъ быть наилучше наблюдаемъ Европейцами по близости къ нему Голландской конторы, содержитъ, при семидесяти тысячахъ жителей, шестьдесятъ капищъ и семьсотъ домовъ разврата. Во время Кемифера эти дома составляли особенную часть города, называвшуюся Казыматкъ. Сюда-то бѣднѣйшіе жители острова Сиконфа, знаменитаго красотою своихъ женщинъ, сами отдаютъ тѣхъ дочерей своихъ, которыя, по ихъ прелестямъ, кажутся имъ пригоднѣе къ этому роду жизни. Содержатели покупаютъ ихъ лѣтъ десяти или двѣнадцати, учатъ пляскѣ, пѣнію, грамотѣ, и часто случается, что вѣтихъ вертепахъ разврата дѣвушки находятъ себѣ мужей, которымъ остаются вѣрными, и которые возвращаютъ имъ въ глазахъ свѣта имя порядочныхъ женщинъ. Снисходительность общественнаго мнѣнія слагаетъ всю вину ихъ прежней жизни на безсовѣстныхъ родителей. Отсюда же берутъ Европейцы женщинъ для прислуги, и не нахвалятся ихъ неподкупной вѣрностью. Такъ какъ на Голландскихъ корабляхъ, приходящихъ ежегодно въ Десиму, никогда не возятъ женщинъ, то обитателямъ этого островка пришлось бы вести жизнь совершенно холостую, если бъ въ длин-

ные зимніе вечера рука хорошенъкой Японки не приготовляла имъ чай, и такъ далѣе.

Строгость общественнаго устройства Японіи обнаруживается въ наслѣдственности всѣхъ званій и ремеслъ. Весь народъ дѣлится на восемь разрядовъ,—на князей, или областныхъ начальниковъ, на дворянъ, духовныхъ, военнослужащихъ, гражданскихъ чиновниковъ, въ томъ числѣ и ученыхъ, на купцовъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ. Изъ всѣхъ сословій въ государствѣ одни кожевники носятъ клеймо отверженія подобно паріямъ въ Индіи. Всякое сообщеніе съ ними запрещено закономъ, и изъ среды ихъ исключительно выбираются палачи. Три первые свѣтскіе разряда имѣютъ право носить по двѣ сабли; пятый, заключающій хирурговъ, врачей и вообще всѣхъ, занимающихся свободными ремеслами и искусствами, довольствуется одною. Въ теченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ военные мало имѣли случаевъ употреблять въ дѣло любимое свое оружіе, но говорятъ, что они владѣютъ имъ мастерски, и что клинки ихъ, не уступая Дамаскскимъ, далеко превосходятъ произведенія Бирминггама. Образцы ихъ есть въ Гагскомъ музеѣ. Если Турокъ возьмется снести саблею голову верблюду, то Японскій рубака сразу пересѣчетъ вамъ челоуѣка. Оружіе это переходитъ отъ отца къ сыну, какъ драгоценное наслѣдіе, и за хорошую саблю всегда можно получить двѣ тысячи рублей и болѣе. Сабля пользуется здѣсь какимъ-то суевѣрнымъ уваженіемъ. Съ пяти-лѣтняго возраста, Японецъ, имѣющій наслѣдственное право носить ее, не расстаётся съ нею ни на минуту, и если сниметъ ее, ложась спать или сядя за столъ, всегда кладетъ подлѣ себя и остерегается, чтобъ не задѣть какъ-нибудь ногою. Верховая ѣзда, фехтованье и стрельба изъ лука, составляютъ необходимую принадлежность воспитанія высшихъ сословій; что

касается до другихъ отраслей военнаго искусства, какъ напримѣръ артиллеріи, инженерной науки и тактики, то онѣ еще въ колыбели. Поэтому, если бѣ въ государствѣ открылось опять междоусобіе, стона, защищаемая старыми крѣпостями, непременно восторжествовала бы надъ своими противниками. Гагскій музей обладаетъ прелюбопытнымъ собраніемъ Японскихъ оружій. Въ томъ числѣ есть нѣскольکو кольчугъ прекрасной работы со стальными забралами, или масками, изображающими лице паяца съ щетинными усами. Одна такая кольчуга есть и въ кунтскамерѣ Петербургской Академіи Наукъ. Стволы огнестрѣльныхъ орудій превосходные, но безъ курковъ; притомъ и порохъ не лучшей доброты.

Японцевъ можно причислить къ тѣмъ огненнымъ душамъ, для которыхъ мщеніе — верхъ добродѣтели. Забвеніе обидъ считается у нихъ подлостью. Что касается до ихъ воинскаго мужества, то трудно составить себѣ объ немъ вѣрное понятіе, потому что въ теченіе двухъ вѣковъ Японцы ни разу не имѣли случая доказать его въ значительномъ дѣлѣ. Однако жъ Г. Мейланъ утверждаетъ, что, когда Голландская Остъ-Индская Компанія устроивала свое войско, въ него поступило много Японцевъ, оказывавшихъ потомъ рѣдкую неустрашимость, такъ, что онѣ считаютъ ихъ храбрѣйшимъ изъ всѣхъ восточныхъ народовъ. Самоубійства очень часты въ этомъ краѣ, и презрѣніе къ смерти доходитъ до такой степени, что человѣкъ въ отчаяніи рветъ собственными руками свои внутренности при рукоплесканіяхъ многочисленныхъ друзей, которые всегда готовы слѣдовать его примѣру. Вотъ что сдѣлалъ въ 1808 году Нагасакскій губернаторъ. Въ пристань вошелъ силою Англійскій фрегатъ, взявъ въ плѣнъ защищавшихъ ее Голландцевъ, и капитанъ, огнюды не подозрѣвая, какъ жестоко попираетъ онѣ народныя предразсудки, потребовалъ за нихъ въ выкупъ

свѣжей говядины. Требованіе его было исполнено; но лишь-только Голландцевъ высадили на берегъ, какъ губернаторъ, у котораго они были подъ покровительствомъ, упредилъ свою опалу самоубійствомъ, избравъ родъ смерти, о которомъ мы сейчасъ упоминали, и говорятъ, что онъ нашелъ себѣ подражателей въ числѣ своихъ приближенныхъ. Капитанъ Фрегата, предувѣдомленный Голландцами объ угрожавшей ему опасности, только-что успѣлъ уйти въ море. Черезъ нѣсколько часовъ показались на берегу четырнадцать тысячъ войска, и болѣе ста джонокъ тянулись къ единственному проходу, которымъ Фрегатъ могъ достигнуть открытаго моря.

Какъ всѣ почти народы, живущіе въ уединеніи, Японцы отличаются любовью къ родителямъ, несмотря на строгость родительской власти. Воспитаніе дѣтей чрезвычайно просто. До восьмилѣтняго возраста ограничивается оно развитіемъ физическихъ силъ и затверживаніемъ словъ, необходимыхъ для объясненія простыхъ потребностей. Послѣ того ввѣряютъ ихъ бонзамъ, или духовнымъ, у которыхъ учатся они отечественной исторіи, священнымъ преданіямъ и первымъ началамъ стихотворства и живописи. Женщины обладаютъ въ высокой степени искусствомъ очаровывать: будучи вынуждены употреблять всѣ прелести, полученныя отъ природы, и все жеманство, привитое воспитаніемъ, для того, чтобъ привязать къ себѣ мужчинъ, которые могутъ имѣть столько наложницъ, сколько пожелаютъ, онѣ отличаются безпредѣльнымъ повиновеніемъ волѣ супруговъ. Но законъ, предоставляя мужьямъ полное право на невѣрность, наказываетъ за нее женъ смертію, и, послушныя судьбѣ, женщины не знаютъ, что такое ревность. Впрочемъ онѣ пользуются большимъ уваженіемъ и, какъ въ Европѣ, председательствуютъ на всѣхъ праздникахъ. Пріятныя искусства не во-

все для нихъ чужды, и *самси*, или гитара, столь же необходимая принадлежность въ ихъ гостиныхъ, какъ фортепіано у нашихъ дамъ.

Японцы чрезвычайно искусны во всѣхъ отрасляхъ мануфактурной промышленности. Земледѣліе у нихъ также въ хорошемъ состояніи, но въ садоводствѣ успѣхи ихъ очень не велики. Они однако жъ умѣютъ разводить цвѣты, и охотники вѣрно поблагодарятъ Японскихъ садовниковъ, когда узнаютъ, что имъ обязаны они камеліей. Съ удивительнымъ успѣхомъ доводятъ они большія растенія до самомаѣйшихъ размѣровъ: Г. Мейлашъ увѣряетъ, что правителю Голландской факторіи предлагали за двѣ тысячи шесть сотъ рублей ящичекъ въ три дюйма длины и въ одинъ ширины, гдѣ посажены были бамбукъ, сосна и яблоня въ полномъ цвѣтѣ. Японцы, подобно Гиндусамъ, имѣютъ религіозное предубѣжденіе противъ животныхъ, отрыгающихъ жвачку, и потому ни сколько не пекутся объ ихъ пастбищахъ. Буйволовъ употребляютъ они для земледѣлія и для переноски тяжестей, и кожу ихъ выдѣлываютъ только въ томъ случаѣ, когда животное издохло своею смертію; оттого-то ремесло кожевника впало у нихъ въ такое презрѣніе. Отвращеніемъ ко всему жирному различаются они отъ Китайцевъ и отъ Монгольскихъ народовъ вообще. Они особенно любятъ живность, фазановъ и дичину. Рынки ихъ обильно снабжаются этими припасами, привозимыми въ джонкахъ съ острововъ и изъ сосѣднихъ областей. Море и рѣки доставляютъ имъ превосходную рыбу, начиная съ ракушки до кита, котораго третій усъ служитъ приправою ихъ пріатымъ кушаньямъ. Мы охотно уступаемъ Японцамъ эти блюда, какъ и сыраго дельфина, котораго они ѣдятъ съ полпивою, называемою *соемъ*, съ пивомъ изъ сарацинскаго ишена,

или *сакки*, и съ горчицею. Къ аисту питають они такое же уваженіе, какъ Голландцы и Гиндусы.

«Изъ официальной вѣдомости, составленной въ 1744 году компанейскимъ генераль-губернаторомъ въ Батавіи, видно, говорить Г. Мейланъ, что въ началѣ семнадцатаго вѣка вывозъ золота и серебра изъ Японіи простирался до десяти милліоновъ гульденовъ» (около 22 милліоновъ рублей). Вывозъ этотъ постепенно ограничивался, и наконецъ былъ вовсе запрещенъ. Въ теченіе шестидесяти лѣтъ вывезено всего на сумму отъ 660 до 1320 милліоновъ рублей. Если еще принять въ соображеніе, что Японія производитъ много мѣди, которой Голландцы вывозили иногда отъ тридцати до сорока тысячъ пекуловъ, или отъ 3,990,000 до 5,520,000 фунтовъ, кромѣ стали и желѣза, и что всѣ эти металлы отличной чистоты, должно будетъ заключить, что горное, литейное и пробирное искусства давно уже отираются тамъ съ большимъ успѣхомъ. Однако жъ Японцевъ обвиняють въ томъ, что они разрабатываютъ рудники свои какъ попало, и оттого истощаютъ ихъ въ короткое время. Говорять, что этимъ обстоятельствомъ воспользовались въ 1790 году ложные друзья Голландіи, чтобы склонить верховный совѣтъ къ ограниченію отпускной торговли. «Союзъ нашъ съ Голландіею, говорили они, основанъ на торговлѣ, но она поддерживается только мѣдью, которую мы имъ доставляемъ, и должна будетъ прекратиться, когда не станетъ этого произведенія. Поэтому неблагоразумно было бы отпускать Голландцамъ столько мѣди, сколько могутъ давать наши рудники: мѣдь не волосы, которые острижешь и они снова вырастутъ; она какъ кости въ тѣлѣ,—вынуть можно, а назадъ не вставишь.» Слѣдствіемъ столь убѣдительнаго довода было то, что вмѣсто двухъ Голландскихъ кораблей въ Нага-

саки вѣли пускать только одинъ; однако съ 1820 года правительство опять смягчило свою строгость.

Въ настоящее время Китайцы могутъ ежегодно отправлять въ Нагасаки по десяти джоноквѣ, а Голландцы по два корабля отъ шести до семи тоннъ, не болѣе. Китайцы возятъ въ Японію сахаръ, кожи, шелковыя ткани, жыньсынъ, сандалъ, цинкъ, чай, и прочая; вывозятъ камфору, бусы, бумагу, фарфоръ и нѣкоторые другіе товары. Японскія таможи выпускаютъ Китайцамъ не болѣе девяти сотъ тоннъ мѣди ежегодно. Съ 1710 года вывозъ этого металла уменьшился двумя третями: въ концѣ семнадцатаго столѣтія Португальцы и Китайцы вывозили 4,500 тоннъ мѣди, а теперь вывозится ея не болѣе 1800. Надо быть Китайцемъ или Голландцемъ, чтобъ хладнокровно сносить всѣ униженія и непріятности, которымъ подвергаются начальники и экипажи судовъ, посѣщающихъ Нагасаки. Только-что успѣтъ прійти корабль, съ него свозятъ пушки и всякое оружіе; товары выгружаютъ и отдаютъ подъ надзоръ Японскимъ чиновникамъ, а на корабль ставятъ воинскую команду. Когда офицеры и экипажъ получаютъ разрѣшеніе съѣхать на берегъ, они должны выворотить карманы, спустить рукава и сложить руки на груди. Наконецъ, когда войдутъ они въ Десимскую факторію, родъ тюрьмы, выстроенной на скалѣ въ 236 шаговъ длины и 82 ширины, туча полицейскихъ подвергаетъ ихъ самому немилосердому обыску. Цѣна товаровъ, привезенныхъ въ Нагасаки Голландцами, простиралась въ 1825 году до восьми сотъ тысячъ рублей, а вывезено имъ тогда же на миллионъ шесть сотъ тысячъ.

Кромѣ знаменитаго фарфора, Японцы съ успѣхомъ выдѣлываютъ телескопы, термометры и самые превосходные часы. «Въ 1827 году, говоритъ Г. Мейланъ, императору поднесли стѣнные часы, которые могли

бы поспорить съ отличѣйшими произведеніями Германскаго искусства: они были пяти футовъ въ ширину и трехъ въ вышину. Циферблатъ представлялъ солнце, восходящее надъ горою и озаряющее самый роскошный сельскій видъ. Когда били часы, птица взмахивала крыльями, мышъ, вышедши изъ поры, взбѣгала на гору, и черепаха вмѣсто стрѣлки указывала, который часъ. Жаль только, что забвеніе правилъ перспективы, столь обыкновенное у восточныхъ народовъ, простиралось здѣсь до такой степени, что птица была гораздо больше дерева, а мышъ въ одну секунду взбѣгала на гору, которую по всему должно было полагать въ нѣсколько тысячъ футовъ вышиною. »

По мнѣнію Г. Фишера, Японцы съ весьма давнихъ поръ занимаются рисованьемъ и живописью: картины, находимыя на стѣнахъ ихъ храмовъ, хотя и не относятся къ одиннадцатому столѣтію, какъ они полагаютъ, однако жъ должны быть очень стары. По невѣжеству или предразсудку, Японскіе художники стараются только передать съ точностью малѣйшія подробности въ одеждѣ и положеніи, ни сколько не заботясь о сходствѣ въ лицахъ. Приложенія къ книгъ Г. Фишера, снятыя съ произведеній Нагасакскихъ живописцевъ, обличаютъ въ нихъ большое дарованіе. Что касается до ихъ лакированныхъ вещей, то нельзя судить объ нихъ потѣмъ, которыя продаются въ Европѣ, потому что они всегда низшаго разбора. Ящики изъ камфорнаго дерева, въ которыхъ отправляютъ они свои издѣлія, поспорятъ въ чистотѣ работы съ произведеніями Гилло и Мореля въ Лондонѣ.

Японцы очень любятъ театръ, и въ обстановкѣ и декораціяхъ они гораздо искуснѣе Китайцевъ. Драмы ихъ представляютъ всегдашнюю смѣсь трагическаго съ самыми плоскими шутками, и ни мало не заботятся о соблюденіи трехъ единствъ. Оркестромъ

управляютъ у нихъ слѣпыя изъ братаства *феки*, котораго всѣ члены лишены зрѣнія. Учрежденіе этого общества приписываютъ какому-то князю Сеннимару, который, потерявъ любовницу, съ отчаянья выкололъ себѣ глаза. Театры часто посѣщаются, и званіе актера подвержено тѣмъ же предубѣжденіямъ, какъ и у насъ. Японскія дамы, сидя въ ложахъ, которыя закрываются щитами, перемѣняютъ туалетъ раза по два или по три въ представленіе, чтобы выказать все богатство своего гардероба. При входѣ въ театръ посѣтителю предлагаютъ печатную программу піесы съ такой ловкостью, которая сдѣлала бы честь любому Европейскому шарлатану.

Дамы большого свѣта въ длинныя зимніе вечера дѣлаютъ разныя вещицы для подарковъ, коробочки, цвѣты, птичекъ, бумажники, кошельки, тесемочки для головныхъ уборовъ, и такъ далѣе. Весною предаются онѣ сельскимъ забавамъ. Лишь-только солнце простится съ очаровательными окрестностями ихъ городовъ, множество лодокъ, украшенныхъ флагами и разноцвѣтными фонарями, скользятъ по поверхности озеръ и рѣкъ или качаются на одномъ мѣстѣ. Многочисленныя общества, пользуясь свѣжестію вечера, забавляются разными играми, всегда сопровождаемыми звукомъ гитары. Эти милыя развлеченія въ совершенной противоположности съ грубымъ распутствомъ мужчинъ и ребяческими забавами женщинъ у другихъ восточныхъ народовъ. Японки, присутствуя, подобно Европейскимъ женщинамъ, во всѣхъ обществахъ, наслаждаются такимъ удовольствіемъ, какого мусульманки не знаютъ въ своихъ баняхъ, и если мужчины въ Японіи раздѣляютъ съ Турками страсть къ трубкѣ, то все-таки имѣютъ понятіе о тѣхъ пріятностяхъ, которыя смѣшеніе половъ доставляетъ обществу.

Со времени переворота, происшедшаго въ 1585 го-

ду, Японскія суда перестали ходить по морямъ Китая и Индіи; государство не имѣетъ флота, и строгіе законы наказываютъ всякаго, кто дерзнетъ удалиться за предѣлы имперіи. Однако несмотря на эту мѣру, которая запрещаетъ Японскому правительству даже и думать о распространеніи своихъ владѣній, оно содержитъ сто двадцать тысячъ войска и обременяетъ жителей налогами, простирающимися, какъ полагаютъ, до семисотъ милліоновъ рублей. Японскіе джонки строятся не иначе какъ въ опредѣленныхъ закономъ размѣрахъ для плаванія около береговъ, такъ, что малѣйшій порывъ вѣтра заставляетъ ихъ укрываться въ пристани. Наибольшіе имѣютъ сто футовъ въ длину и шесть футовъ углубленія. Г. Гудмафъ сказываетъ, что въ пристани острова Лу-Чу, или Ласко, видѣлъ онъ три Японскія джонки, которыхъ экипажъ не смѣлъ сообщаться съ туземцами. Вѣроятно, что этотъ островъ и пегостепріимный берегъ Иессо положены предѣлами ихъ плаванью. Кажется однако жъ, что по особеннымъ повелѣніямъ императора предпринимали они морскія путешествія для открытій. Въ сочиненіи Валентина находимъ мы, что въ 1686 году одна джонка, отправившись къ востоку, долго не возвращалась въ Нагасаки, и начальникъ ея повидимому самъ былъ того мнѣнія, что онъ приставалъ къ берегамъ Новой-Голландіи: по-крайней-мѣрѣ узнавъ, что между служителями Голландской факторіи есть одинъ тамошній уроженецъ, онъ отыскалъ его и спрашивалъ о нравахъ и наружности его соотечественниковъ. Они плохо понимали другъ друга, но изъ словъ Японскаго капитана можно было выразумѣть, что, плывъ нѣсколько дней къ востоку и видя передъ собою одно открытое море, онъ рѣшился наконецъ идти въ обратный путь, однако жъ бурей снесло его еще далѣе, и онъ достигъ наконецъ земли, въ которой, по описанію его, Голландцы узнали Американскій берегъ между 40 и 50 гра-

дусами сѣверной широты. Вотъ послѣднее предпріятіе въ этомъ родѣ, какое тамъ запомнить.

Если Японская литература долго оставалась неизвѣстною ученому свѣту, забвеніе это должно приписывать не столько трудности языка, сколько запрещенію изучать его въ Японіи и вывозить оттуда какія бы ни было книги. Однако въ началѣ нынѣшняго столѣтія, ученый Голландецъ, Г. Дуфъ (Doef), предпринялъ, съ дозволенія императора и съ помощію десяти переводчиковъ, сочиненіе Япо́нско-Голландскаго словаря. Одинъ экземпляръ этого прекраснаго труда утраченъ при пересылкѣ въ Европу, а другой хранится въ императорской библіотекѣ, въ Іеддо. Къ счастью, Г. Фишеръ отыскалъ въ Десимѣ подлинныя замѣчанія, по которымъ былъ составленъ этотъ словарь, и въ теченіе семи лѣтъ занимался онъ приведеніемъ ихъ въ порядокъ. Въ 1829 году важное это сочиненіе кончено въ другой разъ, и драгоцѣнная рукопись идетъ теперь, если уже не пришла, въ Амстердамъ.

Астрономія, или по-крайней-мѣрѣ наблюденіе небесныхъ тѣлъ, въ большой чести у Японцевъ. Г. Фишеръ не говоритъ, воспользовались ли они Голландской литературою до такой степени, чтобъ принять полную систему Астрономіи; но увѣряетъ, что они коротко знакомы съ нашими хронометрами, телескопами и другими инструментами, и что измѣряютъ высоту горъ посредствомъ барометра. Успѣхи ихъ въ Медицинѣ незначительны, тѣмъ болѣе, что предразсудокъ запрещаетъ изучать Анатомію; однако жъ у нихъ заимствовали мы употребленіе моксы и накальванія (асирпунктура). Первоначальное воспитаніе, при всемъ его несовершенствѣ, распространяется на всѣ сословія, и можетъ-быть нѣтъ въ мірѣ края, гдѣ умѣнье писать было бы такъ обыкновенно. Удивительно, что народъ, имѣющій передъ Китайцами неоцѣненное пре-

имущество алфавита, теряет время на изучение ихъ языка, вмѣсто того, чтобъ усовершенать свой собственный. Японцы большіе охотники собирать естественно-историческіе и художественные предметы, и любители ихъ поспорятъ съ нашими въ ревности къ отыскиванію медалей и примѣчательныхъ картинъ. У правителя области Тамба есть драгоценный кабинетъ Европейскихъ медалей, а въ Іеддо Г. Фишеру случилось видѣть собраніе старыхъ Европейскихъ эстамповъ, сохранявшееся въ одномъ и томъ же семействѣ болѣе полутора ста лѣтъ. Музеи наполнены здѣсь искусственнымъ чудовищами, сиренами, летучими змѣями, и прочая. Какъ ни искусны Японцы въ обработкѣ металловъ, они почти вовсе не обдѣлываютъ драгоценныхъ камней ни для украшеній, ни для отпуска за границу.

Мы уже сказали, что Голландская факторія отправляетъ каждые четыре года депутацію въ Іеддо: обрядъ, наблюдаемый при дворѣ сеогуновъ, былъ описанъ всѣми путешественниками, говорившими подробно о Японіи, особенно Кемпферомъ и Тунбергомъ. Мы думаемъ однако жъ, что не безъ любопытства можно будетъ прочесть нѣсколько выписокъ изъ повѣствованія Г. Фишера о посольствѣ 1822 года. Оно отправилось 6 февраля, сопровождаемое, какъ обыкновенно, однимъ старшимъ Японскимъ офицеромъ, *opper banjoost*, тремя младшими, тремя переводчиками и конвоемъ изъ ста человекъ съ двадцатью лошадьми. Пожитки и припасы, въ которыхъ не настояло непосредственной надобности, были отправлены моремъ на Осаку. Передъ посольствомъ ѣхали два Японскіе повара: одинъ въ назначенномъ мѣстѣ приготовлялъ обѣдъ, другой на слѣдующей станціи ужинъ.

«Осьмаго числа, въ Синоги, посѣтили мы хижину одного старика, который съ молодыхъ лѣтъ не пропускалъ ни одного случая посмотреть на проѣздъ Голландцевъ. Ему было подъ девяносто, и онъ видѣлъ сорокъ разъ это шествіе.»

«Двѣнадцатаго февраля посольство прибыло въ пристань Кехуру, лежащую на каналѣ, который отдѣляетъ островъ Ниппонъ отъ того, гдѣ построенъ Нагазаки. Тринадцатаго оно переправилось къ Симинесеки, на западную оконечность Ниппона, и ожидало попутнаго вѣтра до 22 числа; потомъ плыло вдоль берега сто семнадцать миль до самаго Мура, гдѣ опять вышло на сушу. Проѣхавъ нѣсколько многочисленныхъ городовъ, въ томъ числѣ Осаку, оно прибыло 7 марта въ Фугими, послѣднюю станцію передъ Міако, гдѣ живетъ дайри.

«Отъ Фугими до Міако разстояніемъ на двѣ мили (болѣе десяти верстъ), ѣхали мы сплошною улицею лавокъ, фабрикъ и мастерскихъ. Магазинамъ глиняной посуды, хлебнымъ амбарамъ, лавкамъ съ дичью и живностью, чайнымъ домамъ и такъ далѣе, нѣтъ счету, и все это оживлено движущимися толпами. Въ Міако помѣстили насъ лучше, нежели въ Осаку, но мы подверглись такому же безконечному числу посѣщеній. Міако, иногда называемый Кіото, содержитъ до шести сотъ тысячъ жителей. Храмы оченъ красивы; хороши также видъ рѣки, омывающей городъ и плодоносныя окрестности. Здѣшнія женщины считаются прекраснѣйшими въ цѣлой имперіи; науки и искусства въ великомъ уваженіи. Сюда стекается народъ изъ всѣхъ частей государства для поклоненія въ храмъ Цѣ или для закупки фабричныхъ издѣлій. Этотъ городъ славится раемъ Японіи и особенно знаменитъ своимъ здоровымъ воздухомъ.

«Двадцатаго марта ѣхали мы горами, но, къ счастью, здѣсь были гостиницы, предлагавшія отдыхъ послѣ безпокойствъ дурной дороги. Молодые и хорошенькія женщины встрѣчали насъ съ холодной водою, чаемъ, саккою и плодами, и приглашали къ себѣ самымъ отаровательнымъ образомъ. Изъ одной такой гостиницы увидѣли мы въ первый разъ Японскій Гималай, — гору Фузи, скрывающую въ облакахъ свою снѣжную вершину. Эта гора, возвышающаяся на одиннадцать или двѣнадцать тысячъ футовъ надъ поверхностью моря, есть давно угасшій вулканъ и считается однимъ изъ чудесъ Японіи. Живопись и поэзія славятъ непрерывъ этого исполнна горъ съ окружающими его прелестными долинами и лугами.

«Когда путешественник подъѣзжаетъ къ Синагавъ, все возбѣщаетъ ему столицу, которой этотъ городъ одно предмѣстье. Дорога — превеликолѣпная улица, окаймленная красивыми домами и оживляемая безпрестанно возрастающей людностью. Мы ѣхали ею болѣе двухъ часовъ, пока достигли до мѣстопробыванія своего, Нагасаки, лежащаго посреди Исдо, въ двухъ шагахъ отъ императорскаго дворца.»

Исдо имѣетъ миллионъ двѣсти тысячъ жителей. Число это можетъ показаться преувеличеннымъ, но въ 1703 году одинъ пожаръ истребилъ здѣсь до ста тысячъ домовъ. Главное зданіе въ столицѣ — дворецъ сеогуна, имѣющій двадцать веретъ въ окружности. Множество домовъ и замковъ назначено для князей, министровъ и главныхъ гоеударственныхъ сановниковъ: среди этихъ безчисленныхъ зданій и обширныхъ садовъ возвышается императорскій дворецъ, собственно такъ называемый. Эта громада, стоящая на пригоркѣ, хотя и страшной архитектуры, но величественна. Во внутренности особенно замѣчательна зала въ шесть сотъ футовъ длины и въ триста ширины. Кедровые столбы, покрытые отличною рѣзбою, головы драконовъ, тысячи лисетръ и жирандолей и богатѣйшіе бумажные обои составляютъ главныя украшенія этой залы. Въ ней нѣтъ иной мебели, кромѣ циновокъ, отчего и прозвали ее «Циновочною».

«По прибытіи депутатовъ, ихъ заточаютъ въ собственномъ дворцѣ; они выходятъ только на торжественную аудіенцію къ кубо, и всегда окружены тучею лазутчиковъ: имъ однако жъ дозволяется принимать официальные посѣщенія. Изъ всѣхъ нашихъ гостей, только подперсводчикъ сего императорскаго величества, врачи и астрологъ разумѣли по-Голландски. Мы безпрестанно обмѣнивались между собою распросами объ Европѣ и Японіи. Туземцы такъ любопытствовали насъ видѣть, что тѣснились къ намъ съ разсвѣта до поздней ночи, не исключая и женщинъ, которымъ запрещено это стариннымъ закономъ. Впрочемъ онѣ всегда являлись съ кавалеромъ, который вводилъ иногда по ше-

сти вдругъ. Одно или два Голландскія слова, написанныя на опахалъ, вмѣсто альбома, удовлетворяли множество мелкихъ притязаній. Секретари области Садсумы поднесли намъ двенадцать прекрасныхъ птицъ, пятнадцать рѣдкихъ растений, двухъ собачекъ, пару кроликовъ, разныхъ шелковъ, и прочая, — все это въ отличныхъ клеткахъ и ящикахъ, которыя были гораздо дороже того, что въ нихъ заключалось.

«Аудіенцъ-зала кубо обширна, но проста и вовсе безъ пышныхъ украшеній. Противъ самаго входа было возвышеніе для императорскаго трона; вѣтви простирались мѣста для принцевъ крови и для членовъ верховнаго совѣта по старшинству ихъ. Эта зала, отворяемая только въ торжественные случаи, убрана гораздо скромнѣе остальной части дворца, который отличается отъ другихъ зданій столицы величественностью архитектуры, богатствомъ отделки и колоссальными размѣрами дверей. Пока мы ждали въ приемной, пошелъ проливной дождь съ громомъ и молніей, но, къ счастью, гроза тотчасъ миновала, а иначе отложили бы аудіенцію, потому что его величество страхъ боится грома. Въ одиннадцать часовъ президентъ депутаціи былъ допущенъ къ престолу, и воротился къ намъ черезъ полчаса. Явившись передъ лице императора, онъ палъ ницъ и лежалъ до тѣхъ поръ, пока восклицаніе — *Capitan Hollanda!* коснулось его слуха. Послѣ того царствовало мертвое молчаніе, прерываемое только тихимъ ропотомъ, которымъ Японцы изъявляютъ обыкновенно свое благоговѣніе. Одинъ Нагасакскій губернаторъ, съ главнымъ переводчикомъ, сопровождалъ президента, и онъ-то далъ ему знакъ къ отбытію: выходя, такъ же какъ и при входѣ, отнюдь не должно разгибать спины послѣ поклона, и безъ нарушенія правилъ Японской вѣжливости нельзя ни осмотрѣться, ни взглянуть ни на одинъ изъ окружающихъ предметовъ.»

Верочемъ Г. Финнеръ отзывается съ самой лучшей стороны о гостепріимствѣ и радушіи, которыя нашелъ онъ въ Іеддо, несмотря на тягостныя иногда посѣщенія туземцевъ и на то, что ему пришлось однажды выдержать ученое испытаніе отъ всего факультета императорскихъ астрологовъ. Докторъ по-

сольства подвергся такому же пяти-часовому, допросу со стороны шестнадцати своихъ Японскихъ собратьевъ. Нѣкоторые знакомцы Г. Фишера морили его со смѣху, являясь къ нему, изъ особенной учтивости, въ старомодномъ и разностатейномъ Голландскомъ платьѣ.

Мы желали бы посвятить еще нѣсколько страницъ этому достопримѣчательному народу, но боимся переступить границы любопытства нашихъ читателей. Оставляемъ Японцевъ при сладостномъ ихъ убѣжденіи, что они первый народъ въ свѣтѣ и старшіе потомки божества; что превосходство ихъ не нуждается ни въ какой перемѣнѣ и что нѣтъ ничего лучше ихъ поговорки — «Велѣнія кубы, какъ потъ человѣческаго тѣла, выступаютъ наружу и никогда не возвратятся къ своему источнику». Присовокупимъ только краткій очеркъ ихъ характера, которымъ Г. Мейланъ заключаетъ свою любопытную книгу. «Они хитры, вѣжливы, подозрительны, осторожны, сластолюбивы, нетерпѣливы, надменны, суевѣрны, мстительны; равнодушно жестоки; но съ другой стороны они справедливы и честны, привязаны къ отечеству, примѣрны въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми, тверды въ дружбѣ и, вѣроятно, мужественны.

Quarterly Review.

МОРОЗЪ ЛИ ИСТРЕБИЛЪ

ФРАНЦУЗСКУЮ АРМІЮ ВЪ 1812 ГОДУ *

=

Два отшиба потрясли до основанія власть и господствованіе Наполеона, казавшіяся неколебимыми. Отшибы эти произведены были двумя народами, обитающими на двухъ оконечностяхъ завоеванной и порабощенной имъ Европы, — Испаніею и Россіею.

Первая, противуставшая Французскому ополченію одинокому, безъ союзниковъ и безъ Наполеона, сотрясла палагаемое на нее иго, при помощи огромныхъ денежныхъ капиталовъ и многочисленной арміи союзной съ нею Англіи. Последняя, принявшая на свой щитъ удары того же Французскаго ополченія, но усиленнаго возставшимъ на нее всѣмъ Европейскимъ войскомъ, которымъ предводительствовалъ и управлялъ самъ Наполеонъ, достигла того же предмета безъ всякихъ иныхъ союзниковъ, кромѣ оскорбленной народной гордости и пламенной любви къ отечеству.

Однако жъ, всѣ уста, всѣ журналы, всѣ историческія произведенія эпохи нашей, превознесли и не перестаютъ превозносить самоотверженіе и великодушное усиліе Испанской націи, а о подобномъ самоотверженіи, о подобномъ же усиліи Русскаго народа ни сколько не упоминаютъ, и въ добавокъ поглощаютъ ихъ разглашеніемъ, будто всѣ удачи произошли отъ одной суровости зимняго времени, не

* Въ послѣдней нашей книжкѣ (Критика, стр. 43), мы слегка приподняли, по случаю «Записокъ о походахъ 1812 и 1813 годовъ», вопросъ, изображенный въ этомъ заглавіи, и теперь представляемъ его рѣшеніе, удовлетворительное котораго, по мнѣнію нашему, и желать не возможно. Мы весьма благодарны почтенному автору за то, что онъ такъ во-время и вѣстатіи отдѣлилъ для насъ эту превосходную статью отъ своихъ Записокъ. *Б. для Ч.*

ожиданнаго и наступившаго въ необыкновенный срокъ года.

Двадцать два года продолжается это разглашеніе между современниками, и двадцать два года готовится передача его потомству посредствомъ книгопечатанія. Всѣ враги Россіи, всѣ союзники Франціи, впоследствии предательски на нее возставшіе, но, въ неудачномъ вмѣстѣ съ нею покушеніи противъ насъ, вмѣстѣ съ нею же раздѣлившіе и стыдъ неудачнаго покушенія, неутомимо хлопотали и хлопочуть о разсѣваніи и укорененіи въ общемъ образѣ мысли этой мнимой причины торжества нашего.

Должно однако замѣтить, что не въ Германіи, а во Франціи возникъ первый зародышъ этого нелѣпаго разглашенія, — и не могло быть иначе. Падутая двадцатилѣтними побѣдами, завоеваніями и владычествомъ надъ Европейскими государствами, могла ли Франція простить тому изъ нихъ, которое безъ малѣйшей посторонней помощи и въ такое короткое время отстояло независимость свою не только отбитіемъ отъ себя, но и поглощеніемъ въ нѣдрахъ своихъ, всей Европейской армады, принадлежавшей ей, ополчившейся съ нею, и предводительствуемой величайшимъ гениемъ вѣковъ и міра? Націи ли этой, исполненной самолюбія и самохвальства, преслѣдуемой порицаніями и, что еще чувствительнѣе, каррикатурами и насмѣшками, болѣе всего для нея несносными, — ей ли можно было признаться въ истинной причинѣ несостоятельности своей въ обѣщаніяхъ славы и добычи увлеченнымъ ею государствамъ? И когда! Когда обладая монополіею Словесности, проникающей во всѣ четыре части свѣта, завоевывающія ея нарѣчіемъ, которое справедливо почитается общимъ нарѣчіемъ нашего вѣка, она, болѣе другихъ народовъ, могла ввести въ заблужденіе и современниковъ и потомство на-счетъ приключенія, столь

жестоко омрачившаго честь ея оружія, столь насильственно прогнавшаго призракъ ея непобѣдимости! Будемъ справедливы: какая нація рѣшилась бы на пожертвованіе такого преимущества? Какая нація, напротивъ, не поддержала бы, посредствомъ его, и кредита своего въ общемъ мнѣніи, и славы своего оружія, потрясенныхъ столь неожиданнымъ злополучіемъ? Франція не пренебрегла этого преимущества, и похвально сдѣлала: священнѣйшій долгъ всякаго народа дорожить своимъ достоинствомъ, спасти и защищать всѣми мѣрами и всѣми средствами это нравственное бытіе свое, неразрывно сопряженное съ его бытіемъ вещественнымъ. Но похвально ли для нѣкоторыхъ изъ насъ, еще болѣе для тѣхъ изъ насъ, Русскихъ, которые, бывъ свидѣтелями, даже дѣйствовавшими лицами на этомъ великолѣпномъ позорищѣ, знаютъ истинную причину гибели пахлынувшихъ на насъ полчищъ, — похвально ли повторять чужой вымыселъ, для того только, чтобы не отстать отъ моднаго мнѣнія, какъ не отстаютъ они отъ покроя фракковъ или повязки галстуковъ, изобрѣтенныхъ и носимыхъ въ Парижѣ? И пусть бы разглашали это городскіе господчики или маленькіе сынки, которымъ извѣстенъ огонь однихъ восковыхъ свѣчъ и кенкетовъ, да запахъ пороху только на фейерверкахъ. Словамъ, произносимымъ подобными устами, награда извѣстна. Но грустно слышать эти же слова отъ тѣхъ самыхъ людей, которымъ знакомы и чугуны, и свинецъ, и желѣзное остріе, какъ хлѣбъ пасущій. Грустно слышать, какъ тѣ, кого я самъ видѣлъ подвѣгавшаго опасности и покой, и здоровье, и жизнь свою на войнѣ отечественной, теперь приписываютъ лавры ея одной той же причинѣ съврагами, противъ которыхъ они такъ неустрашимо, такъ ревностно тогда подвизались; какъ въ угожденіе имъ, они жертвуютъ нынче и собственными трудами, и подвигами, и ра-

нами, и торжествомъ, и славою Россіи, — какъ-будто ничего этого никогда не бывало!

Вооруженный неоспоримыми документами, я опровергъ, въ изданной мною нѣкогда особой книгѣ *, ложное показаніе Наполеона, будто «въ кампаніи 1812 года легкія войска наши не нанесли ни малѣйшаго «вреда его арміи.» Теперь приступаю къ другому вопросу, — къ опроверженію того, будто «армія Наполеона «погибла единственно отъ стужи, настигшей нежданно и въ необыкновенное время года», а не отъ другихъ обстоятельствъ; будто она погибла —

I. Не отъ искуснаго занятія нашей арміею Тарутинской позиціи, прикрывавшей хлѣбороднѣйшія губерніи, и въ то же время угрожавшей единственному пути непріятельскаго сообщенія; позиціи, на которой князь Кутузовъ обѣщаніемъ мира уцѣлѣлъ усыпить Наполеона на столько времени, сколько нужно ему было для возрожденія нашей арміи;

II. Не отъ заслоненія Калужскаго пути при Малоярославцѣ, — чѣмъ принудилъ онъ Наполеона обратиться на Смоленскій путь, опустошенный и безпріютный;

III. Не отъ фланговаго марша нашей арміи отъ Тарутина до Березины, прикрывавшаго, подобно Тарутинской позиціи, всѣ жизненные и боевые наши подвозы, которые шли къ намъ изъ хлѣбороднѣйшихъ губерній, и вмѣстѣ съ тѣмъ угрожавшаго заслонить единственную отступательную черту, невольпо избранную непріателемъ, какъ скоро онъ малѣйше на ней замедлилъ;

IV. Не отъ уцѣлій, трудовъ и храбрости нашихъ войскъ, разстроившихъ ея единство при Малоярославцѣ, Вязьмѣ и Красномъ;

* Разборъ трехъ статей Наполеона.

V. Не отъ чудеснаго соединенія почти въ опредѣленный день у Борисова на Березинѣ трехъ армій, пришедшихъ одна изъ-подъ Москвы, другая изъ Финляндіи и отъ Пскова, третья изъ Молдавіи и Волыніи;

VI. Не отъ истребленія подвозовъ и фуражировъ, отъ изнуренія ежечасными денными и ночными тревогами и набѣдами нашихъ партій, которыя тѣснили ее какъ въ ящикъ отъ Москвы до Нѣмана, и не позволяли ни одному непріятельскому солдату на шагъ отлучаться отъ большой дороги, для отысканія себѣ пищи или убѣжища отъ стужи;

VII. И наконецъ будто она погибла не отъ неусыпнаго надзора надъ нею тѣхъ же партій, отчего каждое движеніе каждой ея части было тотчасъ извѣстно главнокомандующему и встрѣчало противодѣйствіе.

Я уже изложилъ въ «Опытѣ партизанскаго дѣйствія» мнѣніе мое на этотъ счетъ: здѣсь представлю мнѣніе иностранныхъ писателей, охлажденное временемъ и слѣдственно нѣсколько уже очищенное отъ того отвратительнаго пристрастія, которымъ ознаменованы всѣ произведенія ихъ, касающіяся до военныхъ подвиговъ Французской арміи.

Начнемъ съ Г. Коха *. Онъ говоритъ:

«Вообще точность замѣчаній генерала Гурго достойна похвалы; но пристрастіе къ Наполеону увлекаетъ его къ защитѣ мнѣній, совершенно ложныхъ. Таково, напримѣръ, увѣреніе его, что одна стужа «причиною злополучія Французской арміи. Во время похода отъ Смоленска до Орши, стужа во всѣ четыре

* Examen critique de l'histoire de Napoléon et de la grande armée par le comte de Ségur et de la critique qu'en a faite le général Gourgaud.

«дня была слабѣе, нежели въ 1795 году, когда съвер-
«ная армія перешла по льду Вааль и овладѣла Гол-
«ландскимъ флотомъ въ Зюйдерзе; слабѣе, нежели въ
«1807 году, когда огромныя толпы конницы неодно-
«кратными наскоками сшибались на покрытыхъ
«льдомъ и снѣгомъ озерахъ. Слѣдственно, если по соб-
«ственному расчету генерала Гурго Французская ар-
«мія состояла только въ сорока пяти тысячахъ дѣй-
«ствовавшаго войска по прибытіи ея на берега Бере-
«зины, должно искать иныхъ причинъ ея уменьшенію.
«Онъ, какъ кажется, состоятъ въ недостаткѣ распо-
«рядительности относительно продовольствія.»

Но тотъ самый Гурго, на котораго возстаютъ Г. Кохъ за то, что онъ всѣ бѣдствія Французской арміи приписываетъ одной стужѣ, самъ себя противорѣчитъ, говоря слѣдующее *:

«Въэто время, 22 октября (3 ноября н. ст.), то есть,
«на обратномъ пути около Вязьмы, Французская ар-
«мія не была еще въ томъ безпорядкѣ и развратномъ
«положеніи, въ какомъ Французскій историкъ ста-
«рается показать ее.....До 25 октября, то есть, на
«обратномъ пути около Дорогобужа, погода была хо-
«рошая и стужа гораздо умереннѣе той, которую мы
«перенесли во время кампаніи въ Пруссіи и въ Поль-
«шѣ въ 1807 году, и даже въ Испаніи среди Кастиль-
«скихъ горъ, въ теченіе зимней кампаніи 1808 года,
«подъ предводительствомъ самого императора.....Ок-
«тября 25, на обратномъ пути около Дорогобужа, кор-
«пуса арміи еще находились въ устройствѣ, были со-
«ставленные изъ дивизій, бригадъ и полковъ, хотя
«уронъ, понесенный ими въ походѣ, много убавилъ
«числительную силу ихъ....

«Господинъ придворный чиновникъ (графъ Сегюръ)

* Examen critique de l'histoire de la campagne de 1812 du comte de Ségur, par le général Gourgaud.

«ошибается еще и въ томъ, будто-бы въ Оршѣ безпо-
 «рядокъ въ арміи умножился: напротивъ, найденные
 «въ Оршѣ запасы розданы были войскамъ, а оттепель,
 «послѣ сильныхъ морозовъ, сдѣлала биваки сносны-
 «ми..... Что касается до сильной стужи, то мѣру ея
 «опредѣлить можно тѣмъ, что Березина не была еще
 «покрыта льдомъ во время переправы чрезъ нее....»

Г. Шамбре представляетъ намъ слѣдующія измѣне-
 нія термометра *:

«Октября 15, с. ст., четыре градуса стужи.» Это бы-
 ло на обратномъ пути отъ Малоярославца.

«Октября 23, снѣгъ, слѣдственно стужа умерен-
 ная». Это было на обратномъ пути изъ Вязьмы.

«Октября 24, снѣгъ продолжается.» Это было на
 обратномъ пути между Вязмою и Дорогобужемъ.

«Октября 25, снѣгъ сильнѣе съ вѣтромъ, слѣдствен-
 но темного холоднѣе, чѣмъ наканунѣ.» Это было
 тамъ же, и уже около Дорогобужа.

«Октября 28, двѣнадцать градусовъ стужи.» Это
 было на обратномъ пути между Дорогобужемъ и Смо-
 ленскомъ.

«Октября 31 и ноября 1, семнадцать градусовъ
 стужи.» Это было на обратномъ пути въ Смоленскъ.

«Ноября 2, стужа гораздо слабѣе.» Это было на
 обратномъ пути по выступленіи изъ Смоленска къ
 Красному.

«Ноября 6, оттепель.» Это было на обратномъ пути
 между Краснымъ и Оршею.

«Ноября 12, оттепель прекращается.» Это было на
 обратномъ пути между Оршею и Борисовымъ.

Ошъ же продолжаетъ:

«Не одна стужа разстроила и истребила Француз-

* Histoire de l'expedition de Russie, par M*** (Chambray). Tome III.

«скую армію, потому что второй и девятый корпусы
«сохранили совершенный порядокъ, невзирая на
«претерпѣніе такой же стужи, какъ и главная армія.
«Стужа сухая и умѣренная, сопровождавшая войска
«отъ Москвы до перваго снѣга, была болѣе полезна
«нежели гибельна. Главныя причины злополучія,
«постигшія нашу армію, были, во-первыхъ, голодъ,
«потомъ непрерывные переходы и кочевья, и нако-
«нецъ уже стужа, когда она достигла до чрезвычай-
«ности или когда была сопряжена со снѣгомъ. Что
«касается до лошадей, то сытыми онѣ весьма легко
«переносятъ стужу, сколь она ни жестока. Онѣ
«погибли не отъ нея, а отъ голоду и усталости.....»

«Я уже сказалъ, и еще повторяю, — сытыя лошади
«переносятъ кочевье безъ затрудненія, какъ бы стужа
«ни были чрезмѣрна. И такъ не стужа погубила ло-
«шадей Французской арміи, и ихъ не пало до тридцати
«тысячъ въ одну ночь, какъ сказано въ одномъ изъ
«бюллетеней... Самая жестокая стужа въ ноябрѣ мѣ-
«сяцѣ продолжалась отъ 28 октября до 1 ноября с. ст.,
«то есть, на обратномъ пути между Дорогобужемъ и
«Смоленскомъ.

Самъ Наполеонъ говоритъ*: «Еще три дня хорошей
«погоды, и армія совершила бы въ устройствѣ отсту-
«пленіе свое.»

Генераль Жомини въ послѣднемъ своемъ сочине-
ніи** заставляетъ говорить Наполеона: «Главныя при-
«чины неудачнаго предпріятія на Россію относили къ
«ранней и чрезмѣрной стужѣ: всѣ мои приверженцы
«повторяли эти слова до пресыщенія. Это совершен-
«но ложно. Какъ подумать, чтобы я не зналъ о

* Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Napoléon; publiés par Monthezon. T. II, pag 413.

** Vie politique et militaire de Napoléon, etc., Tome IV

«срокъ этого ежегоднаго явленія въ Россіи... Нетолько
«зима не наступала ранѣе обыкновеннаго, но при-
«ходъ ея 26 октября с. ст. былъ позже, нежели
«какъ это ежегодно случается. Стужа не была чрез-
«мѣрна, потому что до Краснаго она измѣнялась отъ
«трехъ до осьми градусовъ, а 8 ноября наступила
«оттепель, которая продолжалась до самаго прибытія
«нашего къ берегамъ Березины: одинъ только день
«пѣхота могла переходить по льду черезъ Днѣпръ, и
«то до вечера. Всчеромъ оттепель снова повредила
«переправу.

«Стужа эта не превышала стужи Эйлауской кам-
«паніи: въ послѣдней, громады конницы носились по
«озерамъ, покрытымъ льдомъ, и въ эту эпоху рѣка
«была такъ сильно имъ схвачена, что могла бы под-
«нять цѣлую армію съ артиллеріею. Но при Эйлау ар-
«мія моя не разстроилась потому, что была въ краѣ
«изобильномъ, и что я могъ удовлетворять всемъ ея
«нуждамъ. Совсемъ противное произошло въ 1812 го-
«ду: недостатокъ въ пищѣ и во всемъ необходимомъ
«произвелъ разбродъ войска; многочисленныя колон-
«ны наши обратились въ буйную сволочь, въ которой
«солдаты разныхъ полковъ были чужды одинъ дру-
«гому. Чтобы собраться и распутаться, намъ надле-
«жало остановиться дней на восемь въ укрѣпленномъ
«лагерь, снабженномъ огромными магазинами.

«Въ Смоленскѣ этого нельзя было сдѣлать, и мы
«должны были погибнуть, потому что оттуда до Вис-
«лы не было уже мѣста, довольно безопаснаго для
«пристанища, а у Вислы армія уже не существова-
«ла..... Я прибылъ въ Смоленскъ 28 октября с. ст.
«Вся армія собралась 1 ноября: она во всемъ нужда-
«лась. Спѣша къ Смоленску, какъ къ землѣ обѣтова-
«нной, какъ къ предѣлу своего злополучія, что она об-
«рѣла тамъ? Обрушенные дома, заваленные большы-

«ми, умирающими, и пустые магазины! Двухмѣсяч-
«ное пребываніе корпуса маршала Виктора вокругъ
«города, гарнизонъ, пятнадцать тысячъ больныхъ и
«раненыхъ, и проходившія команды издерживали въ
«сутки по 60,000 раціоновъ!

«Армія вступила въ Смоленскъ толпами и непохо-
«жая на себя: *трехдневная вовсе не чрезвычайная сту-*
«*жа* достаточна была, чтобы ее частію разстроить.»

Въ примѣчаніи сказано: «Стужа во время кампаніи
«въ Голландіи въ 1795 году и въ Эйлаускую кампанію
«въ 1807 году была сильнѣе той, которая продолжа-
«лась отъ Москвы до Березины. Но въ этихъ двухъ
«кампаніяхъ войска получали пищу, вино и водку, и
«не каждыя сутки, какъ въ послѣдней кампаніи, ко-
«чевали голодными съ увѣренностью, что завтра бу-
«детъ хуже.

«Такъ какъ уже извѣстно, что стужа до Березины
«была умѣреннѣе, а при всемъ томъ, по прибытіи
«къ берегамъ этой рѣки у насъ осталось не болѣе пя-
«тидесяти тысячъ человекъ изъ трехъ сотъ тысячъ,
«которые я привелъ на берега Двины и въ Москву,
«то должны быть другія причины столь ужасному
«злополучію.

«Не въ пользу мою дѣйствуютъ тѣ, которые поро-
«чатъ моихъ противниковъ и унижаютъ ихъ подвиги.
«Они вмѣстѣ съ тѣмъ унижаютъ и мою славу, и сла-
«ву Французской арміи, состоящую въ преодолѣніи
«преградъ неожиданныхъ. Какъ бы то ни было, ни-
«кто не похититъ у Русскихъ того, что, невзирая на
«разрывъ ихъ линій при первомъ шагѣ моего втор-
«женія, они умѣли избѣгнуть пораженія и отступить
«тысячу двѣсти верстъ, сохранивъ всѣ тяжести и не
«оставивъ намъ ни одной трофеи. Если бѣ мы творили
«одни чудеса, а непріатели наши одні ошибки, то
«какъ Барклай и Багратионъ, выступившіе одинъ изъ

«Дриссы, другой изъ Слонима, и отдѣленные одинъ
 «отъ другаго тремястами тысячами моего войска, —
 «какъ могли бы они соединиться наперекоръ моему
 «старанію не давать имъ соединяться? Какъ Витген-
 «штейнъ, начальствовавшій корпусомъ вполонину ма-
 «лочисленнѣе трехъ корпусовъ, дѣйствовавшихъ про-
 «тивъ него, могъ бы сохранить угрожающую осан-
 «ку въ теченіе всей кампаніи? Не менѣе сверхесте-
 «ственно было бы и то, чтобъ, при непрестанныхъ
 «промахахъ, армія, разстроенная подъ Бородинымъ,
 «могла явиться въ назначенный часъ подъ Краснымъ,
 «и схватиться грудь съ грудью съ нашею арміею,
 «какъ это случилось. Наконецъ, могъ ли непріятель,
 «если бы онъ не обладалъ ни военными качествами,
 «ни дарованіями, и при началѣ кампаніи раздѣлен-
 «ный и раздробленный на части, — могъ ли бы онъ
 «сообразить и исполнить наступательное соединеніе
 «обѣихъ крылъ и середины арміи своей при Берези-
 «нѣ, и къ самой рѣшительной эпохѣ привести изъ
 «Финляндіи и отъ Прута войска, долженствовав-
 «шія оспаривать намъ переправу?

«Безъ-сомнѣнія, ему вспомошествовали обстоятель-
 «ства, а противъ меня возстало все то, что ему благо-
 «пріятствовало; но надо быть черезмѣру ненавистли-
 «вымъ, черезмѣру несправедливымъ, чтобы порицать
 «то, что достойно похвалъ и подражанія.

«Конечно, Русскіе дѣйствовали не безъ ошибокъ.
 «Главнѣйшія суть: начальное размѣщеніе силъ на гра-
 «ницѣ, направленіе къ Дриссѣ, и образъ отступленія
 «отъ Смоленска; дознано также, что Кутузовъ могъ
 «бы сдѣлать болѣе того, что онъ сдѣлалъ, и будь я на
 «его мѣстѣ, — я бѣ вѣрно не упустилъ случая истре-
 «бить армію, возвращавшуюся изъ Москвы; но, не-
 «смотря на излишнюю его осторожность, должно
 «признаться, что онъ далъ искусное направленіе дви-
 «женіямъ своей арміи.....

«Смѣшно увѣрять, будто Русскіе совершенно были «чужды въ нашемъ злополучіи: правда, злополучію «этому причиною не генеральныя сраженія, выигран- «ныя у насъ нашими противниками, — но какъ не со- «гласиться въ томъ, что ему способствовали пламен- «ное рвеніе армій, правительства, народа и генера- «ловъ, ознаменованное особенно во второй части кам- «паніи? Высокопарныя ругательства могутъ имѣть «временное вліяніе на чернь и людей немыслящихъ: «истина господствуетъ надъ вѣками!»

Заклучимъ вышески эти извлеченіемъ изъ извѣст- «наго сочиненія сирѣ Вальтера Скотта * :

«Причины такого ужаснаго событія были въ лож- «ныхъ расчетахъ, которые зародились при первыхъ «мысляхъ объ этомъ предпріятіи и сдѣлались оче- «видными при первомъ шагѣ къ приведенію ихъ въ «дѣйствіе. Мы знаемъ, что такой способъ смотрѣть «на предметъ не во вкусъ обожателей Наполеона. Въ- «ря безусловно словамъ, которыя самъ онъ разсѣ- «ялъ, они считаютъ, что ихъ герой ничѣмъ не могъ «быть побѣжденъ, развѣ одними только стихіями. «Объ этомъ объявлено и въ двадцать девятомъ бюл- «летенѣ: «До 25 октября с. ст., говорятъ тамъ, успѣ- «хи его были одинаковы, но выпавшій тогда снѣгъ «въ шесть дней разстроилъ духъ его армій, отнялъ «мужество у солдатъ его и ободрилъ, презрительныхъ «казаковъ, лишилъ Французовъ артиллеріи, фура- «жа и кавалеріи, и повергъ ихъ, хотя Русскіе мало «тому способствовали, въ то жалкое положеніе, въ «какомъ они вступили въ Польшу. Наполеонъ никогда «не выходилъ изъ этого увѣренія, и оно — одинъ изъ «тѣхъ пунктовъ, отъ которыхъ восторженные его обо- «жатели отступаютъ съ крайнимъ пехотѣніемъ. Но

* Vie de Napoléon Bonaparte, par sir Walter Scott. Tome IV.

«прежде, нежели согласишься съ ихъ мнѣніемъ, надобно рѣшить три вопроса: 1. Обыкновенное паденіе снѣга, или походъ черезъ страну, покрытую снѣгомъ, должны ли непременно сами по себѣ причинить всѣ тѣ бѣдствія, которыя Французы имъ приписываютъ? 2. Возможность такого происшествія не должна ли была входить въ расчеты Наполеона? 3. Паденіе ли снѣга, какъ бы впрочемъ оно чрезмѣрно ни было, причиною разстройства арміи Бонапарте, или, не дѣйствіе ли климата благопріятствовало скорѣйшему развитію многихъ другихъ причинъ ея гибели, — причинъ, неразлучныхъ съ этимъ походомъ при самомъ его зарожденіи и уже дѣйствовавшихъ прежде жестокости зимы?

«Безполезно распространяться на счетъ перваго вопроса. Паденіе снѣга, сопровождаемое сильнымъ морозомъ, недостаточно само собою для того, чтобы разрушить до основанія отступающую армію. Безъ-сомнѣнія, въ этомъ случаѣ солдаты самые слабые должны погибнуть; но цѣлой арміи удобнѣе производить движенія зимою, нежели въ дождливую погоду.»

Тутъ знаменитый авторъ представляетъ нѣкоторыя удобства для военнаго дѣйствія зимою, вознаграждающія до нѣкоторой степени нужды причиняемыя суровостію времени.

«Перейдемъ ко второму вопросу. Если морозъ и снѣгъ въ Россіи суть бѣдствія непреодолимая, властные уничтожатъ цѣлыя арміи, то какъ же эти обстоятельства не вошли въ расчеты генерала, столь знаменитаго, замыслившаго предпріятіе столь огромное? Развѣ въ Россіи никогда нейдетъ снѣгъ? Развѣ морозы въ ноябрѣ мѣсяцѣ тамъ рѣдкое явленіе? Говорятъ, что морозы начались ранѣе обыкновенно»

«венного: мы увѣрены, что это оправданіе не имѣ-
«етъ ни какого основанія; но во всякомъ случаѣ ве-
«личайшее безразсудство подвергать сохраненіе и
«цѣлость всей арміи, — арміи столь многочисленной
«и употребленной на такое важное предпріятіе, за-
«висимости отъ мороза, могущаго случиться нѣ-
«сколькими днями ранѣе или позднѣе.

«Дѣло въ томъ, что Наполеонъ предвидѣлъ, что
«въ октябрѣ настанетъ стужа, такъ какъ онъ въ ію-
«лѣ предвидѣлъ необходимость собрать съѣстные
«припасы, достаточные для продовольствія своей ар-
«міи; но, увлеченный нетерпѣливостью, онъ ни въ
«томъ ни въ другомъ случаѣ не принялъ мѣръ для
«преодоленія ни голода ни стужи, которые пред-
«видѣлъ.

«Въ двадцать второмъ бюллетенѣ сказано: «Мож-
«но ожидать, что Москва-Рѣка и прочія рѣки въ Рос-
«сіи замерзнутъ въ половинѣ ноябрю.» Это должно
«было приготовить императора къ снѣгу и къ началу
«морозовъ пятью или шестью днями ранѣе.

«Въ двадцать шестомъ бюллетенѣ признана необ-
«ходимость зимнихъ квартиръ, и императоръ пред-
«ставленъ, съ видомъ самодовольствія, осматриваю-
«щимъ вокругъ себя, гдѣ бы ему избрать квартиры,
«на югъ ли Россіи, или въ пріязненныхъ владѣніяхъ
«Польши. Время прекрасное, говоритъ бюллетень,
«но должно ожидать холода въ первыхъ числахъ нояб-
«ря, и слѣдственно должно заботиться о зимнихъ
«квартирахъ: особенно кавалерія имѣетъ въ нихъ
«нужду. Не возможно, чтобы тотъ, передъ глазами ко-
«торою составлялись эти бюллетени, или тотъ, кто со-
«ставлялъ ихъ, самъ былъ изумленъ выпаденіемъ
«снѣга 6 ноябрю: это такое событіе, вѣроятность ко-
«торою была предвидѣна, но противъ которою не
«взято было предосторожностей»....

Далѣе говоритъ авторъ о забытіи начальствомъ вѣять перековать лошадей и запастись подковами.

«Въ-третьихъ, хотя безъ-сомнѣнія суровость погоды значительно умножала бѣдствія и потери арміи, имѣвшей недостатокъ въ сѣбствныхъ припасахъ, въ одеждѣ, и подвергавшейся всякаго рода нуждамъ, однако жъ она не была первою, и ни съ какой точности зрѣнія главнѣйшею, причиною этихъ бѣдствій. Читатель долженъ припомнить походъ черезъ Литву: Наполеонъ, не бывъ пораженъ ни разу, потерялъ десять тысячъ лошадей и около ста тысячъ людей уже тогда, когда онъ проходилъ страною дружескою. Развѣ эта потеря, случившаяся въ іюнѣ и въ іюлѣ, была причинена *раннимъ* снѣгомъ, какимъ называютъ снѣгъ, вышавшій 6 ноября? Со-всѣмъ нѣтъ: причину этому находятъ, какъ говорятъ бюлетень, въ пензвѣстности, въ томленіи, въ маршахъ и контръ-маршахъ войскъ, въ ихъ усталости, въ претерпѣннй нуждѣ, словомъ, въ этой системѣ усиленныхъ переходовъ, которая впрочемъ не доставила Наполеону ни какой существенной выгоды, — системѣ, всегда стоившей ему около четвертой части арміи, прежде нежели она доводила ее до какого-нибудь сраженія*. Если предположимъ, что онъ оставилъ на обоихъ флангахъ и позади себя силу изъ ста двадцати тысячъ человекъ, подъ командою Макдональда, Шварценберга, Удино и другихъ военачальниковъ, то онъ началъ настоящее шествіе на Россію съ двумястами тысячами. Половина этой значительной силы погибла прежде прибытія его въ Москву, въ которую онъ вступилъ со сотнею тысячъ человекъ. Усталость погубила множество, битвы и госпитали поглотили остальныхъ. Наконецъ Наполеонъ покидаетъ Москву 7 октября

* Мнѣніе совершенно ложное.

«какъ городъ, гдѣ ему нельзя уже было оставаться, хотя выходъ оттуда, какъ онъ предвидѣлъ, былъ сопряженъ съ значительными затрудненіями. Тогда находилось подъ его начальствомъ около ста двадцати тысячъ человѣкъ. Армія его умножена была до этого числа присоединеніемъ къ ней выздоровѣвшихъ бродягъ и командъ, прибывшихъ изъ резервовъ. Онъ далъ сраженіе бесполезное, хотя и съ честію выдержанное, при Малоярославцѣ; не успѣлъ пробить себѣ дороги къ Калугѣ и Тулѣ, и принужденъ былъ бѣжать черезъ Бородино по разграбленной и опустошенной Смоленской дорогѣ. На этомъ пути онъ далъ сраженіе подъ Вязмою, въ которомъ потеря Французовъ была весьма значительна; его колонны были безпрестанно тревожимы казаками, и онъ лишился многихъ тысячъ плѣнными. Два сраженія, столь кровопролитныя, не считая притомъ разбитія Мюрата и безпрестанно возобновляемыхъ стычекъ, стоили Французамъ, убитыми и ранеными, — потому что каждый раненый былъ уже погибшимъ для Наполеона, — по крайней-мѣрѣ двадцати пяти тысячъ человѣкъ. Наконецъ наступило 25 октября. До того дня еще не видали клокъ снѣгу, который въ самомъ дѣлѣ пошелъ тогда уже, когда Наполеонъ испыталъ болѣшую часть бѣдствій, потому что въ то время фланги его и резервъ уже выдержали было жестоки сраженія и понесли большіе уронъ, не получивъ ни какой существенной выгоды. Такимъ образомъ почти три четверти арміи, которую онъ привелъ въ Россію, были разрушены, а остальная четвертая часть была приведена въ жалкій безпорядокъ еще до выпаденія снѣга, которому онъ потомъ заблагоразсудилъ приписать неудачу свою.....

«Конечно, когда наступила чрезвычайная стужа, тогда нужды и потери Французской арміи еще умно-

«жились; но зима была *только союзницею* Русскихъ, « а не, какъ тогда думали, *единственною ихъ защитницею*: отступленіе Наполеоновой арміи совершилось подъ остріями казачьихъ пикъ прежде, нежели морозы съвера понудили ее къ отступленію.»

Изъ всѣхъ этихъ выписокъ можно заключить слѣдующее :

Непріятельская армія, выступивъ изъ Москвы 7 октября с. ст. шла *хорошею погодою*, по словамъ Г. Шамбрё и Г. Жомини, до 28 октября, то есть, двадцать одинъ сутки, а по словамъ Гургё до 25 октября, то есть, восемнадцать сутокъ. Но отъ этого числа армія въ теченіе трехъ сутокъ, по словамъ Шамбрё, Жомини и самого Наполеона, или въ теченіе пяти сутокъ по словамъ Гургё, *претерпѣла стужу*, которая, по термометрическому наблюденію Шамбрё, простиралась отъ 12 до 17 градусовъ, а по словамъ Жомини отъ 3 до 8 градусовъ. Далѣе, всѣ писатели соглашались уже въ томъ, что во время переходовъ Французской арміи отъ Смоленска до Орши стужа весьма уменьшилась, и если позволено мнѣ прибѣгнуть къ моей собственной памяти, то смѣло могу увѣрить, что тогда морозы простирались отъ 2° до 4 градусовъ *. Наконецъ Шамбрё, Гургё и Жомини соглашаются въ томъ, что отъ Орши до Березины продолжалась оттепель. Послѣдній упоминаетъ даже объ опасности,

* Это обстоятельство, которое теперь сдѣлалось важнымъ для Исторіи и для славы Русскаго оружія, можетъ быть рѣшено самымъ положительнымъ образомъ. Всѣ гимназій дѣлаютъ постоянно метеорологическія наблюденія трижды въ сутки, поутру, въ полдень и ввечеру, и вносятъ ихъ въ книгу; въ концѣ каждаго года, списки съ этихъ книгъ представляются университетамъ. Нѣтъ ничего легче, какъ сдѣлать выправку въ метеорологическихъ книгахъ гимназій Смоленской, Могилевской, Витебской и Минской, и узнать съ достоверностію, сколько градусовъ тепла или холода было въ тѣхъ мѣстахъ каждый день съ 1 октября по 1 декабря 1812 года. Мы приглашаемъ господъ директо-

представившейся при переправѣ черезъ Днѣпръ подъ Оршею 8 ноября, а мы помнимъ, что, при переходѣ черезъ эту рѣку корпуса Нея при Гусиновѣ, большая часть его тяжестей и нѣкоторая часть войска этого отряда обрушились подъ ледъ и погибли.

И такъ, во все время шествія Французской арміи отъ Москвы до Березины, то есть, въ теченіе двадцати шести дней, стужа, *хотя и не чрезвычайная* (отъ 12 до 17 градусовъ), продолжалась не болѣе трехъ сутокъ по словамъ Шамбрѣ, Жомини и Наполеона, или пяти сутокъ по словамъ Гурго.

Между-тѣмъ Французская армія, при выступленіи своемъ изъ Москвы состояла, по списку Французскаго главнаго штаба, отбитому нами во время преслѣдованія, изъ 110,000 человекъ свѣжаго войска, а по словамъ всѣхъ историковъ кампаніи, представляла только 45,000 по прибытіи своемъ къ берегамъ Березины. Какъ же подумать, чтобы ста-десяти-тысячная армія могла лишиться шестидесяти пяти тысячъ человекъ единственно отъ трехъ или пяти-суточныхъ морозовъ, тогда, какъ гораздо сильнѣйшіе морозы въ 1795 году въ Голландіи, въ 1807 во время Эйлауской кампаніи, продолжавшейся около двухъ мѣсяцевъ сряду, и въ 1808 въ Испаніи среди Кастильскихъ горъ въ теченіе всей зимней кампаніи, скользили, такъ сказать, по поверхности Французской арміи, не проникая въ средину ея, и отстали отъ ней, не разрушивъ ни ея единства, ни устройства?

ровъ и членовъ этихъ заведеній и любителей отечественной исторіи сдѣлать выписки изъ метеорологическихъ книгъ за 1812 годъ и доставить ихъ намъ: мы охотно беремся напечатать ихъ въ нашемъ журналѣ. Русскіе, находящіеся въ Вильнѣ, могли бѣ отыскать въ архивѣ бывшаго Виленскаго университета списки термометрическихъ наблюдений, представленные ему со всѣхъ точекъ края, которымъ отступала непріятельская армія. *Б. для Ч.*

Все это приводит насъ къ тому увѣренію, что не стужа, а другое обстоятельство причиною разрушенія гигантскаго ополченія.

Читая представленныя мною выписки, можно ясно видѣть согласіе всѣхъ историковъ кампаніи на счетъ причинъ событія. Они полагаютъ, что эти причины состоятъ, во-первыхъ, въ голодъ, претерпѣнномъ Французскою арміею; во-вторыхъ, въ непрерывныхъ усиленныхъ переходахъ, и, въ-третьихъ, въ кочевьѣ подъ открытымъ небомъ.

Соглашаясь отчасти съ ними, я предлагаю вопросъ: что обыкновенно производитъ голодъ въ арміяхъ? Дѣйствованіе или шествіе армій по бесплодному или опустошенному краю, безъ обозовъ, наполненныхъ съѣстными припасами, или, какъ технически ихъ называютъ, безъ подвижныхъ магазиновъ.

Казалось, что это двойное несчастіе не должно было угрожать Французской арміи, потому что, при выступленіи ея изъ Москвы, она, по словамъ самого Наполеона, несла на себѣ и везла съ собою на двадцать дней провіанта *. Сверхъ-того, какъ всѣмъ извѣстно, она имѣла намѣреніе и направляла всѣ усилія, чтобы, прибывъ прежде насъ черезъ Малоярославецъ въ Калугу, идти оттуда на Юхновъ и Рославль къ Днѣпру, по краю невредимому и изобилующему съѣстными припасами, и быть преслѣдуемой нашею арміею стылу, а не сбоку, какъ это случилось.

Такимъ образомъ Французская армія никогда бѣ не имѣла недостатка въ пищѣ; переходы ея могли бѣ быть производимы безъ поспѣшности, потому что никто не угрожалъ бы пресѣченіемъ пути ея отступле-

* Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Napoléon, publiés par Montholon, tome II, page 113.

нія, и производимы подъ прикрытіемъ сильнаго арріергарда, котораго войска смѣнялись бы черезъ каждые нѣсколько дней свѣжими отрядами; она была бы въ возможности безпрепятственно располагать на квартиры, если не весь свои корпусъ, по-крайней-мѣрѣ большую часть ихъ, и это доставило бы покой ея войскамъ на ночлегахъ и укрыло бы ихъ отъ стужи. Малога не доставало, чтобы не удалось это предпріятіе. Уже снабженная, какъ я выше сказалъ, на двадцать дней провіантомъ, обогнувъ потаенно оконечность лѣваго фланга нашей арміи, занимавшей Тарутинскую позицію, Французская армія почти касалась до той точки, отъ которой можно было ей отступать въ довольствіи всего и пикѣмъ не тревожимой. Вдругъ, партизанъ Сеславинъ выхватываетъ солдата изъ колоннъ главной Французской арміи, даетъ о томъ знать Ермолову, находившемуся съ корпусомъ Доктурова въ Аристовъ; тотъ немедленно извѣщаетъ Кутузова, и самъ спѣшитъ занять Малоярославецъ до его прибытія; Кутузовъ съ своей арміею летитъ отъ Тарутина туда же, и заслоняетъ Наполеону Калужскій путь, отбиваетъ его отъ избытка края, по которому онъ намѣревался слѣдовать, и принуждаетъ его предпринять отступление по пути опустошенному. Еще при Французской арміи находилось на двадцать дней пищи, но и это вспомогательное средство вскорѣ исчезаетъ. Кутузовъ бросаетъ вслѣдъ за нею всю свою легкую конницу, и въ трое сутокъ не остается у непріятеля ни одной подводы съ провіантомъ. Наконецъ представляется послѣдній способъ къ прокормленію этой арміи: въ нѣкоторомъ разстояніи отъ опустошеннаго пути, по которому прошла она лѣтомъ, находились еще деревни, не совершенно ограбленныя; онѣ могли бы снабдить ее хоть малымъ количествомъ пищи. Но и на фуражированіе въ этихъ деревняхъ нельзя было ей рѣшиться съ тѣхъ поръ, какъ многочи-

сленная легкая конница паша окружила ее своими толпами, истребляя все, что осмѣливалось отдѣляться на одинъ шагъ отъ большой дороги. И вотъ Французская армія идетъ по опустошенному пути, безъ обозовъ наполненныхъ пищею, и не смѣетъ посылать фуражировъ въ придорожныя дсревни. Что жъ этому причиною? Точка, избранная для лагеря при Тарутинѣ; заслоненіе Калужской дороги при Малоярославцѣ; отстраненіе непріятельской арміи отъ края, изобилующаго съѣстными припасами; принужденіе его итти по Смоленскому разоренному пути; взятіе легкою конницею нашею непріятельскихъ обозовъ съ пищею; окруженіе ею Французскихъ колоннъ отъ Малоярославца до Нѣмана, не позволявшее ни одному солдату отлучаться отъ большой дороги для отысканія себѣ пищи и пріюта.

Въ такомъ положеніи Наполеону необходимо было спѣшить къ магазинамъ своимъ въ Литвѣ: но какъ спѣшить съ войскомъ, у котораго нсчѣмъ подкрѣпить себя послѣ cadaго перехода, и которое слѣдственно становится съ каждымъ днемъ неспособнѣе къ физическимъ усиліямъ? Какъ было, между-тѣмъ, и медлить для отдохновенія, или употреблять короткіе преходы? Отдохновенія, какъ бы ни продолжительны, переходы какъ бы коротки ни были, а все не въ состояніи, безъ пищи, подкрѣплять сами собою челоуѣка голоднаго! Ктому жъ, вотъ гдѣ оказывается превосходство фланговаго марша Кутузова: чѣмъ продолжительнѣе были бы Наполеоновы привалы и стоянки, чѣмъ переходы были бы короче, словомъ, чѣмъ медленнѣе происходило бы движеніе его до Литвы, тѣмъ Кутузовъ, слѣдуя съ своей арміею параллельно Французской арміи по краю изобильному и никѣмъ еще не прикосновенному, по которому въ началѣ намѣревался слѣдовать Наполеонъ, болѣе и болѣе опережалъ бы его, болѣе и бо-

лѣе угрожалъ бы заслоненіемъ единственнаго пути отступленія, — Смоленской дороги. И такъ безпрерывные переходы, которые, по словамъ иностранныхъ писателей, были, не менѣе голода, причиною гибели Французовъ, произошли отъ той же причины, отъ которой и голодъ, съ прибавленіемъ къ ней еще фланговаго марша Кутузова, грозившаго заслонить имъ путь отступленія. Что касается до кочевій подъ открытымъ небомъ, то и они — слѣдствіе общей причины, произведшей и голодъ и безпрерывные переходы: путь, по которому противъ воли своей долженствовала слѣдовать Французская армія, разоренный отчасти Русскими войсками во время нашего отступленія лѣтомъ и окончательно опустошенный непріятелемъ, насъ преслѣдовавшимъ, не представлялъ ни избы ни сарая для пріюта; а безпрерывный надзоръ и наѣзды легкой конницы нашей и поспѣшность, необходимая для достиженія края, болѣе изобилующаго съѣстными припасами, не позволяли Французамъ ни отдѣлять малыя части войскъ за черту большой дороги для отысканія себѣ пріюта, ни отстранять большой громады войскъ отъ прямого пути, чтобъ не увеличить окружными путями разстоянія, отдѣляющаго армію отъ избранной ею меты.

Словомъ, подведя къ одному знаменателю всѣ три причины гибели Французской арміи, мы видимъ, что гибелью проистекла, какъ я выше сказалъ, изъ отстраненія непріятельскихъ силъ Кутузовымъ отъ изобильнаго края, по которому хотѣли онѣ слѣдовать; отъ обращенія ихъ на путь опустошенный; отъ успѣшнаго дѣйствія легкой нашей конницы, отнявшей у ней обозы съ пищею и не позволявшей ни одному солдату уклоняться съ большой дороги для отысканія пищи и убѣжища; наконецъ отъ фланговаго марша нашей арміи, который угрожалъ Наполеону пресѣченіемъ единственнаго пути отступленія.

Но неужели можно ограничить гибель Французской арміи этими причинами? Если бы было такъ, ни одно ружье, ни одна пушка въ Русской арміи не закоптилась бы порохомъ; ни одинъ штыкъ, ни одна сабля, ни одна пика, не облились бы кровію непріятельской, — а мы помнимъ кровопролитныя битвы подъ Тарутиннымъ 6 октября, подъ Малоярославцемъ 12 октября, подъ Вязмою 25 октября, и подъ Краснымъ 5 и 6 ноября, не говоря уже о каждодневныхъ сшибкахъ непріятеля съ отдѣльными отрядами и даже съ корпусами нашими.

Соединивъ три приведенныя причины со всеми этими битвами, мы можемъ подвести приблизительный итогъ урона Французской арміи, согласить наши исчисленія съ показаніями историковъ кампаніи и насчетъ количества непріятельскихъ силъ, погибшихъ во время отступленія отъ Москвы до Березины, и насчетъ того числа, которое прибыло къ берегамъ этой рѣки, и тѣмъ заключить разсужденіе.

Вальтеръ-Скоттъ полагаетъ, что уронъ Французской арміи въ сраженіяхъ при Малоярославцѣ и при Вязмѣ простирался до 25,000 человекъ: это чрезмѣрно! Я считаю, что это число тогда только будетъ вѣрно, когда мы къ двумъ сраженіямъ, при Вязмѣ и Малоярославцѣ, присоединимъ сраженіе при Тарутинѣ, сшибку Платова при Колоцкомъ Монастырѣ и другія частныя битвы, случившіяся до Смоленска.

Потомъ, по спискамъ плѣнныхъ, которые взяты были подъ Краснымъ, — спискамъ, составленнымъ при отправленіи плѣнныхъ въ нѣдра Россіи, — мы видимъ, что число ихъ состояло въ 21,170 нижнихъ чинахъ и 300 офицерахъ.

Наконецъ, полагая слишкомъ 18,000 человекъ, —

что весьма умѣренно, — взятыхъ и убитыхъ легкою конницею, взятыхъ и убитыхъ крестьянами, замерзшихъ и погибшихъ на поляхъ сраженій отъ Смоленска до Березины, мы удостовѣримся, что Французская главная армія дѣйствительно подошла къ Березинѣ въ числѣ 45,000 человекъ, и что изъ 110,000 выступившихъ изъ Москвы, пропало 65,000 человекъ, но не отъ одной стужи, какъ стараются въ томъ увѣрить насъ неловкіе приверженцы Наполеона или вѣчные хулители славы Россійскаго оружія, а посредствомъ, — что кажется я достаточно доказалъ, — глубокихъ соображеній Кутузова, мужества и трудовъ линейныхъ войскъ нашихъ, неусыпности и отваги легкой нашей конницы. Вотъ истинная причина гибели непріятельской арміи! Ничто другое. Все прочее есть выдумка, соображенная не безъ искусства, потому что ея изобрѣтатели знали что дѣлають, смѣшивая двѣ эпохи отступленія, столь рѣзко различествующія между собою. И подлинно, общее выраженіе — «Армія Наполеоновская погибла отъ стужи и мороза», это выраженіе, сливающее въ одно и эпоху ея отступленія отъ Москвы до Березины, и эпоху отступленія отъ Березины до Нѣмана, самымъ смѣшеніемъ двухъ эпохъ сокрываетъ истину, облекая ее неоспоримымъ фактомъ, — *стужею и морозомъ*, въ нѣкоторомъ отношеніи не чуждымъ даже истребленію Французской арміи. Вниманіе слушателей и читателей, легко привлекаясь къ этому факту, ощутительнѣйшему и слѣдовательно болѣе постигаемому общимъ понятіемъ, чѣмъ фактъ отвлеченный, состоящій въ соображеніяхъ и въ разборѣ движеній военныхъ, прилѣпляется къ нему всей силою убѣдительности, не требующей размышленія. Но чтобы извлечь истину изъ этого сложнаго состава, слѣдуетъ только, отдѣливъ одну эпоху отъ другой, прибѣгнуть

къ вопросу о времени настиженія губительнаго феномена природы, — наступило ли оно въ первую или во вторую эпоху отступленія непріятели, или свирѣпствовало оно въ обѣ эпохи?

Доказано уже, что въ теченіе двадцати шести дней, составляющихъ первую эпоху, морозъ отъ 12° до 17 градусовъ, продолжался не болѣе *трехъ* или *пяти* сутокъ, а во второй, морозъ достигъ отъ 20° до 25 градусовъ и продолжался двадцать два дня почти безпрерывно.

Такъ, въ первой эпохѣ, вліяніе холода было весьма слабо на непріятельскую армію, — во второй, истинно для нея губительно.

Но дѣло въ томъ, что уже въ концѣ первой эпохи, то есть, уже у береговъ Березины, арміи не существовало: я говорю объ арміи въ смыслѣ военномъ, объ арміи вооруженной, устроенной, твердой чино-послушаніемъ, и слѣдственно способной къ стройнымъ движеніямъ и битвамъ. Единая часть ея, еще находившаяся въ этомъ положеніи, состояла изъ корпусовъ маршаловъ Удинѣ и Виктора, пришедшихъ отъ Полоцка, совершившихъ свой переходъ въ одно время съ главною арміею, которая бѣжала отъ Москвы къ Березинѣ, подобно ей перенесшихъ трехъ или пяти-суточный морозъ и ни мало не потерявшей отъ этого ни своего устройства ни числительной силы, — потому что причины, разрушившія и устройство и числительную силу главной арміи, не существовали при отступленіи корпусовъ Удинѣ и Виктора. Когда подошла вторая эпоха, то есть, когда всѣ эти войска перешли за Березину и настигла смертоносная стужа, тогда какъ я сказалъ, арміи, въ смыслѣ военномъ, уже не существовало, и ужасное явленіе природы губило уже не армію, способную мане-

врировать и сражаться, а одну сволочь, толпы людей, скитавшихся безъ начальства, безъ послушанія, безъ устройства, даже безъ оружія, — или, губило армію приведенную въ такое положеніе не стужей и морозами, а причинами, которыя здѣсь представлены.

И на все сказанное мною не опасаясь возраженій, — вызываю ихъ; бросаю перчатку: подымай, кто хочетъ!

ДЕНИСЪ ДАВЫДОВЪ.

=

ГАЛЛЕЕВА КОМЕТА.

СТАТЬЯ Г. АРАГО.

Опредѣливъ посредствомъ многотрудныхъ вычисленій тѣ замѣшательства, которымъ Галлеева комета должна была подвергнуться въ пути своемъ отъ совокупныхъ притяженій Юпитера, Сатурна, Урана и Земли, Гг. Дамуазо и Потекуланъ полагали одинъ 4, другой 7 число ноября днемъ прохожденія ея чрезъ перигелій, то есть, чрезъ точку ближайшаго разстоянія отъ Солнца. Послѣ этихъ первыхъ изслѣдованій, астрономы открыли, что толща Юпитера, которая полагалась равною 1070-й доль толщи Солнца, составляетъ только 105¹/₄-ю часть ея. Допустивъ эту толщу и принявъ еще полнѣе въ расчетъ дѣйствіе нашей планеты, Г. Понтекуланъ рѣшительно отнесъ прохожденіе черезъ перигелій къ 13 ноября нынѣшняго года.

Въ моментъ этого прохожденія, разстояніе кометы отъ Солнца будетъ не болѣе трехъ пятыхъ разстоянія Солнца отъ Земли. Но черезъ тридцать девять лѣтъ, когда комета достигнетъ другой оконечности большой оси своей орбиты, разстояніе ея отъ Солнца будетъ неизмѣримо. Вычисленіе дастъ его въ тридцать пять кратъ болѣе радіуса земной орбиты, то есть, въ тридцать же пять кратъ болѣе разстоянія Солнца отъ Земли.

Результатъ выкладки прохожденія кометы черезъ перигелій въ 1835 году, по сравненіи его съ выводомъ наблюденія, покажетъ, затрудняется ли она въ пути своемъ сопротивленіемъ эира подобно небольшой и малоперіодной кометѣ Энке; а это сравненіе доставитъ нѣкоторыя свѣдѣнія о физическомъ составѣ ожидаемой кометы, потому что данное упорное посредство производитъ болѣе или менѣе дѣйствія, смотря по объему и плотности движущагося въ немъ тѣла.

Не подвиженъ ли самый эиръ, или онъ обращается вокругъ Солнца отъ запада къ востоку, подобно планетамъ? Въ последнемъ случаѣ дѣйствіе его на малоперіодную ко-

мету, которая сама движется отъ запада къ востоку, будетъ различно съ тѣмъ, какое производитъ онъ на Галлееву, идущую напротивъ отъ востока къ западу. Наука бесчисленныхъ движеній и Космогонія объ нетерпѣливо ожидаютъ рѣшенія этого вопроса.

Еще не знаютъ навѣрное, самосвѣтны ли кометы, или заимствуютъ онѣ блескъ свой отъ Солнца. Изслѣдованіе ихъ видоизмѣненій казалось единственнымъ средствомъ къ устраненію этого сомнѣнія; но оно доселѣ оставалось безуспѣшно. Сравнительныя измѣренія силы свѣта, — измѣренія фотометрическія могутъ вести къ цѣли путемъ столь же несомнѣннымъ. Этотъ родъ наблюденій конечно обратить на себя вниманіе астрономовъ при наступающемъ появленіи Галлеевой кометы. Впрочемъ, второе изданіе «Ежегодника» за 1852 годъ покажетъ и простымъ любителямъ науки, что они также могутъ съ пользою заняться этимъ любопытнымъ изслѣдованіемъ при пособіи даже весьма слабыхъ инструментовъ.

Въ 1505 году Галлеева комета была чрезвычайно блестяща; въ 1456 году она тащила за собою хвостъ, обнимавшій двѣ трети пространства между горизонтомъ и зенитомъ; въ 1682 году она хотя и ослабла сравнительно съ двумя прежними явленіями, однако жъ все считалась блестящею и хвостъ ея былъ въ 50 градусовъ; въ 1759 году она вѣрно заняла бы однихъ астрономовъ, если бъ не была первою задолго предсказанной кометою. Изъ этихъ фактовъ повидимому слѣдовало, что кометы постепенно ослабѣваютъ, и можно было искать тому физической причины въ веществѣ, которое отдѣляется отъ нихъ близъ перигеліи для составленія хвоста, и которое долженствовало бъ кажется разлетаться въ воздухѣ; однако жъ Г. Ольберсъ, одинъ изъ самыхъ управомоченныхъ судей въ такомъ предметѣ, не считаетъ постепеннаго ослабѣванія планетъ доказаннымъ; онъ думаетъ, что убыль, замѣченная въ Галлеевой съ 1505 по 1456 по 1682 и съ 1682 по 1759, была только кажущаяся, что ее можно объяснить совсѣмъ особенными относительными положеніями, въ которыхъ находились Солнце, комета и Земля, и наконецъ въ подтвержденіе словъ своихъ приводитъ появленіе 1607 года, въ которое по причинѣ схода положеній съ бывшими въ 1759 году, блескъ кометы,

по свидѣтельству Кеплера, не представлялъ ничего замѣчательнаго. При такомъ положеніи вопроса каждый легко постигнетъ, какъ должны быть любопытны обстоятельства, которыми будетъ сопровождаться появленіе, ожидаемое нами въ будущемъ ноябрѣ.

Комета будетъ находиться

20	августа	новаго	стиля....	близъ Тельца.
28	—	—		между Близнецовъ и Возничаго.
21	сентября..	—		въ Возничемъ.
3	октября.....	—		въ Рыси.
6	—	—		въ Большой Медвѣдицѣ.
11	—	—		тоже.
12	—	—		въ Боотесѣ.
13	—	—		въ Коронѣ.
15	—	—		между Геркулесомъ и Змѣеносцемъ.
19	—	—		въ Змѣеносцѣ.
31	—	—		тоже.
16	ноября.....	—		близъ у Змѣеносца.
26	декабря.....	—		Въ Скорпіонѣ близъ Антареса.

Трудно сказать, въ какой именно день комета сдѣлается видимою. Состояніе неба, сила инструментовъ, качество зрѣнія каждаго наблюдателя, все это, вмѣстѣ съ физическими причинами, то есть, съ измѣненіями степени ся блеска, за-прещаетъ даже и думать о рѣшеніи этого вопроса. Г. Ольберсъ полагаетъ, что даже въ сильнѣйшей степени своего блеска ожидаемая комета не только не превзойдетъ той, которая была въ 1811 году, но не сравнится даже и съ третьей кометою 1825 года, на которую публика не обращала ни какого вниманія.

Въ срединѣ октября, по новому стилю, комета Галлея подойдетъ на ближайшее разстояніе къ земному шару. Прибавимъ, что никогда разстояніе ея не будетъ меньше восьми милліоновъ миль, по 25 въ градусѣ. Поэтому даже и тѣмъ, которыхъ не успокоили многочисленныя разсужденія, недавно изданныя въ защиту кометъ, въ настоящемъ случаѣ бояться нечего.

Annuaire du Bureau des longitudes, 1835.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

СВЕКЛО-САХАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

И НОВЫЯ МЕТОДЫ ПРОИЗВОДСТВА.

Теперь, когда успѣхъ свекло-сахарнаго производства во Франціи невольно заставляетъ усмѣхнуться такимъ мнѣніямъ, каково напримѣръ знаменитаго Ся, который, лѣтъ девять тому назадъ, утверждалъ въ своей Политической Экономіи, что «это — сумасшествіе, хотѣть принудить умеренные климаты къ тому, чтобъ они доставляли, съ трудомъ и низкой доброты, вещества сахарныя и красильныя, которыя жаркій поясъ производитъ въ изобиліи»; когда всѣ возраженія Аниссона * въ защиту сахарныхъ колоній не могли остановить распространенія свекло-сахарныхъ заводовъ, и когда благонамѣренныя предположенія Домбала такъ блистательно приводятся въ исполненіе его послѣдователями, — неужели у насъ промышленность эта навсегда останется, въ общемъ мнѣніи, на такой ничтожной степени, какую нынче она въ немъ занимаетъ? Пусть первые неудачные порывы, пусть противорѣчія заводчиковъ, упадокъ многихъ заведеній, — пусть все это могло дать невыгодное понятіе объ этой промышленности; но теперь, когда мануфактурная дѣятельность болѣе и болѣе разливается въ наше отечествѣ, когда люди образованные и даже знатные, собственными трудами открываютъ новые источники блага народнаго, и когда дво-

* Examen de l'enquête commerciale sur les sucres en 1829.

ряиство, обративъ особенное вниманіе на свекло-сахарную отрасль, усиленными трудами дало ей быть народный, теперь, говорю я, было бы непрослительно не представить уваженію нашихъ соотечественниковъ тѣхъ выгодъ, какія приносить подобный заводъ, и тѣмъ не возбудить желанія — общими трудами споспѣшествовать къ распространенію производства, столь благодѣтельнаго для Россіи.

Какъ заводчикъ, которому даютъ нѣсколько права и многолѣтнія занятія по этой части, и собственными, тяжелыми трудами пріобрѣтенныя по ней познанія, и свѣдѣнія собранія при личномъ обзорѣ лучшихъ нашихъ заводовъ, я предпринимаю познакомить читателей Б. для Ч. съ ходомъ и теперешнимъ состояніемъ у насъ свекло-сахарнаго дѣла.

Вотъ уже почти девяносто лѣтъ, какъ Марграфъ, Прусской химикъ, открылъ, что въ свекловицѣ есть кристаллизованный сахаръ, и вотъ уже почти пятьдесятъ лѣтъ, какъ другой химикъ, Ахардъ, показалъ опытами, что это открытіе можетъ составить важную промышленность. Отчеты его быстро распространились по всей Европѣ, и Франція болѣе всѣхъ схватила за нихъ: здѣсь-то эта промышленность возрастала, упадала, снова возрастала, и, можетъ-быть, навсегда упала бы, если бъ не континентальная система: воля Наполеона дала ей жизнь, и теперь тамъ до трехъ сотъ заводовъ; да не только во Франціи, — въ Богеміи считаютъ около двадцати такихъ заводовъ, а въ Галиціи встрѣчаются они на каждомъ участкѣ земли.

Хотя у насъ, въ эти послѣдніе годы, всѣ усовершенствованія свекло-сахарнаго производства заимствованы отъ Французовъ, однако жъ первый заводъ, устроенный Г. Бланкенпагелемъ въ 1800 году, показавъ въ Россіи тогда, какъ во Франціи еще и не думали о такихъ заведеніяхъ. Предпріятіе Г. Бланкенпагеля, какъ начало, было очень трудно, и нѣтъ сомнѣнія, что заводъ его не могъ бы поддержать себя, если бъ не помогло правительство, отпустивъ 50,000 рублей, и если бъ тогдашнія политическія обстоятельства не возвысили сахару на такую безмѣрную цѣну.

Ни одна промышленность не начиналась у насъ съ такимъ дурнымъ предзнаменованіемъ, какъ свекло-сахарная, и ни одна не колебалась такъ долго въ своемъ предопредѣленіи, — быть

или не быть ей? Мы теперь съ трудомъ вѣримъ, куда можно было, на этихъ заводахъ, употребить столько капиталовъ, и притомъ безъ всякой пользы. Но теперь, кажется, дѣло кончено: благодаря безкорыстности и трудамъ нашихъ соотечественниковъ, предубѣжденія противъ этой промышленности болѣе и болѣе разсѣваются. Мы съ признательностью упоминаемъ имена Блакеншгагеля, какъ перваго ея основателя, И. А. Мальцова, какъ ревностнаго распространителя, графа А. А. Бобринскаго, какъ того, чьимъ трудамъ и вниманію она обязана тѣмъ улучшеннымъ состояніемъ, въ какомъ теперь находится.

Въ чемъ состоятъ выгоды свекло-сахарной промышленности? Разсматривая ее только какъ вещественное богатство, онѣ представляются въ трехъ видахъ: выгоды частныя, выгоды земледѣльческаго класса народа, и выгоды государственныхъ доходовъ.

Выгоды частныя. Какъ велика прибыль заводчика? Прежде опредѣлимъ вопросъ, во всей ли Россіи одинаковы выгоды доставляетъ эта промышленность. Легко отвѣчать, что — нѣтъ: климатъ, почва, народонаселеніе, цѣнность матеріаловъ, весьма ихъ разнообразятъ. Кромѣ того, унадокмъ многихъ свекло-сахарныхъ заведеній, мы теперь убѣждены, что къ сѣверу отъ Москвы они существовать не могутъ по недостатку удобренія земли; сомнѣваюсь также, чтобы и къ югу отъ Харькова, въ этихъ необозримыхъ степяхъ, могли они существовать, предполагая, что ранніе южные вѣтры вредятъ постоянному урожаю свекловицы. Къ востоку за Волгой нѣтъ заводовъ, а къ западу крайніе въ Смоленской и Полтавской губерніяхъ, такъ, что Днѣпръ можно принять границею, далѣе которой не знаемъ, есть ли они. Я не отвергаю, чтобы за Днѣпромъ, въ западныхъ губерніяхъ, не могли быть заводы, особенно, зная, что до 1850 года въ Подольской губерніи былъ огромный заводъ Сабанскихъ; но не хочу увлекаться предположеніями, и беру только то пространство, на которомъ издавна существуютъ заводы, именно, между 50° и 55° сѣверной широты и 65° и 48° долготы, что составляетъ около 800,000 квадратныхъ верстъ. И на этомъ пространствѣ выгоды заводчиковъ разнообразны; для соображенія возьмемъ отчеты, представленные изъ раз-

*

ныхъ мѣстъ: отчеты Г. Мальцова, котораго заводы — крайніе на западъ; отчетъ барона Котца изъ Пензенской губерніи; къ югу, отчетъ завода устроеннаго въ Сумскомъ уѣздѣ.

Въ «Земледѣльческомъ Журналѣ» помѣщенъ отчетъ Г. Мальцова по свеклосахарному заводу, находящемуся въ Жиздренскомъ уѣздѣ. Въ этомъ отчетѣ доходъ представленъ отъ переработки песку въ сахаръ, что безъ-сомнѣнія уменьшило выгоды, получаемыя отъ продажи прямо пескомъ; однако жъ по вычисленіи выходитъ, что берковецъ корней очищенныхъ даетъ чистаго доходу 5 рубля 90 копѣекъ. Весьма легко опредѣлить доходъ, доставляемый десятиною земли. Заводъ Г. Мальцова не имѣетъ собственныхъ свекловичныхъ плантацій, а покупаетъ матеріалъ отъ крестьянъ, которые сѣютъ свекловицу на своихъ конопляникахъ. По мнѣнію Г. Мальцова, каждая десятина сороковая можетъ дать до 500 четвертей. Слѣдовательно казенная (2400 кв. сажень) даетъ 225: приведя въ берковцы, выходитъ, что казенная десятина дастъ 185 берковцовъ свекловицы. А какъ берковецъ корней даетъ чистаго дохода 5 р. 90 к., то десятина приносить дохода 721 рубль 50 копѣекъ*.

Другой отчетъ, по заводу, устроенному въ 1828 году въ Реславскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи, Г. Мальцовымъ, для полученія одного песку, находится въ томъ же повременномъ изданіи. Изъ этого отчета видимъ, что берковецъ корней даетъ чистаго доходу 4 рубля: слѣдовательно десятина принесетъ чистаго дохода 740 рублей.

Далѣе «Земледѣльскій Журналъ» сообщаетъ отчетъ барона Котца, котораго заводъ въ Пензенской губерніи, въ Красно-слободскомъ уѣздѣ. Здѣсь къ расходу ежегодной суммы присоединена цѣнность такихъ вещей, которыя должны бы войти въ счетъ вкладочной суммы, напримѣръ желѣзные листы, бондарская работа; но я принимаю его такъ, какъ онъ написанъ, присоединяя только 420 рублей процента на ка-

* У нашихъ заводчиковъ на сахарныхъ заводахъ нѣтъ еще определенной мѣры: нѣкоторые подъ названіемъ четверти разумѣютъ 8 четвериковъ, не опредѣляя вѣсомъ; другіе четвертью называютъ вѣсъ 9 пудовъ, а нѣкоторые 10 пудовъ. Для ясности обозрѣнія, я все отчеты привожу здѣсь въ одну мѣру: то есть, 10 пудовъ очищенныхъ корней принимаю за единицу мѣры и называю берковцемъ.

ниталь (7000 руб.), положенный на устройство завода. Каждый берковецъ корней даетъ чистаго дохода 5 р. 70 к.; а какъ по этому отчету видимъ, что на удобренной десятинѣ, при лучшей обработкѣ, получается 200 берковцевъ корней, то эта десятина при свеклосахарномъ заводѣ даетъ 740 рублей дохода.

На заводъ устроенномъ въ Сумскомъ уѣздѣ, находящемся подъ моимъ управленіемъ, берковецъ корней даетъ чистаго дохода 5 рублей. Въ удостовѣреніе этого — «я могъ бы оперегься на засвидѣтельствованіе нѣсколькихъ лицъ, посѣщавшихъ мое заведеніе»: этихъ пустыхъ словъ я здѣсь не скажу, а представляю, въ концѣ статьи, подробный отчетъ завода, что для всякаго опытнаго заводчика будетъ лучшимъ средствомъ убѣжденія. Тутъ средній урожай съ десятины отличнo удобренной болѣе не приписитъ какъ 150 берковцевъ: следовательно десятина даетъ чистаго дохода 750 рублей. Хотя всѣ эти отчеты показываютъ разнообразныя выгоды заводовъ, устроенныхъ въ трехъ противоположныхъ мѣстахъ Россіи, однако, судя по цѣнности матеріаловъ и работы, легко видѣть, что со-временемъ, при распространеніи улучшеннаго способа производства, выгоды будутъ почти одинаковы на всемъ пространствѣ, ограниченномъ тремя заводами, и если Малороссія будетъ имѣть какое преимущество передъ Россійскими губерніями, такъ это въ одномъ — въ неисчерпаемомъ количествѣ навоза, столь необходимаго для удобренія свекловичныхъ плантацій.

Всѣ изобрѣтенія человека идутъ непрерывно къ совершенству, и нѣтъ сомнѣнія, что и свекло-сахарное производство, какъ дѣло почти новое, должно со-временемъ много улучшиться, тѣмъ болѣе, что мы и теперь видимъ въ немъ недостатки, — весьма важные, происходящіе отъ прессовъ, отъ сгущенія сироповъ голымъ огнемъ, даже отъ дурнаго способа обработыванія земли. Но этихъ недостатковъ заводчикъ не въ силахъ отмѣнить до тѣхъ поръ, пока искусства механическаго не будутъ у насъ на лучшей степени, и пока ремесла и художества не распространятся болѣе между народомъ.

Такъ, изъ представленныхъ здѣсь отчетовъ видимъ, что выгоды, доставляемыя заводчику этою промышленностью,

простираются отъ 140% до 307%; среднее число будетъ 225%. Если положимъ, что заводчикъ въ теченіе десяти лѣтъ два года испытаетъ неурожай свекловицы и не получитъ ни какого дохода, то и тогда, въ десять лѣтъ, на каждый годъ получить онъ 170 за 100.

Судя по этому, надобно согласиться, что изъ всѣхъ заведеній ни одно теперь не можетъ доставить такихъ выгодъ, какъ свеклосахарное, и здѣсь же прибавимъ, что ни одно заведеніе не можетъ быть такъ убыточно, если заводчикъ, не приобретаючи опытности долговременной практикою, предприметь устроить его и управлять имъ по однимъ теоретическимъ даннымъ.

Выгоды земледѣльческаго класса народа. Нѣтъ сомнѣнія, что земледѣліе должно составлять лучшую промышленность нашего народа: все этому благопріятствуетъ,—климатъ; огромное пространство Россіи, степень образованія нашего народа, убѣжденіе, что земледѣлецъ наиболѣе сохраняетъ простоту нравовъ, любовь къ семейной жизни, это основное чувство любви къ отечеству. Но чтобъ понять весь бытъ нашего народа, — его потребности, его способъ пропитанія, его образъ жизни, для этого надобно совершенно ознакомиться съ сельскою жизнію; надобно смотрѣть на крестьянина, какъ на человека, хотя и отдаленнаго отъ насъ степенью образованія, но близкаго нашему сердцу. Кто понимаетъ, какъ твердо соединено благо отечества съ благосостояніемъ этого класса; кто знаетъ, какой помощи требуетъ нашъ крестьянинъ, кто находитъ удовольствіе въ добромъ дѣлѣ, — тотъ, вѣрно, при доставленной ему возможности, воспользуется случаемъ споспѣшествовать благотѣльной цѣли правительства, такъ постоянно некуцагося объ улучшеніи состоянія земледѣльческаго класса. Я не хочу даже предполагать, чтобъ были такіе, которые бы не пользовались подобными случаями, но, конечно, не оскорблю ни кого, допустивъ, что немногіе умѣютъ создавать сами себѣ случаи этого рода. Одна изъ главныхъ причинъ бѣдности нашихъ поселянъ — недостатокъ работы: все, что приобретается имъ отъ хлѣбопашества, не можетъ удовлетворить его потребностей. Онъ имѣетъ время, имѣетъ желаніе трудиться: но на что онъ ихъ употребить? Не имѣя работы

въ своемъ хозяйствѣ, онъ бросаетъ домъ, семейство, и бредетъ въ отдаленный край Россіи; проходитъ годъ, другой, перѣдко вся жизнь, и онъ не видитъ родины своей. И что онъ пріобрѣтаетъ? Да и проченъ ли этотъ способъ пропитанія? Не видимъ ли мы, что тамъ, гдѣ прежде такъ щедро награждались его труды, теперь едва онъ себя находитъ работу: знаніе ремеслъ болѣе и болѣе распространяется даже въ отдаленныхъ углахъ Россіи: оно — достояніе Великороссійскаго поселянина; расторопность, смысленность, еще ему помогаютъ. Но что скажемъ о Малороссіянинъ? Не зная ни какого ремесла, безъ развитыхъ способностей къ какому-нибудь искусству, при простотѣ и добродушіи, все богатство и знаніе его — воли и плугъ. Отнимите у него землю, и онъ совершенно безъ пропитанія. Такъ оно и есть! Недостатокъ земли производитъ здѣсь видимую бѣдность, и онъ же одна изъ главныхъ причинъ тѣхъ неоплатныхъ недоимокъ, которыми обременены столь многія селенія въ Малороссіи. Выставлять причиною бѣдности Малороссіянина его лѣность, нерадивость — это несправедливо! Дайте человѣку средства трудиться, и умѣйте его руководить сообразно степени его образованія, тогда, вѣроятно, бѣдность не будетъ угнетать такъ многихъ, какъ теперь: мы это видимъ въ образѣ управленія удѣльныхъ крестьянъ, видимъ во многихъ экономіяхъ, принадлежащихъ помѣщикамъ, гдѣ попеченіе о благосостояніи крестьянъ неразлучно соединено съ усовершенствованіемъ различныхъ отраслей сельскаго хозяйства. И такъ, недостатокъ работъ, особенно теперь, когда несчастные годы лишили многихъ и послѣдняго имущества, составляетъ важную причину бѣдности Малороссіянъ*.

Чѣмъ же пособить этому?

Пожертвованія здѣсь бесполезны. въ этомъ убѣждаетъ насъ результатъ современныхъ изысканій о благотворитель-

* Лучшее понятіе о состояніи Русскаго хозяйства представляютъ намъ очерки Г. Муравьева и Г. Бунина. Въ № 3 «Земледѣльческаго Журнала», 1833, Г. Бунинъ, помѣщикъ Тамбовской губерніи, весьма обстоятельно представилъ причины бѣдности пахатнаго крестьянина, но къ этимъ причинамъ еще много надобно присоединить, чтобъ получить картину состоянія Малороссійскаго обывателя.

ности, — эта горькая победа ума надъ лучшимъ чувствованіемъ сердца. Одушевите трудолюбіе; доставьте крестьянину работу, которая по-крайней-мѣрѣ вознаграждала бы трудъ его возможностью обезпечить себя необходимымъ, — работу, которая, не отвѣкая его отъ земледѣлія, была бы свойственна его понятіямъ, привычкамъ и способностямъ: это будетъ благодѣяніе. Но какъ и чѣмъ одушевить трудолюбіе? Намъ давно предлагаютъ улучшать наше хлѣбопашество введеніемъ плодоперемѣннаго полеводства. Не спорю: оно весьма полезно, — и когда оно спасетъ насъ только отъ голода, уменьшитъ только число неурожайныхъ годовъ, оно уже будетъ величайшее благодѣяніе. Но въ одномъ ли голодѣ дѣло? Не пужно ли умножать средствъ къ трудолюбію поселянина, который, обезпечивъ себя со стороны хлѣба, имѣетъ еще пужду во многихъ другихъ предметахъ. Да и не всѣмъ же производить хлѣбъ! Въ урожайные годы хлѣбъ приходитъ у насъ въ совершенную избыточность, а потребности гражданскаго быта не взираютъ на урожаи и требуютъ денегъ ежегодно. Сверхъ-того, при этихъ имѣніяхъ, столь часто дробимыхъ послѣдствами, при этой чрезполосности земель, при отдаленности ихъ отъ селеній, при дурныхъ орудіяхъ, при дурномъ рабочемъ скотѣ, при разныхъ мелкихъ препятствіяхъ, которыхъ и исчислить здѣсь не возможно, плодоперемѣненіе долго еще будетъ у насъ опытомъ, примѣромъ безъ подражателей, улучшеніемъ, котораго цѣну немногіе постигнуть и которое будетъ распространяться очень медленно. Плодоперемѣнная система, столь превосходно изложенная трудами Тезра, Синклера, Феленберга, Юнга, Домбая, и польза которой показана на дѣлѣ въ Германіи, Англіи, Голландіи, даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи и Россіи, вообще примѣняется у насъ только къ господской запашкѣ: она, по-крайней-мѣрѣ нынче, недоступна крестьянину; помѣщикъ не въ состояніи на свои деньги перемѣнить у своихъ поселянъ всѣхъ ихъ земледѣльческихъ орудій, всего ихъ домашняго скота, всей ихъ хозяйственной обстройки. Тогда какъ помѣщикъ будетъ одинъ пользоваться выгодами этой системы, а крестьянинъ, въ неурожайные годы съѣдать весь богатый избытокъ хлѣба, пріобрѣтенный владѣльцемъ посредствомъ пло-

доперебьенія, никто изъ нихъ конечно не будетъ голодень, но все-таки ни у того ни у другаго ничего не останется. Надо-бно поставить крестьянина въ возможность покупать хлѣбъ у своего помѣщика на деньги или на что-нибудь имѣющее достоинство наличныхъ денегъ. Это значить, что надобно обогатить его. Отъ его благосостоянія зависятъ выгоды владѣльца, и слѣдственно выгоды государства. Чѣмъ же обогатить его? Надобно представить ему средства, которыя бы возбудили въ немъ дѣятельность и трудолюбіе непосредственнымъ прибылью.

Лучшее, по моему мнѣнію, и самое свойственное нынѣшнему состоянію Русскаго сельскаго хозяйства, есть расширеніе тѣхъ фабрикъ и заводовъ, для которыхъ первый матеріалъ составляютъ произведенія нашего отечества. Сосдиненіе такихъ заведеній съ земледѣліемъ одно можетъ оживить дѣятельность народную: тогда крестьянинъ безземельный, теперь нищій, сдѣлается мастеровымъ, а земледѣлецъ будетъ имѣть способы разнообразить свои произведенія и тѣмъ улучшать даже свое хлѣбопашество, дойти у себя до плодоперебѣннаго полеводства, въ подражаніе помѣщику. Мы теперь имѣемъ одни винокуренныя заводы, и видимъ ихъ полезное вліяніе на наше хлѣбопашество: и въ самомъ дѣлѣ, что за цѣна была бы нашему хлѣбу безъ этихъ заводовъ? Прежде не менѣе одушевляли дѣятельность поселениа въ Малороссійскомъ краю селитренныя заводы, но теперь уже не то: и самыя винокурни, при введеніи пароваго производства несравненно менѣе требуютъ рабочихъ, а еще менѣе горючаго матеріала, для заготовленія котораго употреблялось такъ много рукъ; селитренныя заводы почти упали. Что жъ можетъ замѣнить этотъ ощутительный недостатокъ средствъ для дѣятельности простаго народа, особенно теперь, при увеличенномъ народонаселеніи?

Чѣмъ больше крайность человѣка, тѣмъ изобрѣтательнѣе умъ его, — это справедливо. Кто могъ думать назадъ тому нѣсколько лѣтъ, что сахаръ, произведеніе отдаленнаго, жаркаго края, можетъ быть промышленностью, благотвельною для нашего народа!

Въ этомъ хотя весьма немногіе еще убѣждены, но тотъ,

кто ознакомился съ ходомъ производства свекло-сахарной промышленности, съ ея разнообразными потребностями, — тотъ вполне поймешь, какъ сильно можетъ оживиться трудолюбіе земледѣльца ея распространеніемъ: во всѣ времяна года она доставитъ крестьянину работу, столь свойственную ему и столь обычную, — и не только ему: все его семейство находитъ здѣсь средство собственными трудами доставлять себѣ пропитаніе.

Чтобъ получить столько песку, сколько привозятъ его теперь въ Россію, надобно употребить для земледѣльской и заводской части свекло-сахарнаго производства —

Работниковъ.....2,648,000.

Работницъ.....4,256,000.

Лошадей.....1,145,800.

Не говорю уже о тѣхъ выгодахъ, какія получить крестьянинъ отъ своихъ огородовъ, теперь непринносящихъ ему ни какихъ доходовъ: имѣя вѣрный сбытъ свекловицы, онъ увеличилъ бы труды свои, — а что могло бы надежнѣе обезпечить его состояніе? Нынче, въ обезпеченіе его благосостоянія, предлагаютъ ему картофель! Хотя намъ уже теперь извѣстно, что «честный человѣкъ, употребляя въ пищу картофель, не бываетъ побуждаемъ къ дѣламъ постыжнымъ, и что картофель не ведетъ по слѣдамъ своимъ грѣха и наказанія Божія», однако жъ, воля ваша, — этимъ не уплатить казенныхъ податей. Сколько ни ѣшь картофеля, никто не дастъ за то ни пары дюжихъ воловъ, ни чугунной бороны для хозяйничанія по системѣ Теэра и Домбала. Хотите ли видѣть хлѣбопашество наше улучшеннымъ? Представьте жъ намъ такое корнеплодное растеніе, которое бы могло дать доходъ по-крайней-мѣрѣ не менѣе вѣрный того, какой даетъ хлѣбъ, и, что важнѣе, такое растеніе, которое бы не требовало зимняго сохраненія, столь труднаго и многосложнаго по картофельной части**. Кажется,

* Здѣсь, кстати, предлагаемъ прочитатъ прекрасное разсужденіе барона Котца, написанное съ добродушною откровенностью. Оно напечатано въ «Земледѣльческомъ Журналѣ», № 5, 1833.

** Мы не можемъ пропустить этой выходки остроумнаго сочинителя, противъ столь полезнаго и вкуснаго корня, безъ замѣчанія: намъ крайне

изъ всего растительнаго царства ни одно не удовлетворить теперь этому требованію, кромѣ свекловицы, и то тогда только, когда здѣсь же, или по сосѣдству, находится свекло-сахарный заводъ.

Вотъ все, что я хотѣлъ сказать о выгодахъ, какія можетъ доставить эта промышленность земледѣльцу. Остается еще прибавить, что распространеніе этихъ заводовъ не менѣе бы одушевило дѣятельность ремесленнаго класса: кузнецъ, столяръ, паяльщикъ, мѣдникъ, горчешникъ, бондарь, — всѣ здѣсь необходимы; и кромѣ того, если бѣ устроить столько заводовъ, сколько нужно для полученія песку, теперь потребляемаго въ Россіи, для этого пришлось бы употребить мѣди и желѣза на сумму около 500 милліоновъ рублей. Какой богатый источникъ для сбыта неисчерпаемыхъ произведеній изъ пѣдръ земли Россійскаго государства!

Выгоды государственныхъ доходовъ. Чтобъ яснѣе представить эти выгоды, рассмотримъ ихъ слѣдующимъ образомъ.

1. Имѣетъ ли Россія столько земли, способной для произрастенія свекловицы, сколько нужно для полученія потребляемаго теперь сахару?

Россія получаетъ, каждый годъ, иностраннаго, пробѣленнаго, сахарнаго песку около полутора милліона пудовъ, платя за него около 50 милліоновъ рублей. Сообразно съ расчетомъ, представленнымъ въ концѣ этой статьи, десятина удобренной земли можетъ дать при среднемъ урожаѣ 33 пуда бѣлаго песку, такого, какой доставляютъ намъ иностранцы: слѣдовательно, чтобъ получить полтора милліона пудовъ песку, теперь потребляемаго, надобно, чтобъ свекловицею было засѣяно 45,45⁴ десятины. Но какъ мы видѣли прежде, что пространство, на которомъ теперь разбросаны заводы, занимаетъ около 800,000 квадратныхъ

пріятно было бы видѣть всегда миръ и согласіе между свеклою и картофелемъ, и мы должны принять сторону послѣдняго въ явной его обидѣ. Картофель сохранять на зиму такъ же легко, какъ конфекты изъ свекловичнаго сахару. Важный опытъ Г. Шелехова по этому предмету долженъ обратить на себя вниманіе сельскихъ хозяевъ. Мы спѣшимъ помѣстить его описаніе въ нынѣшней же книжкѣ. *Б. для Ч.*

верстъ, то 45,454 десятины земли составлять самую ничтожную часть этого пространства и легко могутъ быть заключены въ однихъ огородахъ. Слѣдственно Россія, какъ по климату, такъ и по почвѣ, не только не можетъ имѣть недостатка въ землѣ для полученія теперь ею потребляемаго сахара, но еще властна снабжать сахаромъ другія государства *.

2. Не будетъ ли выгоднѣе для Россіи покупать иностранный сахаръ нежели свой?

Рѣшеніе этого вопроса прямо относится къ тому, чтобъ опредѣлить цѣнность, во что обходится пудъ песку Американскому колонисту и свекло-сахарному заводчику. Изъ представленнаго въ концѣ статьи отчета видно, что употребленъ 16,444 рублей, получаемъ мы блага песку 2,103 пуда и 1,128 пудовъ патоки: выжимокъ не включаю. Если, соображаясь съ цѣнностью, положимъ, что 1,128 пудовъ патоки равно 100 пудамъ песку, то выйдетъ, что заводчикъ, употребившій 16,444 рублей, получаетъ 2,203 пуда блага песку, то есть, что ему самому пудъ блага песку обходится 7 р. 46 к. Въ *Art du raffineur, par Chandelet*, есть извлеченіе изъ письма одного негоціанта, давно живущаго въ Гваделупѣ, который довольно отчетливо представляетъ

* Для убѣжденія, въ какомъ еще юномъ состояніи находится у насъ свекло-сахарное производство, и до какой степени оно можетъ быть доведено, представляю выписку изъ сочиненія Домбала, извѣстнаго и неутомимаго агронома, — *Des impôts dans leurs rapports avec la production agricole*, 1829. Одно отдѣленіе этого сочиненія, «О пошлинѣ съ привознаго сахара», было у насъ переведено графомъ Дм. Толстымъ и напечатано въ «Земледѣльческомъ Журналѣ», № 6, 1833. «Франція теперь употребляетъ около 2,100,000 пудовъ сахарнаго пеху (около 35,000,000 килограммовъ); изъ каждой десятины, засѣянной свекловицею, Французскіе заводчики получаютъ среднимъ числомъ 65 пудовъ песку (изъ cadaго гектара около 1000 килограм.); слѣдственно, чтобъ Франція имѣла столько песку, сколько ей теперь нужно, надобно, чтобъ она засѣяла свекловицею 30,000 десятинъ (35,000 гектаровъ).» И такъ десятина земли во Франціи даетъ песку почти вдвое болѣе нежели у насъ. Какая причина этому? Причинъ такъ много, что описаніе ихъ далеко отвлекло бы насъ отъ предмета; довольно и того, что, не отвергая возможности полученія двойнаго количества, я здѣсь основываю весь расчетъ на выгодахъ нынѣшняго нашего производства.

издержки и выгоды сахарных заводчиковъ этой колоніи. Онъ говоритъ, что прибыль заводчика отъ продажи песку желтаго (moscorade) бываетъ не болѣе какъ $4\frac{1}{2}$ процента: «это очень не великолѣпно для заведеній, которыхъ существованіе подвержено столькимъ случайностямъ: поэтому, можно быть увѣреннымъ, что какъ скоро обыватель не продалъ своего товару по-крайней-мѣрѣ по 50 франковъ за сто полукилограммовъ, — онъ въ убыткѣ.» Такъ, Гваделупскому заводчику за менѣе нельзя продать пудъ песку какъ за 16 р. 60 к.; но врядъ ли и въ самой Франціи, гдѣ сахаръ дороже нашего, онъ можетъ продать пудъ песку по этой цѣнѣ, потому что, заплативши пошлину, какую беретъ Французское правительство (9 р. 96 к.), песокъ надлежало бы ему продать по 26 р. 56 к., а между-тѣмъ Французскіе рафинировщики не дороже покупаютъ какъ отъ 23 до 25 рублей пудъ: слѣдовательно Гваделупской заводчикъ не беретъ и 4 процентовъ на свой капиталъ. Впрочемъ есть другія Французскія поселенія, гдѣ выдѣлка песку дешевле; но меньшей цѣны, по которой Французскимъ колоніямъ обходится на мѣстѣ пудъ желтаго песку, нѣтъ, какъ 9 р. 96 к.; а пудъ бѣлаго песку имъ обойдется въ 13 р. 28 к., полагая третью часть на утрату при пробѣлкѣ. Въ Англійскихъ колоніяхъ, особенно въ Вестъ-Индіи, песокъ добывается гораздо дешевле: на мѣстѣ, самому заводчику пудъ желтаго песку стоитъ 5 р. 80 к., а пудъ бѣлаго 7 р. 73 к. Если положимъ издержки на провозъ, убыль, коммисіонеру, и прочая, что составитъ не менѣе 3 рублей на пудъ *, то Французскій колонистъ на Петербургской биржѣ продалъ бы только за свою цѣну, если бы получилъ 16 р. 28 к. за пудъ бѣлаго песку; Англійскій колонистъ то же, если бы получилъ за пудъ такого же песку 10 р. 73 к.; но какъ въ Петербургѣ колонистъ продаетъ пудъ бѣлаго песку, за исключеніемъ пошлины, по 16 р. 80 к. (15 р. асс.), слѣдовательно, легко можно быть увѣреннымъ, что песку изъ Французскихъ колоній къ намъ не привезутъ, и что Англійской колонистъ беретъ отъ насъ

* Французскій колонистъ за доставку во Францію платитъ корабельщику съ пуда 1 р. 83 к. (Cinq francs cinquante centimes par quintal: j'ai acquis la certitude qu'il leur faut au moins cela pour ne pas perdre). Письмо изъ Гваделупы.

чистаго дохода 6 рублей съ пуда; а если положить изъ Вестъ-Индіи провозъ дороже трехъ рублей, то и тутъ онъ беретъ чистаго барыша не менѣе 4-хъ рублей. Этотъ расчетъ показываетъ, что тогда какъ нашему свекло-сахарному заводчику обходится на мѣстѣ пудъ бѣлаго песку 7 р. 46 к., Англійскому колонисту 7 р. 75 к. Следовательно, цѣна почти одинакова, менѣе которой не могутъ продать ни нашъ свекло-сахарный заводчикъ, ни Англійскій колонистъ; но если присоединимъ издержки на провозъ, неизбѣжныя для Англійскаго колониста, то легко убѣдиться, что Россія, добывая сахаръ изъ свекловицы, можетъ имѣть его дешевле, нежели какъ теперь платитъ за тростниковой.

Вотъ почему и при нынѣшнихъ, еще младенческихъ способахъ свекло-сахарнаго производства Англійскій колонистъ долженъ будетъ отказаться отъ торгу сахаромъ съ Россіею, и контрбанды сахаромъ быть уже не можетъ *.

3. Государственный доходъ, получаемый теперь пошли-

* Отношу не съ цѣлію опровергать почтеннаго автора, который намъ сдѣлалъ честь и удовольствіе доставленіемъ этого превосходнаго разсужденія, но единственно съ тѣмъ, чтобы придать вопросу надлежащую ясность и доставить самому сочинителю нужныя данныя для его статистическихъ изслѣдованій о торговлѣ колоніальнымъ сахаромъ, мы должны замѣтить, что эти выводы подлежатъ нѣкоторымъ ограниченіямъ. Авторъ не принимаетъ здѣсь въ расчетъ ни какихъ издержекъ на комиссію, убыль и перевозъ песку внутри Россіи отъ заводовъ до большихъ рынковъ и до мѣстъ, гдѣ песокъ будетъ рафинированъ. Наши огромныя пространства, наши дурныя дороги въ климатѣ непостоянномъ, наши сухопутныя перевозки, чрезвычайно увеличиваютъ издержки и требуютъ значительнаго времени, и Петербургъ несравненно ближе къ Америкѣ, относительно цѣны транспорта, чѣмъ къ Малороссіи и губерніямъ, лежащимъ къ югу отъ Москвы. Авторъ полагаетъ цѣну транспорта песку отъ Вестъ-Индіи до Петербурга, на Англійскихъ корабляхъ, до 5 рублей съ пуда. Это слишкомъ преувеличено. Вся доставка пуда сахарнаго песку изъ Вестъ-Индіи въ Кронштатъ, стоитъ только 1 р. 71 к. За эту цѣну не всегда можно привезти пудъ вещей изъ Москвы въ Петербургъ. Доколѣ свекло-сахарнымъ заводамъ пудъ песку на мѣстѣ не будетъ обходиться *несравненно* дешевле того, во что онъ обходится на мѣстѣ въ Вестъ-Индіи, до тѣхъ поръ заводы не выдержатъ соперничества съ западными колоніями безъ помощи запретительной системы. *Б. для Ч.*

ною съ иностраннаго сахарнаго песку, можетъ ли быть взносимъ безъ увеличенія цѣны на сахаръ?

Мы видѣли, что песокъ, привезенный изъ Америки или Востъ-Индіи, не можетъ у насъ быть проданъ по той цѣнѣ, по какой свекло-сахарный заводчикъ въ состояніи продать его въ Россіи: слѣдовательно сахаръ при взносѣ пошлины, теперь получаемой, не только не возвысится, но скорѣе сдѣлается дешевле. И въ самомъ дѣлѣ, если бѣ Россія теперь производила все количество потребляемаго ею сахару, то заводчику, заплативъ 9 рублей пошлины, пудъ песку обошелся бы въ 16 р. 20 к., и слѣдовательно онъ получалъ бы чистаго доходу съ пуда 13 рублей. Это показываетъ, до какой степени можетъ понизиться цѣна сахару при распространеніи свекло-сахарныхъ заводовъ. Когда же промышленность эта можетъ составить статью государственныхъ доходовъ? Это совершенно зависитъ отъ скорости ея распространенія; однако жъ то несомнѣнно, что теперь всякой налогъ былъ бы тяжелъ для ней, потому что заводовъ у насъ еще немного, усовершенствованія производства еще не вездѣ введены, и, кромѣ того, рѣдкій заводъ, при начальномъ ходѣ своемъ, не имѣлъ убытковъ, значительно увеличившихъ вкладочный капиталъ.

Такъ, остается желать одного, — распространенія заводовъ: тогда всѣ убѣдятся въ прочности этой промышленности, которая столь благодѣтельна для земледѣльца, которая способна удержать такой огромный капиталъ, выпускаемый Россією за сахаръ, которая наконецъ можетъ составить богатѣйшій источникъ государственныхъ доходовъ, особенно если налогъ будетъ разложенъ какъ на производителей песку, такъ и на рафинеровъ.

Но скажутъ—можетъ ли доходъ этотъ быть постояннымъ, когда онъ зависитъ отъ урожая свекловицы? Развѣ доходъ, получаемый отъ нивянныхъ растений, можетъ быть постояннѣе, — отъ растений, требующихъ несравненно болѣе благоприятныхъ условій для своего созрѣнія? Однако жъ все благосостояніе мы основываемъ на урожаѣ этихъ растений, и преданія прошедшихъ временъ удостовѣряютъ, что, если и бывали неурожаи, обыкновенно бывали мѣстные: почему же непременно полагать, что 45,000 десятинъ засѣянныхъ свекло-

вицею въ разныхъ полосахъ Россіи, растсіемъ не подверженнымъ истребленію, ни граду, ни бури, и несравненно удобнѣе переносящимъ засуху и мокроту, — что эти 45,000 десятинъ ничго не произведутъ? Я очень согласенъ, что если бъ для этого расчета мы захотѣли принять климатъ Финляндіи или климатъ Грузіи, это была бы самая пустая мечтательность; но здѣсь я опредѣляю только то пространство, на которомъ существуютъ заводы десять, двадцать, тридцать лѣтъ, и которые опытами убѣдили въ возможности произращать свекловицу.

Впрочемъ, если мы и допустимъ мѣстный неурожай, способный на время возвысить цѣну на сахаръ, это не можетъ еще быть такъ ощутительно какъ теперь, при настоящей торговлѣ сахаромъ: въ случаѣ разрыва мирныхъ сношеній, мы опять будемъ платить по сту рублей за пудъ сахару, и правительство лишится всего налога, какой оно теперь получаетъ. Ктому жъ не видимъ ли мы, какъ Американскія колоніи быстро идутъ къ паденію? Нѣтъ сомнѣнія, что монополія сахару исключительно персидетъ въ руки Англичанъ: во что же намъ обойдется тогда сахаръ, это произведеніе, которое сдѣлалось для насъ столь же необходимымъ какъ хлѣбъ?

Я не стану входить въ различныя подробности относительно торговаго перевѣса въ балансъ, мѣнливой торговли, и тому подобнаго, хотя очень увѣренъ, что благосостояніе государства отнюдь не зависитъ отъ того, чтобъ *все* было свое; здѣсь я желалъ только обратить вниманіе соотечественниковъ на эту раждующуюся промышленность, которой выгоды могутъ принадлежать преимущественно Россіи, болѣе чѣмъ другому какому-либо государству въ Европѣ; промышленность, которая приготовляетъ мѣстный источникъ важной части государственныхъ доходовъ, раскрываетъ столько средствъ для народной дѣятельности, подаетъ столь прочную надежду на успѣхи нашего земледѣлія; которая наконецъ, будучи такъ тѣсно соединена съ земледѣліемъ, составляетъ лучшее средство къ поддержанію благосостоянія имѣній, столь видимо приходящихъ въ упадокъ.

Заклучимъ: если мы убѣждены въ пользѣ, доставляемой этою промышленностью, то постараемся употребить трудъ нашъ

къ тому, чтобъ содѣйствовать къ ея распространенію. Прежде всего обратимъ вниманіе на успѣхи производства; покажемъ различныя методы производства; ихъ недостатки; предположенія, какъ избѣгнуть этихъ недостатковъ; и особенно подробно рассмотримъ новую методу производства, посредствомъ вымочки свекловичны, появившуюся недавно во Франціи и съ такимъ шумомъ выданную намъ за открытіе Г. Давыдова*, — методу, которая, по справедливости, можетъ быть только употреблена на домашнихъ сахароварняхъ, и которая тѣмъ убійственнѣе, что, представляя столь изумительные выходы, невольно влечетъ къ упадку многіе капиталы, и тѣмъ кладетъ преграду къ распространенію самой промышленности. Все это составитъ предметъ другой статьи.

ОТЧЕТЪ

СВЕКЛО-САХАРНАГО ЗАВОДА, ОБРАБАТЫВАЮЩАГО СТО БЕРКОВЦЕВЪ КОРНЕЙ ВЪ СУТКИ.

Въ Сумскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи, въ пераздѣльномъ имѣніи Лялиныхъ, давно уже устроенъ свекло-сахарный заводъ. Прежде обыкновенно устраивали такіе заводы съ двоякою цѣлью, — получить изъ свеклы песокъ, и рафинировать. Такъ былъ устроенъ и этотъ заводъ. Но теперь, когда сбытъ бѣлымъ и желтымъ пескомъ такъ удобенъ, рафинированіе уничтожено. Поэтому всѣ издержки, сдѣланныя для увеличенія строенія и на покупку различныхъ вещей необходимыхъ только при рафинированіи, теперь совершенно бесполезны. Не включая этихъ издержекъ, равно и тѣхъ убытковъ, какіе вначалѣ имѣлъ заводъ отъ дурныхъ мастеровъ и холерныхъ карантинныхъ, я представляю отчетъ заведенія, какъ оно теперь существуетъ, то есть, заведенія, имѣющаго одну цѣль, — добываніе сахарнаго песка.

При учрежденіи завода, одною изъ важнѣйшихъ мыслей была и та, чтобъ не разстроить прежде введеннаго

* Объ этомъ «открытіи» коротко упомянуто въ Литературной Лѣтописи Б. для Ч., стр. 21, № 15, 1835.

порядка хлѣбопашества: потому заводъ устроенъ совершенно на коммерческомъ положеніи. Вотъ условія:

1. Всѣ работы, какъ полевая, такъ и заводскія, производятся наймомъ; покупку льна, хлѣба, заводъ дѣлаетъ тамъ, гдѣ найдетъ выднѣе.

2. Экономія ни въ какомъ случаѣ не обязана поставлять рабочихъ людей; въ свободное время, когда въ экономіи нѣтъ работы для барщины, она можетъ присылать людей, получая плату, сообразную съ вольными цѣнами.

3. Заводъ имѣетъ, собственно ему принадлежащихъ, 5 тяголъ, которыя, отработавъ на заводѣ четыре мѣсяца, отпускаются для собственныхъ работъ, и заводъ не дѣлаетъ ни какихъ издержекъ для нихъ содержанія.

4. Заводъ въ правѣ отъ экономіи требовать столько земли, сколько нужно, выбирая тамъ, гдѣ удобнѣе. За всякую неодобренную десятину заводъ платитъ экономіи каждый годъ по 6 рублей; за одобренную 20 рублей. Если случится, что на какой-нибудь десятинѣ будетъ дурной всходъ или вовсе не будетъ всхода, въ такомъ случаѣ заводъ отдаетъ экономіи обратно эту десятину, не платя за нее ничего; по возвращеніе такой земли должно быть не позже 10 июня, и тогда экономія засѣваетъ ее гречихою.

Такъ какъ условія, на которыхъ основанъ заводъ, новы, то многимъ вначалѣ казалось невозможнымъ существованіе подобнаго заведенія: представляли причиною, что нельзя найти столько помещицъ для такого количества земли. Но вотъ уже восемь лѣтъ какъ существуютъ заводы, и ложность этого мнѣнія совершенно опровержена дѣломъ: не только теперь нѣтъ недостатка, но если бъ заводъ увеличилъ вчетверо свой денежный оборотъ, и тогда не имѣлъ бы недостатка въ рабочихъ. Строгая точность при заработной расплатѣ, удаленіе обидъ и пустыхъ требованій, хорошее содержаніе, — этими средствами заводъ успѣлъ пріобрѣсти довѣріе не только окружныхъ крестьянъ, но даже отдаленныхъ деревень: въ лѣтнее время приходятъ крестьянки цѣлыми партіями для полонья. Слѣдовательно, поговорка, что заведеніе въ Малороссіи не можетъ существовать на совершенно коммерческомъ положеніи, несправедливо.

Познакомивъ съ ходомъ управленія, рассмотримъ, какія выгоды доставляетъ это заведеніе. Для этого опредѣлимъ, во-первыхъ, какъ великъ вкладочный капиталъ, во-вторыхъ, какъ велика сумма, ежегодно употребляемая для производства (оборотный капиталъ); въ-третьихъ, количество произведеній и ихъ цѣнность.

1. Вкладочный капиталъ.

Рубли.

Матеріалъ д- ревянный.	{	Дерево для завода, подвала, четырехъ избъ, при- вода, для досокъ, бочекъ и прочаго	3,644.
	{	За постройку завода, подвала, четырехъ избъ; за столярную работу и за привозъ дерева	1,630.
Матеріалъ мѣд- ный.	{	4 котла отстойные, 6 котловъ рычажныхъ, 1 холодильный, проводныя трубы, большіе и ма- лые краны, трезель, 4 ендовы, латуни, нацѣпки, сборные чаны, ушаты, решетки, ковши, а- реометры, термометры, часы, зеркальныя лампы .	5,016.
	{	За мелочную работу изъ латуни	164.
Матеріалъ же- лѣзный и чу- гунный.	{	Различнаго желѣза для печей, чановъ, чугу- ные котлы, чугунная печь, терка, 8 прессовъ, вѣсы, дверцы для печей, бекень, ковши, кружки, и проч.	1,947.
Матеріалъ горчешный.	{	Кирпичу, изразцевъ, формъ разной величины .	2,630.
	{	За работу печникамъ и каменщикамъ	210.
Смѣсь.	{	За раскопку мѣста подъ заводъ, за солому для кровли, за внутреннюю штукатурку компаты, за стекло, веревки, счеты и за мелочь	866.
			Итого 16,107.

2. Оборотный капиталъ.

Здѣсь пужно сперва опредѣлить цѣнность свекловицы. За-
водъ въ сутки обрабатываетъ до 100 берковцевъ кореньевъ;
по какъ работу можно производить, начиная съ 25 августа
до 20 декабря, что составитъ, за исключеніемъ праздни-
ковъ, 96 дней, то всего можно переработать 9,600 берков-
цевъ. Я знаю, что многіе изъ хорошихъ заводчиковъ со-
мнѣваются, чтобъ можно было съ выгодною обрабатывать
свекловицу въ ноябрѣ и декабрѣ, и по ихъ мнѣнію лучше
увеличить строеніе и капиталъ для снарядовъ и передѣлы-
вать въ два мѣсяца то, что при меньшихъ издержкахъ мо-
жно переработать въ четыре мѣсяца. Собственные мои опы-

ты не позволяютъ мнѣ согласиться съ этимъ: бывали годы, что я оканчивалъ переработку свекловицы 20 января, и въ самые послѣдніе дни получалъ песокъ одинаковой доброты и въ такомъ же количествѣ, какъ и въ сентябрѣ. Дѣло въ томъ, чтобъ умѣть сохранить свекловицу отъ поврежденія, и это, правда, дѣло не легкое.

Повѣрите ли? причина упадка нашихъ заводовъ большею частію — незнаніе сохранять свекловицу, а не незнаніе производства, какъ нѣкоторые полагаютъ. Теперь, когда заводы у насъ примѣтно умножаются, получить хорошій песокъ и въ выгодномъ количествѣ изъ неиспорченной свекловицы — становится дѣломъ легкимъ; но ни какое искусство не можетъ доставить хорошаго песку и въ такомъ же количествѣ изъ испорченной свекловицы. Вотъ почему умѣніе сохранять сырой плодъ должно составлять важный предметъ заботы нашихъ заводчиковъ, но, къ сожалѣнію, на него менѣе всего обращаютъ вниманія. Всѣ говорятъ, что въ свекловицѣ измѣняется сахарное начало отъ мороза и отъ оживленія растительной силы, но нигдѣ не случалось мнѣ слышать, и даже читать, о самой важной причинѣ измѣненія качествъ свекловицы, — о томъ что я теперь назову простымъ словомъ — *вялостью*. Отъ незнанія этой причины и отъ неумѣнья предупреждать ее въ первыхъ годахъ моего производства, я имѣлъ большіе убытки; но, какъ при всѣхъ моихъ неудачахъ, я не оставлялъ и здѣсь изыскивать способовъ для отклоненія неудобства, и убѣдился, что сохраненіе свекловицы въ нашемъ климатѣ есть дѣло трудное, и требуетъ отъ заводчика долговременной опытности. Нѣтъ возможности говорить объ этомъ предметѣ кратко: замѣчу только, что весьма дурно дѣлаютъ заводчики, не обращая вниманія на обработку свекловицы сообразно времени ея выкапыванія; свекловица, выкопанная въ августѣ и до половины сентября, не только не годится для зимняго сохраненія, но ее должно какъ-можно скорѣе перерабатывать; въ противномъ случаѣ, черезъ четыре дня, она обнаружитъ видимое измѣненіе *вялостью*, и довольно десяти дней, чтобъ, полежавши въ большихъ кучахъ, она сдѣлалась совершенно неупо-

требительною для производства. Не могу опредѣлить, какая причина этой порчи, — не дозрѣніе ли, или жары?

Возвратимся къ предмету: мы говорили о цѣнности свекловицы.

Урожай свекловицы зависитъ отъ степени удобренія земли, отъ способа посѣва и отъ времени посѣва, и отъ болѣе или менѣе благопріятной погоды. Знаніе всего этого пріобрѣтается отнюдь не тереотическимъ изученіемъ, а долговременною опытностью и неутомимымъ трудомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Малороссія — лучший край для свекловицы, однако жъ не должно увлекаться безотчетнымъ довѣріемъ. Думать, что обработка свекловицы въ Малороссіи не требуетъ ни какого вниманія, что свекловица можетъ родиться на черноземѣ безъ удобренія, что удобренная десятина въ кругломъ счетѣ даетъ 300 четвертей, — это заблужденіе. Нѣкоторые изъ моихъ замѣчаній о земледѣльской части свекловичнаго производства напечатаны въ «Земледѣльскомъ Журналѣ» (№ 12), но они еще не полны, и требуютъ поправокъ, которыя въ скоромъ времени надѣюсь представить публикѣ. Такъ, не увлекаясь удостовѣреніями энтузіастовъ, которые твердятъ, что въ Малороссіи десятина земли даетъ 1600 четвертей свекловицы, — Г. Муравьевъ слышалъ это отъ какого-то очевидца, — послѣдуемъ указаніямъ опыта. Передо мною лежатъ собственныя мои записки многихъ лѣтъ: изъ нихъ я вижу, что десятина (2400 кв. сажень) на плантаціяхъ, состоящихъ изъ чернозема не удобренной земли даетъ около 70 берковцевъ корней, но корней весьма мелкихъ, и то въ годъ весьма благопріятный; десятина плантацій, хорошо удобренныхъ, доставляетъ среднимъ числомъ 150 берковцевъ очищенныхъ корней *. Но

* Въ мануфактурномъ дѣлѣ сравненія много помогаютъ убѣжденію: вотъ почему должно прочесть здѣсь о количествѣ сбора свекловицы во Франціи. Въ сочиненіи Дюбрюнфо, *Art de fabriquer le sucre de betteraves*, представлено десять отчетовъ различныхъ Французскихъ заводчиковъ, и тутъ мы видимъ, что количество получаемой свеклы весьма разнообразно: такъ напримѣръ, самое меньшее количество представлено Домбалемъ, 12,500 килограмовъ изъ гектара, что на нашу казенную десятину даетъ 82 берковца корней; самое большое Креспелемъ: по его счету изъ нашей десятины выходитъ 164 берковца; огородники, обрабатывающіе свеклу возлѣ Парижа для продажи

какъ этотъ заводъ можетъ обработать 9,600 берковцевъ корней, то и нужно 6¼ десятины.

Опредѣливъ количество свеклы, получаемой изъ десятины, должно привести въ ясность мѣры земледѣльской обработки:

	Работникъ.	Работница.	Лошадь.
Пахать осенью	2	—	4.
Бороновать весною.....	—	4	4.
Пахать весною	2	—	4.
Бороновать....	—	4	4.
Каткомъ землю разбивать	1	—	2.
Ряды дѣлать.....	1	—	2.
Сѣять сѣмена и зарывать.....	—	11	
Полоть и выбивать } землю {	1 разъ.....	—	30
	2 разъ.....	—	30
	3 разъ (только на жирныхъ земляхъ)	—	30
Каждая женщина выкапываетъ почищаетъ въ осенній день 3 берковца корней: слѣдственно 150 берковцевъ очистить —		50	
150 берковцевъ свозить	11	—	11.
И того ...	17	153	51.

Теперь перейдемъ къ оцѣнкѣ работы: Рубли. Коп.

17 работникамъ по 50 копѣекъ.....	8	50.
153 работницамъ по 28 коп.	42	84.
За 31 лошадь по 30 коп.	9	30.
Наемъ десятины удобренной,	20	—
Сѣмянъ 18 фунтовъ по 20 коп. фунтъ	3	60.

И того 84 24.

Слѣдовательно 150 берковцевъ обходятся въ 8¼ р. 24 к., а берковецъ корней въ 56 копѣекъ; но какъ заводъ, за неимѣніемъ еще удобренной земли, принимаетъ третью часть отъ поставщиковъ, платя по 1 р. 10 к. за берковецъ, то въ общемъ счетъ заводу обходится берковецъ корней въ 74 копѣйки.

на рынкахъ, получаютъ изъ казенной десятины около 250 берковцевъ (37,500 kil. par hectare). Но что все это значить сравнительно съ тѣмъ, что получаетъ у насъ Г. Давыдовъ, — *шестьсотъ пятьдесятъ пять берковцевъ изъ десятины!* Если бъ это не было напечатано, то можно было бы даже не вѣрить этому.

Рубл. Коп.

Мы видели, что заводъ этотъ можетъ обработать 9,600 берковцевъ. Вся сумма за свекловицу выйдетъ 7,104.

Всѣхъ рабочихъ на двѣ сѣны 74; каждый изъ нихъ въ день обходится вмѣстѣ съ содержаніемъ 45 к., что составитъ для 96 дней..... 3,054 72,

Работницъ и мальчиковъ всего 20; по 28 к. въ день, за 96 дней..... 537 60.

12 лошадей; за каждую въ день по 30 к.; за 96 дней... 345 60.

Освѣщеніе на 2 рубля въ день; за 96 дней..... 192

Дровъ въ сутки $1\frac{1}{2}$ сажени. Кубическая сажень на мѣсто стоитъ 4 рубля; перевозка 2 рубля; перерубить какъ должно для топки 80 коп.; слѣдственно $1\frac{1}{2}$ сажени будутъ стоить 10 р. 20 к. Это издержки въ сутки; для 96 сутокъ выйдетъ 144 сажени, на сумму..... 979 20.

Вмѣсто дровъ можно употреблять и кизьякъ.

Известн для 96 сутокъ..... 140.

Животнаго угля въ сутки 43 пуда. Самому заводчику стоитъ нудъ угля, считая даже и бочки, въ которыхъ онъ содержится, 64 коп.; слѣдственно животнаго угля въ сутки выходитъ на 26 рублей 23 коп.; но какъ уголь, бывши въ дѣлѣ, можетъ опять быть оживленъ посредствомъ кислоты или пережиганія, что описалъ Кленандо (*Observation pratique, etc.*, p. 63), и какъ отъ этого дѣйствія теряется только третья часть, а двѣ трети остаются для будущаго производства, то и потерю должно класть на $\frac{1}{3}$ суммы, то есть, на 8 р. 76 к. Это издержки сутки; для 96 сутокъ выйдетъ..... 841.

Полотна для мѣшковъ въ цѣдильни..... 49.

Холста для салфетокъ на..... 110.

Проценты на вкладочный капиталъ 6 %..... 966. 42.

Вещи, означенныя въ цѣнности вкладочнаго капитала, безъ сомнѣній могутъ существовать и болѣе 12 лѣтъ, но я ограничиваюсь этимъ срокомъ, и вотъ почему полагаю только 6 процентовъ: по истеченіи 12 лѣтъ вся сумма вкладочнаго капитала будетъ уплачена этими процентами, и тогда строеніе и всѣ оставшіяся вещи составятъ чистый доходъ заводчика.

На поправленіе снарядовъ, машинъ, масла для смазки; починка щипковъ, пилюкъ; запасный прессъ, и вообще ежегодная ремонтная сумма... 1,225.

Конторщику въ годъ, съ содержаніемъ..... 200.

Двумъ смотрителямъ за посѣвомъ и уборкою свеклы.... 300.

Рубли. Коп.

За 5 мѣсяцевъ проценты на оборотный капиталъ 400.

Здѣсь я не полагаю жалованья мастеру, потому что всякая отдѣльная часть имѣетъ своего смотрителя, которые включены въ число 74 рабочихъ. Надзоръ надъ всѣми ими имѣетъ самъ хозяинъ завода.

Сумма ежегодно употребляемая для производства..... 16,444. 54.

Изъ этого разсчета видно, что обработка берковца корней обходится заводу въ 1 рубль 71 копѣйку.

3. Количество и цѣнность произведеній.

Произведенія свекло-сахарнаго завода состоятъ изъ песку, патоки и выжимокъ. Ничто не можетъ быть разнообразнѣе мнѣній нашихъ заводчиковъ касательно выходовъ произведеній свекло-сахарнаго завода: это доказываетъ, что знаніе предмета не сдѣлалось еще у насъ общимъ. Посвятивъ себя занятію этой промышленностью и желая лично убѣдиться, въ какомъ состояніи находится она у насъ, я осматривалъ многіе заводы и видѣлъ лучшіе. Всѣ собранныя мною свѣдѣнія о выходахъ можно привести къ количествамъ, изображеннымъ въ слѣдующихъ отчетахъ, которые тѣмъ убѣдительнѣе, что напечатаны самими заводчиками.

Въ «Подробномъ описаніи свекловично-сахарнаго завода», Г. Мальцова (1827), представлено, что четверть свекловицы даетъ желтаго песку 11 фунтовъ; патоки 10,6 фунтовъ; выжимокъ и очистокъ 93,3 фунтовъ. Жаль, что здѣсь четверть не опредѣлена вѣсомъ: отъ этого расчетъ не можетъ быть основателенъ. Такъ напримѣръ, если четверть въ 8 четвериковъ, то при крупной, очищенной свекловицѣ (189 корней въ четверти) она будетъ вѣсить 8 пудовъ 25 фунтовъ, а при мелкой свекловицѣ (1200 корней въ четверти) вѣсъ ея будетъ 7 пудовъ 35 фунтовъ: слѣдовательно, полагая среднее число, четверть вѣсомъ будетъ 8¹/₄ пуда. Чтобы избѣгнуть подобныхъ недоразумѣній, лучше принять какую-нибудь постоянную мѣру, опредѣляемую вѣсомъ. Теперь на многихъ заводахъ уже принята мѣра — берковецъ, то есть, десять пудовъ очищенныхъ корней. Для лучшаго со-

ображенія я всѣ здѣсь отчеты привожу въ берковцы. По отчету Г. Мальцова берковецъ корней даетъ:

песку..... 13,3 фунтовъ.

патоки..... 12,8.

выжимокъ... 14,5.

Въ 1829 году Г. Мальцовъ сообщилъ публикѣ другой отчетъ завода, устроеннаго имъ въ Рославскомъ уѣздѣ въ 1828 году: здѣсь изъ четверти получено песку 15,8 фунтовъ, патоки 14,5 фунтовъ. Приведа въ десяти-пудовый вѣсъ, выйдетъ:

песку..... 16,7 фунтовъ.

патоки..... 17,3.

Г. Мальцовъ выстроилъ собственными издержками на хуторъ, принадлежащемъ Московскому Земледѣльческому Обществу, свекло-сахарный заводъ съ тою цѣлью, чтобъ на немъ производились различные опыты, и чтобъ знакомить другихъ съ выгодами этой промышленности. Мысль прекрасная. Къ сожалѣнію, у насъ подобныя заведенія рѣдко достигаютъ своей цѣли: кто видѣлъ теперь хуторъ и заброшенный тамъ заводъ, тому легко понять, такая ли цѣль была этихъ учреждений. Однако жъ въ 1828 году на этомъ заводѣ былъ дѣланъ опытъ, котораго отчетъ обнародованъ. Изъ отчета видно, что производство совершалось двумя способами, — холоднымъ и горячимъ отстоемъ.

Посредствомъ холоднаго получено песку изъ берковца 11,8 фунтовъ.

Посредствомъ горячаго отстоя получено { песку.. .. 12.
патоки.... 13,5.

Въ отчетѣ барона Котца показано, что изъ 1,478 берковцевъ получено 259 пудовъ бѣлаго песку, 167 пудовъ желтаго, и 625 пуда патоки. Полагая утрату при продѣлкѣ изъ берковца корней, выйдетъ, безъ переварки патоки:

желтаго песку 12 фунтовъ.

патоки..... 14.

выжимокъ... 108*.

* Соображаясь съ количествомъ соку, означеннымъ въ отчетѣ, выжимокъ должно быть 145 фунтовъ.

Въ этихъ отчетахъ выходъ опредѣленъ изъ всего количества переработанной свекловицы: оно и должно быть такъ. Смѣшно читать, какъ нѣкоторые, сработавши паказъ одну варю, на этомъ основываютъ весь чудный расчетъ своего производства. Это доказываетъ или пустое тщеславіе, вредное для себя и другихъ, или, просто, совершенное незнаніе мануфактурнаго дѣла, особенно свекло-сахарнаго, гдѣ при всемъ неутомимомъ присмотрѣ не возможно въ теченіе ста сутокъ непрерывной работы отклонить упущеній, происходящихъ или отъ небрежности и неискусства работниковъ, или отъ поврежденія машинъ, или наконецъ отъ разнообразныхъ свойствъ и измѣненій свекловицы. Кто хочетъ представлять отчеты публикѣ, тотъ долженъ основывать ихъ на выдѣлкѣ произведеній въ большомъ количествѣ и на сложности результатовъ въ теченіе по-крайней-мѣрѣ нѣсколькихъ лѣтъ сряду.

Долговременными моими опытами я убѣжденъ, что выходы бываютъ разнообразны отъ весьма многихъ причинъ, и даже отъ лѣта болѣе или менѣе благопріятнаго для росту свекловицы. Вотъ почему слѣдующіе выходы выведены среднимъ числомъ изъ непрерывнаго производства нѣсколькихъ лѣтъ:

Берковецъ очищенныхъ корней даетъ	{	песку № 1.. 7,3 фунтовъ.
		песку № 2.. 4,4
Отъ переварки патоки получается:	{	патоки 12,4
		песку № 3.. 3,2
		патоки. 4,7

И такъ изъ 9,600 берковцевъ выйдетъ:

песку № 1.....	1,752 пуд.
песку № 2.....	1,056.
песку № 3.....	768.
патоки.....	1,128.
выжимокъ.....	32,640.

Вотъ пять отчетовъ изъ четырехъ совершенно противоположныхъ мѣстъ Россіи. Здѣсь видно различіе въ выходахъ. Какая же причина этому? климатъ ли, способъ обработки, или неточность отчетовъ? Это рѣшить общій голосъ, когда свекло-сахарное производство сдѣлается поприщемъ

болѣе обширнымъ для дѣятельности людей внимательныхъ образованныхъ*.

До-сихъ-поръ мы занимались количествомъ произведеній: обратимся къ ихъ цѣнности. Недостаточно того, чтобъ песку было много: надобно, чтобъ песокъ былъ хорошъ. Въ самомъ дѣлѣ, что пользы получить 20 и болѣе фунтовъ изъ четверти такого песку, котораго нельзя ни пробѣлить, ни продать? Такого сорту пески мнѣ случалось видѣть и на заводахъ, и въ Москвѣ, куда они были привезены для продажи.

Прежде, сбытъ произведеній управляемаго мною заведе-

* Чтобъ лучше ознакомить читателей съ пользами свекло-сахарнаго производства, предложимъ еще выходы Французскихъ заводчиковъ.

Шанталъ (Chimie appl. à l'Agr.) показываетъ изъ берковца корней:

песку № 1 и 2....	14,4	} всего 16,8 фунтовъ.
песку № 3.....	2,4	
патоки.....	10,4.	

Дюбрюно (Art de fabriquer le sucre):

песку № 1 и 2....	14	} всего 18,3 фунтовъ.
песку № 3.....	4,3	
патоки.....	15,6.	

Креспель (Art de fabriquer le sucre):

песку № 1, 2 и 3..	20 фунтовъ, или 5%.
патоки.....	16.

Но всѣ эти выходы далеко не могутъ сравниться съ тѣми, какіе представляетъ намъ Г. Давыдовъ. По первой его методѣ, посредствомъ *пропариванія*, выходы простираются до 30 фунтовъ и болѣе изъ каждой десяти-пудовой четверти. (Взглядъ на свекловично-сахарное производство, стр. 6). Чего же болѣе? Увы, спустя мѣсяцъ самъ почтенный заводчикъ нашелъ, что метода его дурна! Онъ предлагаетъ лучшую методу, — *вымочку свекловицы посредствомъ холодной воды*. «Этою «методою, пишетъ онъ, я несомнѣнно надѣюсь при восьми-градусномъ «очищенномъ соктъ и при свѣжей свекловицѣ получать выходы изъ каждаго берковца кореньевъ 20 фунтовъ настоящаго сахару въ головкахъ, «и по-крайней-мѣрѣ 10 фунтовъ превосходнаго песку изъ патоки (Донесеніе Г. Давыдова Обществу; Мос. Вѣд. № 27, 1834).» Это выходитъ ни болѣе ни менѣе 40 фунтовъ песку изъ четверти. Но опять — увы! Надежда, на которую такъ несомнѣнно полагался сочинитель Донесенія, оказалась крайне сомнѣнною: заводы, выстроенные прошедшаго осеню по этой методѣ, обнаружили всю обманчивость иперболическихъ ожиданій. Неудачный ходъ знаменитаго «открытія» — лучшее доказательство, что въ мануфактурномъ дѣлѣ нельзя основывать несомнѣнныхъ надеждъ на мелкихъ, комнатныхъ опытахъ. Но объ этомъ послѣ.

ція, состоящій изъ сахару, лумбу и пробѣлшеннаго песку, обращенъ былъ на большія ярмарки; но узнавши, что, въ Москвѣ покупаютъ желтый песокъ, я отправилъ туда, для развѣданія цѣнъ, песокъ трехъ сортовъ. Песокъ былъ проданъ Гг. братьямъ Абрикосовымъ по слѣдующимъ цѣнамъ:

Пудъ песку № 1. 20 рублей.
 пудъ песку № 2. 16
 пудъ песку № 3. 13
 пудъ патоки 3 р. 35 коп.

Хотя продажа по такой цѣнѣ несравненно выгоднѣе продажи сахаромъ, однако жъ еще прибыльнѣе продавать бѣлымъ пескомъ, потому что на желтый песокъ въ Москвѣ только четыре покупателя, и легко можно подпасть подъ монополию, а на бѣлый песокъ охотниковъ много. Какъ теперь вообще изъ заводовъ отправляютъ для продажи бѣлые пески, то я представляю выходъ бѣлаго песку и его цѣнность:

Желтаго песку { № 1....1752 пудовъ.
 { № 2....4056.

Всего 2808 пуд. дадутъ бѣлаго песку 1812 пудовъ.
 Желтаго песку № 3.....768 пудовъ дадутъ бѣлаго ... 291 пудовъ.

Всего бѣлаго песку 2103 пуда *.

2,103 пуда бѣлаго песку по 30 рублей 63,090 рублей.

1,128 пудовъ патоки по 3 р. 35 к. 3,778.

Всего 5,231 пудъ.

Всего на сумму 66,868 рублей.

Вычтя за доставку по 1 рублю съ пуда..... 3,251.

Остается..... 63,637 рублей.

За 52,640 пудовъ выжимокъ по 5 коп. за пудъ 1,632.

Цѣнность всѣхъ произведеній..... 65,269 рублей.

Вычтя ежегодныя издержки.. 16,541.

Остается чистаго доходу 48,728 рублей.

* Пробѣлка не составляетъ ни какого счету для заводчика, потому что она совершается во время самого производства, и теми же людьми, въ свободное время; глина вѣроятно вездѣ есть, хотя въ недалекомъ разстояніи, и также не составляетъ счету. Впрочемъ, при пробѣлкѣ остается еще патока, которая можетъ вознаградить эти издержки. Пробѣлку я дѣлаю не такъ, какъ обыкновенно введено на заводахъ: напротивъ, при каждомъ разѣ, когда снимается глина, я снимаю столько песку, сколько пробѣлилось.

И такъ, 96,000 берковцевъ свекловицы даютъ чистаго доходу 48,728 рублей. Следственно каждый берковецъ корпей приноситъ *пять* рублей чистаго доходу.

Я желалъ, сколько позволяетъ предѣлъ журнальной статьи, изложить отчетъ свой подробно, чтобъ вѣрнѣе убѣдить всякаго въ выгодахъ, которыя доставляетъ свекло-сахарная промышленность. Жалю, что не могу представить вмѣстѣ плана, съ подробнымъ описаніемъ, всѣхъ матеріаловъ, и цѣны каждой особенно вещи: это было бы лучшимъ доказательствомъ, что сумма, показанная мною вкладочнымъ капиталомъ, не могла быть большею. Впрочемъ не только въ Малороссіи, но и въ Россійскихъ губерніяхъ, для устройства завода на сто четвертей въ сутки, капиталъ употребляется почти одинаковый: такъ напримѣръ, по обнародованнымъ извѣстіямъ, огромный заводъ Г. Горянинова въ Воронежской губерніи, Павловскомъ уѣздѣ, стоилъ 18,000 рублей; другой въ Тульской губерніи, основанный Г. Безвалемъ на девяносто шесть четвертей въ сутки, стоилъ 16,000.

Сумма для ежегоднаго производства, кажется, довольно подробно выведена. Количество произведеній, получаемое на заводѣ, весьма обыкновенно: въ этомъ ссылаюсь на лучшіе наши заводы, — на заводъ графа Бобринскаго и на весьма близкій отъ меня заводъ Г. Савича; ктому жъ, выходы означены у меня меньше, чѣмъ въ приведенныхъ здѣсь отчетахъ Г. Мальцова и барона Котца. Цѣнность произведеній опредѣлена самою продажею купцамъ Абрикосовымъ и постоянно существующею цѣною на бѣлый песокъ въ Москвѣ.

Остается одинъ вопросъ: могутъ ли $6\frac{1}{4}$ десятины каждый годъ давать 9,600 берковцевъ корпей? На это легко отвѣчать прошедшимъ 1854 годомъ: свекловица выросла только на тѣхъ десятинахъ, которыя засѣяны очень рано, а на прочихъ ничего не было. Восемь лѣтъ занимаюсь я производствомъ, и это былъ первый годъ, такой убійственный. Но, хотя заводъ и лишился своихъ обыкновенныхъ выгодъ, онъ не остался въ убыткѣ: издержки всегда бываютъ соразмѣрны количеству свекловицы. Сверхъ-того, за тѣ десятины, на которыхъ не было свеклы, заводъ ничего

не платилъ, и возвратилъ ихъ экономинъ, которая заставляла ихъ гречихою; а изъ собранной свекловицы заводъ приобрѣлъ болѣе 20 процентовъ на вкладочный капиталъ, составляющій, какъ мы видѣли, очень незначительную сумму. *П. Лялинъ.*

КАРТОФЕЛЬ.

Происхождение и важность картофеля въ сельскомъ хозяйствѣ; способъ сохранять его въ большихъ количествахъ безъ подваловъ, въ обыкновенныхъ житницахъ; употреблять въ пищу, хотя бы и перемерзъ, и изъ перемерзшаго печь хлѣбъ лучший чѣмъ изъ варенаго.

«Не болѣе двухъ сотъ семидесяти лѣтъ, говоритъ Теэръ, какъ извѣстенъ въ Европѣ картофель, необходимое въ нашъ вѣкъ произрастеніе. Въ 1565 году Англичанинъ Джонъ Гамкнисъ вывезъ его въ Европу изъ Санта-Фе, города Новой Мексики, въ Америкѣ. Сажали его только въ садахъ, какъ рѣдкое растеніе, и такъ же употребляли въ пищу. Во Франціи, въ 1622, подавали его только на королевскій столъ. Въ 1625 году нѣкто Вальтеръ Ралефъ показалъ въ Ирландіи употребленіе картофеля въ домашнемъ быту, по-Виргински. Въ Италіи до 1688 года мало знали о картофелѣ. Вѣроятно оттуда перешелъ онъ въ Саксонію въ 1650, но только около 1710 года сталъ всѣмъ извѣстенъ въ Германіи. Однако и тогда сажали его въ садахъ, и по большей части онъ появлялся на столахъ богатыхъ людей. Въ концѣ семилѣтней войны, около 1760 года, употребленіе картофеля распространилось въ Германіи; но еще во многихъ провинціяхъ считалось дѣломъ страннымъ, непонятнымъ, безразсуднымъ, сѣять картофель въ полѣ вмѣстѣ съ хлѣбными растеніями. Только въ годы, неурожайные на всѣ вообще зерновые хлѣба, именно въ 1771 и 1772, посѣвъ картофеля въ большомъ количествѣ нашелъ защитниковъ. Голодъ вразумилъ людей, что можно питаться однимъ картофелемъ и безъ хлѣба. До того времени картофель составлялъ подробную, дополнительную пищу. Однако жъ и послѣ онъ сталъ единственно на продовольствіе челоуѣка. Изрѣдка, въ нѣкоторыхъ хозяйствахъ, давали скоту картофель, остававшійся отъ

годового продовольствія людей. Весьма нескоро узнали пользу кормить имъ скотъ, и стали разводить на этотъ предметъ. Первый Бергенъ, въ своемъ «Введеніи къ Скотоводству», совѣтовалъ разводить его въ большомъ количествѣ на прокормленіе животныхъ, а, для сокращенія работы, употреблять орудіе въ родѣ нынѣшняго коннораспашнаго плужка. Нельзя не удивляться, что такъ долго не могли постигнуть огромной пользы картофеля для сельскаго хозяйства.»

Картофель первоначально происходитъ изъ Виргиніи. Во Франціи возникъ въ 1825 году споръ, дѣйствительно ли картофель уроженецъ Америки, а не Европы. Къ спору подало поводъ то, что открыли дикій картофель въ Испаніи въ приморской провинціи Бетансось, гдѣ онъ называется *castanapa magina*, морскимъ каштаномъ. Земледѣльцы того края жалуются, что трудно искоренить это растеніе. Оно забивается въ виноградники и разрастается во множествѣ на поляхъ пахотныхъ; листья и всѣ части гораздо меньше, нежели у вывезеннаго изъ Америки. Бетансоскій картофель имѣетъ видъ простой травы въ сравненіи съ Американскимъ, который вѣроятно улучшился отъ времени и попеченій человека. Въ Бетансось появляется онъ изъ земли въ іюнь и въ іюль, а послѣ жатвъ хлѣба начинаетъ расти съ необыкновенною быстротою; плоды его малы; иные сладки, другіе горьки, и вообще бываютъ трехъ родовъ, круглые бѣлые, продолговатые бѣлые, и продолговатые красные. Последніе имѣютъ глазки, или зародыши, съ полоскою, подобною проведенной ногтемъ по воску. Круглые картофелины имѣютъ также глазки, но безъ полосокъ. Дикой картофель растетъ тамъ семь мѣсяцевъ, и въ декабрѣ совершенно поспѣваетъ; скороспѣлый даетъ всходы въ маѣ. Стебель, или батва, дикаго вырастаетъ въ четверть аршина; листья короткіе, темно-зеленаго цвѣта; цвѣтковъ вовсе не бываетъ, даже нѣтъ признаковъ завязки цвѣтка. Сильные морозы и проливные дожди не вредятъ Бетансоскому картофелю и не подвергаютъ его гніенію, если онъ покрытъ землей; напротивъ, обыкновенныя земляныя яблоки отъ малѣйшаго мороза и сырости портятся даже въ лучшихъ подвалахъ. Были дѣланы опыты посѣва Бетансоскаго картофеля во Франціи, въ окрестностяхъ Ангулема, на землѣ хо-

рошей, лежащей на полдень: онъ произрасталъ отменно хорошѣ; батва достигала аршина, и болѣе; образовались цвѣтки, но безсмысленныя, съ пустоцвѣтомъ; наросты корня, или яблоки, оказались больше посаженныхъ и походили точь-въ-точь на обыкновенный картофель, съ тѣмъ только, что были мельче. Это заставило думать, что отечество картофеля—Испанія, и нѣкоторые полагали, что онъ оттуда перевезенъ въ Америку. Впрочемъ извѣстно, что въ южной Америкѣ по всему морскому берегу до самыхъ Кординьеровъ растетъ дикой картофель во множествѣ.

Какъ бы то ни было, картофель сдѣлался для Европы столько же необходимъ, какъ зерновой хлѣбъ. Польза и употребленіе его обширны и разнообразны. Цѣлыя народы, на примѣръ Ирландцы, живутъ картофелемъ, который у нихъ составляетъ главную пищу, какъ у насъ ржаной хлѣбъ. Неурожай картофеля повергъ бы въ нашъ вѣкъ едва ли не половину Европы въ крайнее бѣдствіе. Кромѣ недостатка въ прокормленіи людямъ, скотоводство Европейское разстроилось бы совершенно, потому что оно большею частію основывается на этомъ кормѣ. Винокурениіе уменьшилось бы вполнину: въ чужихъ краяхъ выгоняютъ водку наиболѣе изъ картофеля.

Посѣвы въ большомъ количествѣ и полсвая обработка картофеля имѣли великое вліяніе на успѣхи земледѣлія и вообще сельскаго хозяйства. Не только сѣвообороты улучшились и сдѣлались разнообразнѣе, не только полеводство усовершенствовалось, зерновые хлѣба стали родиться лучше и постояннѣе, особливо яровые, которые отменно растутъ послѣ картофеля, но все земледѣшество двинулось отъ него впередъ. Для посѣва и обработки картофеля потребовались и изобрѣтены превосходныя земледѣльческія орудія. Они годились и для другихъ хлѣбовъ или подали мысль къ улучшенію прежнихъ и къ изобрѣтенію новыхъ. Дознаю, что картофель и безъ помощи хлѣба составляетъ питательную и здоровую пищу не только для людей и скота, но и для домашнихъ птицъ, которыя отъ него тучнѣютъ. Изъ картофеля добывается также пиво, патока, крахмалъ. Сколько блюдъ и разнообразія доставилъ онъ Гастрономіи.

Самое затруднительное дѣло, когда съютъ картофель въ

большомъ количествѣ, состояло до-сихъ-поръ въ сбереженіи вырытаго изъ земли, и на этомъ обстоятельствѣ враги плодоперемѣнной системы полеводства болѣе всего опираются свои возраженія. Сырость, теплота, морозъ, свѣтъ для него вредны. Отъ первыхъ трехъ онъ тотчасъ гніетъ, отъ свѣта пускаетъ ростки и лишается питательной силы. Для посѣва въ большомъ количествѣ картофеля, который по величинѣ своей не вмѣщается въ малыя хранилища, надобно было готовить обширныя подвалы теплыя, сухіе, темныя. Нельзя было сберегать картофель въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ, какъ советуютъ иностранцы, просто на поверхности земли, складывая въ кучи и покрывая соломою: земля у насъ промерзаетъ на полтора и болѣе аршина. Даже въ глубокихъ ямахъ трудно уберечь его отъ мороза, особливо если ямы разкрываются зимой при надобности въ картофелѣ. Но весною, когда замерзшая земля станетъ отходить, онъ портится въ ямахъ отъ внутренней земляной воды, если не перемѣстятъ его въ сухія хранилища. Эти затрудненія въ сбереженіи останавливали успѣхи и распространеніе посѣвовъ картофеля въ большомъ количествѣ. На вопросъ, куда употреблять его, когда родится много, отвѣчать было не трудно: употреблять его въ пищу людямъ, замѣнять имъ зерновой хлѣбъ, кормить имъ скотъ, обращать его въ мясо, молоко, сыръ, деньги, выжимать изъ него водку, дѣлать патоку, пиво, крахмалъ; отъ корма скота картофелемъ накопится множество отличнаго навоза, лишь-бы только была подстилка для жидкаго изверженія. Но какъ сберечь большое количество картофеля, особливо крестьянину, у котораго даже въ подполѣ подъ избыю не рѣдко онъ сопрѣваетъ? Эти неудобства и затрудненія отвержены теперь наукою и опытомъ.

Въ наше время Земледѣльческая Химія во многомъ усовершенствовалась; она сдѣлалась обширнѣе, полнѣе; она включила въ область свою и освѣтила забытыя отрасли сельскаго хозяйства; она истолковала самыя трудныя задачи земледѣлія и скотоводства, выводя новыя истины изъ общихъ постоянныхъ законовъ природы. Съ успѣхами Земледѣльской Химіи сдѣлалось извѣстнымъ между прочимъ и то, что картофель не лишается своей питательности, если и пере-

мерзнуть; напротивъ дѣлается лучше и выгоднѣе для выгонки водки и печенія хлѣбовъ. Изъ мерзлаго картофеля выходитъ больше водки и больше бываетъ припеки въ хлѣбѣ, чѣмъ отъ варенаго. Объяснимся.

По Химіи извѣстно, что всѣ растенія, плоды, зерна, употребляемые въ пищу, состоятъ изъ двухъ главныхъ частей, — питательныхъ и непитательныхъ. Въ зерновыхъ хлѣбахъ преимуществуютъ питательныя, а въ картофель напротивъ. Въ 1000 частяхъ озимой пшеницы, по Деви, находится питательныхъ частей 955; именно, крахмала и слизи 765, растительнаго клея, отъ котораго пшеница и рожь могутъ сами по себѣ составлять печеный хлѣбъ, а картофель не можетъ, и бѣлковатаго вещества, 190: слѣдственно остается непитательныхъ частей только 45, то есть, кожицы, или щелухи, называемой отрубями, и влаги. Да и отруби съ пользою употребляются для примѣси въ хлѣбъ: онѣ доставляютъ питаніе оставшимися въ ней частицами муки. Но, въ 1000 частяхъ картофеля, питательныхъ частей только 260; именно, крахмала и слизи 200, сахарнаго вещества 20 и бѣлковатаго 40. Остальное составляютъ влага, или сокъ, и кожа, — вещества непитательныя. Влага, при извѣстной степени теплоты, приходитъ въ броженія и заставляетъ тѣла органическія измѣняться. Первое броженіе бываетъ сахарное, потомъ винное, за нимъ уксусное, и наконецъ наступаетъ гніеніе. Кто останавливаетъ броженіе въ тотъ или другой періодъ, тотъ получаетъ патоку, водку, уксусъ, или вся масса сгніетъ. Нѣтъ влаги, нѣтъ и броженія. Оттого сухія хлѣбныя зерна не повреждаются и не гніютъ въ закромѣ, а сыромолотныя сопрѣваютъ. То же и съ картофелемъ. Отымите влагу, высушите картофель: онъ не потеряетъ ни одной питательной частицы, и можетъ лежать и сохраняться во всякое время года въ закромѣ и гдѣ угодно, лишь бы не было сырое мѣсто. Извѣстно также, что чѣмъ лучше и въ большемъ количествѣ отдѣлятся питательныя части отъ непитательныхъ, тѣмъ сытнѣе дѣлается всякое растеніе: картофель также.

Морозъ—самый лучший химикъ природы. Онъ отдѣляетъ совершенно и безъ малѣйшаго ущерба питательныя части картофеля отъ самаго большаго количества непитательныхъ,

— сока, или влаги. Напротивъ того, если варить картофель въ водѣ, она всегда растворяетъ въ себѣ большую часть сахарныхъ частей и белковатаго вещества, а въ зерновыхъ хлѣбахъ самую слизь. Вотъ почему печеный картофель, не лишняющийся вовсе ни какихъ питательныхъ частей, вкуснѣе и сытнѣе варенаго. То же и въ сушеномъ: испаряется одна влага, а питательныя части все остаются въ цѣлости. Хлѣбныя зерна обыкновенно толкутъ, шастаютъ для того, чтобъ отдѣлить кожицу, отруби, и оставить однѣ питательныя части.

Правила теоріи подтверждаются и на опытѣ. Въ 1833 году, въ помѣстьи моемъ Фроловъ, Тверской губерніи, картофель, посаженный въ овощномъ полѣ, родился отлично хорошо, и обошелся самъ-семъ съ половиной. Тамъ болѣе десяти лѣтъ съется въ полѣ отъ десяти до двѣнадцати десятинъ картофелю по способу плодоперемѣннаго полеводства. Съ осени употребляется картофель во Фроловскомъ хозяйствѣ сырой отъ одного до двухъ гарнцевъ съ мякиной въ кормъ дойнымъ коровамъ, а варенымъ поливается мякина для жеребятъ и телятъ. Какъ скоро начать давать коровамъ сырой картофель, тотчасъ молоко желтѣетъ, густѣетъ, дѣлается отменно вкуснымъ, а изверженіе жидкимъ какъ весною отъ зеленой травы: была бы только подстилка, — накопить можно навоза отъ корма картофелемъ бездну, и самаго отличнаго. Во Фроловѣ картофель сохранялся до-сей-поры въ каменныхъ подвалахъ съ предосторожностями, описанными въ сочиненіи моемъ, «Главныя Основанія Земледѣлія.»

Въ 1834 году послано было изъ Фролова за Волгу, въ другое имѣніе, село Виталино, разстояніемъ за девяносто верстъ отъ перваго, сто двадцать четвертей картофелю по послѣднему пути. Обозъ съ картофелемъ былъ отправленъ въ оттепель, въ концѣ марта, а на другой день въ ночь по дулъ сѣверный вѣтеръ и сдѣлался сильный морозъ. По прибытіи въ Виталино, оказалось не перемерзшаго только тридцать четвертей, и тотъ долженъ былъ поступить на стѣяна. Что было дѣлать съ перемерзшимъ? Жаль бросать девяносто четвертей. Но можно ли безъ вреда варить и употреблять безъ отвращенія перемерзшій картофель въ пищу, какая бы ни была нужда крестьянамъ въ неурожайный 1833

годъ? И такъ рѣшились рубить перемерзшій стѣчками въ корытахъ, какъ капусту, только гораздо крупнѣе, и раздавать крестьянамъ сушить въ печахъ. Изъ четверика или одного пуда рубленого выходило сушеннаго тринадцать фунтовъ.

Такимъ образомъ всѣ девяносто четвертей, полагая въ четверти восемь пудовъ, всего семь сотъ двадцать пудовъ, были изрублены и высушены. Получено сушеннаго, сохранившаго всѣ питательныя части двѣсти тридцать четыре пуда. До-сихъ-поръ изъ этого сушеннаго картофеля сберегается безъ поврежденія нѣсколько въ житницѣ, въ закромѣ. Сухіе куски легко перемалываются въ муку крестьянскими ручными жерновами. Чѣмъ угловатѣе куски, тѣмъ лучше для молотья. Эту картофельную муку прибавляли въ квашню, въ растворъ ржаной муки, приготовленный на хлѣбы; къ пуду ржаной муки примѣшивали тринадцать фунтовъ картофельной. Изъ пуда ржаной муки обыкновенно выходитъ печенаго хлѣба полтора пуда, припеки двадцать фунтовъ; а изъ пуда ржаной и тринадцати фунтовъ картофельной выходило печенаго хлѣба два пуда; прибавлялось на тринадцати фунтахъ еще семь припеки, а всего приращеніе отъ картофеля двадцать фунтовъ. Напротивъ того изъ пуда сыраго картофеля, если сварить, протереть и прибавить къ пуду ржаной муки, выходитъ печенаго хлѣба только пудъ тридцать фунтовъ: слѣдственно приращенія бываетъ въ хлѣбъ только десять фунтовъ. Прибыль не важная, вдвое меньшая противу сушеннаго. Кроме того, мука изъ сушеннаго картофеля совершенно соединяется съ ржаною, не остается ни какихъ слѣдовъ примѣси картофеля и лишней сырости въ хлѣбъ, какія оказываются отъ варенаго и протертаго: это чрезвычайно важно. Хлѣбъ бываетъ отмѣнно вкусенъ: картофельная мука отнимаетъ лишнюю кислоту у ржаной, а эта лишнюю прѣсность у картофельной. Опыты выгодной выгонки изъ мороженнаго картофеля водки, произведенные президентомъ Санктпетербургскаго Экономическаго Общества, были отмѣнно удачны и согласны съ теоріей.

Уже давно извѣстно, что свѣжій картофель можно сушить. И такъ неудачная перевозка картофеля во время зимы послужила, если не къ новому открытію, то новымъ доказательствомъ возможности сушить съ пользою и перемерзшій, ко-

торый обыкновенно бросали, какъ ни къ чему негодный, и потомъ сушеный употреблять въ хозяйствѣ еще съ большею выгодой чѣмъ свѣжій. Этою картофельною мукою хорошо посыпать кормъ скоту и птицѣ, вмѣсто зерноваго хлѣба.

Вотъ теперь можно безъопасенія пользоваться совѣтомъ и пострапцевъ, — складывать картофель въ кучи просто на поверхности земли, и въ сѣверныхъ губерніяхъ, — разумѣется только тотъ, который не нуженъ для сѣмянъ и употребленія свѣжимъ. Крестьяне каждый день могутъ рубить перемерзшій и сушить въ избахъ въ печи. Для сушки картофеля имъ не нужно тратиться ни на дрова, ни на постройку особыхъ печей. При поствѣ въ большомъ количествѣ картофеля можно обойтись безъ обширныхъ подваловъ и огромныхъ ямъ, ненадежныхъ для храненія. При селеніи всегда найдется нѣсколько возвышенныхъ мѣстъ, чтобъ хранить сѣмянный картофель и нѣсколько свѣжаго въ небольшихъ ямахъ, куда вода весенняя не подходитъ. Теперь ни что уже не препятствуетъ сѣять въ большомъ количествѣ благотворное растение, совершенно замѣняющее зерновой хлѣбъ, и съ тѣмъ преимуществомъ, что оно не боится ни побитія градомъ, ни сильныхъ дождей. Теперь сохраненіе картофеля, прежде столь трудное, становится чуть ли не легчайшимъ изъ всѣхъ предметовъ, сохраняемыхъ въ деревнѣ. Теперь безъ всякой несправедливости можно давать дворовымъ людямъ въ обыкновенную мѣсячину вмѣсто полного количества ржаной муки, двѣ трети ржаной и одну третью часть картофельной: это сбережетъ въ каждомъ хозяйствѣ, гдѣ живетъ помѣщикъ, почти цѣлая сѣмена ржи. Всякому сельскому хозяину извѣстно, какъ важно, и необходимо имѣть всегда запасъ сѣменнаго хлѣба. Распространеніе поствовъ картофеля въ большомъ количествѣ послужитъ самою надежною обороною отъ голода, жестокаго бича народнаго, и въ то же время лучшимъ средствомъ къ составленію сельскихъ запасовъ зерноваго хлѣба. *Д. Шелеховъ.*

ИСТОРИЯ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

РУССКАГО ПОМѢСТЯ СЪ ТРЕХПОЛЬНЫМЪ ЗЕРНОВЫМЪ ПОЛЕВОДСТВОМЪ ВЪ АНГЛІЙСКОЕ СЪ ПЯТИПОЛЬНЫМЪ ПЛОДОПЕРЕМѢННЫМЪ.

=

ВВЕДЕНІЕ.

=

Чѣмъ начать описаніе событія, небывалаго въ цѣлой губерніи, сначала весьма труднаго, впослѣдствіи чрезвычайно легкаго, вовсе незамысловатаго, стоящаго весьма мало денегъ и усилій, о которомъ старожилы не слыхивали, которое изумило жителей, особливо простонародіе; по случаю котораго предвѣщали дурной конецъ «затѣямъ» помѣщика, разстройство его хозяйству, разореніе крестьянамъ; которое мнимые знатоки Россіи называли невозможнымъ въ нашемъ краѣ по тысячѣ-одному непреодолимому препятствію, и провозглашали худою потѣхою владѣльца? Возможно ли вздумать, говорили простолюдины, сѣять по хлѣбу траву и зелье? Возможно ли чтобъ съ одной земли въ одинъ годъ снимались двѣ жатвы, и вынесетъ ли земля? Какъ мѣнять, по пословицѣ, кукушку на ястреба, сѣять въ полѣ намѣсто хлѣба картофель, этотъ переводъ хлѣба и грѣшную пищу? Старожилы болѣе образованные недоумѣвали, какъ можно обойтись безъ пара; куда выгонять скоть, когда луга закажутъ; гдѣ сохранять картофель, и что дѣлать съ большимъ количествомъ при урожаѣ; сомнѣвались, будутъ ли у насъ родиться кормовыя травы и доставлять хорошіе сѣнокосы; по нашему ли климату заводить иностранное хозяйство; какія надобно имѣть суммы на покупку сѣмянъ нововводимыхъ растений, на обзаведеніе хозяйства плугами, рабочими лошадками, сбруей; вознаграждаются ли урожаями подобныя издержки, содержаніе лошадей и работниковъ на господскомъ

продовольствіи? Я уже не говорю о тѣхъ возражателяхъ, которые, хватая предметъ подальше, говорили о преградахъ, поставляемыхъ нашимъ политическимъ бытомъ. Всѣ эти умствованія заставляли даже людей благонамѣренныхъ искренно сожалѣть о трудахъ мечтательнаго нововводителя, который и самъ сначала утопалъ въ недоумѣніяхъ и сомнѣвался въ успѣхѣ дѣла по неопытности, по неимѣнію образцовъ предъ глазами, по неполному еще познанію науки Сельскаго Хозяйства. Однако жъ это неслыханное событіе совершилось, — и совершилось у меня нижеподписавшагося, въ моей скромной отчинѣ, Фроловѣ. То было въ 1822 году, въ Тверской губерніи. Тогда не имѣли еще яснаго понятія о плодоперемѣненіи и о системѣ этого полеводства. Всякое полеводство не-трехпольное называли Англійскимъ или Нѣмецкимъ, и вообще иностранною новизною, несообразною съ кореннымъ устройствомъ нашихъ помѣстій, недоступною для силъ Русскихъ крестьянъ и для ихъ животныхъ. Но черезъ двѣнадцать лѣтъ какая перемѣна въ понятіяхъ, по-крайней-мѣрѣ въ здѣшнемъ краю! Теперь никто уже здѣсь не сомнѣвается, послѣ десяти-лѣтняго Фроловскаго опыта, о возможности производить плодоперемѣнное полеводство съ выгодною, хотя и до-сихъ-поръ его идея не вовсе проявилась. Сущность его еще темна; оно извѣстно больше по своей формѣ. Говорятъ обыкновенно, — вы производите семи-польное хозяйство, или пяти-польное, трехпольное; у васъ въ пятипольномъ хлѣбъ хорошо родится, и тому подобное, — не подразумѣвая даже того, что дѣло состоитъ не въ числѣ полей. Едва ли не всѣ питаютъ нынче въ хозяйствахъ здѣшняго края мысль и желаніе преобразовать свое зерновое (трехпольное) въ плодоперемѣнное, но большею частію ограничиваютъ виды преобразованія учрежденіемъ у себя четырехъ полей, именно по причинѣ тѣхъ же

неясныхъ, смѣшанныхъ идей о многопольномъ хозяйствѣ и плодоперемѣненіи. Не достаетъ еще большаго числа примѣровъ и опытныхъ указаній; нуждаются еще въ руководствѣ, содѣйствіи и поощреніи; за вѣкъ тѣмъ первая и самая толстая кора предубѣжденія спала и съ самыхъ одеревянѣлыхъ умовъ.

Начну исторію искреннимъ признаніемъ и изложеніемъ всего, что было, — именно, что послужило поводомъ къ измѣненію зерноваго полеводства, что рѣшило на это предпріятіе, какія взяты были мѣры, какія встрѣчались препятствія, какія сдѣланы погрѣшности.

Преобразователь полеводства въ сельцѣ Фроловѣ имѣлъ передъ глазами еще съ 1817 года весь ходъ мѣстнаго хозяйства, урожаи и доходы, хотя находился на службѣ вдалекѣ отъ помѣстья. Недостатки зерноваго полеводства были очевидны. Не проходило ни одной весны, чтобы на скотномъ дворѣ многихъ коровъ не подымали, чтобы по нѣскольку не издыхало отъ худобы. Остальной скотъ выходилъ весною на паству, едва передвигая ноги. Не было года, самаго урожайнаго на сѣно и солому, чтобы, несмотря на огромную дачу, на изобиліе въ лугахъ, накоплялось удобренія даже на полпара. Въ иной годъ удобрялась только треть пароваго поля. Земля истощалась приметно, хотя только за одиннадцать лѣтъ до 1817 года Фроловская усадьба устроилась на новомъ, пустошномъ мѣстѣ, гдѣ пахали одними наѣздами. За одиннадцать лѣтъ всѣ поля образовались изъ поднятой нови; но уже въ 1817 году инныя десятины вовсе перестали родить хлѣбъ, потому что съ первой распашки ни разу не получали унавоживанія. Однако жъ до 1817 года еще могли распахать новы; съ того времени подъемка нови вовсе прекратилась: возвышенныхъ, годныхъ къ хлѣбопашеству мѣстъ не стало. Оставались только низины и болотины; для об-

ращенія ихъ въ пашню требовалась помощь искусства, о которомъ въ здѣшней странѣ слыхомъ не было слышно.

Тогда естественно представились уму вопросы: Если въ здѣшнемъ краю земля не повь, и безъ удобренія не плодородна, то какимъ образомъ увеличить удобреніе? Покупкою ли, прибавленіемъ скота? Но чѣмъ кормить прибылыхъ, когда и прежній отъ безкормицы едва переводилъ духъ? Были передъ глазами примѣры разстройства и опустошенія скотнаго двора, именно отъ умноженія скота покупкою. Одинъ сосѣдъ, жившій въ столицѣ, имѣвшій много свободныхъ денегъ, накупилъ скота столько, что составилъ двойное число: на слѣдующую весну отъ недостатка корма сдѣлался падежъ; скотъ перекопѣлъ, не только купленный, но и коренной, прежній. Оставалось еще средство: не отдавать въ наймы сѣнокосныхъ пустошей, чтобъ съ нихъ собирать болѣе сѣна для себя. Но сѣнокосу находилось и безъ прибавленія столько, что силъ и средствъ не доставало тягловымъ крестьянамъ скосить и убрать сѣно съ большаго пространства прежнихъ луговъ.

Такъ, Фроловское хозяйство находилось въ печальной необходимости ожидать изобилія и урожая отъ случайности погодъ, зависѣть только отъ благопріятныхъ для урожая годовъ, и страдать при малѣйшемъ ихъ измѣненіи. Незнаніе другихъ способовъ полеводства и основаній разсудительнаго сельскаго хозяйства содѣлывало его невольникомъ, слѣпымъ исполнителемъ старинныхъ и безотчетныхъ дѣйствій и предрасудковъ крестьянскихъ, заставляло основывать всѣ надежды на улучшеніи только прежняго трехпольнаго полеводства и утверждаться въ мысли, что далѣе обыкновеннаго дѣлопроизводства итти не возможно. Одинъ только идеалъ — зерновое полеводство, носился въ умѣ, и внѣ его

все было хаосъ и мракъ. Одно было у помѣщика желаніе — устроить свое хлѣбопашество, пріобрѣсти искусство кормить скотъ, пахать землю, и прочая, такъ же хорошо, какъ дѣлають для себя крестьяне.

Нѣтъ сомнѣнія, что во Фроловскомъ хозяйствѣ было столько просвѣщенія, чтобъ не принимать за великія истины увѣреній старость, скотниковъ и крестьянъ, будто-бы скотъ отъ того худо ведется, что много развелось бѣлыхъ и пестрыхъ коровъ, которые не ко двору; будто измѣнилось хлѣбородіе отъ того, что начали пахать ржанище подъ зиму, тронть пашню подъ рожь и яровое; будто здѣшняя земля отвращается рыхлости и не любитъ хорошей обработки; будто и самое унавоживаніе не помогаетъ въ года неурожайные; будто все родится только годомъ и не зависитъ отъ трудовъ и удобренія, потому что у такого-то крестьянина рожь, дискать, родилась на землѣ навозной хуже чѣмъ на преснипѣ, хуже на троеной чѣмъ на одномъ взметѣ; будто все зависитъ отъ судьбы, а ни сколько отъ заботливости, искусства и умѣнья.

Въ то время впрочемъ казалось достовѣрнымъ, что если не этимъ предрасудкамъ приписывать Фроловскіе плохіе урожаи и пониженіе хозяйства, то надобно приписать худому присмотру и неприсутствію самого хозяина. И такъ служба оставлена въ началѣ 1820 года. Дѣятельный и неусыпный надзоръ обращенъ былъ на всѣ части хозяйства. Помѣщикъ самъ присутствовалъ при жатвѣ, кошеніи и уборкѣ хлѣба, при молотьбѣ, пріемѣ и отпускѣ хлѣба изъ житницъ, при раздачѣ мѣсячины людямъ, при кормѣ скота. Но и трехлѣтняя дѣятельность не помогла. Наступили ужасные годы 1820, 1821 и 1822, столь дождливые, что хлѣбъ подопрѣвалъ на десятинахъ и съ трудомъ ѣздили по полямъ на телегахъ. Вымочекъ на поляхъ было безчисленное множество; ничто не пре-

дупреждало этого бѣдствія, ничто не утверждало на корнѣ жатвѣ, не осушало полей, загроможденных кустарниками, купами деревъ, рощицами и болотинами; о землезготовленіи, объ осушеніи полей посредствомъ окружныхъ и полевыхъ каналовъ и стоковъ, вовсе не было извѣстно Фроловскому хозяину, какъ и его сосѣдямъ; почитали за порчу полямъ, если обводить ихъ вокругъ каналами; думали, что хозяйство лишается много пахатной земли, если провести по нимъ стоки.

Трехгодичный неурожай довелъ хозяйство до самаго стѣсненнаго положенія. Доходовъ отъ хлѣбопашества вовсе почти не было. Приходилось жить въ долгъ. Надобно было обсемянить многихъ крестьянъ озимымъ хлѣбомъ и кормить другихъ почти съ перваго снопа. Отчаяніе, и безсиліе помочь урожаемъ полей, заставляли уже помышлять о томъ, какъ-бы по старинному обычаю, оставить помѣстье, переселиться опять въ городъ, поискать мѣстечка съ жалованьемъ, или иными средствами обезпечить себѣ способъ жизни и выгодное употребленіе трудовъ. Но пріѣздъ одного почтеннаго, просвѣщеннаго хозяина, *Ө. Ө. Р****, въ свое помѣстье близъ Фролова, остановилъ предпріятіе, и сельскія занятія, невольнo привлекавшія сердце, не были покинуты.

Весьма памятно Фроловскому помѣщику, который, по воспитанію въ Московскомъ университетѣ, имѣлъ нѣсколько свѣдѣній въ Физикѣ, Химіи, Естественной Исторіи, Государственномъ Хозяйствѣ, но вовсе ни какихъ въ самой простой и нужнѣйшей отрасли естествознанія, — сельскомъ хозяйствѣ, весьма памятно тогдашнее его полное невѣдѣніе въ этой отрасли и изумленіе при словахъ новопріѣзжаго сосѣда о различныхъ способахъ земледѣлія, существующихъ въ мі-

рь*. Наравнѣ съ пшѣнными вымыслами представлялись рассказы, объ иностранномъ сельскомъ хозяйствѣ, просвѣщеннаго гостя, путешествовавшаго въ зрѣлыхъ лѣтахъ по чужимъ краямъ и наблюдавшаго тамошнее дѣлопроизводство. Тогда въ первый разъ поразили слухъ слова — сѣвооборотъ, плодоперемѣнная система, и прочая. Казалось баснею, будто бы можно обойтись безъ пароваго поля въ Россіи; будто можно, посредствомъ травосѣянія и корнеплодныхъ овощей, выстѣваемыхъ на поляхъ нахатныхъ, кормить скотъ на стойлѣ даже во время лѣта, безъ выпуска на паству, какъ ѣзжальныхъ лошадей, и будто животное отъ того не только незадохнется и не поху-дѣетъ, но доставить болѣе молока, сдѣлается тучнѣе. Истины разсудительнаго хозяйства казались мечтами заморскими, и самый опытъ *Θ.Θ. Р**** въ Тамбовской его деревнѣ, удобрять поля запахиваемою гречихою, несбыточнымъ чудомъ.

Возбужденное любопытство искало однако жъ удовольствій. Для всякаго дѣлопроизводства есть правила: слѣдственно должны быть и для сельскаго хо-

* Благодаря прозорливой попечительности нашего правительства, нынче почти при всѣхъ университетахъ находятся кафедры Сельскаго Хозяйства, не мнимыя, а дѣйствительныя. Молодые люди, въ томъ числѣ знаменитый Московскій профессоръ, Г. Павловъ, были посланы въ чужіе края для пріобрѣтенія въ немъ познаній, теоретическихъ и практическихъ. Еще недавно учрежденъ въ Курляндской Гимназіи классъ Лѣсоводства, одной изъ отраслей сельскаго хозяйства. Что, если бы во всѣхъ гимназіяхъ открытъ былъ классъ для преподаванія сельскаго хозяйства? Гимназисты переходили бы въ университетъ съ запасомъ нужныхъ свѣдѣній о предметѣ, а выходящіе изъ гимназій на службу не были бы лишены первыхъ, основныхъ понятій, не чуждались бы усовершенствованій, не поддавались бы легко въ сѣти предрасудковъ и повѣрій, могли бы, при случаѣ, занимать мѣста управителей въ имѣніяхъ. Еще бы удвоилась польза и быстрѣе разнились бы свѣдѣнія въ образованныхъ сельскихъ занятіяхъ, если бы при губернскихъ городахъ учреждены были, сообразныя съ мѣстностью, образцовыя, опытные усадьбы. Теорія находила бы для себя подѣрукою повѣрки и опытыя указанія.

зяйства, думалъ Фроловскій помѣщикъ. Первая книга, которая попала къ нему въ руки, было — «Новое Земледѣліе по руководству Шубарта». Во второй части были описаны опыты плодоперемѣннаго полеводства, произведенные въ Калужскомъ помѣстьи Г. Полторацкимъ. Книга эта удивила, но не внушила довѣрія. По-несчастію, была у другаго сосѣда ничтожная книжонка, подъ заглавіемъ «Плугъ и Соха» съ эпиграфомъ — *Предки не глупѣ насъ были*. Въ ней опровергалась польза такъ называемаго Англійскаго хозяйства, и были приведены расчеты доходовъ и работъ обыкновеннаго зерноваго полеводства и новаго, «Англійскаго», или плодоперемѣннаго. Это точно такой же бредъ, какъ впоследствии увидѣлъ я въ примѣчаніяхъ къ Теэру въ Русскомъ переводѣ, но онъ возбудилъ во мнѣ бездну сомнѣній. Третья книга, сообщенная мнѣ Г-мъ Р***, была Нѣмецкая, «Начертаніе руководства къ плодоперемѣнному хозяйству», Людвигъ Фишера, переведенная впоследствии на Русскій Г. Масловымъ. Эта книга бросила первыя семена вѣрованія въ усовершенствованія сельскаго хозяйства и въ плодоперемѣнное полеводство. Многія сомнѣнія разсѣялись. Но полный свѣтъ разлило и душу согрѣло твореніе Теэра, — «Основанія разсудительнаго сельскаго хозяйства». Казалось, что завѣса совершенно спала. Глаза прозрѣли, и умъ совпалъ со вновь открытыми истинами. Воспламенилось желаніе исполнить на дѣлѣ правила науки. Надежда на лучшее окрыляла мысли и побуждала къ преобразованію.

Но какъ взяться за преобразованіе? Гдѣ примѣры? Никто въ Фроловскомъ хозяйствѣ не видывалъ ни плуговъ, ни желѣзныхъ боронъ, ни катковъ, въ натурѣ. Кто разрѣшитъ недоумѣнія, подастъ нить Аріадны для выхода изъ лабиринта незнанія? Кто ободритъ владѣльца и защититъ отъ насмѣшекъ и

укоровъ, внѣшнихъ и внутреннихъ? Передъ тѣмъ временемъ составилось Московское Общество Сельскаго Хозяйства. Люди, извѣстные своими заслугами отечеству и правилами, соединились съ цѣлю стремиться къ улучшенію отечественнаго земледѣлія. Неужели мужи просвѣщенные соединились хлопотать о мечтахъ несбыточныхъ и желаютъ вреда государству? Обыкновенными возраженіями старожиловъ было то, что эти просвѣщенные мужи желаютъ безъ всякаго сомнѣнія общей пользы, — но извѣстно ли имъ вполнѣ даже обыкновенное трехпольное полеводство? много ли эти мужи жилали въ деревняхъ, и управляли ль они когда-нибудь хозяйствомъ? Подобныя возраженія не охлаждали ревности владѣльца, и она повлекла его въ столицу для совѣщаній и знакомства съ членами Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства.

По прежнему знакомству съ Московскими учеными, нельзя было не узнать тотчасъ о рѣдкомъ феноменѣ, — о систематическихъ познаніяхъ Г. профессора Павлова въ Европейскомъ сельскомъ хозяйствѣ. Знакомый со всеми современными системами естественныхъ наукъ, онъ разливалъ цѣлыя массы новыхъ свѣдѣній и соображеній. Основательный умъ, краспорѣчіе и любезность невольно привлекли къ нему сердце. Этотъ ученый, впоследствии проявившій обширныя свои познанія многими сочиненіями, между-прочимъ «Земледѣльческою Химіею», лучшимъ его произведеніемъ, установилъ колеблющееся намѣреніе путешественника, въ памяти котораго всегда останутся наставительныя повѣздки съ нимъ въ разныя хозяйственныя заведенія. Въ шестнадцать верстахъ отъ Москвы, помѣстье Кагуль, покойнаго канцлера графа Румянцева, находилось тогда подъ управленіемъ стараго Англичанина, Г. Роджера. Стоило только взглянуть на его хозяйство, чтобъ быть очарованнымъ. Въ

первый разъ въ жизни представилась взорамъ чудесная картина усовершенствованнаго земледѣлія, скотоводства, орудій и домоводства. Съ первымъ шагомъ въ помѣсть сдѣлалось явнымъ, что познанія, а не повѣрья, управляютъ дѣломъ. Все носило на себѣ отпечатки размышленія и искусства. Просторныя дороги, обрытыя широкими каналами съ высокимъ валомъ, обложеннымъ дерномъ и обсаженнымъ ветлами, которые до того возмужали, что можно было прорѣживать деревья и употреблять на топку: для мѣстъ степныхъ, безлѣсныхъ, это превосходный способъ отопленія; ветлы растутъ скоро и по срубкѣ вновь даютъ отпрыски, изъ которыхъ образуются деревья. За каналами участки пахатныхъ полей, превосходно воздѣланныхъ. Въѣзды на поля между валомъ снабжены хорошими, прочными мостиками и красивыми воротцами. Не только картофель и морковь посѣяны въ полѣ и обработаны грядами, но яровой хлѣбъ, сѣянный сѣворальникомъ, также произрасталъ грядами, между которыми можно было пропахивать порожнія полоски земли култиваторомъ, орудіемъ наподобіе гусиной лапы, истреблять сорныя травы, разрухлять землю и обваливать ею хлѣбныя растенія, вбирающія въ себя обильное питаніе изъ толстаго слоя пашни. Полеводство было плодотворно-выгонное, приличное песчаной почвѣ и принаровленное преимущественно къ скотоводству, отъ котораго, по близости столицы, получались большіе доходы. Постояннаго сѣвооборота принято не было: искусный хозяинъ, Г. Роджеръ, по своему усмотрѣнію располагалъ посѣвами. Пахатныя поля раздѣлялись на нѣсколько участковъ, которые попеременно были засѣваемы озимымъ хлѣбомъ, корнеплодными овощами, картофелемъ, морковью, потомъ яровымъ съ трилистникомъ (дятловиною) на сѣнокосы и на выгоны скоту, которыхъ было нѣсколько. Скотъ пасся поочередно на каждомъ. По

мерь вытравливанія трилистника на одномъ выгонѣ, уже отросталъ трилистникъ на другомъ. Домъ и всѣ вообще постройки для хозяйства изумляли своею обдуманною пользою, необыкновенно удобнымъ расположеніемъ и близостью для надзора. Двухъэтажный домъ раздѣлялся внутреннимъ корридоромъ на двѣ половины. Въ лицевой жилъ самъ Г. Роджеръ съ семействомъ. Опрятностью и домашнимъ приборомъ комнаты его не уступали лучшимъ помѣщичьимъ покоямъ. Выходя изъ корридора въ другую половину дома, вы поражались неожиданнымъ явленіемъ: тамъ помѣщенъ скотъ — великолѣпно! Полъ чистый, усыпанный пескомъ, стояла свѣтлая, просторная, забранная искусно досками въ столбахъ, простыхъ, но походившихъ на колонны. Ставъ на одномъ концѣ этой коровьей конюшни, вы видите широкую и длинную площадь, или амфиладу, обставленную колоннами. Въ стойлахъ полъ нѣсколько покатъ, чтобъ жидкость могла стекать въ каменные жолоба, проводившіе на вѣншній дворъ въ особыя хранилища, изъ которыхъ насосами поливалась солома и навозъ. Въ придѣлахъ къ дому, съ правой стороны отъ конюшни, помѣщались люди и контора, гдѣ все было чисто какъ скло; съ лѣвой стороны были комнаты для скопа и сырودѣлія, маслoбойни ручныя и конныя. Послѣднія приводились въ движеніе лошадыо извнѣ. Далѣе телятникъ. Въ придѣлахъ съ лицевой стороны, направо, помѣщались рабочія и ѣзжалыя лошади и свиньи; на лѣво дворовая птица. Передъ домомъ площадка, усыпанная пескомъ; за домомъ выстланный камнемъ обширный дворъ: на немъ весною и лѣтомъ стлалась солома, которую уминалъ скотъ, выпускаемый изъ стойлъ, для умноженія навоза. Далѣе, къ низу, прудъ, надъ которымъ возвышалось строеніе для кухни и приготовленія корма скоту. Скотъ кормился мякиною съ сырымъ картофелемъ, сѣномъ, яровою соломой, никогда

ржаною, шедшей только на подстилку. Изобиліе въ кормѣ было чрезвычайное. Особыя строенія, ограничивающія дворъ нѣтъ, заключали въ себѣ ригу, съ сараемъ и молотильною машиною, и вѣяльницу. Въ противуположности, на правой сторонѣ, находились хлѣбные амбары, а подъ ними огромные подвалы для храненія овощей. Въ нѣкоторомъ отдаленіи кузница и саран, каменные, для экипажей и земледѣльческихъ орудій. Здѣсь сохранялись сокровища земледѣлія, — земледѣльческія превосходныя орудія. Первое, что поразило, взоръ былъ плугъ, прелестной формы, изобретенія Г. Роджера, съ чугуннымъ корпусомъ и крыломъ, съ желѣзными дышломъ, отрѣзомъ и лемешемъ. Потомъ большія желѣзныя бороны, называемыя распахивающими, и малыя, дѣйствующія по три въ рядъ; сѣвальная машина, скарификаторъ, или эстирпаторъ, и прочая.

Вполдень явилось цѣлое стадо скота, какого не видано. Скотъ, огромный, тучный, шелъ отдыхать во время зноя въ стойла и освѣжиться сочнымъ, зеленымъ трилистникомъ. Лошади, дѣйствовавшія чугунными плугами, были, какъ у знатныхъ людей въ городскихъ экипажахъ; земля пахалась скоро, ровно, рассыписто*. Такъ называемыя Китайскія свиньи, никогда не выпускавшіяся изъ хлѣва, отъ тучности не держались на ногахъ; онѣ кормились одною сывороткою отъ сырости. Въ отдаленности отъ дома выстроены были особые каменные саран для храненія сѣна, соломы и огуменнаго корма. Тамъ паслись телята, истинно живописныя.

Съ жадностью пожирали взоры каждую отрасль такого хозяйства, и не могли насытиться. Нельзя было не чувствовать признательности къ просвѣщенному

* Мѣсто не позволяетъ уже намъ присоединить къ этой статьѣ описаніе земледѣльческихъ орудій Г. Роджера: мы сообщимъ его въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. *Б. для Ч.*

владельцу за доставленіе своимъ соотечественникамъ образца превосходныхъ заведеній, которыя стоили издержекъ, но возвращали ихъ вполнѣ доходами Кагульского хозяйства, повѣреннаго рукъ искусной. Удивительный во всемъ порядокъ и отчетность насъ восхищали. Шнуровыя книги, приходныя и расходныя, показывали въ своихъ итогахъ неимоверно высокій доходъ отъ помѣстья. Главную часть прибыли доставляло скотоводство.

Тогда совершенно исчезли опасенія Тверскаго помѣщика насчетъ пользы отъ усовершенствованій. Въ душѣ, восхищенной всѣмъ видѣннымъ, рѣшено было преобразовать жалкое зерновое полеводство, ввести плодоперемѣнное, эту могущественную пружину улучшенія скотоводства и хлѣбопашества. Возродилось пламенное желаніе хоть нѣсколько приблизиться къ совершенству, представлявшемуся взорамъ въ Кагуль, изобразить хоть тѣнь этого превосходства въ Русскомъ помѣстьи. По идеѣ Кагульскихъ заведеній и расположенію зданій составленъ былъ планъ для новой постройки во Фроловской усадьбѣ, чтобъ замѣнить прежнюю, приходившую въ ветхость.

Наконецъ обозрѣніе усадьбы, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы, принадлежащей члену Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, Г. Гусятникову, опытному и свѣдущему хозяину, утвердило рѣшимость. У него для полей пахатныхъ принять былъ сѣвооборотъ постоянный съ травосѣяніемъ, корнеплодными овощами, и частию съ паромъ; жатвы на поляхъ были обильныя; трилистникъ отменно росъ по ржи; устройство скотнаго двора, описаннаго въ «Атенеѣ» Г. Павловымъ, отличію хорошее. Скотный дворъ не великолѣпный какъ Кагульскій, но принаровленный къ Русскому быту. Скотъ мельче Кагульскаго, но отличной породы, безъ роговъ, послушный малѣйшему маховенію пастуха. Мельница водяная превосходная: въ

ней все колеса и шестерни чугунныя, и онъ не производили ни какого стука. Привѣтливость хозяина, пламенный патріотизмъ и стремленіе къ усовершенствованіямъ, внушали уваженіе къ полезнымъ предпріятіямъ. Жребій выпалъ. Фролово должно быть преобразовано!

Исторія этого преобразованія, изложенная откровенно, безъ утайки ошибокъ, неудачъ и трудностей, можетъ быть весьма полезна нашимъ сельскимъ хозяевамъ. Она будетъ раздѣлена на двѣ части. Въ первой, изобразится прежній порядокъ хозяйства въ селѣ Фроловъ, и состояніе всехъ его отраслей въ минуту приступленія къ введенію новой системы. Вторая часть объемлетъ переходъ отъ зерноваго полеводства къ плодоперемѣнному, способы употребленные владѣльцемъ и результатъ улучшеній. *Д. Шелеховъ.*

=

ПРИГОТОВЛЕНІЕ КОЛПАЧКОВЪ ДЛЯ УДАРНЫХЪ РУЖЕЙ.

Несмотря на все превосходство ударныхъ ружей передъ обыкновенными съ кремнями, многіе недостаточные охотники, особливо живущіе далеко отъ столицъ и другихъ большихъ городовъ, гдѣ бы они могли свободно запастись необходимыми для этихъ ружей воспламеняющимися колпачками, по неволѣ должны отказываться отъ такого полезнаго изобрѣтенія. Въ отвращеніе столь важнаго неудобства сообщаемъ, для желающихъ, способъ приготовленія этихъ колпачковъ, следуя которому каждый можетъ дѣлать ихъ у себя, дома.

Главное дѣло состоитъ въ приготовленіи гремучаго порошка, который кладется въ колпачки. Вотъ его составъ.

Возьмемъ:

Очищенной живой ртути.....	1¼ унцій.
Селитреной кислоты въ 34 градуса по ареометру Бома (крѣпкая водка).....	9 унцій.
Чистѣйшаго виннаго спирту, или алкого- ля, въ 52° того жъ ареометр.....	42 унцій.

Сперва надобно растворить ртуть въ селитренной кислотѣ: для этого объ жидкости вливаются въ большую стеклянную колбу, которая ставится на огонь и исподоволь подогревается, доколѣ вся ртуть растворится и отдѣленіе бурныхъ паровъ совершенно прекратится. Тогда надобно колбу снять съ лампы, и, заткнувъ пробкою, оставить на цѣлыя сутки въ покой, чтобы раствореніе ртути совершилось вполне. Въ полученный такимъ образомъ прозрачный растворъ ртути въ селитренной кислотѣ, должно разомъ влить все показанное выше количество виннаго спирту, хорошенько взболтать, и, поставивъ колбу въ сосудъ съ теплою водою, нагрѣвать до тѣхъ поръ, пока жидкость, находящаяся въ колбѣ, также закипитъ и появятся въ ней густые бѣлые пары съ запахомъ, похожимъ на запахъ Гофманскихъ капель. Покипятивъ эту смѣсь около пяти минутъ, надобно колбу изъ воды вынуть и поставить въ спокойное мѣсто, гдѣ кипѣніе будетъ продолжаться само собою; въ это время, и послѣ, когда жидкость въ колбѣ станетъ простывать, получится на днѣ сосуда значительное количество сѣроватаго порошка, — гремучей ртути. Когда колба совсѣмъ охладится, должно всю жидкость съ осадка тихонько слить въ особый стеклянный сосудъ, а на порошокъ, оставшійся въ колбѣ, налить немного холодной воды, взболтать и процѣдить все сквозь пропускную бумагу въ стеклянной воронкѣ; колбу еще разъ сполоснуть холодною водою, которую также пропустить сквозь ту же цѣдилку. По стоку всей жидкости, цѣдилку должно изъ воронки вынуть, и, положивъ ее, не развертывая, на тарелку на сложенный вчетверо листъ пропускной бумаги, поставить для просушки въ теплое мѣсто, на примѣръ на лежанку или даже въ печь, въ вольный духъ. Когда бумага совершенно высохнетъ, тогда цѣдилку можно развернуть и соскоблить съ нея весь осѣвшій порошокъ. Должно замѣтить, что этотъ порошокъ очень легко отъ тренія вспыхиваетъ, и потому соскабливать его съ бумаги надобно очень осторожно, сыпая безпрестанно все соскобленное количество на другую бумагу.

Слитую съ осадка жидкость можно вторично вскипятить, причемъ изъ нея осѣдетъ еще нѣсколько гремучей

ртути, которая едва ли не лучше полученной въ первый разъ.

Такъ какъ чистая гремучая ртуть уже слишкомъ легко вспыхиваетъ и сверхъ-того даетъ не довольно огня, то ее смѣшиваютъ съ разными веществами; какъ-то съ арабійскою камедью, съ сахаромъ, съ воскомъ, съ толченымъ стекломъ и прочая. Но кажется, что всего лучше стереть ее съ обыкновеннымъ порохомъ, поступая слѣдующимъ образомъ:

Возьми одинъ гранъ арабійской камеди въ порошокъ, и, спустивъ ее въ столовой ложкѣ горячей воды, смочи ею полдрахмы пороховой мякоти; сдѣлавши изъ этого довольно жидкое тѣсто, размажь его костью по стеклянной плиткѣ и посыпь сверху 20 грановъ гремучей ртути; смѣшай все хорошенько, опять размажь смѣсь по плиткѣ, и снова насыпь сверху 20 грановъ гремучей ртути; потомъ, смочивъ смѣсь еще разъ клейкою водою, хорошенько смѣшай, и, такимъ же образомъ какъ прежде, прибавь въ третій разъ 20 грановъ ртути; размѣшавъ опять, сдѣлай довольно густое тѣсто. Вотъ смѣсь, которую должно класть въ колпачки. Только ее надобно дѣлать не вдругъ, а всегда въ маломъ количествѣ, чтобы въ случаѣ взрыва не произошло большаго вреда.

Теперь слѣдовало бы показать, какъ дѣлаются мѣдные колпачки; но какъ эта работа требуетъ нѣкотораго искусства и особыхъ приборовъ, то лучше замѣнять ихъ свинцовыми или даже бумажными, которыхъ приготовленіе несравненно легче и удобнѣе въ обыкновенномъ хозяйствѣ.

Выстрогавъ гладко, ровно и совершенно по одной мѣрѣ десятокъ или поболѣ круглыхъ деревянныхъ палочекъ, толщиною въ куриное перо, обрубь кончики ихъ какъ можно ровнѣе; приготовь густаго раствора арабійской камеди (вишневыи клей) въ водѣ, или другаго крѣпкаго клее; нарежь изъ писчей бумаги узенькихъ ленточекъ и кружечковъ, которые были бы немножко пошире діаметра палочекъ; концы палочекъ вытри изсуха льнянымъ или другимъ масломъ. Изготовивъ все это, какъ слѣдуетъ, наложи на конецъ палочки бумажный кружечекъ, загни его краешки, облепи ихъ бумажною ленточкою ряда въ два или три, и

положи палочку въ теплое мѣсто, гдѣ бы колпачекъ могъ скорѣе просохнуть. Облсивъ такимъ образомъ около десятка палочекъ, покрой сдѣланные колпачки, не снимая ихъ съ формы, спиртовымъ лакомъ, высуши, сними съ палочекъ, и опять начинай на нихъ ту же работу. Надѣлавъ потребное число колпачковъ, положи въ нихъ по кусочку гремучаго состава, величиною не много побольше булавочной головки, и, прибивъ его къ донышку каждаго колпачка посредствомъ тѣхъ же палочекъ, положи колпачки для просушки въ теплое мѣсто.

Такіе колпачки могутъ служить не хуже мѣдныхъ: спиртовой лакъ, которымъ они покрыты, защититъ ихъ отъ сырости. *Н. Филиповъ.*

=

ИСПЫТАННОЕ СРЕДСТВО ОТЪ ЗАПОЯ.

Многіе тщетно пытались лечить отъ пьянства, которое не только страсть, предосудительная привычка, но вмѣстѣ и болѣзненное состояніе тѣла; даже опытнѣйшіе врачи не могутъ еще похвалиться знаніемъ вѣрнаго средства противъ этой болѣзни, хотя имъ и извѣстны многія лекарства, дѣйствующія протівъ нея довольно успѣшно, какъ напримѣръ, рвотный винный камень, который даютъ больнымъ безъ ихъ вѣдома въ малыхъ пріемахъ (10 гранъ на штофъ водки), для произведенія непрерывной тошноты и съ тѣмъ вмѣстѣ отвращенія отъ крѣпкихъ напитковъ. Но по этому нельзя, однако жъ, сдѣлать положительнаго заключенія, чтобы желаемое средство вовсе не существовало; напротивъ, есть побудительныя причины полагать, что оно не только существуетъ, но даже извѣстно уже нѣкоторымъ. Въ самомъ дѣлѣ, неужели цѣлые вѣки канули въ вѣчность и многіе милліоны людей померли, не оставивъ по себѣ открытія, котораго потребность всегда, особливо въ Россіи, была такъ ощутительна? Къ числу средствъ, переходящихъ потомственно, принадлежитъ извѣстное *Сальваторіево средство*, которое онъ, по точному удостовѣреніи въ спасительномъ его дѣйствіи, купилъ въ

1814 или 1815 году у одного крестьянина за значительную сумму, и съ тѣхъ поръ самъ пользовалъ имъ отъ запоя съ немновѣрнымъ успѣхомъ. Хотя докторъ Сальватори хранилъ въ тайнѣ составъ своего лекарства, очевидно состоявшаго изъ истертыхъ въ порошокъ травъ, однако жъ, по тщательномъ его изслѣдованіи и по постѣвѣ самага растенія помощію сѣмянъ, найденныхъ въ лекарствѣ, удалось наконецъ узнать, что оно главнѣйше состояло изъ *Богородицкой травы*. Въ слѣдствіе этого открытія, докторъ Нелюбинъ, бывшій самъ наочнымъ свидѣтелемъ исцѣленія Сальваторіевымъ лекарствомъ одного изъ извѣстныхъ ему людей, сообщилъ названіе травы въ изданной имъ въ 1851 году фармакографіи, описавъ и способъ ея употребленія.

Однако жъ, видно, изслѣдованіе лекарства было сдѣлано не съ довольною точностью; намъ заподлинно извѣстно, что отъ глазъ испытателей ускользнули два вещества, входившія въ составъ Сальваторіева средства, а въ описаніи способа леченія пропущена цѣлая и, быть можетъ, самая важная его половина. И такъ сообщаемъ къ свѣдѣнію читателей составъ этого средства вмѣстѣ съ описаніемъ, какъ его употреблять, точно въ томъ видѣ, въ какомъ мы получили его отъ вдовы покойнато доктора Сальватори, наслѣдовавшей его секретъ, и, по врожденному чувству любви къ ближнему, не скрывающей его болѣе.

Возьми :

истертой въ порошокъ Богородицкой травы	1 фунтъ.
ревеню въ порошокъ.....	4 стол. ложку.
полыни.....	1 стол. ложку.

Истерѣвъ обѣ травы какъ-можно мельче и перемѣшавъ ихъ съ ревенемъ, налей смѣсь двумя штофами пѣннаго или полугарнаго вина и, хорошиенько взболтавъ, вылей все въ муравленный горшокъ; закрой его крышкою, и, замазавъ ржанымъ тѣстомъ, поставь на трое сутокъ въ теплое мѣсто, какъ то, на лежанку, на плиту или лѣтомъ на солнце, и почаще взбалтывай. По истеченіи трехъ дней процѣди жидкость сквозь частое полотноце, весь сокъ изъ травы хорошиенько выжми, и смѣшай его съ тою же жидкостію: получится одинъ штофъ настойки, имѣющей довольно прі-

ятный горькій вкусъ. Для совершеннаго успѣха леченія надобно, чтобы больной не зналъ принимаемыхъ мѣръ, и потому приготовленный напитокъ должно ему подставить, когда онъ уже хмѣлсѣ, и дать волю упиваться имъ сколько хочетъ. Дѣйствіе этого лекарства обнаруживается не навсѣхъ одинаково: однихъ отъ него тошнить и даже рветъ, другихъ слабить, иныхъ кидаетъ въ потъ, и т. д. Если припадки очень усилятся, чего впрочемъ не должно пугаться, для облегченія слѣдуетъ давать больному теплый настой Богородицкой травы, приготовленный какъ обыкновенный чай: на горсть травы, изрѣзанной довольно мелко, наливается четыре чайныхъ чашки кипятку. Сверхъ-того должно поить больного постоянно недѣли двѣ тѣмъ же чаемъ, давая ему по стакану дважды въ день. Этотъ способъ леченія почти всегда удается; если не съ перваго, то по крайней-мѣрѣ съ другаго или третьяго разу больной получаетъ такое отвращеніе отъ спиртныхъ напитковъ, что при одномъ видѣ водки или ощущеніи ея запаха, даже только отъ названія этого напитка, получаетъ судорожно, болѣзненное чувство. Одно развѣ непонятное упрямство и необыкновенно крѣпкія физическія силы въ состояніи преодолѣть это отвращеніе; въ такомъ случаѣ, то есть, если больной непременно будетъ требовать водки, надобно давать ему ту же настойку, пока самъ откажется.

Мы упомянули, что для успѣшнаго леченія непременно должно его скрывать отъ больного; повторяемъ, что эта мѣра необходима: если больной знаетъ о своемъ леченіи, то, выишез рюмку водки и почувствовавъ отъ нея болѣзненные припадки, непременно припишетъ ихъ дѣйствию лекарства, а совсѣмъ не тому напитку, которымъ онъ долгое время упивался безъ малѣйшаго, по его мнѣнію, вреда для здоровья; онъ броситъ тотчасъ пользованіе, и сочтетъ его для себя вреднымъ. Въ противномъ случаѣ, то есть, оставаясь въ невѣдѣніи на счетъ леченія, онъ по неволѣ припишетъ болѣзнь свою дѣйствию водки, какъ то и дѣйствительно есть, отстанетъ отъ пьянства, и удовлетворится на опытѣ, какъ оно для него вредно. *Н. Филиповъ.*

V.

КРИТИКА.

=

Стихотворенія Евгенія Баратынскаго. Москва, 1835. Двѣ части.

Куда дѣвалась наша поэзія? Отчего извѣстнѣйшіе наши поэты мало пишутъ стиховъ? Отчего мало новыхъ поэтическихъ произведеній? Такъ спрашиваютъ нѣкоторые у насъ, и довольно часто, — на что нѣкоторые у насъ имъ отвѣчаютъ, въ подражаніе тому, что говорится въ Парижѣ, что въ нашъ вѣкъ, положительный и коммерческій, стихотворная поэзія не возможна, что поэты не существуютъ, что вдохновеніе гуляетъ по биржамъ и покупаетъ акціи и облигаціи. Куда дѣвалась наша поэзія?.... Вотъ прекрасный вопросъ! Да она вся лежитъ въ книжныхъ лавкахъ на полкахъ. Помилуйте, развѣ вамъ еще не довольно стиховъ? Съ новаго года вышли двѣ предлинныя драмы и двѣ еще длиннѣйшія трагедіи, всѣ въ стихахъ, хоть безъ риѣмъ. Вдохновенія не гуляютъ: они напротивъ работаютъ съ безмѣрнымъ трудолюбіемъ. Были бы только читатели для стиховъ! Читателей-то, кажется, не стало. Мы оборотимъ вопросъ, и скажемъ: — отчего такъ мало читаютъ поэмы? куда дѣвались наши стихотворные читатели, которыхъ прежде была такая тма на Руси? Они-то, вѣроятно, и гуляютъ по биржамъ, да покупаютъ акціи и облигаціи. Если мы никогда не ходимъ на биржу, то единственно изъ опасенія повстрѣчаться тамъ съ многими изъ тѣхъ, которые спрашиваютъ, куда дѣвалась поэзія.

Вотъ, между прочимъ, два тома прелестныхъ стихотвореній, которые служатъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ

на этотъ модный вопросъ, выписанный по почтѣ изъ чужихъ краевъ. Въ нихъ много страницъ, написанныхъ съ пламеннымъ чувствомъ, глубокою мыслию. Прочтите ихъ. Мы прочитали ихъ съ удовольствіемъ.

Г. Баратынскій — поэтъ элегическій, по преимуществу. Природа или обстоятельства дали это направленіе его несомнѣнному таланту, — но онъ самъ говорить: —

«О счастлиа съ младенчества тоскуя,
Все счастьемъ бѣденъ я.»

Этотъ мотивъ отзывается во всѣхъ его стихотвореніяхъ, даже веселыхъ, гдѣ поэтъ желалъ бы забыть свою обычную грусть. Взглядъ его наміръ, на земныя блага, на цѣль жизни, постоянно одинъ и тотъ же, несмотря на случайныя усилія измѣнить его. Этотъ взглядъ ясно выразился въ посланіи къ покойному Дельвигу:

«Напрасно мы, Дельвингъ, мечтаемъ найти
Въ сей жизни блаженство прямое;
Небесные боги не дѣлятся имъ
Съ земными дѣтьми Прометея.

Похищенной искрой созданье свое
Дерзнулъ оживить, безразсудный;
Безсмертныхъ онъ презрѣлъ, и страшная казнь
Постигнула чадъ святотатства.

Нашъ тягостный жребій — положенный срокъ
Питаться болѣзненной жизнью,
Любить и лелѣять недугъ бытія,
И смерти отрадной страшиться.

Нужды непреклонной слѣдые рабы,
Рабы самовластнаго рока,
Земнымъ ощущеньямъ насильственно насъ
Случайная жизнь покоряеть.

Но въ пскрѣ небесной пріяли мы жизнь;
 Намъ памятно небо роднос;
 Въ желаніи счастья мы вѣчно къ нему
 Стремимся неяснымъ желаньемъ.

Вотще! Мы надолго отвержены имъ.
 Сіяетъ красою надъ нами,
 На бrenную землю; безопасно оно
 Торжественный сводъ отпираетъ....

Но намъ недоступно! Какъ алчный Танталъ
 Старасть средь влаги прохладной,
 Такъ, сердцемъ постигнувъ блаженнѣйшій міръ,
 Томимся мы жаждою счастья.»

Этимъ воззрѣніемъ на жизнь и людей достаточно объясняется весь стихотворный характеръ Г. Баратынскаго. Поэтъ самъ чувствуетъ свое направленіе, и говоритъ:

«Не мнѣ роптать; но дни печали, --
 Быть-можетъ поздно миновали.
 Съ тоской на радость я гляжу:
 Не для меня ся сіянье!
 И я напрасно унованье
 Въ большой душѣ моей бужу.
 Судьбы ласкающей улыбкой
 Я наслаждаюсь не вполне:
 Все мнится, счастливъ я ошибкой, --
 И не къ лицу веселья мнѣ.»

Въ этомъ последнемъ стихѣ заключается быть-можетъ все, что только строга критика въ состояніи сказать о Г. Баратынскомъ. Въ самомъ дѣлѣ, веселье не къ лицу нашему поэту. Когда онъ выходитъ изъ элегій, онъ теряетъ всю свою силу и прелесть. Его эпиграмма не остра: она не колетъ, но тихо рѣжетъ; его вакхическія пѣсни пѣскольکو принужденны: замѣт-

но, что они сочинены; его мадригалы не льстят женскаго самолюбія: если бъ мы были женщины, они бъ скорѣе бѣсли насъ тѣмъ презрѣніемъ и холодною, которыхъ поэтъ не можетъ скрыть даже подъ завѣсой угодливости и рюмованной любви.

Г. Баратынскій очень удачно оцѣниваетъ Пушкина, Дельвинга, Языкова, и, если бъ рѣшился излагать свои мысли въ прозѣ, онъ былъ бы замѣчательнымъ критикомъ. Будучи въ состояніи чувствовать и цѣнить талантъ свой, онъ рѣшительный врагъ подражанія. Мнѣніе его на этотъ счетъ изложено, прекрасными стихами, въ отзывѣ къ одному поэту, котораго извѣстный Германскій критикъ, Менцель, превозглашалъ въ началѣ нынѣшняго года первымъ современнымъ поэтомъ, и ставилъ выше Байрона, но который, по-несчастію, не умѣлъ соединить у насъ, съ удивленіемъ къ нему любителей изящнаго, уваженія людей благомыслящихъ. Г. Баратынскій превосходно отгадалъ его дарованіе, въ этихъ стихахъ, когда онъ еще былъ въ Москвѣ.

Но цѣня другихъ по достоинству, нашъ поэтъ слишкомъ строгъ къ самому себѣ. Вотъ что говоритъ онъ про свою Музу:

«Не ослѣпленъ я Музою моею:
Красавицей ея не назовутъ;
И юноши узрѣвъ ее, за нею
Влюбленною толпой не побѣгутъ.
Приманивать изысканнымъ уборомъ,
Игрою глазъ, блестящимъ разговоромъ,
Ни склонности у ней, ни дара нѣтъ;
Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
Ея лица необщимъ выраженіемъ,
Ея рѣчей спокойной простотой;
И онъ, скорѣй чѣмъ ѣдкимъ осужденіемъ,
Ее почтитъ небрежной похвалою.»

Въ Музѣ его точно — общее выраженіе лица и необычайная простота рѣчей: но кто же, познакомившись съ ней покороче, вздумаетъ почитать ее только небрежной похвалою? Мы полагаемъ, что въ нее можно влюбиться, прочитавъ «Черепъ», «Мадону», «На смерть Гёте», и многія другія стихотворенія, изъ которыхъ составлено ея прекрасное ожерелье, — и мы не въ состояніи похвалить ея искреннѣе, какъ перенося на наши страницы эти три маленькія поэмы:

ЧЕРЕПЪ.

«Усопшій братъ! кто сонъ твой возмутилъ?
Кто пренебрегъ святынею могильной?
Въ разрытый домъ къ тебѣ я приходилъ,
И въ руки бралъ твой черепъ желтый, пыльной!

Еще носилъ волосъ остатки онъ;
Я зрѣлъ на немъ ходъ постепенный тлѣнья:
Ужасный видъ! какъ сильно пораженъ
Имъ мыслящій наслѣдникъ разрушенья!

Со мной толпа безумцевъ молодыхъ
Надъ ямою безумно хохотала:
Когда бъ тогда, когда бъ въ рукахъ моихъ
Глава твоя внезапно провѣщала!

Когда бъ она цвѣтущимъ, пылкимъ намъ,
И каждый часъ грозимымъ смертнымъ часомъ,
Всѣ истины извѣстныя гробамъ
Произнесла своимъ безстрастнымъ гласомъ!

Что говорю? Стократно благъ законъ,
Молчаньемъ ей уста запечатлѣвшій;
Обычай правъ, усопшихъ важной сонъ
Намъ почитать издревле повелѣвшій.

Живи живой, спокойно тлѣй мертвецъ!
Всесильнаго ничтожное созданье,

О чловѣкъ, увѣрься наконецъ,
Не для тебя ни мудрость, ни всезнанье!

Намъ надобны и страсти и мечты,
Въ нихъ бытія условіе и пища:
Не подчинишь однимъ законамъ ты
И свѣта шумъ и тишину кладбища!

Природныхъ чувствъ мудрецъ не заглушить
И отъ гробовъ отвѣта не получить:
Пусть радости живущимъ жизнь дарить,
А смерть сама ихъ умереть научить.»

М а д о н а.

«Близъ Пизы, въ Италіи, въ полѣ пустомъ,
(Не зрѣлось жилья на полмили кругомъ)

Межъ древнихъ развалинъ стояла лачужка;
Съ молоденькой дочкой жила въ ней старушка.

Съ разсвѣта до ночи за тяжкимъ трудомъ,
А все-таки голодъ имъ часто знакомъ!

И дочка порою душой упывала;
Терпѣньемъ скудѣя, на Бога роптала.

Не плачь, не крушися, ты, содище мое!
Тогда утѣшала старушка ее.

Не плачь, перемѣнится доля крутая:
Придетъ къ намъ на помощь Мадона святая.

Да ликъ ея вѣру въ тебѣ укрѣпить:
Смотри, какъ пріѣтно съ холста онъ глядитъ!

Старушка смиренная съ рѣчью такою,
Бывало, крестилась дрожащей рукою.

И съ теплою вѣрою въ сердцѣ простомъ,
Она съ умиленнымъ и кроткимъ лицомъ,

На живопись темную взоръ подымала,
Что уголь въ лачужкѣ безъ рамъ занимала.

Но больше и больше нужда ихъ тѣснить,
Дочь плачетъ, старушка свое говоритъ.

Съ утра по руинамъ бродилъ любопытный:
Забывая красъ ихъ дивясь ненасытный.

Кровъ пужень сму отъ полдневныхъ лучей:
Стучится къ старушкѣ, и входитъ онъ къ ней.

На лавку садился пришлецъ утомленный;
По вскрикнувъ, картиною вдругъ пораженный.

«Божественный образъ! чья кисть это, чья?
О, какъ не узнать мнѣ! Корреджій, твоя!

И въ хижинѣ этой творенье таясь,
Которымъ и царской дворецъ возгордится!

Старушка, продай мнѣ картину свою,
Тебѣ за все я сто пиастровъ даю.»

—Синьоръ, я бѣдна, но душой не торгую;
Продать не могу я икону святую.—

«Я двѣсти даю, согласенъ продать.»

—Синьоръ, синьоръ! бѣдность грѣшно искушать.

Упрямства не могъ побѣдить онъ въ старушкѣ:
Осталась картина въ убогой лачужкѣ.

Но вскорѣ потомъ, по Италіи всей,
Летучая вѣсть разнеслася о ней.

Къ старушкѣ моей гость за гостемъ стучится
И, дверь отворяя, старушка дивится.

За входъ она малую плату беретъ
И съ дочкой своею безбѣдно живетъ.

Прекрасно и чудно, о вѣтра живая!
Тебя оправдала Мадона святая.»

НА СМЕРТЬ ГЕТЕ.

«Предстала, и старецъ великой смежилъ
Орлиныя очи въ покоѣ;
Почилъ безмятежно, зане совершилъ
Въ предѣлѣхъ земномъ все земное!
Надъ дивной могилой не плачь, не жалѣй,
Что гения черепъ послѣдѣ червей.

Погасть! по ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣта;
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что просить у сердца отвѣта:
Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ ей предѣлъ.

Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, заветы минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ временъ упованья.
Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ пищу хату, и въ царской чертогъ.

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ;
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье,
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Извѣданъ, испытанъ имъ весь человѣкъ!
И сжели жизнью земною
Творецъ ограничилъ летучій нашъ вѣкъ,
И насъ за могильной доскою,
За міромъ явленій не ждетъ ничего,
Творца оправдаетъ могила его.

Но если загробная жизнь намъ дана,
 Онъ здѣшней вполнѣ отдышавшій
 И въ звучныхъ, глубокихъ отзывахъ, сполна
 Все дольное долу отдавшій,
 Къ Предвѣчному легкой душой возлетитъ, —
 И въ небѣ земное его не смутитъ.»

Мелкія стихотворенія всѣ, — рѣшительно всѣ хороши; каждое замѣчательно или по мысли или по стиху. Изъ большихъ поэмъ, лучшее твореніе «Цыганка». Она прежде носила другое названіе, неслыханное въ хорошемъ обществѣ, — названіе, котораго пугались самыя безстрашныя читательницы. Поэтъ уступилъ совету критиковъ, и переименовалъ заглавіе: теперь поэма можетъ быть допущена во всякій будуаръ. Въ «Цыганкѣ» есть сцены вѣрныя, списанныя съ натуры, хотя завязка кажется намъ не правдоподобною, а знакомство героя повѣсти съ дядею своей возлюбленной во все невѣроятнымъ. «Балъ», «Пиры» и «Переселеніе душъ» читаются съ наслажденіемъ, но мы отдаемъ рѣшительное преимущество мелкимъ стихотвореніямъ: въ нихъ болѣе силы, болѣе полноты, болѣе мысли.

Свѣтославичъ Вражій Питомецъ. *Диво временъ краснаго солнца Владиміра. Сочиненіе А. Вельмана. Москва, 1835. Двѣ части.*

Раскрывая каждый новый романъ Г. Вельмана, мы всегда вспоминаемъ о первомъ его произведеніи, «Кощей Безсмертный», и всякій разъ надѣемся встрѣтить вторично автора «Кощей Безсмертнаго». Но Г. Вельманъ любитъ обманывать. Въ своемъ Кощѣ, онъ весьма удачно умѣлъ воскресить, олицетворить преданія и повѣрья мертвой старины, умѣлъ выставить ихъ въ заманчивомъ свѣтѣ и такъ плѣнить сядомъ, что, прочитавъ сочиненіе, жалѣешь, что оно вдругъ окончилось.

Теперь авторъ «Кощей Безсмертнаго» сдѣлалъ вто-

рую попытку въ томъ же родѣ, но, по мнѣнію нашему, менѣе удачную. Въмѣсто повѣсти, — повѣстямъ вѣрятъ всѣ степенные люди, — онъ представляетъ намъ волшебную сказку, которой неповѣрятъ даже дѣти. Здѣсь Г. Вельтманъ вывелъ на сцену нашъ народный мѣѣ, Кикимору, предметъ очень богатый для сатирическаго романа; далъ ему въ покровители Нелскаго и Нечистую-Силу, и обставилъ его фигурами Ярополка и Владиміра, Ольги и Царь-Дѣвицы съ звѣздою на лбу; но все это, — дажѣ и звѣзда на лбу, — не придастъ большаго блеска творенію, не согрѣтому внутреннимъ огнемъ созданія.

Повѣсть, — мы называемъ ее повѣстью для вѣжливости слога, какъ одинъ нашъ историкъ, для вѣжливости слога, называлъ разбойниковъ рыцарями, — повѣсть начинается разговоромъ Нелегкаго съ Нечистою-Силою. Вотъ ихъ свиданіе:

«Надъ Кіевомъ черная туча. Перуиъ-Трещница носится изъ края въ край, свищетъ выюгою, хлещетъ молоной по копытамъ. Взиваются кони, бьютъ копытами въ небо, пышутъ пыломъ, несутся съ полночи къ *теплому морю*. Ломится небо, стонетъ земля, жалобно плачетъ заря-вечерница: попалась на встрѣчу Перуну, со страха сосудъ уронила съ росой, — разбился сосудъ, просыпался жемчугъ небесный на землю.

«Шумитъ Днѣпръ, ломитъ берега, хочетъ быть моремъ. Крутится вихрь около *дула-самогуда* у княжескихъ палатъ, на холмѣ; проснулись Кіевскіе люди; ни ночи ни дня на дворѣ; замеръ языкъ, опѣмѣла молитва. «Не доброе дѣется на бѣломъ свѣтѣ!» говоритъ душа, а сердце остыло отъ страха, не бьется.

«Надъ княжескимъ теремомъ, на трубѣ съѣлъ филинъ, прокричалъ вѣщуномъ; а возлѣ трубы слытъ два голоса, слыются рѣчи ихъ, стучатъ какъ крупный градъ о тесовую кровлю.

«Слышитъ ихъ княжескій глухо-нѣмой сторожъ, и тантъ про себя какъ могила.

— Чу! чу! раздастся надъ теремомъ.

— Не чую! отзывается другой голосъ.

— Чу! здѣсь слышите, приникни... Чу! быть добру! нашего поля прибудеть....

— Не чую, куда ни сунусь, вездѣ крещеное мѣсто! Лучи, какъ иглы, какъ правда людская, глаза колютъ, а ладные звуки закладываютъ уши. Построили теремъ! Спасибо, хорошъ. Добро бы сквозь дымеолокъ путь, да за песчой, или въ печуркѣ мѣсто *простое* для нашего брата! Такъ пѣть: все освятили крестами, враги!...

— Не хмурься, Нелегкій, найдемъ мѣсто! Безъ насъ кому и житье? Тсъ! чуетъ?

— Ни слова!...

— Чу, чу!... Ну, другъ припасай повитушку, готовъ колыбельку, готовъ кормилку!

— Да вымолви, что дѣется въ княжескомъ теремѣ?

— Скоро наступитъ раздолье! выживемъ крестъ съ родного холма! Князь съ княгиней споръ ведутъ, какъ звать, величать будущаго сына. Княгиня говоритъ Скѣльдомъ, именемъ Свенскимъ-крещенымъ, — да не разорить ей насъ! Князь хочетъ звать Туромъ.... Чу, подняла плачь и вопль, взбурлась!... взбурился и Князь! Чу, клянеть онъ ребенка! «Провались утроба твоя!» говоритъ.... Ступай, ступай, Нелегкій, несись за бабушкой повитушкой!

«Крикнулъ снова филинъ на трубѣ княжескаго терема, застоналъ, обвелъ огненными очами по мраку, хлопнулъ крыломъ; завылъ сторожевой песъ, вздрогнулъ глухо-пѣмой привратникъ, молнія перерѣзала небо, Перунъ-Трешица круто заворотилъ коней, прокатился съ конца въ конецъ; припали Кіевскіе люди, творятъ молитву.

«Не доброе дѣется на бѣломъ свѣтѣ! проговорила душа, а сердце замерло.

«Зашипѣло снова надъ княжескимъ теремомъ; застучали темныя рѣчи, какъ градъ о тесовую кровлю.

— Здорово! Совсѣмъ ли?

— Ступай принимать! Все что въ утробѣ, все наше!..

— Ну, добрая доля! Какъ же пропикнуть мнѣ въ княжескій теремъ?

— Вотъ скважина возлѣ трубы, да въ щель, да гнилой сердцевиною вдоль перекладки, прямо накатомъ, по стѣнкѣ, да въ уголь...

— Да кто тутъ пролѣзетъ!... Словно ужъ въ теремъ нѣтъ ни окна, ни дверей....

— Много, да святы: крестъ на крестъ!... Ступай же, ступай повитушка, покуда *пѣвень* не повѣстидъ полночи.... Эхъ, разтолстѣла! Скоро тебя и простыми глазами размотришь!...

— Ну, такъ и быть.... Э! завязла!...

— Свернись похитрѣ, да вытянись въ питку, а я съ конца закручу, да словно въ ушко и продѣну сквозь теремъ.

— Шею свернулъ, окаянный!...

«Филиппъ на трубѣ взмахнулъ крыломъ, крикнулъ недобрымъ вѣщуномъ; вспыхнуло, грянуло въ небѣ; прокатился грохотъ между берегами Днѣпровскими, встрепенулась земля, взвизнули сторожевые псы, вздрогнули Кіевскіе люди.»

Изъ чего же такъ хлопочетъ Нечистая-Сила, вытягивается въ нитку и пробирается въ теремъ? Она задумала важное дѣло. Она хочетъ похитить младенца, вскормить его людскою кровію, воспитать въ сврѣмъ законъ, сдѣлать неизмѣннымъ пророкомъ лжи и неправды. Выборъ палъ на сына Святославова: его хочетъ Нечистая-Сила воспитать на свой коштъ, не жалья издержекъ и трудовъ. Младенецъ еще въ утробѣ матери, но Нечистая-Сила добудетъ его. Она пробралась въ теремъ.

«Въ одринѣ княгини Инегильды горятъ свѣтильники предъ божницею, золотые лики пылаютъ разноцвѣтными огнями, огромныя жемчужины отбрасываютъ отъ себя радужныя цвѣты. Сквозь слюдовыя окна, видна на дворѣ грозная почъ. Стѣны въ покоѣ обиты рытымъ (?) *изарбатомъ*; рѣзной потолокъ украшенъ узорами изъ жемчужныхъ раковинъ; столъ покрытъ паволочитымъ шитымъ покровомъ съ золотой бахрамою, лавки также; на поставцѣ стоитъ золотая и серебряная утварь, и городъ Торнео, кованый изъ золота, родина Инегильды.

«На рѣзной кровати съ витыми столбами и шелковою кровлею тоиетъ въ пуху Инегильда; багряное одѣяло вздымается на груди ся, ночная повязка скатилась съ чела, русые волосы разсыпались по изголовью, ланиты разгорѣлись, надъ закрытыми очами, брови изогнулись какъ темныя ночныя радуги. Тяжело дыханье княгини, тяжки вздохи.

«Вдругъ вскрикнула она *благимъ-матомъ*, очнулась, приподнялась, приложила руку къ сердцу, водить взоры вокругъ себя, вся дрожитъ.

— Дѣвушки!... кто тутъ!

«Двѣ спальныя дѣвушки, съ просонковъ, бѣгутъ изъ другаго покоя.

— Дѣвушки!... продолжаетъ княгиня: кто тутъ?... Охъ, страшно!... Кто тронулъ меня?...

— Нѣтъ никого, государыня княгиня! отвѣчаютъ дѣвушки, трепеща отъ страха: сквозь хрустальное красное окно видно, какъ молнія палитъ небо.

— Охъ, что-то недоброе содѣялось у меня подъ сердцемъ.... Хочетъ выскочить.... сердце!... Взыли всѣ кости!... Чу! что загудѣло въ трубѣ?... гдѣ плачетъ ребенокъ?...

— То вѣтеръ взвылъ, государыня!

— Охъ, нѣтъ, не вѣтеръ!... то воить песь, то стонетъ птица ночная!... Болятъ подъ сердцемъ!...

«И вдругъ княгиня залилась слезами, зарыдала; и вдругъ умолкла, упала безъ памяти въ подушки.

«Стоять надъ нею дѣвушки, блѣднѣютъ отъ страха.

«Пышетъ вдали молнія, гремитъ Перуль-Трещина; слынить глухо-нѣмой сторожъ княжескаго двора: опять стучать чьи-то темныя рѣчи, какъ градъ о тесовую кровлю.

— Эхъ, бабушка, мѣшкастъ! Того и гляди, что пѣвень зальется....

— Нелегкой! раздался вдругъ голосъ повитушки изъ внутреннихъ хоромъ.

— Приняла, да не знаю какъ выдти: ребенку пять лунъ, его не вытянешь въ питку, не продлишь въ ушко. Слѣтай-ко за *словомъ*. Пришлось обратиться въ невидимку. Да скоро! пѣвень проснулся, крылья расправилъ!...

— Заразь!...

«Утихло.

«Филинь хлопнулъ крыломъ, вспорхнулъ, полетѣлъ; пѣвень полуночникъ хлопнулъ крыломъ, завился. Приняли его голосъ, и всѣ пѣтухи поютъ.»

Когда Г. Вельтманъ подчеркиваетъ напримѣръ слово — *изарбатомъ*, считая его за рѣченіе того вѣка, онъ напрасно тратитъ чернила на подчеркиваніе. *Изарбатъ* (парча) слово Татарское, заимствованное нашими Монголами у новѣйшихъ Персіянъ, и не могло быть извѣстно Русскимъ въ X вѣкѣ: это *зерръ-бефтъ*, «золото-тканіе»; его писали также *заарбафъ* и *зарбафъ*. *Изарбафъ* не болѣе стоитъ подчеркиванія и курсивныхъ литеръ, чѣмъ башмакъ и шапка. Авторъ вѣроятно хотѣлъ сказать «рытый *аксамитъ*». А когда Славяне называли озеро Маозе, въ VII вѣкѣ, *Лиманомъ*, то, «сін» Славяне, — авторъ можетъ быть въ томъ увѣренъ, — были прямые Турки, которые уже портили по-своему Греческія слова. Но дѣло не въ анахронизмахъ, которыхъ здѣсь слишкомъ много.

«Дѣло шло на ладъ. Нечистая-Сила пиrowала пасчетъ будущихъ благъ. Вѣдьмы на Лысой горѣ хороводы водили, звонко распѣвали: у-у! у-у! Кіевскіе люди со страхомъ прислушивались, а Свѣтославъ, возвратившійся почти по поволѣ изъ Булгаріи въ Кіевъ, по вызову Ольги, да *непраздной* своєю княгини Инегильды, да бояръ и старѣйшихъ мужей, для защиты великаго княжескаго города отъ нахлынувшихъ *Бошняковъ*, скоро соскучился въ Днѣпровской столицѣ, особенно послѣ ссоры съ своею княгинею за имя будущаго сына. Его стало все сердить на Руси. Инегильда заболѣла; призвали повитушку; старуха взглянула на княгиню, приложила руку подъ сердце....

— Кое уже время, государыня ты *непраздна*?

— За половину, отвѣчала княгиня.

— Слово пѣтъ ничего! прошептала старуха. Охъ, не добро! провалилось чрево твое! убило злое слово младенца!...

«Нахмурился князь, когда дошла до него эта вѣсть, проклятіе дѣтища легло у него на душѣ.»

Такъ былъ похищенъ Свѣтославичъ, и такъ сдѣлался онъ Вражьимъ Питомцемъ, доморощеннымъ Робертомъ. Младенецъ пропалъ безъ вѣсти, когда бы Мокошъ, сторожъ княжескихъ заповѣдныхъ луговъ и лѣсничій, не пошелъ гулять въ лѣса и осматривать свои владѣнія.

«Мокошъ на все смотрѣлъ; но для него все равно было, смотрѣть или нѣтъ: не въ первый разъ онъ видѣлъ издали и Кісвъ, и Дитпръ, и темный правый берегъ сго. Онъ ни о чемъ не думалъ, не разсуждалъ: и о чемъ бы сталъ онъ думать?... Единобразіе жизни есть бесплодно поле, на которомъ не родится мысль. (?)»

«И такъ, Мокошъ былъ въ этомъ состояніи, непонятномъ для міра, исполненнаго жизни, борьбы добра и зла. Вдругъ слышитъ онъ плачь младенца, вскакиваетъ, идетъ на голосъ, приближается ко впадинѣ, осыпанной павѣсомъ липъ, и видитъ — на одной изъ вѣтвей дерева виситъ колыбелька, а въ ней лежатъ спеленанное дитя. Колыбелька качается, дитя плачетъ, шевелитъ устами, проситъ груди. Вдали эхо вторитъ чью-то колыбельную пѣсню; но подлѣ бѣднаго дитяти нѣтъ мамы, нѣтъ няни, нѣтъ кормилицы.

«Жалко стало Мокошу; подходитъ онъ ближе... Вдругъ колыбелька перестала качаться, эхо колыбельной пѣсни утихло, свивальникъ развертывается, пеленки вскрываются, ни кого не видно, а кто-то вынимаетъ ребенка; онъ утихъ, онъ лежитъ на воздухѣ, во что-то вцѣпился ручками и къ чему-то тянется, что-то рветъ устами, кажется сосетъ, слышно какъ онъ глотаетъ....

«Двигается Мокошъ, разинулъ ротъ.

«Невидимыя руки пестуютъ дитя; оно повеселѣло, улыбается, бросаетъ на все любопытные взоры; увидѣло Мокоша, тянется къ нему.

«Мокошъ не вытерпѣлъ, приближается, протягиваетъ къ ребенку руки, хочетъ взять его.... а длинная вѣтвь орѣшника хлысть его по рукамъ.

— Погорн ты пожаромъ! не уродись на тебѣ шишкн еловой! вскричалъ Мокошъ; а ребенокъ хохочетъ, опять тянется къ Мокошу. Опять Мокошъ протягиваетъ руки, а

вѣтвь орѣшника опять хлысть его по рукамъ, а другая хлопъ по лицу.

— О-о-о, бѣсова клюка! кричитъ Мокошъ, протирая глаза, изъ которыхъ искры сыплются; а ребенокъ смѣется, тянется къ нему снова.

— Провались ты, вражій сынъ! произнесъ Мокошъ, и побрѣлъ домой, повалился на лавку, спать.

«А подъ крутыми берегами извивается Днѣпръ, шипятъ его волны. Давно вытекъ Днѣпръ изъ темныхъ лѣсовъ Смоленскихъ, изъ сосѣдства Двины и Волги, пробился сквозь каменныя ограды земли Половецкой, скатился по десяти гранитнымъ ступенямъ и ринулся въ море.

«Извивается Днѣпръ, шипятъ его волны около береговъ Кіевскихъ. Днѣпровскій *Омутъ* выгналъ на работу все царство отводить рѣку отъ священнаго холма, рыть новое русло.

«Извивается Днѣпръ, шипятъ его волны, а солнце играетъ въ немъ, а Кіевскіе златоверхіе терема опрокинулись въ него и мерцаютъ въ волнахъ.

«Просыпается Мокошъ. Вчерашній день всегда былъ для него сномъ; но чудный ребенокъ на холмѣ нейдетъ у него изъ головы.

«Дивенъ сонъ! думаетъ Мокошъ, и, кончивъ свой завтракъ, отправляется въ обходъ луговъ и лѣса, идетъ опять мимо холма, садится отдохнуть. Глядь!... а мальчикъ лѣтъ пяти, въ красной сорочкѣ, обшитой золотой тесьмою, въ сафьянныхъ сапожкахъ, шитыхъ узорами и выложенныхъ бисеромъ, бѣгаетъ одинъ-одинехонекъ и ловитъ мотыльковъ; много ихъ вьется надъ нимъ, но онъ ловитъ изумруднаго, осыпаннаго искрами золотыми, у котораго крылья какъ будто обложены полосами радуги.

«Увидѣвъ Мокоша, мальчикъ бѣжитъ къ нему на встрѣчу, беретъ его за руку.

— А кто ты таковъ? говоритъ ему.

— Да дѣдушка Мокошъ, отвѣчаетъ ему Мокошъ, выпучивъ на него глаза.

— А моего дѣдушку зовутъ *Онъ*! вскричалъ мальчикъ: ну, и ты будь моимъ дѣдушкой!... А можно уловить мотылька?»

- Лови, голубчикъ! отвѣчаетъ Мокошъ.
- *Она* не велить; говорить, что это красная дѣвушка; говоритъ, что я сотру съ ея лика румянчикъ.
- Твоя бабушка обмолвилась. А гдѣ твоя бабушка?
- Гдѣ бабушка? Постой, я приведу ее къ тебѣ.
- Мальчикъ побѣжалъ подъ навѣсъ липы, въ кустарникъ.
- «Ау! ау! закричалъ онъ.— Ау! отозвалось въ лѣсу.
- Чу! *Она* ушла въ лѣсъ. Пойдемъ, поищемъ ея!
- «Онъ взялъ Мокоша за руку и повелъ въ лѣсъ.
- Ау! снова закричалъ мальчикъ.
- Ау! повторилось въ лѣсу.
- Чу! пойдемъ, пойдемъ; вотъ здѣсь *Она*....
- Охъ, нѣтъ, вотъ тамъ!...
- «Мокошъ усталъ ходить за торопливымъ мальчикомъ.
- Ау! отзывалось, то съ одной, то съ другой стороны.
- Ау! закричалъ мальчикъ опять.
- Ау! раздалось позади ихъ.
- Эхъ, *Она* воротилась домой!
- «Пошли назадъ. Пришли на лужайку, подъ липы.
- Нѣтъ и дома? пронзесъ мальчикъ печально.
- Да гдѣ твой домъ? Веди домой.
- Вотъ здѣсь, дѣдушка, подъ липкой.
- «Сирота, подумалъ Мокошъ. — А въ хмару, да въ ливень?
- Подъ липкой, дѣдушка.
- А въ зиму, да въ мятелицу?
- Подъ липкой....
- «Сирота! повторилъ Мокошъ. — У тебя, чай, ручки да ноженьки отморожены.
- Тепло, дѣдушка, подъ липкой; на эту лужайку я не выхожу; какъ пойдетъ черная хмара по небу, да нанесетъ холоду, я и сижу дома; боюсь выйти изъ подъ липки: такъ и колетъ лице, такъ и жжетъ.
- Откуда ты, голубчикъ, взялъ такую шапочку съ обложкой горностаевой, словно княжеская, да сорочку шпигую золотомъ, да сафьянные сапожки?
- Все мнѣ приноситъ *Онъ*. Ты видѣлъ моего дѣдушку?
- Какого дѣдушку?
- А вотъ что говорить: Безъ меня бы ни пѣсенъ, ни
- Т. X. — Отд. V.

радости людямъ. А видалъ ли ты какъ пляшутъ, да водятъ хоровады? Вьются, вьются, заплетаются, дѣвушки блѣдныя, блѣдныя!... Запоютъ такъ: у-у-у-у!... А мнѣ такъ и холодно, какъ отъ бѣлой зимы, что бываетъ за нашей лужайкой.

— Да каковъ дѣдушка твой собой?

— Каковъ? Не таковъ какъ ты; все изъ подлобыя смотреть, на людяхъ покойныхъ ѣздитъ верхомъ. Всѣ его боятся, а дѣдушка никого: только боится кочета, что залетѣлъ изъ Кіева; а я спросилъ его: Чего ты боишься кочетка? видишь, я не боюсь... А Онъ сказалъ: Гони, гони его, покуда не закричалъ! Я и прогналъ.

«Мокошъ внимательно слушалъ рассказъ ребенка, пристѣлъ на лужайку и сталъ полдничать, вынувъ изъ кошеля кусокъ житнаго хлѣба.

— Что это, дѣдушка? вскричалъ мальчикъ: дай-ка мнѣ!

«Мокошъ отломилъ кусокъ; съ жадностью мальчикъ схватилъ и съѣлъ.

— Ты голоденъ, голубчикъ, тебѣ поѣсть не дадутъ!... Вотъ тебѣ еще ломотокъ хлѣбца.

— Хлѣбца? вскрикнулъ мальчикъ. Она не дастъ мнѣ хлѣбца.

— Чѣмъ же ты питаешься, голубчикъ?

— Она меня кормитъ....

«Вихрь свиснулъ между мальчикомъ и Мокошемъ, и унесъ слова мальчика.

— Ась? спросилъ Мокошъ, не разслыхавъ чѣмъ кормятъ мальчика.

— А поитъ....продолжалъ мальчикъ.

Вихрь опять свиснулъ надъ ухомъ Мокоша; онъ не слышалъ чѣмъ поятъ мальчика.

— Ась? повторилъ онъ.

— Да, дѣдушка, продолжалъ мальчикъ, а мнѣ тошно, тошно, какъ я съѣмъ.... (Снова свиснулъ вихрь). Все хочется этого хлѣбца, да водицы испить, что течетъ подъ горой.... У тебя много хлѣбца?

— Есть мало, отвѣчалъ Мокошъ.

— Пойду я, дѣдушка, къ тебѣ: ты такой доброй, ты меня пустишь гулять въ городъ.

— Пойдемъ, пойдемъ.... я поведу тебя въ Кіевъ, отвѣчалъ Мокошъ, вставая.

«Мальчикъ хочетъ идти и вдругъ остановился. — А, вотъ Она!... Пусти меня къ этому дѣдушкѣ!... пусти! — Мокошъ смотрѣлъ вокругъ себя, съ кѣмъ говоритъ мальчикъ, но никого нѣтъ: только вихрь свисталъ снова между Мокошемъ и мальчикомъ.

«Мокошъ хотѣлъ подойти къ нему, а вѣтвь натянулась и хлынула его по лицу.

— О-о-о, сгинь ты грозницею!! вскричалъ Мокошъ, закрывъ лице руками: — Поточи тебѣ тля поганая! продолжалъ онъ, удаляясь и проклиная Нечистую-Силу.»

Этотъ чудный мальчикъ, истинное диво, растущее не по днямъ, а по часамъ, возбуждаетъ любопытство; но только возбуждаетъ. Остальная жизнь его — жизнь самого обыкновеннаго человѣка, который не приноситъ большой выгоды Нечистой-Силѣ. Нечистая-Сила потратилась воспитаніемъ, издержками, кровію и трудами понапрасну, и если вѣдьмы брали акціи на эту спекуляцію, онъ навѣрное остались безъ барышей. Свѣтославичъ влюбился въ премиленькую Марію, и во все время сказки думаетъ только объ ней, не заботясь о выгодахъ Нечистой-Силы. Несмотря на то, что онъ могъ принимать всѣ образы и выдавать себя за кого ему было угодно, ему не удалось пробраться въ свѣтицу Маріи, и онъ погибъ въ волнахъ Днѣпра, — кажется, отъ любовнаго отчаянія. Говоримъ «кажется», потому что романъ безъ конца, какъ всѣ произведенія Г. Вельтмана, не считая «Кощея». Г. Вельтманъ не любитъ досказывать.

Безконечное сплетеніе происшествій, громоздящихся одно на другомъ, безъ всякой видимой связи, дѣлаетъ чтеніе этой повѣсти весьма затруднительнымъ. Между героями и дѣйствующими лицами такое сходство, что одинъ съ другимъ легко смѣшивается, и мы принуждены были читать «Свѣтославича» съ карандашемъ въ рукахъ, и при каждомъ происшествіи отмѣчать, для памяти, съ кѣмъ и когда оно случилось:

иначе, по прочтеніи, осталось бы только темное, неясное воспоминаніе о нѣсколькихъ происшествіяхъ.

Волшебная сказка Г. Вельтмана обнаруживаетъ совѣтъ неумѣстное и ни чѣмъ неоправданное притязаніе на ученость. При каждомъ томѣ находятся примѣчанія, въ которыхъ изъяснены исторически, археологически и филологически, всѣ старинныя рѣченія, въ ней встрѣчающіяся. Но надобно быть строгимъ и жестокимъ какъ самъ Кампугла, гонитель Александрійскихъ археологовъ, чтобъ притѣснять примѣчанія къ сказкѣ и взыскивать за ученія ошибки съ существъ, которыя подвязали себя бороду комментатора только для собственной потѣхи.

Мы охотно прощаемъ автора за эти примѣчанія. Но гдѣ повѣствованіе его переходитъ въ простую Русскую сказку, тамъ встрѣчаются у него страницы, отъ которыхъ превосходно отсвѣчивается старинный слогъ, хотя къ нему такъ трудно поддѣматься. Здѣсь видно изученіе народной старины, знаніе литературы простолюдиновъ, короткое знакомство съ прежними повѣрьями. Этому достоинству Г. Вельтмана пріятно отдать полную и заслуженную похвалу.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

А П Р Ъ Л Ъ , 1835.

НОВЫЯ КНИГИ.

=

1. Поэмы и Повѣсти Александра Пушкина. *Часть первая. С.-Пбургъ, въ тип. Военной, 1835, въ-8, стр. 232.*

2. Сочиненія Карамзина. Изданіе четвертое. *СП.-бургъ, въ тип. Смирдина, 1834-1835, въ 12. Девять томовъ, стр. 261-178-193-205-252-249-294-231-281.*

Мы уже имѣли удовольствіе извѣстить нашихъ читателей, что эти два изданія приготавливаются нашимъ неутомимымъ А. Ф. Смирдинымъ; теперь можемъ еще прибавить, что они прекрасны.

Четвертое изданіе сочиненій Карамзина свидѣтельствуетъ, что вкусъ публики не перестаетъ отдавать должной дани удивленія классическому писателю нашей Словесности. И они всегда будутъ составлять основаніе пріятнаго чтенія.

Изданію «Поэмъ и Повѣстей» А. С. Пушкина мы предсказываемъ большой успѣхъ. Оно отличается особенною изящностью и весьма умѣренною цѣною. Творенія знаменитаго нашего поэта, до-сихъ-поръ разстѣянные по брошюрамъ, были нестерпимо дороги для собирателей. Теперь они представляются въ цѣломъ, и доступны всякому. Въ этой первой части заключаются — «Русланъ и Людмила», «Кавказскій плѣнникъ» и «Бакчисарайскій фонтанъ.»

Ижорскій. *Мистерія. СП.-бургъ, въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1835, въ-8., стр. X-151.*

«Ижорскій» писался долго. Лѣтъ десять назадъ, мы читали отрывки изъ него, подававшіе большія надежды. Мы

думали тогда, что въ Ижорскомъ найдемъ Русскаго Манфреда, не по формѣ только, но по идее; мы думали увидать со-временемъ произведеніе оригинальное, съ новымъ взглядомъ на предметы, избитые стихотворцами, писанное перомъ пламеннымъ, неподражающимъ, богатымъ роскошью поэтическихъ мыслей и свѣжихъ чувствованій.

Теперь не время еще говорить, до какой степени сбылись наши ожиданія: «Ижорскій» издавъ, кажется, безъ конца. Мы такъ думаемъ, — во-первыхъ потому, что самъ авторъ говорить въ предисловіи о слѣдующей части, а во-вторыхъ потому, что въ послѣдней сценѣ, Ижорскій не умираетъ; онъ только падаетъ безъ чувствъ, и Добрый Духъ говорить, что «грѣшный человѣкъ спасется». Все это заставляетъ насъ надѣяться, что будетъ еще часть. Въ предисловіи авторъ чистосердечно разсказываетъ, что онъ подражалъ не Шекспиру и его послѣдователямъ, Шиллеру и Гёте, но аллегорическимъ игрищамъ Ганса Сакса, Братій Страстей Господнихъ, Англійскихъ менестрелей, Нѣмецкихъ мейстер-зенгеровъ, и, если угодно охотникамъ до именъ болѣе громкихъ, Кальдероновымъ sacramentales. Поэтому Ижорскій названъ мистеріею. Далѣе авторъ пишетъ въ предисловіи:

«Нынѣ при общемъ движеніи въ литературахъ всѣхъ языковъ Европейскихъ, при движеніи, которое обнадѣживаетъ всякаго, слѣдующаго мыслию за ходомъ вѣка своего, что большая народность, большая живость, большая соотвѣтственность современнымъ понятіямъ будутъ плодами *онаго*, нынѣ, кажется, можно было бы воскресить и Мистеріи, родъ драматической поэзіи, по нашему мнѣнію, не заслуживающій совершеннаго забвенія. Шекспиръ безъ-сомнѣнія величайшій изъ романтиковъ; но Сервантесъ, Лопе(сэ) де Вега, Кальдеронъ, Морето, самый Гансъ Саксъ, — мужи, которые имѣютъ неоспоримыя, великія права на тщательное изученіе стихотворцевъ нашего поколѣнія. Есть истинны или забытыя или слишкомъ мало еще оцѣненныя, истинны, которыя весьма бы желательно представить въ разительномъ видѣ не только уму, но, такъ сказать, самымъ очамъ людей мыслящихъ; а *сего* достигнуть иначе нельзя, какъ посредствомъ формы драматической. Вотъ, чего желали первые сочинители Мистерій; вотъ къ чему стремились и мы при сочиненіи Ижорскаго. Одна главная мысль господствуетъ въ нашей драмѣ: эта мысль уже изложена въ *сей* первой части, а во второй будетъ развита еще болѣе. Недоумѣніе читателей насчетъ этой основной мысли, — вотъ единственная критика, къ которой мы были бы чувствительны. Высказать здѣсь мысль *сію* было бы

«лишнимъ, ибо если сами читатели ее не отгадаютъ, мы трудъ свой «должны считатьъ неудавшимся.»

На это можно замѣтить, что во всякомъ изящномъ произведеніи господствуетъ одна основная мысль, — идея, отъ которой рождается все произведение. Эта основная идея не есть принадлежность одной драмы, а коренное правило всякаго искусства: изящное произведение — не что иное, какъ развитіе данной идеи. Между-тѣмъ авторъ можетъ быть чрезвычайно «чувствителенъ» къ нашей критикѣ, потому что по-сю-пору мы находимся въ совершенномъ «недоумѣніи насчетъ основной мысли» его творенія. Отъ какой идеи родился «Ижорской», теперь, по первой части, отгадать трудно, — именно потому, что онъ, опять судя по той же первой части, зачатъ не въ слѣдствіе одной идеи. Надобно подождать второй половины, для разрѣшенія вопроса.

До-сихъ-поръ, «Ижорскій» похожъ на діатрибу противъ жизни. Онъ ведетъ атаку на все, что можетъ радовать, улаждать, веселить, счастливить человѣка. Нѣкоторые пункты этой, въ цѣломъ несправедливой, жалобы писаны съ талантомъ замѣчательнымъ, съ чувствомъ неподдѣльнымъ, съ скорбію непритворною. Только глубоко оскорбленное сердце могло бросить такой взглядъ на жизнь и превратить наслажденія въ отраву, радости въ томленіе, красоты въ безобразіе, сильное вести къ отчаянію. Авторъ такъ мало вѣритъ въ хорошее на свѣтѣ, что онъ, кажется, готовъ усумниться въ собственномъ своемъ талантѣ.

Несмотря на многосложность происшествій и дѣйствія, созданіе Ижорскаго очень просто. Кикимора и Шишимора, два героя Русской демонологіи, поссорились. Ночь; пустынное мѣсто; перекрестокъ, лѣсъ, кладбище; вдали волнуетъ море; луна пробѣгаетъ тучи; сова, глашатай Буки, созываетъ все его царство.

с о в а (сидя на пни надъ курганомъ).

Крикъ призывный, крикъ совы:

Духи, собрались ли вы

Въ часъ волшебный предъ разсвѣтомъ

На холмѣ въ туманъ одѣтомъ?

МЕРТВЕЦЫ.

Мы слышавші твой зовъ:
 Мы подъялись изъ гробовъ
 Тамъ изъ подъ дубовъ и липокъ,
 Рой безпятахъ, рой Антипокъ.

БЛУДЯЩІЕ ОГНИ.

Рой подводныхъ плясунуовъ,
 Мы слышали твой зовъ
 Тамъ надъ радугой болота,
 Средь зеленыхъ, влажныхъ мховъ.
 Что? какая намъ работа?

РУСАЛКИ.

Мы при мѣсячныхъ лучахъ
 Раскачались на древахъ,
 Хохотливыя Русалки:
 Вдругъ слышали твой зовъ,
 Голосъ твой смѣшшой и жалкой,
 И примчались изъ лѣсовъ.

ЛѢШІЕ.

Ель, сосна не выше лѣшнихъ,
 Намъ въ травѣ равна трава:
 Что прикажешь намъ, сова?
 Мы заводимъ въ тину пѣшихъ,
 Мы обходимъ ѣздоковъ:
 Мы слышали твой зовъ.

ДОМОВЫЕ.

На грудяхъ, какъ лебедь, бѣлыхъ,
 Чистыхъ, будто первый снѣгъ,
 Юныхъ вдовъ и дѣвъ созрѣлыхъ
 Мы избрали свой ночлегъ;
 Тамъ мы на грудяхъ сидѣли,
 Зовъ слышали, — слытели!

СИЛЬФЫ.

Сильфы мы: мы отъ высотъ,
 Гдѣ безъ скорби, безъ заботъ
 И рѣзвились и кружились,
 На лучахъ луны спустились.

ГНОМЫ.

Блескъ песнопный, свѣтъ дневной
 Ненавидать наши очи;
 Мы жильцы подземной ночи:
 Вверхъ мы вызваны совою.

О Н Д И Н Ы.

Домъ нашъ въ глубинѣ пучины:
 Но на берегъ вышли мы
 Изъ рѣчной, прохладной тьмы,
 Сладкогласныя Одины.

С А Л А М А Н Д Р Ы.

Мы жъ купаемся въ огнѣ;
 Любимъ мы и трескъ и пламень;
 Съ дымомъ вьемся къ вышинѣ,
 Растопляемъ мѣдъ и камень:
 Совушка, сова изъ совъ,
 Мы слышали твой зовъ!

В С Ъ.

Совушка, сова изъ совъ,
 Мы слышали твой зовъ!

С О В А.

Сюда васъ звать велѣлъ великій Бука:
 Судить онъ хочетъ двухъ ослушниковъ-духовъ;
 Надъ ними приговоръ да будетъ вамъ наука!
 Не знаю, превратить ли ихъ въ воловъ,
 Ихъ человѣку предоставить,
 И грудь земли орать заставить,
 Или же обернуть въ почтовыхъ лошадей,
 Или въ крестящихъ стихотворцевъ,
 Или въ дрожащихъ царедворцевъ,
 Или въ игранице дѣтей,
 Жуковъ, привязанныхъ ногою къ ниткѣ;
 А только знаю, ихъ осудить къ страшной пыткѣ.»

Потомъ Бука, огромная обязьяна, подымается изъ-подъ земли въ большихъ креслахъ, обитыхъ алымъ бархатомъ, и въ большомъ старинномъ парикѣ. Происходитъ судъ. Въ наказаніе, Бука велитъ Кикиморѣ и Шишиморѣ быть въ услуженіи Ижорскаго. Они служатъ Ижорскому тѣмъ, что Кикимора убиваетъ его нравственно, а Шишимура доводитъ до всѣхъ возможныхъ преступленій. Отъ этого Ижорскій лишенъ собственного характера: онъ игрушка двухъ властей, мячикъ, бросаемый отъ предмета къ предмету, отъ преступленія къ преступленію. Вся мистерія движется отъ этихъ двухъ духовъ. Авторъ нарисовалъ имъ характеры по собственному понятію, а не по общепринятымъ на Руси повѣрьямъ. Вотъ Кикимора:

• На сизой стрекозѣ верхомъ
 Летитъ Кикимора забавный;
 Онъ витязь, онъ наѣздникъ славный:
 Цвѣтъ колокольчика шеломи,
 Броня ему — кольчуга рака,
 А плащъ — листокъ багровый мака;
 Пойтъ онъ пьяницу виномъ,
 Толкаетъ подъ бокъ забіяку,
 Съ женою мужа вводитъ въ драку;
 Катясь, кружась кубаремъ,
 Сшибаетъ съ ногъ дѣвицъ спѣсивыхъ;
 Рогами красить лобъ ревнивыхъ:
 Его блаженство шумъ и громъ. •

Отдавая справедливость игривости этой фантазіи, мы не можемъ умолчать, что Русскій мужичекъ, воспитанный въ настоящихъ преданіяхъ народнаго суевѣрія, сказалъ бы незапинаясь, что Кикимора совсѣмъ не то. Кикимора — злой челоуѣкъ, много нагрѣшившій въ жизни, котораго «земля не принимаетъ» (техническій терминъ); онъ не находитъ покоя въ сырой землѣ, и во время ночи, до пѣтуховъ, принимая образъ челоуѣка, таскается по свѣту и сосетъ челоуѣческую кровь, когда находитъ къ тому случай. Поэтому Кикимора у насъ совершенно то же что у Малороссіянъ и Сербовъ *упырь*, у Поляковъ *upiór*, у Англичанъ и Французовъ *vampire*; и если нѣкоторые изъ нашихъ поэтовъ не могли подобрать Русскаго слова для выраженія понятія о вампирахъ, это еще не значитъ, чтобы у насъ его не существовало, — это значитъ только, что наши народныя повѣрія недостаточно были имъ извѣстны. То же и съ Шишиморой. Духи поютъ:

ПЕРВЫЙ ДУХЪ.

«Ужъ луга и нивы пусты,
 Пахарь въ хижинѣ храпнѣтъ....
 Братцы, что за важный видъ!
 На большомъ листѣ капусты
 Вонъ Шишимора летитъ;
 На коврѣ на самолетѣ
 Хитрый кознодѣй сидитъ;
 Полночь близко; онъ къ работѣ,
 Къ чернымъ радостямъ спѣшнѣтъ.

ВТОРОЙ ДУХЪ.

«Крадя пауковъ добычу,
 Онъ высасываетъ мухъ;
 Розгой на красу дѣвичью
 Ворушаетъ злыхъ старухъ:
 Въ садъ ли лазить кто рѣшится
 Къ милой въ ночь черезъ заборъ?
 Вдругъ Шишимора примчится,
 Свистнетъ, весь подниметъ дворъ,
 Всѣхъ напуститъ на дѣтину,
 Дворнику подастъ дубину,
 Псовъ разбудитъ, — стукъ и вой!
 И съ разодранной шинелью
 И съ разбитой головой,
 Путь къ опасному веселью,
 Обтирая кровь и потъ,
 Страстный витязъ проклянетъ!»

Изъ этого пѣнія духовъ видно, что Кикимора то же что Шишимора; однако жъ, въ преданіи, между ними большая разница. Шишимора ниже Кикиморы: онъ просто плутъ, оставшійся плутомъ и послѣ смерти, со способностью посягать землю и людей во время ночи. Если бъ авторъ придерживался народнаго преданія, два главные героя его повѣсти не были бы между собою такъ схожи. Впрочемъ, характеры, данные имъ авторомъ, выдержаны превосходно.

Воздерживаясь отъ сужденія о достоинствѣ цѣлаго до появленія конца этой пѣзмы, не можемъ однако не признать, что выходки противъ журналиста, худо принявшаго первые отрывки изъ «Ижорскаго», кажутся намъ излишними, неумѣстными въ драмѣ и, что всего пагубнѣе, не остроумными. Невсѣ знаютъ и помнятъ прежнихъ критиковъ, — многіе даже рады не знать ихъ: какой же интересъ читать или слушать про вещи, давнымъ-давно забытыя? Въ предисловіи, авторъ общаетъ употреблять иронію: мы удивились столь странному признанію! Кто говоритъ о своихъ словахъ — это иронія!, тотъ отнимаетъ у нихъ всю иронію, которая живетъ только за занавѣсомъ и извѣщаетъ о своемъ присутствіи тонкимъ сарказмомъ, происходящимъ незнаешь откуда. Обнаруженная иронія ту же минуту превращается въ грубость. Вѣроятно этому объявленію долж-

по приписать то обстоятельство, что мы не отыскиали, въ поэмѣ, ироніи, обѣщанной въ предисловіи, и вмѣсто ея нашли только выходки. За всѣмъ тѣмъ, предисловіе обнаруживаетъ въ авторѣ умнаго, образованнаго и веселаго человека: оно читалось бы съ истиннымъ удовольствіемъ, если бѣ ловкость и изящность слога содѣйствовали движеніямъ игривой мысли; но сочинитель, который повидимому, съ фанатизмомъ, достойнымъ лучшихъ временъ, исповѣдуетъ въ ру *сего* и *онаго*, начинилъ всѣ свои шутки этими свинцовыми мѣстоименіями, и оттого онѣ сдѣлались не весьма легкими. Играть *симъ* и *онимъ* — все равно что играть колодою: нѣтъ остроты, которой бы они вдругъ не раздавили своею мертвой тяжестью. Хотите быть живымъ въ рассказѣ? — рассказывайте живымъ языкомъ. Живетъ — народъ, а не учебная книга; съ нимъ живетъ языкъ, — и оба живутъ одной жизнію, — и эта жизнь есть источникъ всей живости въ рассказѣ. Хотите казаться шутливымъ помощію мертвой фразеологіи — то же, что хотите улыбаться смертію.

Басни Алексѣя Зилова. *Часть пятая. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1835, въ-16., стр. 69.*

Между этими медвѣдями, собаками, пчелами, розами, свиньями, радугами, щуками, облаками, есть одна «Лошадь»:

«Въ крутую гору щель обозъ;
Въ обозъ томъ лошадка прехудая,
Разбитая, не молодая,
Везла тяжелый возъ;
Везла, везла, и вдругъ упала,
Лишась послѣднихъ силъ;
Подъ ней оглобля затрещала
И на бокъ грузъ телѣгу повалилъ.
Безъ помощи она тутъ долго бѣ пролежала;
По, вотъ, товарищей хозяинъ попросилъ;
Сошлись и разсуждаютъ,
Какъ приподнять. Пошла вокругъ воза суета!
Конь, лежа, думать сталъ: «Какая доброта!
«За тяжкіе труды меня не оставляютъ.»
И вправду! возъ съ поклажей поднимаютъ,
Коня изъ упряжи освобождаютъ,
А чтобъ его поднять, — ну жарить въ три кнута!»

Авторъ хотѣлъ, кажется, сказать, что поэты—лошади, а критики, тѣ, которые упавшихъ лошадей поднимаютъ въ три кнута. Для насъ это все равно! мы лежачаго никогда не бьемъ.

Дитя поэзии. *Казань, въ тип. Университета, 1834, въ-8., стр. 111.*

Предисловіе этого дитяти такъ наивно, признанія такъ чистосердечны, оно такъ низко кланяется своему читателю, что у насъ не достаетъ сердца быть строгими къ «юнымъ мечтамъ» его. Представляя «первыя, робкіе порывы своей стыдливой Музы», оно, сердечное, плачетъ горькими слезами и проситъ «не гнѣваться на погрѣшныя, незвучныя, несвѣтлыя порывы своего поэтическаго сердца, ибо *правильность и вдохновеніе* принадлежать только *геніямъ*», а не ему; оно «лице молодое и уже блѣдное, задумчивое, увядшее въ скорбяхъ жизни»; оно училось въ университетѣ языкамъ «Нѣмецкому и Французскому, потомъ Латинскому, Италіянскому и Англійскому, и въ свободное отъ уроковъ время осмѣливалось излагать свои мысли въ стихахъ», и теперь, отъ этой смѣлости, «тусклые его очи выражаютъ какое-то внутреннее безпокойство, какое-то страданіе; уста его, уставшія просить у людей любви, дружбы, участія, безмолвствуютъ, и только въ рѣдкія свѣтлыя разочарованнаго (университетскимъ ученіемъ?) бытія высказываютъ стихами *мечту* всегда разнообразную, всегда счастливую, всегда юную.....» Какая милая простота! Какая губернская невинность! Что ни говорите, а въ наше время онѣ могутъ существовать только въ провинціи, — гдѣ ручеекъ шепчется съ юною травкою, — гдѣ бабочка роскошно качается на золотомъ цвѣточкѣ, — гдѣ стрекозы порхаютъ по бархату луговъ, гдѣ соловей учитъ рощу повторять свой звучный гимнъ любви, гдѣ корова вѣтряетъ чувства свои вѣтру обширнаго поля, увѣнчанный розами пастушокъ ѣздитъ верхомъ на вѣрной собакѣ Дамона, ворона каркаетъ на старомъ дубу, брадатый козель, идолъ прелестныхъ козъ, презрѣвши ихъ пламенные ласки, прыгаетъ чрезъ плетъ въ капусту..... Милое дитя! если ты еще не брѣешь бороды, пріѣзжай къ намъ на палочкѣ: ты получишь отъ

насъ гостинца фунтъ конфетовъ, — особенно если будешь пай и впередъ станешь лучше учиться грамотѣ.

Новѣйшее собрание романсовъ и пѣсенъ, собранныхъ изъ лучшихъ авторовъ, — Карамзина, Жуковского, Пушкина, Веневитинова, Бестужева, О. Глинка, Иличевского и прочихъ. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1834, въ-16. Двѣ части, стр. 43 — 44.

Выборъ пьесъ весьма неудаченъ, и не дѣлаетъ чести вкусу собирателя.

Досуги Инвалида. Часть вторая, Поручикъ Любимецъ. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1835, въ-12., стр. 275.

Толкуйте людямъ, что бракъ по расчету, безъ любви, есть чистое, полное преступленіе, столь же достойное наказанія, какъ и прочія уголовныя преступленія; представляйте имъ эту истину въ романахъ и повѣстяхъ, рисуйте ее въ картинахъ, выводите ее на сцену въ драмахъ и водевиляхъ, — людямъ все равно. Они все-таки женятся на деньгахъ, по связямъ, по родству, изъ протекціи. Мы знаемъ одного, который изъ протекціи женился на старой тещѣ бѣднаго уѣзднаго учителя!

Г. Ушаковъ еще разъ попробовалъ дать имъ полезный урокъ: онъ написалъ прекрасную, занимательную повѣсть, въ которой выставилъ эту древнюю истину съ самой разительной стороны.

Встрѣтившись мыслію съ Г-жею Дюдеванъ, Г. Ушаковъ не употребилъ ни ея отвратительныхъ средствъ, ни ея ложныхъ красокъ. Онъ не громоздилъ преступленій на преступления, небывальщинъ на невѣроятности; онъ выбралъ обыкновенный, очень обыкновенный случай семейной жизни; но тѣмъ болѣе разительный, что легко можетъ встрѣтиться въ нашемъ обществѣ. Мы жалѣемъ только, что при повѣсти есть предисловіе, которое отнимаетъ у ней много занимательности. Прочитавши это предисловіе, или правильнѣе, вступленіе, напередъ можно догадаться о концѣ и предвидѣть развязку; и хотя частныя сцены все-еще не извѣстны, но онъ не производятъ уже такого впечатлѣнія, когда

знаешь, чѣмъ рѣшится вся исторія. Мы советуемъ тѣмъ, которые возьмутъ въ руки это сочиненіе, не читать предисловія.

Намъ всего болѣе нравится въ «Любимцѣ» вѣрность и простота красокъ. Г. Ушаковъ обладаетъ замѣчательнымъ даромъ наблюденія; разглядывая его дѣйствующихъ лицъ, кажется, что ихъ часто встрѣчалъ въ Москвѣ, на Тверскомъ Булеварѣ или на Прѣсенскихъ Прудахъ, — такъ фیزیономіи ихъ живы, такъ вѣрны характеры; а нравы не могли бѣ отгиснуться выпуклѣе и чище даже на свѣжемъ пряникѣ.

У почтеннѣйшаго инвалида есть тоже свой собственный слогъ для панегириковъ, свой способъ хвалить людей, достойныхъ похвалы: на какой-то страницѣ этой книги сказано — «Только дураки сердятся за критику: доказательствомъ тому баронъ Брамбеусъ, который никогда не сердится.»

«Досуги Инвалида» не прекратятся на второй части: если авторъ найдетъ свободное время, то издастъ еще нѣсколько повѣстей. И вотъ почему, прочитавъ эту вторую часть, всякъ пожелаетъ ему отъ души побольше свободного времени.

Сцены на морѣ. Сочиненіе Н. Давыдова. СП.-бургъ, въ тип. Греча, 1835, въ-12., стр. 339.

Г. Давыдову нельзя отказать въ любви къ морю. Присоединивъ къ ней еще талантъ, съ двумя этими качествами можно написать прекрасныя морскія сцены и познакомить насъ съ особеннымъ, оригинальнымъ характеромъ нашихъ моряковъ.

Но авторъ не простираетъ своихъ желаній такъ далеко: онъ хотѣлъ, — если мы понимаемъ его предисловіе, сдѣлать только пробу: «Читатель вѣроятно, прочтя мои «Сцены на морѣ», ожидаетъ познакомиться съ настоящимъ характеромъ Русскихъ моряковъ, съ ихъ *внѣшнею* (?) *жизнію*? Нѣтъ! Положите мою книгу, не читайте ее. Это только прелюдія къ тому, чего вы ожидали отъ меня», — чего ожидали, прочтя, не правда ли?..... Но какъ это предисловіе выходитъ — прелюдія къ прелюдіи, то мы постигаемъ, отчего оно такъ наполнено фальшивыми нотами, такъ нестройно, больно для уха и смысла. Далѣе авторъ говоритъ, что, «издавая сію книгу, онъ подобенъ больному, принимающему лекар-

ство», и что оттого въ *сей* книгѣ «находится тысяча нелѣпостей и тысяча противорѣчій», — итого 2,000. Эти вещи всегда лучше слагать вмѣстѣ и показывать общимъ итогомъ. Далѣе авторъ изъясняется сплошь по-Французски.

Такъ, согласно предваренію автора, *прочтя* «Сцены на морѣ», мы уже не станемъ *ожидать познакомиться* ни съ вѣшною, ни съ внутреннею жизнію Русскихъ моряковъ, и если бъ прочитали книгу съ такимъ намѣреніемъ, то можемъ не читать *ее*. Мы постараемся воспользоваться этимъ советомъ «потопику поколику сіе возможно», и о послѣдующемъ не преминемъ донести въ свое время. Между-тѣмъ мы очень сожалѣемъ, что авторъ не началъ играть свой концертъ безъ всякихъ прелюдій: собравшись лучше съ силами, обдумавъ тверже свои предметы, тщательнѣе воздѣлавъ свой слогъ, онъ могъ бы доставить намъ хорошую книгу, потому что въ этой пробѣ есть отблескъ таланта. Нѣкоторыя страницы обнаруживаютъ въ немъ даръ наблюдательности; другія блестятъ горячимъ, молодымъ чувствомъ, которое, правда, увлекаетъ его часто на нѣсколько узловъ отъ предмета, — мы говоримъ морскимъ языкомъ. Вообще онъ еще не умѣетъ привести своей мысли къ вѣтру; паруса ея безпрестанно полощатся; рассказъ останавливается на всякомъ встрѣчномъ, самомъ обыкновенномъ предметѣ, стараясь придать ему занимательность, которой онъ имѣть не можетъ. Эти отступленія, ничѣмъ не оправданныя, заслоняютъ собою дѣло и много вредятъ впечатлѣнію цѣлаго. Впрочемъ Г. Давыдовъ очень хорошо знаетъ за собою этотъ недостатокъ, и даже признается въ немъ въ своемъ эпилогѣ: «Винюсь предъ благоразумнымъ читателемъ во многомъ множествѣ плаксиво-поэтическихъ отступленій, пестрящихъ морскія статьи мои. Въ оправданіе скажу — мнѣ двадцать одинъ годъ.» Хотя это оправданіе не совсемъ удовлетворительно, потому что книгу можно было издать и въ двадцать два года, но мы охотно его принимаемъ, и сверхъ-того надѣемся, что когда автору будетъ лѣтъ тридцать, онъ еще убѣдится, что вкусъ такъ же необходимъ на морѣ; какъ на сушѣ. Тѣперь, онъ еще не имѣлъ довольно времени для того, чтобъ забыть наставленія своихъ учителей Словесности и свыкнуться съ красотами живаго, неподдѣль-

наго Русскаго языка, — языка употребительнаго въ свѣтъ: онъ принимаетъ еще макаронизмы за изящность слога. Намъ очень развеселилъ «гласъ лейтенанта Бутенева». Мы являли удовольствіе знать Г. Бутенева, и очень хорошо помнимъ, что у него былъ *голосъ*, а не *гласъ*. Употребленіе Церковно-Славянскихъ формъ слова въ духовныхъ сочиненій не можетъ быть одобрено чистымъ вкусомъ: тамъ онъ свойственны издревле приптому языку, тамъ онъ связаны съ важными преданіями, тамъ онъ напоминаютъ собою на священные предметы, которые облечены ими и которые въ этомъ таинственномъ облаченіи утѣшали вѣрующихъ въ теченіе девяти вѣковъ; здѣсь, въ Словесности, онъ просто формы другаго языка, не-Русскаго, звуки безъ преданія, прямые макаронизмы. Ne misceantur sacra profanis! Молодые сочинители могутъ смѣло слѣдовать въ этомъ случаѣ примѣру Пушкина, поэта одареннаго, кромѣ вдохновенія, удивительнымъ вкусомъ и рѣдкою чувствительностью уха: онъ первый постигъ у насъ великое начало Европейскаго изящнаго, — что то, что смѣшно въ образованной бесѣдѣ, смѣшно и въ Словесности; онъ никогда не употребляетъ формъ Славянскихъ, развѣ въ крайней необходимости, будучи принужденъ къ тому размѣромъ стиха, и, употребивъ, самъ считаетъ это за несправности, которыхъ слѣдовало бы по настоящему избѣгнуть.

Кромѣ Славянскихъ, нашъ молодой авторъ очень любитъ еще слова Голландскія и Нѣмецкія. Какъ все описать вдругъ, онъ такъ же хочетъ и высказать разомъ все морскіе термины, которые ему извѣстны, — по-несчастію ему извѣстна ихъ бсздна! Кто не бывалъ въ морѣ, тотъ долженъ читать книгу его, писанную по-Русски, — почти по-Русски, — съ лексикономъ въ рукахъ. А надобно знать Г. Давыдову, и всемъ пишущимъ у насъ подобныя сцены, что для сухопутныхъ читателей прелести морской жизни отнюдь не состоятъ въ морскихъ терминахъ. Да и то не худо вѣдать, что первый признакъ таланта въ Словесности — живописать предметы такъ, чтобъ каждый видѣлъ ихъ передъ собою, не будучи знакомъ ни лично съ ними, ни съ ихъ техническихъ названіями. Въ этомъ состоитъ живопись слова.

При всѣхъ этихъ недостаткахъ, одна изъ сценъ Г. Давы-

дова «Кадетъ Ловейковъ», замѣчательна по своему изложе-
нію: она не похожа на другія сцены, въ которыхъ авторъ
плаваетъ безъ компаса; она подаетъ очень хорошія надежды на
развитіе его дарованія. Если молодой авторъ, послѣ этой пробы
намѣренъ дѣйствительно приступить къ морскимъ карти-
намъ, мы советуемъ ему принять себѣ въ образецъ Англій-
скія этого рода сочиненія, — читать Tom Cringle's Log,
Peter Simple, The cruise of the Midge, и тому подобныя.
Одни Англичане умѣютъ писать морскія сцены.

Изданіе украшено картинками, на которыхъ художникъ
сдѣлалъ съ своей стороны пробу рисованія кораблей, моря
и неба, — даже пробу морскаго офицера. Желательно, чтобы
ни тотъ ни другой не приглашали насъ впередъ на свои
пробы.

ЧЕРНЫЙ ГРОБЪ, или КрОВАВАЯ звѣзда, *повѣрье*
XVII вѣка. Сочиненіе Александра П-т-п-п-в-а. Москва, въ
тип. Института Восточныхъ языковъ, 1835, въ-12. Три
части, стр. 123—88—91.

Черный гробъ или кровавая звѣзда, это совершенно одно
и то же. Была ночь, прелестная, зимняя, генварская ночь, —
мы говоримъ словами Г. П-т-п-п-т-п-т-п-ва, — была ночь,
прелестная, зимняя, морозная, генварская. Мѣсяцъ бросалъ
свои лучи на землю, покрытую свѣжимъ, чистымъ, преле-
стнымъ снѣгомъ. Милліоны звѣздъ покрывали обширное,
прелестное небо, и изрѣдка перелетали съ мѣста на мѣсто.
Деревя, лишившіяся своего украшенія, зеленыхъ листьевъ, —
потому что есть и голубые листья, но они вовсе не укра-
шеніе для хорошихъ деревьевъ, — деревья были покрыты пре-
лестнымъ инеемъ. Но всего удивительнѣе то, что, тогда
какъ звѣзды перелетали съ мѣста, деревья отнюдь не пе-
релетали, и «спокойно стояли на своихъ мѣстахъ», тамъ же,
гдѣ были осенью. Г. П-т-п-п-т-п-п-т-п-п-т-въ полагаетъ, что
это впрочемъ и оттого, что не было вѣтра. Ктому жъ
природа была «окована цѣпью безмолвія», которая, какъ из-
вѣстно очень крѣпка. Замѣьте, что Г. П-п-п-г-п-т-т-т-т-въ
говоритъ здѣсь о «природѣ» въ тѣсномъ значеніи слова:
такъ какъ филины и «дупоглазыя совы» собственно не принад-
лежать къ природѣ, то они не были окованы этою цѣпью

и могли кричать, когда имъ было угодно. Въ долину Черпаго Гроба, — или Кривавой Звѣзды, все равно, — былъ разложенъ прелестный костеръ, возлѣ котораго сидѣло и лежало довольное число разбойниковъ, отнюдь не столь прелестныхъ какъ зимняя, морозная, генварская почъ. Два изъ нихъ, — тѣ, которые не были окованы цѣпью безмолвія, — начали разговаривать между собою..... Да что и говорить!

Романъ очень хорошъ. Это знаетъ и самъ авторъ, Г. Т-п-п-т-п-п-т-т-въ. «Любезные соотечественники! изъяснить онъ въ предисловіи: прочтите мое повѣрье со вниманіемъ, и вы найдете въ немъ болѣе прелестнаго, очаровательнаго, философскаго, нежели глупаго, что нынѣ въ «большемъ (наше мѣсто свято) употребленіи. Au revoir!»

Adieu — безъ свиданія!

Атаманъ Буря, или *Вольница Заволжская. Русскій романъ изъ преданія старины. Москва, 1835, въ тип. Пономарева, въ-16. Три части, стр. 117—99—98.*

На оберткѣ первой части этого романа напечатано, что онъ стоитъ десять рублей; на оберткѣ второй части напечатано, что онъ стоитъ только семь; на оберткѣ третьей части напечатано, что онъ ничего не стоитъ. Авторъ спохватился только въ концѣ.

Повѣсти Александра Никитина. *Москва, въ тип. Степанова, 1835, въ-12. Двѣ части, стр. 107 и 84.*

Г. Александръ Никитинъ открылъ вѣрное средство «находить отраду для бѣднаго, печальнаго человѣка на чужбинѣ», — закурить трубку Американскаго табаку и взять стаканъ чаю въ гостиницѣ, — именно въ гостиницѣ. Къ этому Г. Никитинъ на слѣдующей страницѣ прибавляетъ еще очень дѣльное и важное замѣчаніе, — что не надобно забывать денегъ дома, чтобы не подвергнуться и обыкновеннымъ трактирнымъ увѣщаніямъ и насилію.» Для ясности, надобно было еще представить въ повѣстяхъ образцы трактирныхъ увѣщаній и трактирнаго насилія.

Въ этихъ повѣстяхъ часто встрѣчаются — трактиръ и на-

родность. О дулѣ ихъ можно сказать только то, что, по прочтеніи книги, надобно покурить въ компань.

Могилы Марин, или притонъ подѣ Москвою. Русскій романъ съ картинами правовъ въ концѣ XVI вѣка. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1835, въ-16. Двѣ части, стр. 130—89.

Въ іюль мѣсяцѣ 1598 года въ Москвѣ, ночью, шли въ одно время дождь и двое боярь. Таково начало «Могилы». Этого быть не могло, несмотря на увѣренія автора. Русскіе бояре XVI столѣтія не имѣли обычая ходить на пирушки пѣшкомъ даже въ хорошую погоду, не только что въ проливной дождь.

Но отъ этого дождя сдѣлалась большая грязь, и ею-то написаны Русскій романъ и тѣ картины правовъ XVI столѣтія, о которыхъ упоминается въ заглавіи.

Довмонтъ, князь Псковской, Историческій романъ XIII вѣка. Сочиненіе А. Андрѣева. Москва, въ тип. Степанова, 1835, въ-12. Двѣ части, стр. II и 137—148 и III.

Вотъ еще одинъ! Эго уже шестой.

Эта литература безъ дарованія, это масса мертвыхъ словъ безъ искры мысли и чувства, это отсутствіе простаго умѣнія дать своей фразѣ форму опрятную и образованную, приведутъ хоть какого въ отчаяніе!

Скажите, Бога ради, кто покупаетъ эти романы? Для кого они пишутся? Изъ какой потѣхи ихъ сочинители или издатели тратятъ деньги на печать и бумагу?.... Для насъ это непостижимая загадка.

Въ прошломъ году мы слѣдовали правилу—ничего не говорить о сочиненіяхъ, незаслуживающихъ чтенія. Многіе сочинители и читатели непременно добивались того, чтобы о каждой книгѣ было что-нибудь сказано. Мы уступили требованію. Что жъ вышло? Цѣлая страница упрековъ безъ пользы для Словесности, тягостныхъ для критика, прискорбныхъ для Русскаго. Сердце въ насъ раздирается, когда мы беремъ перо въ руки, чтобы опредѣлить мѣру достоинства этихъ безобразныхъ порожденій.

Притоны да разбойники! Вотъ вамъ наблюденіе правовъ. И это излишнее? это романы? это Словесность?... Хотя бы эти разбойники были похожи на разбойниковъ: а то и они такъ же безхарактерны, какъ самые романы. Впрочемъ, такъ и быть должно, когда описывается небывальщина! Князь Довмонтъ Г. Андреева воспитанъ дивнымъ образомъ: онъ дерется бутылками, кушаетъ чужіе обѣды, и дѣлаетъ такія штуки, которыя не войдутъ въ голову порядочнаго чело-вѣка. Въ цѣломъ сочиненіи нѣтъ ни одного живаго харак-тера, нѣтъ ни одной живой страницы. А какіе взгляды на Русь XIII вѣка! Ужъ лучше Г. Андреевъ не глядѣлъ бы.

Мы принуждены будемъ возвратиться къ прошлогодней нашей системѣ критики, для достоинства самого журнала, которой только теряетъ свой характеръ отъ отчетовъ о по-добныхъ произведеніяхъ. Молчаніе будетъ утѣшительнѣе и для нашихъ читателей и для насъ самихъ,—да мы думаемъ, и для сочинителей.

Рахиль. Сочиненіе Евгеніи Фoa. Переводъ съ Француз-скаго. Т.....ы П...с...нъ. Москва, въ тип. Степанова, 1834, въ-12., стр. 400.

Заглавіе обѣщаетъ только одну повѣсть, а сочинительни-ца даритъ девять повѣстей, одна другой замысловатѣе, запи-мательнѣе, удачнѣе. Г-жа Евгенія Фoa, кажется, очень лю-бить Евреевъ; лучшія ея повѣсти заняты изъ жидовскихъ правовъ. Она, какъ всѣ дамы писательницы, мастерски рисуетъ женскіе характеры, и умѣетъ выставлять ихъ съ са-мой выгодной и блестящей стороны. Даже преступницы, измѣнницы, въ ея произведеніяхъ, извинительны, и такъ милы, что, глядя на нихъ, невольно пожелаешь быть ихъ сообщникомъ.

Передпослѣдняя повѣсть, «Смоляная Маска», можетъ дать сюжетъ для самой плачевной и трогательной мелодрамы въ новомъ вкусѣ. Тамъ есть всѣ элементы современной драмы, — любовь, убійство, скупость, дружба, могилы и маски. Ре-комендуемъ ее Гг. передѣлателямъ Французскихъ мелодрамъ.

Повѣсти. Переводъ съ Нѣмецкаго. Казань, въ тип. Университета, 1834, въ-8. Двѣ части. стр. 396 и 441.

Въ повѣстяхъ, переведенныхъ съ Нѣмецкаго, вѣсу пудъ и девять фунтовъ, съ небольшимъ. Въ самыхъ трогательныхъ мѣстахъ, вдругъ занюютъ пальцы, и толстая книга валится изъ вашихъ рукъ на полъ, — что весьма прискорбно, потому что, какъ бы то ни было, въ ней есть одна порядочная повѣсть, «Прокаженный.»

Казанскіе писатели вспомнили наконецъ, что ихъ предки, Болгары, славились нѣкогда щегольствомъ, — ходили въ сапогахъ, когда Русь ходила еще въ лаптяхъ, — и что въ память этого надобно издавать книги немножко опрятнѣе, нежели какъ доселѣ водилось въ Волжской Болгаріи. Это изданіе, въ сравненіи съ прежними Казанскими книгами, можетъ уже назваться изящнымъ.

Сказка о Щелкунѣ. Сочиненіе Гофмана. Переводъ съ Нѣмецкаго. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1835, въ-16., стр. 173.

Недавно мы читали, въ какой-то дѣтской книжкѣ, эту миленькую, смышленную сказку «передѣланною на Русскіе нравы». Теперь кто-то сжалился надъ бѣднымъ Гофманомъ, — возвратилъ ему Нѣмецкій кафтанъ, который съ него содрали, перевелъ сказку вполне, безъ искаженій, исправно, ясно, и издалъ опрятно, — три качества, рѣдкія въ дѣтскихъ книжкахъ.

Пещера смерти въ дремучемъ лѣсу. Сочиненіе Г-жи Радклиффъ. Англійское сочиненіе. Переводъ съ Французскаго Изданіе. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1835, въ-12., стр. 192.

Этотъ Россійскій переводъ Англійскаго сочиненія съ Французскаго перевода — намъ старинный знакомецъ. Но, признаться, при встрѣчѣ, стыдно ему поклониться, — такъ онъ неопрятенъ, нечистъ и безобразенъ. Четвертсе изданіе, не забудьте!..... На картинкѣ есть скелетъ.

Повѣсти Блюменгагена. Переводъ съ Нѣмецкаго Е. Глаголева. С. П-бургъ, въ тип. Д. Вишней Торговли, 1835., въ-8., стр. 248.

Стоило выдумывать столько запутанныхъ происшествій, не-

вѣроятныхъ сценъ, проливать столько слезъ и крови, для одного удовольствія разсказывать! Вся эта смѣсь неправдоподобнаго и неяснаго передана неправильнымъ и нечистымъ слогомъ, въ которомъ часто встрѣчаются грубыя ошибки.

1. ПЕТРЪ БАСМАНОВЪ, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Барона Розена. СП.-бургъ, въ тип. Греча, 1835, въ-8., стр. 109.

2. ПАЛЕРМСКІЕ БАНДИТЫ, опера въ пяти дѣйствіяхъ и въ стихахъ. Посвящена Московской публикѣ. Москва, въ тип. Семена, 1835, въ-12, стр. 93.

Палермскіе бандиты, посвященные Московской публикѣ! Благонамѣренность чувствованій да извинитъ неловкость комплимента. Авторъ хотѣлъ сказать совсѣмъ другое. Робертъ Бискари, Сициліанскій офицеръ, женится на Г-жѣ Долоресъ, дочери Испанскаго графа, — мы будемъ говорить слогомъ оперы, — но въ самую минуту вѣнчанія обнаруживается, что онъ обманулъ («тѣмную Терезу», сестру рыбака и бандита Руджиро. Бандиту не подѣлать быть рыбакомъ, но такъ въ оперѣ, — и наше дѣло вѣрить на слово. Рыбакъ мститъ за сестру, вооружаетъ товарищей, ведетъ ихъ противъ Бискари, и чуть-чуть не беретъ въ плѣнъ жепатаго обольстителя тѣмой сестры своей. Рыбакъ бандитъ торжествуетъ не долго: онъ убитъ помощниками Бискари, тѣмая бросается въ пожаръ, а Бискари съ госпожею Долоресъ надъ ними плачутъ.

Изъ этого содержанія посѣтители Петербургскаго театра видятъ, что «Палермскіе бандиты» давно имъ знакомы въ другой, болѣе изящной формѣ.

Мы привыкли слышать въ операхъ нашихъ безсмыслицу, въ полномъ смыслѣ слова, и съ радостью можемъ сказать теперь, что въ «Палермскихъ бандитахъ» всѣ стихи понятны, хотя не всѣ гладки. То самое должно сказать и о трагедіи «Петръ Басмановъ,» хотя она не опера.

Кстати! Въ оперѣ Тереза, тѣмая, въ одномъ мѣстѣ отвѣчаетъ — «да!», а въ другомъ спрашиваетъ о братѣ. Какъ же это случилось? Такія забвенія со стороны тѣмыхъ конечно не важны, но они довольно смѣшны, особенно при частномъ повтореніи.

Во всякомъ случаѣ конецъ трагедіи «Петръ Басмановъ» довольно занимателенъ.

ПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ. *Книжка II. СП.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1835, въ-8., стр. 196.*

Первой книжкѣ мы отдали должную справедливость и похвалили ее отъ души. Вторая такъ же удачно составлена, какъ и первая. Въ ней обнаруживается большое умѣнье говорить о самыхъ трудныхъ и ученыхъ предметахъ дѣтскимъ языкомъ, безъ употребленія ученыхъ терминовъ. Мы думаемъ, что это «Полезное Чтеніе» будетъ въ самомъ дѣлѣ весьма полезно для дѣтей, несмотря на заглавіе.

Третья книжка обѣщана: мы желаемъ видѣть поскорѣе и четвертую.

РАЗГОВОРЪ ХРИСТІАНИНА СЪ НЕВѢРУЮЩИМЪ О ВОПЛОЩЕНІИ Сына Божія, Иисуса Христа, и оправданіи человѣковъ чрезъ Вѣру въ него. *Сочиненіе Архимандрита Пачія. Москва, въ тип. Степанова, 1835, въ-12., стр. 78.*

О мнимой древности, первобытномъ состояніи и источникахъ нашихъ лѣтописей. *Сочиненіе Сергія Скронпенки. СП.-бургъ, въ тип. Греча, 1835, въ-8., стр. 42.*

И придетъ то время, когда возстанутъ родъ на родъ, и сынъ на отца, и братъ на брата.

Еще манифестъ юной исторической школы, анти-карамзинскаго раскола, который болѣе и болѣе распространяется! Между-тѣмъ поборники Карамзина умножаются ежедневно, хотя пишутъ мало, и не рѣшаются возставать печатно.

Г. Скронпенко — одинъ изъ самыхъ пылкихъ приверженцевъ новой школы. Онъ не пропускаетъ ни одного удобнаго случая къ обращенію въ бѣгство карамзинистовъ. Жаль, что въ этомъ важномъ дѣлѣ, обѣ воюющія стороны стрѣляются только брошюрками да статьями. Не лучше ли приступить прямо къ дѣлу, взяться за основной вопросъ, и разрѣшить его на жизнь или смерть той или другой школы? До тѣхъ поръ, пока будутъ осмѣивать частности, страницы, строчки, никто не убѣдится въ непогрѣшимости нововводителей. Нападите, господа, разомъ, дружно, на историческую критику Шлёцера, на историческія понятія Ка-

рамзинна; выставьте всю ихъ ложность, неосновательность, баснословность; разорите вѣрахи непріятельскую землю, и на мѣстѣ памятника, воздвигнутаго трудами Карамзина, соорудите другой, вашъ собственный, котораго подножье было бы столь же незыблемо и непоколебимо, — тогда карамзинисты сами откажутся отъ своихъ притязаній, бросятъ Шлёцера и пойдутъ отыскивать монастырскихъ записокъ подъ вашими знаменами.

Но для этого труднаго, важнаго, великаго предпріятія юная историческая школа, кажется, еще слишкомъ юна. Желаетъ ей расти не по днямъ, а по часамъ: ея будущность много занимаетъ всѣхъ любителей отечественной Исторіи.

Очерки медалей къ *Панорамѣ Санктпетербурга. Тетрадь первая. Двѣнадцать медалей. СП.-бургъ, въ тип. Гинце, 1835, въ-12., стр. 20.*

При открытіи подписки на «Панораму Санктпетербурга,» не было обѣщано къ ней медалей. Издатель присоединилъ ихъ изъ усердія.

Въ первой тетради двѣнадцать медалей, съ описаніями. Всѣ онѣ важны и любопытны, какъ памятники царствованія Императора Петра. Не обаяываясь составлять полнаго пумизматическаго собранія временъ Петра Великаго, издатель собираетъ только тѣ медали, которыя имѣютъ отношеніе къ предмету книги, — Петербургу. Самая любопытная изъ всѣхъ помѣщенныхъ въ первой тетради — медаль на сооруженіе Кроншлота: на ней надпись изъ Превращеній Овидія. Медали гравированы съ тою тщательною отдѣлкою, которая отличаетъ изданія Г. Бануцкаго.

Опытъ изслѣдованія нѣкоторыхъ теоретическихъ вопросовъ. *Сочиненіе Константина Зеленецкаго. Книжка первая. Москва, въ тип. Университетской, 1835, въ-8., стр. 64.*

Литература наша, по мнѣнію Г. Зеленецкаго, слишкомъ не богата учеными сочиненіями. Поэтому онъ рѣшился задавать себѣ ученые вопросы и разрѣшать ихъ ученымъ образомъ, съ помощію прежнихъ и теперь живущихъ ученыхъ, чтобъ умножить нашу литературу хоть однимъ ученымъ сочиненіемъ.

На первый разъ, онъ задалъ себѣ три вопроса, весьма любопытные: 1. о мѣстѣ, занимаемомъ Логикою, въ системѣ Философіи; 2. о содержаніи и расположеніи Географіи; 3. о предметѣ и значеніи политической Исторіи.

Оставляя его съ первымъ вопросомъ въ туманахъ Шеллинга и Гегеля до краснаго философскаго утра, обратимся прямо ко второму вопросу, котораго разрѣшеніе можетъ вести къ прямой, практической пользѣ въ учебномъ преподаваніи. Всѣ нападки Г. Зеленецкаго на существующую нынче и употребительную въ школахъ систему Географіи весьма справедливы и дѣльны. Географія теперь еще не наука, а просто какой-то сборъ разнородныхъ свѣдѣній о земномъ шарѣ, нахвачанныхъ изъ другихъ наукъ. Но новыи планъ, предлагаемый Г. Зеленецкимъ, таковъ, что лекарство было бы хуже самой болѣзни.

Для разрѣшенія третьяго вопроса, Г. Зеленецкій протянулъ руку къ Асту и занялъ у него, — на какихъ условіяхъ, не знаемъ, — идею, весьма справедливую, что Исторія есть изложеніе жизни рода человѣческаго. Развивая эту мысль по-своему, Г. Зеленецкій дошелъ до того, что «младенчество и дряхлость народа, какъ слѣдствія или непробужденной или немощной его личности, собственно не должны входить въ составъ всеобщей политической Исторіи.» И если бѣ авторъ писалъ политическую исторію, то у него народы являлись бы ни-вѣсть откуда, и пропадали бы не-вѣсть куда. Въ самомъ дѣлѣ, съ народами надобно поступать, какъ съ женщинами, -- стараться видѣть ихъ только въ гостинной, и никогда не заглядывать ни туда, гдѣ онѣ одѣваются, ни туда, гдѣ раздѣваются.

Планы Г. Зеленецкаго, съ виду, хороши, стройны, даже красивы; жаль только, что они должны остаться въ портфели, за невозможностью выполнить ихъ на практикѣ.

Натура земли въ проявительности и видоизмѣнности.
А. Т. Москва, въ тѣх. Университ. 1835, въ-8, стр. 127.

Это засохшая вѣтка, случайно замѣтѣвшая въ Россію отъ того огромнаго дерева, которое называется Германскою Философіею и о безплодіи котораго мы довольно говорили въ предшествующей книжкѣ Библіотеки для Чтенія.

Авторъ увѣряетъ, что его цѣль — быть полезнымъ: мы въ томъ не сомнѣваемся, и если бъ отъ насъ зависѣло, для достиженія ея охотно бы помогли ему быть понятнымъ. Это — необходимое качество, безъ котораго не можетъ быть пользы: что проку въ непонятной пользѣ!

Проявительность натуры автора, осуществившаяся условною видоизмѣнностью вѣщности естества этой сѣрой книжки разсудоточилась такъ, что онъ прежде всего принимаетъ двѣ главныя силы въ земной природѣ. Эту старую новостъ толкуетъ онъ, весьма изящно, такимъ образомъ:

«По опытамъ и явленіямъ въ природѣ, которыя мы безпрестанно можемъ наблюдать, видимъ, что всѣ тѣла нашей планетной вѣщности отъ самотвердѣйшаго алмаза, соженнаго знаменитымъ Лавуазье, переходятъ изъ одного состоянія въ другія; или измѣняются чрезъ силу теплоты и силу тяжести, только въ разныхъ степеняхъ ихъ дѣйствія: напримѣръ, ледъ съ прибавленіемъ теплоты превращается въ воду, при увеличеніи еще степени теплоты вода превращается въ пары, и далѣе. И наоборотъ, отъ уменьшенія теплоты, или отъ устраненія причины, противодѣйствующей силѣ тяжести къ сосредоточиванію вѣщества, *оное* переходитъ по неисчислимымъ степенямъ измѣняемости изъ разрѣженныхъ состояній въ плотнѣйшія: напримѣръ, изъ парообразнаго въ жидкое, изъ жидкаго въ твердое. Все *сѣ* доказываетъ, что сила теплоты, разсудоточивающая вѣщество, а сила тяжести, сосредоточивающая *оное*, суть единственныя причины всѣхъ видоизмѣнностей вѣщества и явленій въ природѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ должны быть и единственными причинами проявляемыхъ частныхъ свойствъ вѣществомъ по разнымъ проявленіямъ *оного* въ природѣ; *ибо* пѣтъ ни какой другой причины, какъ къ видоизмѣнности вѣщества, такъ и къ проявленію *онымъ* свойствъ въ частности, каждымъ видомъ оказываемыхъ. А въ природѣ безъ причины ничего не происходитъ.

«Таковыя переходы вѣщественности изъ одного состоянія въ другое сопровождаются слѣдующими непрѣмными законами при переходѣ тѣлъ изъ твердаго состоянія въ жидкое или рѣдчайшее: теплота похищается изъ атмосферы тѣмъ вѣществомъ; съ тѣмъ вмѣстѣ обьятность *оного* увеличивается; тяжесть или вѣсомость остается одна и та же; и обратно, при переходѣ вѣщества изъ разрѣженнаго состоянія въ плотнѣйшее, тѣ же самыя явленія обнаруживаются, въ противоположномъ только порядкѣ, то есть, теплота освобождается; обьятность уменьшается; тяжесть, — вѣсомость вѣщества, остается одна и та же: напримѣръ, прибавя ко льду теплоты, онъ превращается въ воду, при чемъ обьятность увеличится, а вѣсомость, или тяжесть, остается та же, въ чемъ нельзя усумниться. Процессъ, что теплота претворяетъ ледъ въ

воду, столь просто и ясенъ, — въ *семи* всякій можетъ удостовѣриться собственнымъ опытомъ, внеся кусокъ льда въ теплую комнату. Также, что изъ растаявшаго льда происшедшая вода занимаетъ болѣе пространства, и въ *семи* не трудно удостовѣриться. Большая объятность или большее занимаемое тѣломъ пространство есть сравнительное понятіе, каждому извѣстное, и представляетъ мѣру въ пространствѣ, а вѣсомость, или тяжесть, въ качествѣ тѣла.

«Разсматривая *сѣ* въ явленіяхъ природы, напримѣръ, отнимая отъ паровъ теплоту, они превращаются въ воду, которая вѣситъ столько же, какъ и пары, изъ коихъ она образовалась, но вода занимаетъ уже менѣе пространства противъ паровъ; изъ *сего* видно, что количество частицъ, или вѣсомость, тяжесть тѣла, при *семи* переходѣ осталась одна и та же; но въ водѣ противъ паровъ частицы сблизились, безъ чего объятность не имѣла бы причины уменьшиться и не уменьшилась бы; далѣе, уменьша еще теплоту, вода замерзаетъ, гдѣ обнаруживаются тѣ же явленія, то есть, уменьшается объятность, а вѣсомость остается та же. Изъ *сего* слѣдуетъ, что теплота, дѣйствуя на вѣщество, разъединяетъ, удаляетъ частицы *оной* другъ отъ друга или разсродоточиваетъ ее по количеству или степени своего дѣйствія, и наоборотъ, съ уменьшеніемъ теплоты пропорціонально *оному* силѣ тяжести, раскрывая свое свойство, плотнитъ, сосредоточиваетъ, сближаетъ частицы вѣщества. А потому причину, силу, способность, свойство разъединять, удалять, разсродоточивать, противиться сжатію, сближенію вѣщества, — назовемъ силою теплоты, а противоположную или противокачественную ей причину, способность, силу, свойство — назовемъ силою тяжести »

Если бѣ теорія почтеннаго проявителя исполнилась на самомъ дѣлѣ, такъ прощай земля, прощайте люди, книги, умозрѣнія! Мы всѣ, дѣйствіемъ силы теплоты, разлетѣлись бы какъ дымъ въ безконечномъ пространствѣ, или дѣйствіемъ тяжести превратились бы въ нули, — книжка автора превратилась бы тоже въ нуль, — его теорія тоже. Отчего жѣ бы проявился такой недостатокъ въ образѣ дѣйствованія двухъ силъ автора? Оттого, что авторъ забылъ, что тѣ, у которыхъ занялъ онъ свои двѣ силы, принимаютъ еще третью, силу связи, *cohaesio*, приписывая ей благодатно сохраненіе насъ въ настоящемъ видѣ, безъ превращенія въ пары и въ нули. Эта трехъ-сильная система ни на чемъ не основана, но она по-крайней-мѣрѣ не такъ нелѣпа и не представляетъ противорѣчій съ перваго взгляду. Читающіе «Физику» профессора Павлова, найдутъ въ

ней всю теорію Г-на А. Т., съ нужными прибавками для надлежащаго прикрытія недостатковъ и неосновательности системы, которыхъ Г-нъ А. Т. не позаботился удержать ничѣмъ отъ проявленія.

Отыскивая хорошую сторону этой книги, мы съ удовольствіемъ остановимся на религіозномъ ея направленіи, и рѣшительно предпочитаемъ прекрасныя чувствованія автора всѣмъ его умозрѣніямъ.

1. *Алгебра или вычисленіе конечныхъ. Сочинилъ Н. Лобачевскій. Казань, въ тип. Университета, 1834, въ-8., стр. X—528.*

2. *Пониженіе степени въ двучленномъ уравненіи когда показатель безъ единицы дѣлится на 8. Профессора Лобачевского. Казань, въ тип. Университета, 1834, въ-8., стр. 32.*

3. *Объ исчезаніи тригонометрическихъ строкъ. Профессора Лобачевского. Казань, въ тип. Университета, 1834, въ-8., стр. 62.*

Двѣ послѣднія брошюры суть извлеченіе изъ «Ученыхъ Записокъ» Казанскаго университета, а «Алгебра» — новое сочиненіе Г. Лобачевского, предназначенное повидимому служить руководствомъ его университетскимъ слушателямъ и пособіемъ самому автору при чтеніяхъ. Въ такихъ случаяхъ метода и изустныя объясненія профессора всегда значительно пополняютъ и измѣняютъ содержаніе книги, и оно по справедливости не можетъ подлежать суду общей критики, которая, такъ сказать, была бы заочною. Г. Лобачевскій извѣстенъ у насъ какъ одинъ изъ отличнѣйшихъ профессоровъ математики.

Руководство къ перспективѣ Г. Лавита, профессора Парижскаго Атеней (бывшаго Лицея). Переводъ съ Французскаго Елисаветы Клевещкой. Сп.-бургъ, въ тип. Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумажъ, 1834, въ-8., томъ II, стр. 375.

Говоря о первомъ томѣ «Руководства», мы сказали, что Г-жа Клевещкая передала Лавита тщательно и исправно, что изданіе во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно, что оно от-

личается прекрасно гравированными рисунками и тою издѣльностью, которая тотчасъ свидѣтельствуетъ о прикосновеніи бѣлой, прелестной и пахучей ручки. Теперь, пробѣжавъ второй томъ, повторяемъ то же, не изъ пустаго комплимента искусной переводчицѣ, но потому что пріятно видѣть красивое изданіе, котораго внутреннее достоинство не уступаетъ наружному. Можно утвердительно сказать, что занимающіеся живописью будутъ благодарны за трудъ Г-жи Клевецкой, и постараются вознаградить ей значительныя издержки, съ которыми сопряжено изданіе двухъ толстыхъ томовъ и двухъ огромныхъ тетрадей рисунковъ.

Краткое руководство къ воздѣлыванію свекловицы въ Россіи. *СП.-бургъ, въ тип. Д. Вишней Торговли, 1834, въ-8., стр. 144.*

Изъ всѣхъ породъ свекловицы, мы любимъ только чистый рафинадъ, и не хотимъ вмѣшиваться въ свекловую войну, которая возгорается, и которая тѣмъ опаснѣе для третьяго лица, что ядра ея довольно полноцѣсны. Г. Лялинъ бросилъ огромную свеклу въ огородъ Г. Давыдова, и Г. Давыдовъ безъ-сомнѣнія подберетъ рыцарски эту «красную перчатку». Объясненіе этой загадки читатели наши найдутъ въ отдѣленіи «Промышленности и Сельскаго Хозяйства.» Что касается до насъ, то мы рѣшились соблюдать строгій нейтралитетъ, и не можемъ лучше доказать своего безпристрастія въ этомъ дѣлѣ, какъ объявляя торжественно, что до окончанія войны будемъ всегда класть въ свой чай и кофе по ровному числу кусковъ сахару обѣихъ враждующихъ сторонъ. Это однако жъ не помѣшаетъ намъ сказать, что въ книгѣ, лежащей передъ нами, изложены свѣдѣнія, пріобрѣтенныя Г. Давыдовымъ по этой части помощію многолѣтняго опыта, и что они могутъ быть полезны тѣмъ, которые приступаютъ къ учрежденію свекло-сахарныхъ заводовъ. Здѣсь говорится о выборѣ и приготовленіи земли, на разныя породы свекловицы, и на всѣ полевые работы, посредствомъ которыхъ можно получить наиболѣе хорошихъ корней. Замѣчанія о насѣкомыхъ, приносящихъ вредъ этому растенію, показали намъ весьма любопытными.

А. Тезга Основанія рациональнаго сельскаго

хозяйства. Съ примѣчаніями Н. Н. Муравьева и Е. Крюда. Переводъ С. А. Маслова, дѣйствительнаго члена И. Обществъ Московскихъ сельскаго хозяйства и испытателей Природы, С.-Петербургскаго Вольнаго Экономическаго и проч., издалъ А. Ширяевъ, коммерціи совѣтникъ и членъ корреспондентъ И. Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства и проч. Москва, въ тип. Университетской, 1835, въ-4. Части IV и V, стр. 272—403 и IV.

Полезное изданіе Теэра, стоящее столь значительныхъ издержекъ, теперь совершенно кончено, и можетъ служить руководствомъ нашимъ агрономамъ. Оно тѣмъ полнѣе и совершеннѣе, что Г. Вилькинсъ перевелъ и издалъ уже «Описаніе земледѣльческихъ орудій», другое сочиненіе Теэра, на которое въ «Рациональномъ хозяйствѣ» встрѣчаются весьма часто ссылки. Нѣтъ сомнѣнія, что труды переводчика и издержки издателя не будутъ потеряны. Переводчикъ уже награжденъ золотою медалію отъ Экономическаго Общества, а издатель вниманіемъ хозяевъ, признательныхъ за дорогой имъ подарокъ, котораго достоинства, само собою разумѣется, отнюдь не уменьшаютъ прибавленныя къ тексту примѣчанія, хотя противъ нихъ можно сказать многое. Мы возвратимся къ этимъ примѣчаніямъ въ отдѣленіи «Промышленности и Сельскаго Хозяйства».

Карманный Гомеопатическій Лечебникъ, съ подробнымъ изложеніемъ симптомовъ болѣзней, наименованныхъ по алфавиту на Французскомъ, Латинскомъ и Русскомъ языкахъ, съ показаніемъ врачебныхъ средствъ противъ оныхъ и прибавленіемъ практическихъ примѣровъ и правилъ, какъ поступать въ выборъ гомеопатическихъ врачебствъ у постели больныхъ. Изданный по руководству Гааса, съ Французскаго изданія Журдана, со многими прибавленіями, Фр. Белявскимъ. Москва, въ тип. Степанова, 1835, въ-12., стр. V—331.

Мы совсѣмъ не знали того, что Г. Белявскій, сочинитель двухъ весьма хорошихъ книгъ и котораго познанія мы очень уважаемъ, рѣшительно обратился къ Гомеопатіи! Намъ чрезвычайно пріятно это слышать.

Книга Г. Белявскаго принесетъ большую пользу чело-

вѣчеству, какъ скоро гомеопатическія лекарства начнутъ быть полезными для здоровья. По-сю-пору они доставляютъ пользу одному только карману врачующихъ: вотъ почему Г. Бѣлявскій, какъ умный человѣкъ, безъ обиняковъ назвалъ свой гомеопатическій лечебникъ «Карманнымъ.»

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ СПОСОБОВЪ ОСВѢЩЕНІЯ ГАЗОМЪ.
СП.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1835, въ-8., стр. 26.

При учрежденіи общества для освѣщенія столицы газомъ брошюрка Г. Гесса становится весьма любопытною. Онъ математически доказываетъ выгоды этого освѣщенія передъ обыкновеннымъ, и сверхъ того разрѣшаетъ вопросъ, очень важный для вновь образовавшагося общества, — которому изъ двухъ способовъ гавозаго освѣщенія отдать преимущество, освѣщенію ли газомъ изъ масла или газомъ изъ каменнаго угля. Г. Гессъ клонится на сторону газа изъ масла, увѣряя, что газъ изъ каменнаго угля портитъ позолоту, краски и картины, и что слѣдственно употребленіе его въ комнатахъ сопряжено съ большимъ вредомъ и неудобствами. Авторъ присоединилъ описаніе способа добывать газъ.

=

* * Библиотека для Чтенія умоляетъ своихъ почтенныхъ корреспондентовъ не присылать ей болѣе стиховъ. Сверхъ-того она проситъ всѣхъ, кто изволитъ отправлять къ ней статьи, удерживать у себя съ нихъ копіи: полученныхъ статей она никому не возвращаетъ, такъ какъ для этого, при множествѣ насылаемыхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, пришлось бы держать особаго секрестаря. Если Гг. сочинители, по доброй волѣ сообщившіе труды свои, не видятъ ихъ напечатанными въ Библиотеку для Чтенія, они могутъ, безъ всякаго спросу и не обременяя ея требованіемъ объясненій, которыя въ подобныхъ дѣлахъ всегда очень трудны, печатать ихъ въ другихъ журналахъ.

=

VII.

С М Ъ С Ъ.

ОПЫТЫ НАДЪ ТЕРМОМЕТРОМЪ ПОДЪ ЗЕМЛЕЮ. Прегнїя наблюденїя заставили геологовъ принять правиломъ , что внутренняя температура земли усиливается однимъ градусомъ стоградуснаго термометра на каждыя 9 или 14 сажень. На этомъ основана теорїя о бѣло-каленномъ состоянїи ядра земнаго шара. Однако, эти наблюденїя подтверждались не вездѣ одинаково , и нынче опыты, дѣланные надъ термометромъ въ весьма значительной глубинѣ , представили результатъ не совсѣмъ согласный съ прежними заключенїями. Шахта, которую роютъ въ Монквинмоутской ломкѣ каменнаго угля, близъ Сундерланда, достигла глубины, до которой не доходили еще ни въ одномъ рудникѣ въ Англіи. Доселѣ самую глубокою шахтою тамъ была Пирская, въ 1470 футовъ (210 сажень) подъ землею, изъ которыхъ только 1150 футовъ (166 сажень) ниже поверхности моря, а дно Монквинмоутской шахты находится теперь уже въ 1500 футахъ (214 сажень.) ниже уровня океана и въ 1600 (229 сажень.) подъ поверхностью земли. Она начата въ маѣ 1826, и только въ 1833 году нашли въ глубинѣ двадцати сажень съ половиною первый слой каменнаго угля, и то только въ полтора дюйма толщиною. Послѣ разныхъ приключенїй, которыя иногда останавливали дѣло на болѣе или менѣе продолжительное время, работники достигли въ октябрѣ прошлаго года глубины 225 сажень. Самые отважные изъ нихъ приходили уже въ уныніе и лишились надежды найти предметъ своихъ исканїй, какъ вдругъ встрѣтили богатѣйшїй пластъ угля, тотъ самый, который называется въ той странѣ Бентамовскимъ. Полагаютъ, что подъ этимъ пластомъ долженъ быть другой, еще богаче; по этому шахту дѣятельно продолжаютъ, а между-тѣмъ разрабатываютъ первый пластъ. Нѣсколько ученыхъ спускались въ послѣднее время въ этотъ рудникъ и произвели барометрическія

и тригонометрическія наблюденія, которыхъ подробности весьма любопытны.

Стоградусный термометръ, помѣщенный въ верху шахты, въ 22 саженьхъ надъ поверхностію моря, показывалъ 12° тепла, а внесенный въ одну изъ новыхъ штольнъ упалъ до 0, или точки замерзанія. Въ этомъ рудникѣ устроено четыре новыя штольпы: для наблюденія избрали глубочайшую изъ нихъ, длиною въ двадцать двѣ верги и шириною въ двѣ, къ началу которой проводима была струя воздуха, назначенная для возобновленія атмосферы въ рудникѣ. Температура воздуха при началѣ шахты была 17° , близъ дна почти 19° , а въ штольнѣ, нѣсколько выше сгруи воздуха, 20° . Отломали кусокъ угля, и въ мѣсто, которое занималъ онъ, вставили тотчасъ два термометра, которыхъ шарики были тщательно покрыты пылью: они вскорѣ стали показывать 19° . Въ концѣ штольны скопилось немного воды: температура ея въ одиннадцатъ часовъ была въ 21° , а черезъ три часа послѣ того въ $19\frac{1}{2}$ градусовъ. Термометръ былъ зарытъ на 18 дюймовъ ниже почвы и около десяти вергъ отъ начала штольпы: минутъ черезъ сорокъ онъ показывалъ $19\frac{1}{2}$ градусовъ. Другой термометръ, погруженный точно также въ самомъ концѣ штольны, показывалъ черезъ то же время 21° . Наконецъ третій термометръ зарыли еще глубже; чрезъ нѣсколько времени онъ показалъ 22° . Два термометра, чрезвычайно чувствительныхъ, погруженные въ воду, образуемую теченіемъ газовъ, показывали температуру, постоянно измѣняющуюся отъ 21° до 22° . Наконецъ термометръ, зарытый въ яму въ два съ половиною фута, находящуюся въ другой штольнѣ и замазанную глиною, для того, чтобы не допускать въ нее атмосфернаго воздуха, показалъ черезъ двое сутокъ то же почти 22° . Словомъ, эти опыты представили только три градуса разницы между теплою слоевъ въ началѣ шахты и въ концѣ ея, на протяженіи слишкомъ двухсотъ сажень внутрь земли. Если принять самое высокое количество прежнихъ выводовъ, то есть, четырнадцать сажень глубины, мѣрою усиленія температуры на одинъ градусъ, разница долженствовала бъ простираться здѣсь до пятнадцати градусовъ. Этотъ и другіе подобные случаи заставля

ють, кажется, согласиться, что постепенное усиленіе внутренней температуры земли не есть фактъ всеобщій, но что онъ большею частію зависитъ отъ мѣстныхъ обстоятельствъ.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ РЫБІЙ УРОДЪ. Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ *American Journal of Science*, журнала, издаваемого людьми учеными и заслуживающими довѣренности, напечатано описаніе двойной рыбы, называемой *chat*. Эта чудовищная рыбка поймана живою съѣтѣю въ мартѣ мѣсяцѣ 1853 года въ устьѣ Кепъ-Фира, въ сѣверной Каролинѣ. Двѣ рыбки были соединены между собою точно такъ же, какъ извѣстные Сіамскіе близнецы. Обѣ ихъ груди покрыты были одною оболочкою, и раздѣленіе ихъ означалось только черною полоскою. Составомъ и цвѣтомъ своимъ она совершенно походила на брюшинную кожу. Голова и кишki были цѣльныя у каждой рыбки; но когда брюшину съ боку вскрыли, то увидѣли, что она пуста. Это заставило думать, что внутренности, которыя должны бы были въ ней находиться, перешли въ брюшину сосѣдки, что дѣйствительно и подтвердилось. Первая изъ этихъ рыбокъ была длиною въ три дюйма съ половиною, а вторая только въ два съ половиною. Вѣроятно, что при рожденіи своемъ обѣ онѣ были одинакой величины и равной силы; но природа, повидимому, благопріятствовала болѣе развитію одной чѣмъ другой, и первая выросла бы еще болѣе, если бы онѣ подольше жили; голова ея была надъ головою той, и поэтому верхняя рыбка могла избирать пищу, а нижняя должна была ожидать благопріятнаго случая или поститься, пока близнецъ ея насытится.

СРЕДНЕЕ ПРОДОЛЖЕНІЕ ЖИЗНИ ВЪ РАЗНЫХЪ ВОЗРАСТАХЪ. Въ послѣднее время, въ Петербургѣ начали поговаривать объ учрежденіи компаніи для застрахованія на жизнь человѣческую: поэтому, всякому не худо знать, сколько онъ можетъ прожить со времени застрахованія своей жизни. Г. Виггльвортъ недавно читалъ объ этомъ разсужденіе въ Сѣверо-Американской Академіи Наукъ и Художествъ. Вотъ среднее продолженіе жизни въ разныхъ воз-

растахъ, исчисленное имъ по документамъ многихъ компаний этого рода. Тотъ, кто застрахуетъ жизнь свою въ —

Возрастъ.	Годы.	Мѣсяцы.	Недѣли.
5 лѣтъ возраста, можетъ надѣяться прожить	40	9	3.
10 —	39	—	2.
15 —	36	1	1.
20 —	34	2	2.
25 —	32	3	3.
30 —	30	2	2.
35 —	28	2	2.
40 —	26	—	1.
45 —	23	11	$\frac{1}{2}$.
50 —	21	1	1.
55 —	18	3	$3\frac{1}{2}$.
60 —	15	5	—
65 —	12	5	—
70 —	10	—	$\frac{1}{2}$.
75 —	7	8	3.
80 —	5	9	3.
85 —	4	6	—
90 —	3	8	2.

Достойно примѣчанія, что не достигшіе двадцати пяти лѣтъ возраста наименѣе имѣютъ надежды на долговѣчность, а достигшіе сорока пяти, наиболѣе.

ПЯСУЧАЯ БОЛѢЗНЬ. Извѣстный въ Германіи докторъ Гекеръ издаетъ сочиненіе объ эпидеміяхъ, господствовавшихъ въ средніе вѣки. Въ первой части своей любопытной книги говорилъ онъ весьма подробно о черной смерти; вторая посвящена вся пясонеистовству, или пясучей болѣзни, а третья, которая недавно появилась, заключаетъ потовую болѣзнь, *englischer Schweiss*. Мы приведемъ нѣсколько замѣчательныхъ мѣстностей изъ второй части.

Суевѣріе четырнадцатаго столѣтія приписывало двумъ Святымъ, Іоанну и Виту, какую-то особенную связь съ чрезвычайнымъ недугомъ, котораго главнымъ признакомъ было сильное и судорожное движеніе. Абиссинскіе христіане и по-сю-пору считаютъ Св. Іоанна покровителемъ страждущихъ этой болѣзью, а странные обряды, которыми встрѣчаютъ Ивановъ день почти во всей южной

Европѣ и въ Азіи, указываютъ и здѣсь на подобное по-
вѣрье.

Ясныя извѣстія о появленіи этой фантастической, но
ненуточной, эпидеміи въ Европѣ восходятъ до 1374 года,
когда въ Ахенѣ увидѣли вдругъ толпы мужчинъ и жен-
щинъ, собравшіяся изъ всей Германіи, которыя представля-
ли на улицахъ и даже въ другихъ мѣстахъ самое странное по-
зорище. Они составляли хороводы, и, несмотря ни на кого
въ свѣтъ, плясали по цѣлымъ часамъ съ дикимъ неистов-
ствомъ; наконецъ падали цѣземъ въ совершенномъ изнемо-
женіи. Тогда они жаловались, что имъ очень тяжело, и стена-
ли какъ въ смертныхъ мукахъ, пока ихъ не стягивали въ про-
стыни; послѣ этого они приходили въ себя, и не страдали
ничѣмъ до перваго припадка. Къ стягиванію прибѣгали
противъ сильной пугги въ животѣ, слѣдовавшей за спаз-
модическимъ изступленіемъ; но больнымъ часто помогали
менѣе искусственнымъ образомъ, то есть, просто мiali и
топтали страдающія части тѣла. Во время пляски они ни-
чего не видали и не слышали, и были совершенно безчув-
ственны къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ; но имъ грезились тогда
разныя видѣнія, и они мысленно заклинали духовъ, произ-
нося только ихъ названія; нѣкоторые изъ нихъ сказывали
послѣ, что они какъ-будто были погружены въ ручьи
крови и прыгали такъ высоко для того, чтобы изъ нихъ
освободиться.

Въ нѣсколько мѣсяцевъ этотъ недугъ распространился
по всемъ окрестнымъ Нидерландамъ, и возрастающее чи-
сло страдающихъ наводило даже ужасъ. Въ городахъ и
селахъ приняты были мѣры, согласныя съ тогдашними по-
нятіями, и никто не сомнѣвался, чтобы страшная болѣзнь не
была дiавольское навожденіе: въ Литтихѣ запирали неис-
товыхъ.

Эти плясуны отличались странными отвращеніями: видъ
остроносыхъ башмаковъ раздражалъ ихъ до такой сте-
пени, что этотъ покррой надобно было вовсе запретить.
Ненависть къ краснымъ цвѣтамъ раздѣляли они съ ин-
дѣйскими пѣтухами, а нѣкоторые изъ нихъ не могли
терпѣть, чтобы кто-нибудь плакалъ. На улицахъ въ Мецѣ
появилось однажды тысячь сто плясунѡвъ, и можно себя

представить нравственные слѣдствія этой эпидеміи! Разумѣется тутъ было много и обмановъ, но времена скоро перемѣнились и въ шестнадцатомъ столѣтіи Парацельсъ уже говорилъ объ ней, какъ о тѣлесной болѣзни, не считая ея діавольскимъ навожденіемъ.

Этому недугу подвергались всѣ состоянія, особенно тѣ, которыя вели сидячую жизнь, напримѣръ башмачники и портные; впрочемъ и самые здоровые поселяне оставляли свои работы, будто одержимые злымъ духомъ: они сходились всѣ безъ различія въ назначенныя мѣста, и, если народъ ихъ не останавливалъ, готовы были плясать до послѣдняго издыханія. Неистовство ихъ доходило до того, что многіе разбивали себѣ головы объ углы и стѣны окружныхъ зданій или бросались въ быстрыя рѣки, гдѣ находили вѣрную смерть. Зрители могли укрощать ихъ только тѣмъ, что подставляли имъ скамейки и стулья, черезъ которые они непремѣнно хотѣли перепрыгивать, и такимъ образомъ скорѣе истощались въ усиліяхъ. Тутъ они падали совсѣмъ безъ чувствъ, и приходили въ себя только исподволь и очень медленно.

Многіе такъ совершенно вымечивались этими чрезвычайными припадками, что возвращались потомъ къ своимъ работамъ, какъ-будто ничего не бывало. Напротивъ другіе утрачивали въ нихъ всю свою силу, такъ что нельзя было помочь имъ ни какими средствами. Что музыка имѣла на больныхъ величайшее вліяніе и усиливала ихъ припадки,—это очень естественно: въ нервныхъ разстройствахъ самыя глубокія впечатлѣнія получаютъ посредствомъ уха, которое есть умственнѣйшій изъ всѣхъ нашихъ органовъ. По-этому во многихъ городахъ бургомистры нанимали музыкантовъ для ускоренія припадковъ въ плясунахъ Св. Вита и высылали къ нимъ силачей, которые доводили ихъ до совершеннаго изнеможенія.

Феликсъ Платеръ, умершій въ началѣ семнадцатаго столѣтія, рассказываетъ, что, въ молодости его, Базельское градоначальство нарядило нѣсколькихъ здоровяковъ плясать съ одной дѣвушкой, одержимой плясонеистовствомъ, до тѣхъ поръ, пока она совершенно излечится. Эти молодцы чередовались между собою и проплясали съ ней четыре недѣли;

тутъ наконецъ больная упала отъ слабости, ее отнесли въ больницу и она выздоровѣла. Все это время оставалась она въ платѣ и отнюдь не обращала вниманія на боль въ истерзанныхъ ногахъ; она садилась только чего-нибудь поѣсть и вздремнуть, но и тогда не прерывалось въ ней плясовое движеніе.

Весь іюнь мѣсяцъ, передъ Ивановымъ днемъ, одержимые этимъ недугомъ томились непреодолимымъ безпокойствомъ и уныніемъ; они чувствовали въ разныхъ частяхъ тѣла внезапную стрѣльбу и нетерпѣливо ожидали кануна Иванова дня въ той увѣренности, что, поплясавъ въ эту урочную ночь, непременно избавятся отъ всѣхъ страданій. Надежда ихъ не обманывала: удовлетворивъ трехчасовымъ пейсцовствомъ неодолимому влеченію природы, они во весь годъ не подвергались ни какому припадкамъ.

Къ этого же рода недугамъ относится и Итальянскій тарантизмъ, котораго баснословное происхожденіе приписываютъ, какъ извѣстно, ядовитому пауку тарантулу. «Укушенные имъ, говоритъ Перотти, впадали обыкновенно въ мрачную задумчивость и казались почти вовсе одуренными. Къ этому присоединялась, во многихъ случаяхъ, такая чувствительность къ музыкѣ, что при первомъ звукѣ любимыхъ мелодій они вскакивали съ криками радости и плясали непрерывно до тѣхъ поръ, пока упадутъ паземъ почти бездыханными. У другихъ, болѣзнь не принимала такого веселаго направленія. Они все плакали, и, какъ-бы томясь неудовлетвореннымъ желаніемъ, проводили жизнь въ печали и горести. Еще нѣкоторые, въ болѣзненныхъ припадкахъ любви, безпрестанно смотрѣли на женщинъ, и есть примѣры, что эти несчастные умирали иногда отъ смѣха или отъ слезъ.»

Тарантисты были еще страстнѣе къ музыкѣ, нежели ихъ Германскіе собраты, Ивановцы. Для нихъ сочинялись особенныя піэсы, называемыя тарантеллами и соотвѣтствовавшія разнымъ душевнымъ расположеніямъ страждущихъ. Цвѣта дѣйствовали на нихъ такъ же раздражительно, однако жъ красный, ненавидимый плясунами въ Германіи, предпочитали они, кажется, всѣмъ другимъ. Многоученый отецъ Кирхеръ рассказываетъ объ этомъ слѣдующее:

«Плясовые припадки одного капуцинскаго монаха въ Тарентѣ возбуждали любопытство до такой степени, что кардиналъ Каetano отправился въ монастырь, чтобъ видѣть ихъ собственными глазами. Онъ засталъ капуцина въ самомъ жару пляски, но тотъ, когда увидѣлъ кардинала въ его красномъ одѣяніи, забывъ слушать тарантеллу и съ странными тѣлодвиженіями старался подойти къ знаменитому гостю, какъ-будто хотѣлъ перечестъ всѣ нити его багряницы. Зрители и собственное чувство уваженія помѣшали ему до нея дотронуться, но невозможность утолить непобѣдимое желаніе привела его въ такое разстройство, что онъ упалъ въ обморокъ и опаматовался только тогда, когда кардиналъ отдалъ ему пзъ сожалѣнія свою пурпуровую шапку. Онъ тотчасъ схватилъ ее съ величайшимъ восторгомъ, прижималъ то къ груди, то ко лбу, то къ щекамъ, и потомъ опять пустился плясать какъ бѣшеный.»

Многіе были одержимы такою же страстію къ водѣ, плясали съ полными стаканами и обнаруживали самое пламенное стремленіе къ морю. Другіе мечтали вылечиться, зарываясь въ землю. И не одни туземцы подвергались дѣйствію чудной эпидеміи; пріѣзжіе также заражались ею: дряхлые старяки бросали костыли и скакали во всю ивановскую; дѣти, едва вышедшія изъ колыбели, прыгали вмѣстѣ съ ними. Плясонеиство достигло здѣсь высочайшей степени въ семнадцатомъ столѣтіи: музыканты толпами бродили по Италіи для цѣлѣнія многочисленныхъ тарантистовъ. Даже самыя скромныя и несуетвѣрныя особы духовнаго званія не могли устоять противъ общей заразы. Іоаннъ Баптистъ Квинцато, епископъ Фолинойскій, давъ себя укусить тарантулу для шутки, не могъ вылечиться иначе, какъ поплясавъ подъ тарантеллу. Впрочемъ болѣзнь была не слишкомъ опасна: изъ тысячи укушенныхъ умиралъ одинъ или двое.

Замѣчательно, что въ Абиссиніи плясонеиство существуетъ по сіе время. Что касается до среднихъ вѣковъ, то они представляютъ рѣдкій примѣръ еще страшнѣйшихъ недуговъ въ женщинахъ. Докторъ Гекеръ рассказываетъ, а мы только передаемъ слова его, будто обита-

тельницы одного «женскаго убѣжища» во Франціи вдругъ принялись мяукать въ одинъ голосъ, какъ кошки, однако жъ въздоровѣли отъ этой ужасной болѣзни, когда ихъ постращали бичеваніемъ. Въ Германіи было еще хуже: въ нѣкоторыхъ женскихъ обществахъ, онѣ начали тамъ кусать другъ друга, — все это, разумѣется, въ припадкахъ истерики, а не въ здоровомъ состояніи.

Неистовства Французскихъ *судорожниковъ*, *convulsionnaires*, продолжались до 1790 года; но они должны были уступить первенство нѣкоторымъ методистскимъ сектамъ въ Англіи, и особенно въ Америкѣ, гдѣ на такъ называемыхъ полевыхъ сходкахъ, *camp-meetings*, бѣшенство методистовъ доходитъ до невѣроятности. Въ припадкахъ изступленія женщины разрѣшаются преждевременными родами; другія, всенародно раздѣвшись, бросаются въ рѣки. Лающіе, *the barkers*, которые только изрѣдка и поодиначкѣ являлись между судорожниками, ползаютъ здѣсь цѣлыми стадами на четверенькахъ. Дѣти, которыя бываютъ свидѣтелями всѣхъ этихъ неистовствъ, по слабости нервовъ и по сочувствію съ родителями, впадаютъ въ тѣ же самые ужасы, и многіе разстроиваютъ здоровье на всю жизнь.

ПРЕБЫВАНІЕ НАПОЛЕОНА ВЪ БЕРЛИНѢ. (Извлеченіе изъ записокъ очевидца.) Двадцать четвертаго октября поутру въ половинѣ одиннадцатаго часа императоръ Наполеонъ сошелъ съ лошади въ Потсдамскомъ Увеселительномъ Саду.

—Такъ здѣсь и буду жить? спросилъ онъ маршала Дюрока.

—Точно такъ, государь, отвѣчалъ Дюрокъ. Ваше величество будете занимать комнаты, которыя занималъ Императоръ Россійскій.

Наполеонъ, давъ приказаніе разставить часовыхъ въ королевскомъ дворцѣ, какъ то дѣлалось во время присутствія короля Прусскаго, вошелъ въ Мраморную залу, и спросилъ меня, какую я занимаю должность. — Камердинера его величества короля Прусскаго, отвѣчалъ я, — и показалъ назначенныя для него комнаты. Войдя въ такъ называемую Желтую комнату, въ которой находились два придворныхъ

служителя, онъ спросилъ, кто они таковы, и говорятъ ли по-Французски. Я отвѣчалъ, что не говорятъ.—А вы Французъ?—Нѣтъ, государь; я Италіанецъ.—Вы останетесь при мнѣ, сказалъ онъ по-Италіански.

Комнаты свои нашелъ онъ прекрасными и богато убранными, а войдя въ спальную, спросилъ, не на этой ли кровати почивалъ Россійскій Императоръ. Я отвѣчалъ утвердительно. Потомъ приказалъ онъ принести нѣсколько столовъ, чтобы разложить на нихъ географическія карты. По прошествіи получаса, императоръ потребовалъ завтрака, который раздѣлилъ онъ съ принцемъ Іеронимомъ и Мюратомъ. Между-тѣмъ прибыла его гвардія; ей показали двѣ главныя гауптвахты, и она, пройдя черезъ ворота Увеселительнаго Сада, заняла гауптвахты и Мраморную залу. Въ Синей комнатѣ, близъ квартиры Наполеона, находился дежурный генералъ, и въ Бронзовой залѣ нѣкоторые изъ дежурныхъ офицеровъ и адъютантовъ, принадлежавшіе къ почетной его стражѣ.

Въ два часа по полудни, войдя въ Бронзовый залъ и показывая на висѣвшія надъ каминомъ картины, онъ спросилъ меня, какія это картины.

—Онѣ представляютъ короля Польскаго и Фридриха Вильгельма, перваго Прусскаго короля.

—Вѣроятно того, который учредилъ старый гренадерскій баталіонъ? Далеко ли отсюда до Санъ-Суси и Новаго Дворца?

—Не далеко, государь.

—Я еще сегодня намѣренъ ихъ осмотрѣть. А гдѣ здѣсь жилъ Фридрихъ Великій?

Въ другомъ флигелѣ дворца, къ Длинному Мосту.

—Хочу теперь же видѣть его комнаты.

Я немедленно приказалъ кастеляну отворить комнаты Фридриха Великаго. Наполеонъ, вошедъ въ первую, спросилъ меня:

—Это уже одна изъ комнатъ Фридриха Великаго? А что это за картины и гравюры, которыя лежатъ на полу?

Я отвѣчалъ, что онѣ куплены царствующимъ королемъ на Берлинской выставкѣ. Проходя слѣдующими комнатами онъ желалъ знать, гдѣ почивалъ Фридрихъ Великій: я пока-

залъ то мѣсто.—Гдѣ кровать, на которой онъ спалъ?—Не въ состояніи будучи дать удовлетворительнаго отвѣта, я обратился къ кастеляну, который отвѣчалъ, что кровать свою Фридрихъ II подарилъ камердинеру Рицу. Въ одной изъ комнатъ Наполеонъ отперъ стеклянный шкафъ, въ которомъ находились сочиненія Фридриха, вынулъ одинъ томъ, и сказалъ окружающимъ его генераламъ:—Вотъ господа, сочиненія Фридриха Великаго, и каталогъ имъ самимъ писанный!—Потомъ, приказавъ замкнуть шкафъ, спросилъ меня, показывая на кастеляна:—Служилъ этотъ человѣкъ Фридриху Великому?—Онъ былъ въ продолженіи многихъ лѣтъ при немъ лакѣемъ, и имъ же пожалованъ въ кастеляны.—Потомъ, обратясь къ своимъ генераламъ, Наполеонъ примолвилъ:—Вотъ поты Фридриха Великаго; онъ былъ большой знатокъ въ музыкѣ.

—А чья это шпага, что лежитъ здѣсь на столѣ? продолжалъ онъ.

Надобно знать, что шпагу эту и ящикъ съ мундиромъ, которые Фридрихъ носилъ будучи въ Петербургѣ, позабыли благовременно спрятать; а какъ она давно уже была извѣстна многимъ Французамъ и одинъ изъ адъютантовъ ее узналъ, то принуждены были отвѣчать, что шпага была временная Великаго короля, и что лежащіе подлѣ ней знаки ордена Чернаго Ора надѣваны были также очень рѣдко. Потомъ спросилъ онъ—Неужели Фридрихъ Великій носилъ такую маленькую шпагу?—и получилъ въ отвѣтъ, что точно такъ. Онъ взялъ ее со стола, и, показывая своимъ генераламъ, сказалъ:—Если бы король, носившій эту шпагу былъ еще живъ, насъ бы здѣсь не было. — Къ столу прислонена была трость съ золотымъ набалдашникомъ.—Трость эта также принадлежала Фридриху Великому?—Точно такъ, отвѣчалъ я: ее носилъ Фридрихъ Вильгельмъ II.

Наполеонъ вообще осведомлялся о всѣхъ предметахъ, находившихся въ комнатѣ, объ ихъ назначеніи, и прочая. Увидѣвъ токарный станокъ Фридриха, онъ спросилъ, были ли послѣ его смерти сдѣланы какія перемѣны въ этихъ комнатахъ. Я отвѣчалъ, что нѣтъ, а онъ присовокупилъ, что онъ навсегда должны оставаться въ настоящемъ видѣ. Возвратясь въ свои покои, Наполеонъ приказалъ отыскать

человѣка, умѣющаго говорить по-Французски, который бы могъ ѣхать съ нимъ верхомъ и показывать ему дорогу. Полагая, что королевскій берейтеръ, Миллеръ, знаетъ Французскій языкъ, я послалъ за нимъ; онъ тотчасъ явился, но оказалось, что онъ по-Французски не знаетъ. Такимъ образомъ Наполеонъ и генералы его поѣхали уже безъ провожатаго осматривать Санъ-Суси и Новый Дворецъ, и по прошествіи нѣсколькихъ часовъ возвратились.

Двадцать пятаго октября утромъ явился въ корридоръ такъ называемыхъ новыхъ комнатъ нѣкто Гессе, и спросилъ меня по-Французски, не принадлежу ли я къ свитѣ императора. Я отвѣчалъ, что служу королю Прусскому. Потомъ сказалъ онъ, что имѣетъ къ Наполеону письмо, и желаетъ испросить черезъ одного изъ адъютантовъ дозволеніе отдать его лично. Я доложилъ объ немъ дежурному генералу, который взялъ отъ Гессе письмо и подалъ императору. Наполеонъ, прочитавъ, сказалъ:—Возможно ли? Я только-что пріѣхалъ, а меня уже просятъ приказать выдать сумму, которую его величество Прусскій король обѣщалъ дать въ пособіе одной фабрикѣ. Вотъ истинный патріотъ!

Послѣ обѣда Наполеонъ приказалъ маневрировать гвардіи и конной артиллеріи,—что продолжалось нѣсколько часовъ; потомъ отправился съ своими генералами на гробницу Фридриха Великаго; долго въ молчаніи осматривалъ ее, и наконецъ сказалъ:—Онъ мертвъ, но имя его бессмертно!

Двадцать шестаго октября Наполеонъ ѣздилъ съ своими генералами верхомъ въ Шарлоттенбургъ, а 27 октября около четырехъ часовъ пополудни отправился оттуда въ Берлинъ. Городъ въ тотъ вечеръ былъ иллюминированъ. Государь болѣе часу еще прогуливался верхомъ по городу, и потомъ возвратился во дворецъ. Онъ занималъ комнаты Фридриха Великаго къ Увеселительному Саду. Въ Зеркальной комнатѣ близъ покоевъ государя находился дежурный генералъ, а въ комнатѣ съ колоннами нѣсколько дежурныхъ офицеровъ и адъютантовъ, принадлежащихъ къ почетному караулу.

Октября 28, въ одиннадцать часовъ утра, представлялись императору всѣ должностныя лица Берлина. Въ двѣнадц-

цать часовъ государь назначилъ парадъ, дѣлалъ смотръ прибывшимъ полкамъ, и повысилъ отличившихся на полѣ сраженія. Въ тотъ же день посетилъ онъ принца Фердинанда Прусскаго, желалъ оказать ту же честь куръ-принцессѣ Гессенъ—Касельской, но она извинилась, что не можетъ принять его по причинѣ нездоровья.

Въ одно утро Наполеонъ приказалъ позвать къ себѣ фельдмаршала фонъ-Меллендорфа; и когда тотъ явился, онъ взялъ его ласково за руку, повелъ во внутреннія комнаты, и сказалъ: «Мнѣ весьма пріятно познакомиться съ столь храбрымъ фельдмаршаломъ.»

Нѣсколько дней спустя пригласилъ онъ его къ столу, за которымъ находилось нѣсколько принцевъ крови, и въ продолженіе всего обѣда разговаривалъ почти ѣзъ нимъ однимъ.

Къ восьми часамъ вечера государь со всеми принцами, генералами и фельдмаршаломъ фонъ-Меллендорфомъ прибылъ въ Зеркальную комнату и приказалъ начать концертъ.

Маршалъ Дюрокъ представилъ императору капельмейстера Гюммеля. Наполеонъ спросилъ объ его отечествѣ: Гюммель отвѣчалъ, что онъ Пруссакъ и что Фридрихъ II посылалъ его въ Италію для усовершенствованія таланта. Дюрокъ представилъ ему также пѣвца Баварскаго короля, по имени Бриччи. Узнавъ, что онъ Болонецъ, императоръ говорилъ съ нимъ по-Италянски, и кончилъ замѣчаніемъ, что Болонцы хорошіе люди. Королевско-Прусскій оперный пѣвецъ Тамболини и оперная пѣвица Марметто были равномѣрно ему представлены. Въ послѣдствіи у императора былъ каждый вечеръ вокальный концертъ. Онъ слушалъ музыку, и въ то же время игралъ съ дежурнымъ генераломъ въ шахъ-маты.

Однажды, въ послѣобѣднее время, когда Наполеонъ съ своими генералами поѣхалъ въ Фридрихсфельдъ дѣлать смотръ войску, явилась во дворецъ княгиня Гацфельдъ. Узнавъ, что я нахожусь при императорѣ, она спросила меня, не извѣстно ли, гдѣ находится супругъ ея. Видя уныніе княгини, я сначала не хотѣлъ сказать истину, но она просила такъ убѣдительно, что я не могъ воздержаться, и открылъ ей, что князь взятъ подъ арестъ.—У себя ли государь? спросила она въ сильномъ волненіи духа: я дол-

жна ему вручить письмо.—Съ часъ назадъ какъ онъ уѣхалъ, отвѣчалъ я: и не ранѣе возвратится какъ къ вечеру.—Между-тѣмъ вошелъ гофъ-фурьеръ императора, и сказалъ княгинѣ, что ей нельзя тутъ оставаться, но я успѣлъ шепнуть ей по-Нѣмецки, что такъ какъ ей извѣстны всѣ входы и выходы дворца, то она можетъ еще найти случай вручить государю письмо. Въ то же время вошелъ изъ другаго зала маршалъ Дюрокъ; княгиня обратилась къ нему, но онъ отдѣлался отъ нея извиненіемъ, что слишкомъ занятъ и не имѣетъ времени ее выслушать. Такимъ образомъ несчастная должна была ѣхать домой. Къ шести часамъ Наполеонъ возвратился. Княгиня Гацфельдъ явилась снова въ сопровожденіи камергера, даннаго ей принцессою, супругою принца Фердинанда: онъ указалъ ей мѣсто у дверей комнаты, въ которую долженъ былъ войти императоръ. Едва Наполеонъ появился, какъ княгиня пала на колѣни, и просила пощады своему мужу. Императоръ остановился, взявъ отъ нея письмо, которымъ ходатайствовала за нее принцесса, и спросилъ, кто она.—Я княгиня Гацфельдъ, и испрашиваю пощады моему мужу.—Императоръ снялъ шляпу и сказалъ:—Встаньте, сударыня.—Но княгиня лежала почти въ обморокъ.—Подымите ее, сказалъ онъ Дюроку и Сегюру.—Съ этими словами онъ пошелъ въ кабинетъ, и, прочитавъ письмо, приказалъ мнѣ позвать княгиню. Въ величайшемъ смятеніи послѣдовала она за мною до передней комнаты, гдѣ дежурный генералъ доложилъ объ ней: она вошла, и, не вѣдая причины арестованія мужа, просила объ оказаніи ему правосудія; увѣряла, что клевета, а не вина, ввергла его въ настоящее положеніе. Въмѣсто отвѣта, государь подалъ ей перехваченное письмо князя. Съ трепетомъ беретъ его несчастная, разкрываетъ, и узнаетъ руку своего мужа. Вина его противъ гордаго побѣдителя очевидна. Въ неописанной горести, обнаружившейся во всѣхъ ея движеніяхъ, прерываетъ она молчаніе только этими словами:—Да, государь! мы слишкомъ несчастны!—Теперь вы видите, сударыня, возразилъ Наполеонъ, клевета ли это?—Слезы брызнули изъ глазъ княгини; она находилась въ жалостномъ положеніи; невольное состраданіе изображалось на лицахъ окружавшихъ ее особъ.—Суда-

рыня, сказалъ Наполеонъ, взявъ у нее обратно письмо: это письмо есть ясное доказательство вины вашего супруга, но мы его уничтожимъ.—Онъ разорвалъ письмо, и бросилъ его въ огонь.—Я прощаю вашего супруга, продолжалъ онъ: поспѣшите съ нимъ соединиться.—И маршалъ Дюрокъ, получившій тутъ же приказаніе выпустить князя, поѣхалъ съ нею объявить ему свободу.

Ноября 24, поутру въ три часа императоръ поѣхалъ изъ Берлина въ Кюстайнъ, сказавъ, что черезъ четыре дня возвратится; однако жъ не возвращался, и, спустя десять дней свита его, остававшаяся въ Берлинѣ, получила приказаніе за нимъ слѣдовать. Этимъ кончилась и моя служба, которую я отправлялъ съ 25 октября по 5 декабря, днемъ и ночью, съ величайшимъ напряженіемъ силъ моихъ. Я отправился къ генералу Кларку, просилъ его о паспортѣ на возвратный путь въ Потсдамъ, и 6 декабря отдыхалъ уже въ недрахъ моего семейства. *В. Панаевъ.*

ПРАЗДНЕСТВА ВЪ ГЕРДВАРѢ И ДЖЕГЕРНАТѢ. Браминская религія почитаетъ дѣломъ весьма богоугоднымъ путешествіа на богомолье. Въ Индіи есть особенно два мѣста, которыхъ ревностный поклонникъ Браммы не можетъ не посѣтить хотя однажды въ жизни, — городъ Гердваръ и храмъ Джегернатскій. Гердваръ лежитъ у подошвы горъ, смежныхъ съ Тибетскими пиками, въ томъ мѣстѣ, гдѣ священная рѣка протекаетъ въ долины Индустанскія. Живописныя красоты этого знаменитаго мѣста каждый годъ привлекаютъ туда множество Англійскихъ путешественниковъ. Городъ Гердваръ, пишетъ одинъ изъ нихъ, не что иное какъ длинный рядъ довольно красивыхъ домовъ, занимающій обширную возвышенную площадь на берегахъ Ганга. Мрачный лѣсъ окружаетъ его и надъ нимъ господствуетъ. Въ концѣ предмѣстій, столѣтнія деревья бросаютъ тѣнь свою на воды рѣки, и зеленыющіяся ихъ вершины пріятно смѣшиваются съ колоннадами восточной архитектуры. На заднемъ планѣ картины тянутся горы, покрытыя вѣчными снѣгами.

«Я видѣлъ Гердваръ въ такое время, когда суевѣріе привлекаетъ туда богомольцевъ изъ всѣхъ частей Ин-

діи. По мнѣнію ихъ, вода Гангеса получаетъ каждая двѣнадцатъ лѣтъ новую силу: тогда всякой спѣшитъ въ ней очиститься. Всѣ дороги покрыты богомольцами: мужчины, женщины, дѣти, старики, богатые, бѣдные, всѣ спѣшаютъ къ этому многотимому мѣсту. Воздухъ оглашается ихъ криками, когда, добравшись до холмовъ, съ которыхъ видѣнъ Гердваръ, они усматриваютъ священную рѣку, выходящую изъ горной своей колыбели. Городъ Гердваръ не довольно великъ для того, чтобы помѣстить и десятую часть народа, который въ это время туда собирается; но для Азіятца квартира вещь неважная. Большая часть приносятъ съ собою палатки, а бѣдные располагаются подъ деревьями. Всѣ окрестности составляютъ тогда одинъ обширный лагерь, въ которомъ Арабы, Сингалеццы, Персіяне, Татары, смѣшиваются съ Сейками, съ жителями Кеча, Гузерата, Нипаля и разныхъ областей Индіи. Въ нѣкоторомъ разстояніи отсюда видѣются палатки Европейскихъ путешественниковъ: тамъ покоятся пѣжныя женщины, которыя не побоялись облаковъ пыли и міріады насѣкомыхъ, чтобы насладиться этимъ живописнымъ зрѣлищемъ.

Астрологи опредѣляютъ минуту, когда надобно погрузиться въ Гангесъ, чтобы вода его произвела полное свое дѣйствіе. Это омовеніе — единственный обрядъ, наблюдаемый купальщиками. Оно состоитъ въ простомъ погруженіи въ Гангъ и въ уплатѣ дани, собираемой браминами. Эти духовные составляютъ одну изъ главныхъ чертъ картины. Они въ большомъ числѣ собираются въ Гердваръ; ихъ видишь и на *веренде*, и на галереяхъ, и на крышахъ главныхъ зданій. Они даже строятъ себѣ въ рѣкѣ подмости, съ которыхъ наблюдаютъ за омовеніемъ купающихся. Не нужно прибавлять, что въ продолженіе всего обряда слышенъ ужасный крикъ, сопровождающій всѣ Индійскія церемоніи. Въ прежнія времена купающіеся подвергались не одной только опасности оглохнуть, но и разнымъ несчастнымъ приключеніямъ. Въ минуту погруженія, всѣ вдругъ бросались въ воду. Отъ этого происходилъ родъ свалки, при которой многіе лишались жизни. Англійское правительство упычтожило это неудобство, облегчивъ доступъ къ рѣкѣ. Новая пристань не менѣе ста

футовъ въ ширину и имѣть до ста ступеней. Во всякое время дня она покрыта толпою богомольцевъ, которые всходятъ или спускаются. Благодарные за эту попечительность, купающіеся изъясляютъ свою признательность тысячу разъ повторяемыми криками — *вахъ! вахъ!*

«Соединеніе столькихъ народовъ въ одномъ мѣстѣ подало поводъ къ торговымъ сдѣлкамъ, которыя освящены обычаемъ. Гердвардская ярмарка славится на всемъ Востокѣ и примааниваетъ столько же спекуляторовъ, сколько мнимая святость водъ Гангеса привлекаетъ искреннихъ богомольцевъ.

«Она, такъ же какъ и всѣ другія Индѣйскія ярмарки, не походитъ на подобныя собранія, бывающія въ Европѣ; и тамъ видимъ фокусниковъ и плясуновъ на канатѣ, но нѣтъ ни одного изъ тѣхъ зрелищъ, которыя возбуждаютъ у насъ народное любопытство. Всеобщее вниманіе обращается тамъ въ особенности на торгъ скотомъ, одинъ изъ важнѣйшихъ этого рода торговъ во всей Индіи. Съ береговъ Чермнаго моря привозятъ туда красивыхъ коней, легкихъ какъ вѣтеръ. Эти благородныя животныя прекрасными своими статями составляютъ совершенную противоположность съ болѣе скромною, но не менѣе полезною породою лошадей Кашмирскихъ и Кабульскихъ. Въ отдѣльномъ мѣстѣ площади являются слоны со своими гигантскими формами, но они уступаютъ преимуществу верблюдамъ, особенно породѣ, извѣстной подъ названіемъ *киркара*, которая идетъ ровнымъ шагомъ около ста пятидесяти верстъ ни на минуту не останавливаясь отдыхать. Подлѣ этихъ пышныхъ великановъ животнаго царства, являются быки, коровы, овцы, собаки и кошки; послѣднія принадлежатъ къ прекрасной Персидской породѣ. Далѣе, ревутъ въ клеткахъ львы, леопарды и другіе дикіе звѣри.

«Главный предметъ торговли на Гердвардской ярмаркѣ составляютъ драгоценныя каменья, привозимые туда изъ всѣхъ частей Азіи. Кашмирскія ткани во множествѣ блещутъ тамъ рядомъ съ произведеніями Англійскихъ фабрикъ; даже Парижскіе духи и галантерейныя вещи находятъ сбытъ въ этой отдаленной части Азіи. Индѣйскіе купцы не знаютъ ни употребленія этихъ вещей, ни настоящей цѣны ихъ и большая часть тѣхъ, которые ихъ

покупають, врядь ли знаютъ болѣе этого. Въ Гердварѣ видимъ только самые естественные и пріятные символы Индусской религіи; Джегернатъ напоминаетъ объ ея странности и жестокости. Въ Джегернатѣ возвышается храмъ кровожаднаго божества, которое некогда давило колесами своей колесницы тѣла своихъ неистовыхъ обожателей.

«Этотъ знаменитый храмъ возвышается на Орисскомъ берегу, который первый представляется взорамъ путешественника, прибывающаго изъ Европы. Трудно было бы подать точное понятіе объ этомъ зданіи. Форма его — пирамида футовъ въ двѣсти вышиною, съ бесчисленнымъ множествомъ украшеній Индѣйской архитектуры; къ главной двери храма ведутъ широкія ступени; что касается до внутренности, то ни одинъ Европейскій путешественникъ не можетъ похвалиться тѣмъ, что се видѣлъ. Большой Джегернатскій храмъ построенъ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ подъ надзоромъ перваго министра раджи этого округа. Идолы, какъ говорятъ, замѣчательны только по своей величинѣ и уродливости. Три главные идола изображаютъ три верховныя божества Индѣйцевъ; по всѣмъ низкія божества, обожаемыя на берегахъ Ганга, имѣютъ свои пестуканы Джегернатскомъ храмѣ, и оттого на бывающія въ немъ празднества собираются Индѣйцы всѣхъ вѣрованій и всѣхъ кастъ.

«Главное изъ этихъ празднествъ называется Рать-джатра, и бываетъ ежегодно. Богомольцевъ стекается множество. Тѣ, у которыхъ на совѣсти лежатъ важныя грѣхи, достигаютъ до храма, мѣряя землю своимъ тѣломъ, и употребляютъ иногда на это пять лѣтъ. При наступленіи дня Рать-джатра, главный идолъ выносятъ изъ храма, и ставятъ его на гигантскую колесницу. Тутъ начинается процессія. Чтобы привести въ движеніе огромныя колеса этой колесницы, нужны усилія полуторы тысячи человѣкъ. Чудовищную эту машину обвозятъ вокругъ всего освященнаго мѣста, посреди пестуженныхъ кривыхъ толпы, возбуждаемой «джогіями, госсейнами» и другими нищенствующими святошами, которые, въ припадкахъ своей изуверной радости, походятъ на воплощенныхъ дьяволовъ.»

Ниче уже никто не бросается подъ колеса огромной ко-

лесницы. Усилія Англійскаго правительства почти совершенно уничтожили этотъ ужасный обычай; но посѣщеніе Джесгерната и теперь еще сопровождается плачевными обстоятельствами. Большая часть богомольцевъ, которые туда отправляются, уже не возвращается болѣе на родину. Усталость, недостатокъ пищи, обязанность подвергаться безъ защиты пагубному дѣйствію дождей, производить въ рядахъ ихъ ужаснѣйшее опустошеніе; и не рѣдко, при концѣ празднества, земля вокругъ храма бываетъ покрыта тысячами труповъ, пожираемыхъ хищными птицами.

НОВѢЙШЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ИСЛАНДІЮ. Г. Барро, тотъ самый наблюдательный человѣкъ, который года три тому назадъ открылъ въ Петербургѣ, въ трактирѣ Дюме, что Русскіе пьютъ водку передъ обѣдомъ, съѣзжалъ прошлаго лѣта въ Исландію и издалъ теперь описаніе своей прогулки подъ заглавіемъ — *A visit to Iceland*. Г. Барро, наскучивъ жить каждое лѣто на дачѣ, избобрѣлъ себѣ чудный способъ избѣгать жары въ знойное время: съ наступленіемъ весны въ Англіи, какъ скоро ртуть въ термометрѣ подымется до 45 градусовъ, онъ садится на пароходъ, и ѣдетъ въ какую-нибудь сѣверную страну, какъ-можно поближе къ полюсу, дышать прохладнымъ воздухомъ. На зиму онъ возвращается въ Лондонъ, и издаетъ описаніе своей поѣздки. Такимъ образомъ въ 1832 году онъ былъ въ Россіи, въ 1833 въ Норвегіи (Б. для Ч., № 10), въ 1834 въ Исландіи, и въ теченіе того же времени напечаталъ три сочиненія. На нынѣшнсе лѣто, Г. Барро сбѣгаетъ нанять себѣ дачу на Шпицбергенъ.

Въ концѣ іюля, Г. Барро вышелъ на берегъ въ столицѣ Исландіи, Рейксавикъ: это имя означаетъ «дымную деревню», и дано ей отъ сосѣдства съ горячимъ ключемъ, изъ котораго поднимаются облака дыма. Столичная деревня окружена совершенно голою равниною, и почва такъ неблагодарна, что едва дозволяетъ расти самому мелкому картофелю и капустѣ. Губернаторъ показывалъ путешественнику за рѣдкость три или четыре горные ясени, достигшіе удивительной вышины въ четыре фута.

На пути къ знаменитымъ Гейзерамъ Г. Барро имѣлъ слу-

чай замѣтить, что въ Исландіи вовсе нѣтъ ни телегъ, ни колымагъ: всѣ тяжести перевозятся въ плетерикахъ, которыя вѣшаютъ лошадямъ черезъ спину, подкладывая куски торфу чтобъ имъ не терло бока.

Равнина, гдѣ лежатъ Гейзеры, покрыта кипящими ключами и горячимъ иломъ, и на пространствѣ около трехъ десятинъ земля какъ-будто дрожитъ подъ ногами и издаетъ глухой, рокошущій шумъ, подобный отдаленному грому. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вода прорывается отдельными струями, въ другихъ идетъ одинъ только дымъ. Большой Гейзеръ какъ нарочно сохранялъ спокойствіе, такъ что путешественникъ и товарищи его должны были удовольствоваться изверженіемъ одного изъ меньшихъ.

«Тутъ обратили мы вниманіе на старанія нашихъ проводниковъ, которые вырывали и бросали въ жерло большіе куски торфа. Казалось, они думали вызвать этимъ изверженіе, и какъ всѣ мы желали насладиться такимъ зрѣлищемъ, то принялись помогать имъ изо всѣхъ силъ. Кипящая влага, какъ-бы въ негодованіи за нашу дерзость, прыснула почти въ ту жъ минуту съ такою силою, что подняла черный столбъ ила, воды и торфа на шестьдесятъ или семьдесятъ футовъ въ вышину, и была такимъ образомъ минутъ восемь или десять; потомъ опять пришла въ спокойствіе и остановилась на прежней глубинѣ. Куски торфа разбились въ мелкія частицы и какъ-будто растворились въ водѣ, такъ что и послѣ изверженія она была гораздо мутнѣе обыкновеннаго: торфяныя частицы, падая сверху, опустились опять въ водоемъ.»

Воды Гейзера имѣютъ окремняющее свойство: не только обломки дерева и кости животныхъ попадаютъ здѣсь въ окремненномъ состояніи. Г. Барро нашелъ даже печатный лоскутокъ бумаги, на которомъ можно было разобрать всѣ слова, въ видѣ прозрачной кремневой пластинки, а губернаторъ острова показывалъ ему шерстяной чулокъ, который окаменѣлъ совершенно, пролежавъ около полугода у этихъ источниковъ. Въ продолженіе двадцати минутъ путешественники сварили въ нихъ нѣсколько дикихъ куликовъ, убитыхъ дорогою: температура воды была постоянно отъ 66 до 70 градусовъ Реомюрова термометра.

Возвратясь изъ этой экспедиціи, Г. Барро постигилъ Бессададское училище, гдѣ на языки мертвыхъ обращено гораздо болѣе вниманія, чѣмъ на удобства живыхъ: воспитанники учатся по-Латыни, по-Гречески и по-Еврейски, а спятъ по-двое и по-трое рядомъ въ какихъ-то грязныхъ ясляхъ на снѣгъ. Ихъ всего до сорока человекъ, и это единственное учебное заведеніе въ цѣлой Исладіи; но большая часть молодыхъ людей воспитывается дома, и притомъ такъ тщательно, что даже многіе поселяне сокращаютъ длинныя зимнія ночи чтеніемъ Латинскихъ классиковъ.

Г. Барро былъ пораженъ бѣдностью тамошняго народа и особенно духовенства, вынужденнаго заниматься самыми грубыми работами и ремеслами. Пасторы, по словамъ его, лучшіе кузнецы на всемъ островѣ. Впрочемъ это отнюдь не мѣшаетъ имъ быть истинными христіанами, и сближая съ народомъ единственныхъ его наставниковъ, распространяетъ кругъ ихъ полезнаго вліянія.

БЕДУИНСКІЕ ТУРНИРЫ. Англійскій майоръ, сирѣ Гренвилъ Темплъ, путешествовавшій по сѣверозападной Африкѣ съ женою и свояченинами, издалъ описаніе этого путешествія, которое между множествомъ общеизвѣстныхъ вещей содержитъ нѣсколько новыхъ подробностей объ Алжирѣ и Тунисѣ. Авторъ, между прочимъ, удачно изображаетъ турниры, празднуемые Бедуинами, по случаю свадебъ, и живо напоминающіе рыцарскія игры среднихъ вѣковъ: впрочемъ и самая идея рыцарства происходитъ отъ Бедуиновъ, и первоначально была принесена въ Испанію Аравитянами; самое слово *cavallero*, *chevalier*, *Reiter*, *Ritter*, рыцарь, то есть, всадникъ, есть переводъ Арабскаго *фарисъ*.

«Турнирное поле продолговато и окружено многочисленными рядами зрителей, которые сидятъ поджавши ноги. Лучшіе всадники всего племени выезжаютъ на самыхъ рьяныхъ коняхъ, одѣтые такъ пышно, какъ только позволяетъ имъ состояніе; лошади покрыты разноцвѣтными шелковыми чапраками, которые достаютъ до земли и похожи на древніе рыцарскіе, описанные Фруассаромъ. Нѣкоторые Арабы заставляютъ коней своихъ плясать подъ звукъ трубъ и барабановъ; между-тѣмъ пѣшіе люди иногда бросаются

къ нимъ внезапно и стрѣляютъ изъ ружей подѣ самими ушами лошадей. Другіе мчатся во всю прыть по чертѣ зрителей и какъ-можно ближе къ ихъ ногамъ, но никогда на нихъ не наступаютъ; потомъ вдругъ ставятъ коня на дыбы, повертываютъ и скачутъ съ той же быстротою въ противоположную сторону. Страшно смотрѣть на это зрѣлище, потому что того и глядишь, что кого-нибудь задавятъ; но никогда не бываетъ несчастныхъ случаевъ: мужчины, женщины и дѣти, преспокойно сидятъ на мѣстахъ и приветствуютъ каждое искусное движеніе наѣздника громкими и восторженными кликами одобренія: женщины сопровождаютъ это весьма употребительнымъ, но невыразимымъ повтореніемъ звуковъ *лю-лю-лю-лю*, скороговоркой, и въ вознагражденіе закидываются тучами песку и пыли, которыя поднимаютъ за собой неукротимые скакуны. Трое или четверо другихъ, всадивъ острые стремяна свои въ бока разгоряченныхъ лошадей, бѣшено несутся черезъ площадь съ воинскими кликами, *текбиръ*, вертятъ надъ головою длинныя Арабскія ружья съ серебряной насадкою, и потомъ разряжаютъ ихъ въ зрителей, достигнувъ крайней оконечности поля. Другіе сражаются съ пѣшими, вооруженными саблями; скачутъ вокругъ своихъ противниковъ въ неимовѣрно близкомъ разстояніи, и потомъ вдругъ повертываютъ лошадей и кружатъ въ другую сторону съ такимъ проворствомъ и ловкостью, что я не знаю, кому удивляться болѣе, всаднику или коню его. Наконецъ нѣкоторые перегибаются на всемъ скаку и поднимаютъ — не платокъ, какъ наши фокусники, а піастръ или другую какую-нибудь мелочь, нарочно для того брошенную. Эти игры составляютъ одно изъ самыхъ веселыхъ и оживленныхъ зрѣлищъ, какія мнѣ только случалось видѣть. Разноцвѣтные шшаковые саиджаки пестрятъ въ воздухѣ, музыка гремитъ не умолкая, раздаются выстрѣлы, воинственные клики наѣздниковъ и громкія, радостныя приветствія многочисленныхъ зрителей.»

ВЕСТМИНСТЕРСКІЕ ОБОИ. Въ числѣ драгоцѣнностей, сдѣлавшихся добычею пламени при послѣднемъ пожарѣ въ Вестминстерѣ, особеннаго сожалѣнія заслуживаютъ велико-

льпные тканые обои, украшавшіе стѣны Англійской палаты перовъ, единственные въ своемъ родѣ. Первые такіе обои, появившіеся въ Европѣ, были привезены съ Востока крестоносцами: въ то время искусство на Западъ было еще весьма слабо, и только знатныя дамы посвящали свои досуги подобнымъ работамъ. Но промышленный гений Европы вскорѣ воспользовался образцами, и сдѣлалъ изъ этого новую отрасль торговли. Извѣстно, что Фламандцы первые прославились этого рода фабрикаціею. Англичане и Французы завели у себя шпалерныя фабрики не прежде шестнадцатаго столѣтія, въ царствованіе Генриха VIII въ Англіи и Генриха IV въ Франціи. При Людовикѣ XIV Французскіе тканые обои въ состояніи уже были выдерживать соперничество съ Фламандскими. Въ Англіи Іаковъ I особенно покровительствовалъ этой отрасли промышленности, и пожаловалъ 2,000 фунтовъ стерлинговъ сирѣ Фрэнсису Крану для покрытія издержекъ заведенія одной такой фабрики въ Мортлакъ, въ графствѣ Суррейскомъ. До того времени Нидерланды снабжали ткаными обоями всю Европу; тамъ же были изготовлены и тѣ, которые украшали сгорѣвшую въ прошломъ году залу палаты перовъ. На нихъ изображено было знаменитое сраженіе Англійскаго флота съ Армадою. Поэтъ Спенсеръ такъ былъ пораженъ превосходною работою этихъ обоевъ, что описалъ ихъ въ стихахъ. Художникъ изобразилъ на нихъ это событіе со всѣхъ точекъ зрѣнія. Онъ представилъ сначала общій видъ Испанскаго флота; потомъ различные маневры, атаки, огромныя массы непріятельской эскадры, стоящія передъ малочисленными Англійскими кораблями; далѣе планъ сраженія, пыль боя; наконецъ разбитіе и бѣгство эскадры, которая заставила трепетать Европу. Все это было выполнено чрезвычайно искусно. Въ 1759 году Джонъ Пайнъ (Paine) издалъ описаніе этихъ обоевъ съ гравированными изображеніями.

Вотъ различныя сцены, которыя были здѣсь представлены. 1. Испанскій флотъ въ ту минуту, какъ онъ входитъ въ каналъ. 2. Армада, построенная полукружіемъ и преслѣдуемая Англичанами передъ Фови. 3. Лѣвое крыло и первыя непріязненные дѣйствія: художникъ избралъ ту ми-

пугу, когда Испанцы начинали отступать. 4. Галера Васкеса, лишившаяся средней мачты и попадающая въ руки сирь Френсиса Драка, между-тѣмъ какъ лордъ великій адмиралъ съ кораблями Bear и Marie-Rose преслѣдуетъ непріятеля. 5. адмиральскій корабль и Гипускойская эскадра, сожигаемая Англичанами, и Армада, идущая къ острову Портланду, гдѣ она должна была потерпѣть новое пораженіе. 6. Частный бой между нѣсколькими Англійскими и Испанскими кораблями. 7. Сшибки, происходившія 25 іюля передъ островомъ Вайтомъ. 8. Армада, преслѣдуемая Англичанами и ожидающая подкрѣпленія изъ Дюнкирхена и Кале: здѣсь художникъ избралъ ту минуту, когда эскадра герцога Пармскаго присоединилась ко флоту. 9. Испанцы, стоящіе на якорѣ противъ Кале и принужденные брацерамп сняться; вдали виднѣнъ Англійскій флотъ, готовящійся къ новой битвѣ. 10. Наконецъ Испанцы, ищущіе убѣжища въ сѣверныхъ моряхъ и все еще поражаемые Англичанами въ то самое время, какъ адмиральскій корабль съѣзъ на мель близъ Кале.

Само исчисленіе предметовъ можетъ дать понятіе о колоссальности этого удивительнаго творенія ткацкаго станка, которое сдѣлалось уже невозможнымъ въ наше время. Но оно было примѣчательно и въ художественномъ отношеніи. Берега были обработаны несравненно старательнѣе, чѣмъ какъ это обыкновенно дѣлалось въ томъ вѣкѣ. Даль изображена была довольно хорошо: только иногда художникъ, желая представить вдругъ оба берега и не имѣя довольно мѣста, слишкомъ сближалъ ихъ. По-мѣстамъ являлись изъ воды дельфины и разныя животныя, и любопытно, что художникъ придалъ имъ мрачную и грозную фізіономію, какъ-будто самыя рыбы были приведены въ негодованіе несправедливымъ нападеніемъ Испанцевъ на Англію. Хотя всѣ эти картины вообще слишкомъ походили одна на другую, хотя вездѣ являлась Армада, расположенная полукружіемъ и преслѣдуемая Англійскимъ флотомъ, однако обои эти были драгоцѣннымъ произведеніемъ художества, дѣлающимъ большую честь творцамъ своимъ. Рисунки были составлены знаменитымъ Гарлемскимъ живописцемъ морскихъ сраженій, Генрихомъ Корнелиемъ Вормомъ, а выполнены Френсисомъ Спрингомъ.

ДРЕВНІЯ ЕГИПЕТСКІЯ КАРТИНЫ. Въ числѣ новыхъ Англійскихъ книгъ за прошлый мѣсяцъ упомянули мы о сочиненіи Вилькинсона, «Топографія Оивъ и Общій взглядъ на Египетъ.» Мы уже имѣли случай дважды говорить о Г. Вилькинсонѣ по поводу спора о Мемноновомъ колосѣ, и собравшись еще разъ возвратиться къ нему при обзорѣ нынѣшняго состоянія «Іероглифической Науки», который давно уже представили бѣ нашимъ читателямъ, если бѣ не страшились усыпить ихъ однимъ именемъ іероглифовъ и Египетскихъ древностей. Но мы когда-нибудь подыдемъ на храбрость, — а между-тѣмъ приведемъ изъ книги Г. Вилькинсона, который прожилъ двѣнадцать лѣтъ между Египетскими развалинами, описанія нѣсколькихъ барельефныхъ картинъ, покрывающихъ стѣны Оивскихъ чертоговъ и гробницъ Фараоновыхъ. Читатели наши увидятъ, что тутъ много новаго и любопытнаго, и можетъ-быть пожелаютъ, чтобы мы скорѣе приступили къ іероглифамъ. Исторія Египта чисто монументальная: одни памятники поясняютъ намъ тѣ бѣглыя указанія, которыя находимъ у Геродота, у Діодора Сицилійскаго и въ изуродованномъ отрывкѣ жреца Манеѳона.

Краспорѣчивѣйшій изъ памятниковъ, барельефная раскрашенная скульптура, благодаря покойному Шамполиону, который вскружилъ головы путешественниковъ и антикваріевъ мнимымъ чтеніемъ іероглифовъ, до-сихъ-поръ мало обращала на себя вниманіе Европейцевъ, между-тѣмъ какъ это единственная Египетская граммата, которую можемъ мы читать безошибочно. Потому нельзя не быть благодарнымъ тѣмъ, которые стараются пополнить этотъ недостатокъ, и пополняютъ его хорошо. Не одна Египетская исторія можетъ воспользоваться этимъ новымъ пособіемъ: слѣдующее замѣчаніе покажетъ многостороннюю его важность. На одной изъ стѣнъ храма Ремезеса II изображено взятіе нѣсколькихъ городовъ у Азіатскаго непріятеля, и всѣ военные снаряды и дѣйствія такъ похожи на описанныя въ Иліадѣ, что многое можно было бы почестъ живописнымъ представленіемъ воспѣтыхъ въ ней подвиговъ. Въ барельефныхъ картинахъ другихъ памятниковъ находятся изображенія народовъ, обитавшихъ еще далѣе на сѣверѣ, бсзъ-

сомнѣнія во Оракии, представляющія нѣхъ отличительныя черты, одежду, оружіе. Довольно вспомнить, что это портреты людей, жившихъ еще въ то время, когда Греція была дикою страной, чтобъ постигнуть всю занимательность для насъ точнаго изслѣдованія подобныхъ остатковъ глубочайшей древности.

Въ военныхъ картинахъ Египетскій царь является всегда предводителемъ, по есть изображенія и частной его жизни.

«Тутъ онъ окруженъ своимъ гаремомъ: нѣкоторые изъ женъ подаютъ ему цвѣты, другія обмахиваютъ его опахаломъ; онъ ласкаетъ любимицу или приглашаетъ ее развѣчаться съ нимъ игрою, подобною шахматамъ; по всѣ онѣ должны стоять въ его присутствіи: одинъ царь сидитъ между ними на красивыхъ креслахъ, — обычай, доселѣ господствующій на Востокѣ.»

Гробницы жрецовъ и частныхъ людей также заключаютъ много историческихъ картинъ, изъ которыхъ видно, что около пятнадцатаго вѣка до Р. Х. Египтяне распространили свои завоеванія на югъ въ Эѳіопію и на востокъ въ Азію. Но всего любопытнѣе тѣ изображенія, которыя представляютъ обычай, искусства и домашнюю жизнь древнихъ Египтянъ. Вотъ на примѣръ картина семейныхъ удовольствій.

«Вы видите домъ василко-грамматея, царскаго секретаря: онъ сидитъ съ матерью, и ласкаетъ на колѣняхъ маленькую дочь своего государя, у котораго онъ вѣроятно былъ пѣстуномъ. Женщины пляшутъ подъ звукъ Египетской гитары или ставятъ передъ ними сосуды съ цвѣтами и дорогою мазью, а гости сидятъ на прекрасныхъ стульяхъ, и слуги подносятъ имъ вино въ золотыхъ стаканахъ, попригвѣтствовавъ напередъ каждого помазаніемъ головы его благовоннымъ составомъ.

«Въ нижней части картины сидитъ, поджавши ноги по Восточному гусляръ, и играетъ на семиструнной арфѣ, сопровождаемый гитарою и голосомъ одного пѣвца: слова пѣсни заключены, кажется, въ восьми строкахъ іероглифовъ, относящихся къ Амону и къ особѣ, схороненной въ гробницѣ, начинающихся словами — «Куреніе, предложеніе питья и приношеніе быковъ въ жертву», — и оканчивающихся обра

щеніемъ къ василико-грамматею. Далѣе, убиваютъ быка, и два человѣка, отсѣкши ему голову, снимаютъ кожу съ погъ и съ туловища. Слуги уносятъ члены по мѣрѣ ихъ отдѣленія, и всегда напередъ голову и правую переднюю погу, а прочія поги и части туловища слѣдуютъ по порядку. Нищій получаетъ голову отъ сострадательнаго ключника, который даетъ ему также бутылку воды. На противоположной стѣнѣ нѣсколько шутовъ пляшутъ подъ звукъ барабана, и такъ далѣе.»

Хотя барельефы Эль-Кабской пещеры гораздо ниже описанныхъ, однако жъ между ними есть любопытная картина древняго Египетскаго земледѣлія.

«На западной стѣнѣ поселяне пахутъ и сѣютъ, и по колесницѣ, которая видна въ полѣ, должно заключать, что хозяинъ, чья гробница, пріѣхалъ смотрѣть за ихъ работою. Далѣе жнутъ пшеницу, ячмень и просо, которые отлпчены вышнюю. Еще далѣе видна уборка и молотба, обыкновенно производившаяся въ Египтѣ быками; потомъ вѣяніе, вымѣрка и ссыпка зерна въ житницы. Но съ просомъ обходились не такъ, какъ съ ячменемъ и пшеницею; его не жали серпомъ, но вырвавъ съ корнемъ, вязали въ снопы и перевозили на гумно, гдѣ отдѣляли зерно отъ стеблей особаго рода цѣпами о трехъ или четырехъ зубьяхъ.

«Ниже — рогатый скотъ, ослы, свиньи и козлы, принадлежавшіе покойному, пересчитываются и описываются его прикащиками. Въ другомъ мѣстѣ взвѣшиваютъ его золото, а осталыная часть стѣны занята охотою за птицами, рыбной ловлею, соленіемъ рыбы и гусей, давленіемъ винограда, лодками, обществомъ гостей, похороннымъ обрядомъ и нѣсколькими священными предметами.

«На противоположной сторонѣ особа, схороненная въ гробницѣ, сидитъ съ женою въ красивыхъ креслахъ, къ которымъ привязана любимая обезьяна, и бесѣдуетъ съ пріятелями: мужчины и женщины, какъ обыкновенно, сидятъ порознь. Является музыка, какъ во вѣсхъ Египетскихъ увеселеніяхъ, но здѣсь нѣтъ другихъ инструментовъ, кромѣ двойной флейты, какой-то булавы и арфы.»

Изъ другихъ картинъ вы узнаете множество подробно-

стей Египетской образованности: видите, напримѣръ, что имъ извѣстно было употребленіе насосовъ, клею, и такъ далѣе. Замѣтимъ въ заключеніе, что новая книга Г. Вилькинсона написана безъ всякихъ педантическихъ замашекъ натянутой учености.

КѢМЪ И КАКЪ ИЗДАЕТСЯ ГАЗЕТА TIMES. «Если буду опять въ Лондонѣ, непременно сорву личину съ этихъ журналистовъ: я покажу, что за люди управляютъ свѣтомъ подъ таинственнымъ наименованіемъ—*мы!*» Такъ говорилъ Г. О'Коннель въ Дублинѣ, въ ноябрѣ прошлаго года, взбѣсившись на Лондонскихъ журналистовъ, которые его «разругали»; однако жъ онъ по сю-пору не слержалъ своего слова. Г. О'Коннель на этотъ разъ сказалъ, взбѣсившись, великую истину. Что за люди ворочаютъ посредствомъ газетъ дѣлами свѣта подъ завѣсою этого—*мы!* Пока Г. О'Коннель что-нибудь напишетъ читателямъ нашимъ любопытно будетъ познакомиться съ тѣми, которые дѣйствуютъ въ знаменитой газетѣ Times, «Времена», царицѣ Европейскихъ газетъ, имѣющей такое вліяніе на всемірную политику и на общее мнѣніе не только въ Англіи, но и на твердой землѣ. Times издается купеческимъ образомъ: собственность этой газеты раздѣлена на двадцать четыре акціи, продававшіяся сначала по двѣ тысячи пятисотъ рублей. Помощію усилій, дарованія и щедрости покойнаго Вальтерса, а потомъ помощію трудолюбія и смѣливости его сына, газета Times достигла мало-по-малу того состоянія и той необыкновенной извѣстности, которыми пользуется она нынче, и которая возвысила цѣну каждой ея акціи до трехъ сотъ тысячъ рублей. Изъ числа двадцати четырехъ акцій, шестнадцать, или двѣ трети, принадлежатъ самому Г. Вальтерсу, что доставляетъ ему пять сотъ тысячъ рублей чистаго дохода, и доходъ этотъ не уменьшается, а напротивъ увеличивается съ каждымъ годомъ. Г. Вальтерсъ долго былъ редакторомъ-хозяиномъ газеты Times и бралъ себѣ за то пятьдесятъ тысячъ рублей въ годъ; но скопивъ огромное состояніе, онъ удалился изъ Лондона, и живетъ превеликолѣпно въ собственномъ помѣстьѣ. Онъ нынче вовсе не занимается ни редакціею, ни дирекціею газеты. Теперь самое тяже-

лое орудіе ея артиллеріи—нѣкто Г. Стерлингъ, служившій капитаномъ во время войны въ Португаліи и Испаніи противъ полководцевъ Наполеона. Онъ очень извѣстенъ герцогу Веллингтону, и хотя давно въ отставкѣ, однако живетъ противъ кавалерійскій казармы и водится только съ военными. Г. Стерлингъ пишетъ «главныя статьи,» въ газету, и уже нѣсколько лѣтъ почти одинъ гремитъ въ ней своими разсужденіями. Г. Стерлингъ сдѣлался извѣстнымъ главному редактору рядомъ писемъ, за подписью *Vetus*, которыхъ блестящія мысли доставили ему доходъ, возросшій постепенно до тридцати семи тысячъ рублей въ годъ. Г. Стерлингъ не имѣетъ однако жъ ни какого участія въ общемъ изданіи журнала, а получаетъ тридцать семь тысячъ за главную статью нумера, которую каждый день онъ доставляетъ. Этотъ писатель обладаетъ необыкновеннымъ даромъ легкости сочинять, такъ, что иногда меньше нежели въ часъ успѣваетъ написать на цѣлый столбецъ огромной газеты мелкаго шрифта, и со временъ Свифта не видано ничего подобнаго въ политической литературѣ. Г. Стерлингъ отличается особенно своимъ слогомъ: въ пылу страсти онъ забываетъ иногда свои правила, возвращается къ нимъ спустя нѣкоторое время, и опять ихъ покидаетъ, такъ, что политика *Times* носитъ оттого рѣзкій отпечатокъ безпослѣдовательности. Издатели часто это примѣчали; но въ навыкахъ, пріемахъ и политикѣ Г. Стерлинга есть столько военнаго, онъ до такой степени гордъ и неуклончивъ, что они выпуждены спускать ему многое изъ уваженія къ силѣ и блеску его слога и къ тому вѣсу, какой имѣютъ его статьи въ политическомъ мірѣ, а между-тѣмъ Г. Стерлингъ увлекаетъ за собой *Times* куда ему угодно. Если эта газета поддерживала въ пылѣннѣмъ году министерство Пилля и Веллингтона, одинъ Г. Стерлингъ тому причиною. Онъ сдѣлалъ это не изъ какихъ-нибудь корыстныхъ побужденій; уваженіе и привязанность къ герцогу Веллингтону, подвинули его на защиту правленія, котораго членомъ былъ прежній его начальникъ, и онъ-то сообщилъ недавно этотъ благородный духъ могущественной газетѣ вопреки мнѣнію и видамъ ея хозяевъ. Иначе Г. Стерлингъ не покорится никому на свѣтѣ; онъ не сдѣлается рабомъ ни одной пар-

тія, и ни за что не отступится отъ права разбить въ дребезги всякаго, кто дерзнетъ поперечить его деспотической волѣ. Такъ, въ бышествовъ за то, что ему не удалось отстоять новый билль о нищихъ, безъ жалости сразилъ онъ своєю палицею лорда Алторпа, котораго прозвалъ «Воксфальскимъ фиגлярѣмъ», хотя самъ его поддерживалъ прежде.

Послѣ Г. Стерлинга главнѣйшій изъ редакторовъ Г. Беризъ, который вмѣстѣ и отвѣтственный издатель. Часто совсѣмъ напрасно приписывали ему громовыя статьи Г. Стерлинга, тогда какъ онъ пишетъ только о Словесности и Изящныхъ Искусствахъ. Это отличный языковѣдецъ и ученый труженикъ, который день и ночь за работой. Онъ получаетъ двадцать пять тысячъ рублей жалованья, и сверхъ-того имѣетъ полъ-акціи. При своей смѣтливости и дѣятельности, Г. Беризъ прекрасно управляетъ обширнымъ механизмомъ заведенія. Разборчивость его видна въ каждомъ номерѣ Times; онъ опредѣляетъ иностранныхъ корреспондентовъ и скорописцевъ въ общ. палаты парламента; всѣ они находятъ въ издателѣ начальника тороватаго и знающаго дѣло. Но по деньгамъ онъ требуетъ отъ нихъ и трудовъ, и притомъ безотговорочнаго повиновенія: зато ужъ кромѣ Г. Стерлинга все уступаетъ его волѣ. Въ политикѣ онъ наклоненъ къ мнѣніямъ Виговъ, хотя мало пишетъ по этой части. Онъ чувствуетъ достоинство своего положенія, презираетъ все, что могло бъ отвлечь его отъ главной цѣли, не думаетъ объ употребленіи во зло своей силы, и всегда является человѣкомъ праводушнымъ. Можно бъ посовѣтовать ему за это, чтобъ онъ жилъ дальше отъ великолѣпнаго дома редакціи Times: это бы заставило его ходить болѣе пѣшкомъ и избавило отъ опасности умереть вдругъ за работою, что при возрастающей его тучности и чрезмѣрномъ умственномъ напряженіи слишкомъ вѣроятно.

Отдѣлсніе газеты, называемое «Городовою статьею», City article, завѣдывается Г. Эльседжромъ. Онъ получаетъ за это пятнадцать тысячъ въ годъ жалованья, но должно сказать правду, — трудъ его заслуживаетъ такого вознагражденія. Г. Эльседжръ знаетъ коммерческую и финансовую часть въ совершенствѣ: это доставило ему возможность оказать важныя услуги торговлѣ статьями, помѣщаемыми

въ Times, и вмѣстѣ сдѣлать себѣ хорошее состояніе искусными спекуляціями. Мнѣнія его всегда имѣютъ большой вѣсъ въ коммерческихъ собраніяхъ.

Г. Беконъ — второй издатель газеты, а Г. Морре у него помощникомъ: оба они нишутъ хорошо и плавнымъ слогомъ. Что касается до Г. Вальтерса, то участіе въ Times было ему не подъ силу, и онъ откланялся во-время. Статьи Г. Стерлинга часто приписывались лорду Бруму, потому что настоящаго ихъ сочинителя стараются скрывать всѣми мѣрами. Сотрудникъ, который не хочетъ лишиться мѣста, долженъ быть весьма остороженъ съ каждымъ постороннимъ, и даже никогда не упоминать имени Г. Стерлинга: вымолвить это имя — преступленіе, заслуживающее смертной казни. Нѣтъ журнала, который въ цѣломъ могъ бы сравниться съ газетою Times, и несмотря на бездну враговъ, вооружаемыхъ противъ нея выходками Г. Стерлинга, она безъ-сомнѣнія еще долго останется главою печатныхъ могуществъ.

ЧИСЛО ЖУРНАЛОВЪ ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ. Первый Англо-Американскій журналъ появился въ Бостонѣ въ 1704 году. Въ 1720 въ Американскихъ колоніяхъ издавалось только три журнала; въ 1775 тридцать семь. Въ 1801, выходило двѣсти журналовъ; а въ 1810, триста пятьдесятъ девять, въ 1828 восемь сотъ пятьдесятъ одинъ; а въ 1855, Сѣверо-Американскіе Штаты считаютъ у себя тысяча двѣсти пятьдесятъ журналовъ и сорокъ газетъ. Надобно однако же замѣтить, что въ этомъ числѣ журналовъ ежедневныхъ. По нечисленіямъ довольно точнымъ можно полагать, что число листовъ всѣхъ журналовъ и газетъ, выходящихъ въ Сѣверной Америкѣ въ теченіе года, простирается отъ 70 до 80 миліоновъ. Это количество листовъ требуетъ до 200,000 стопъ бумаги. Полагая, что одна бумажная фабрика выдѣлываетъ 20,000 стопъ въ годъ, выходитъ, что десять большихъ этого рода заведеній потребны для снабженія бумагою однихъ редакцій газетъ и журналовъ.

Вотъ раздѣленіе этихъ журналовъ и другихъ періодическихъ изданій по предметамъ:

Журналовъ чисто религіозныхъ.....	85.
Журналовъ литературно-религіозныхъ.....	49.
Литературныхъ обзорнѣй и магазиновъ.....	41.
Журналовъ трезвости.....	18.
Земледѣльческихъ.....	12.
Медицинскихъ.....	8.
Юридическихъ.....	3.

Итого.....216.

Болѣе всѣхъ имѣютъ подписчиковъ журналы религіозные. Такимъ образомъ New-York Baptiste Register, журналъ секты анабаптистовъ, издаваемый въ Утикѣ, имѣетъ 7,000 подписчиковъ; Christian-Advocate, журналъ методистскій, выходящій въ Нью-Йоркѣ, 39,000 подписчиковъ. Прочіе методистскіе журналы имѣютъ до 3,000. Наконецъ, Gospel Advocate и Trumpet Magazine, журналы универсалистовъ, считаютъ одинъ 5,000, другой 8,000 подписчиковъ.

ФАБРИКАЦІЯ ДРАМЪ И ВОДЕВИЛЕЙ ВЪ ПАРИЖѢ.

Читатели наши, если они и не читаютъ новѣйшихъ Французскихъ драмъ и водевилей, могли замѣтить изъ статей о Французскомъ театрѣ, что большая часть ихъ слѣплена вдвоемъ, втроемъ, вчетверомъ и такъ далѣе. Г. Люшѣ въ одной изъ послѣднихъ книжекъ Revue de Paris чистосердечно открылъ весь механизмъ этой фабрикаціи и страданія литераторовъ при такомъ порядкѣ вещей. «Никогда литературное товарищество, говоритъ онъ, не было въ такомъ ходу какъ нынче, и никогда не издавалось столько нелѣпостей, столько смертныхъ грѣховъ противъ вкуса, здраваго смысла и образованности. Бѣднякъ литераторъ напишетъ что-нибудь для театра. Піесу его сперва читаютъ у знаменитой актрисы, въ присутствіи однихъ «артистовъ», и она, положимъ, спискиваетъ величайшее одобреніе. Онъ тогда пишетъ къ директору театра, прося дозволенія прочесть одобренный трудъ свой передъ комитетомъ дирекціи, — но напрасно: онъ долженъ напередъ представить его въ контору, гдѣ она подвергается сужденію главнаго раздатчика билетовъ, который былъ прежде смотрителемъ на заставѣ, а теперь разсматриваетъ піесы, представляемыя «непуганными» авторами, и рѣшаетъ окончательно, заслуживаютъ ли онѣ вниманія комитета или нѣтъ. Раздатчикъ

билетовъ обыкновенно поручаетъ чтеніе своей почтенной супругѣ, и если та скажетъ, что пьеса «интересна», литератору назначаютъ черезъ два или три мѣсяца день для прочтенія ея въ комитетѣ. Но тутъ новая мистификація: комитетъ этотъ состоитъ изъ самого директора, и больше ни изъ кого. Піеса прочитана; одночленный комитетъ находитъ ее «очень недурною», и готовъ принять на театръ, если только литераторъ, по уваженію своей сценической неопытности, согласится взять себѣ «закройщика», *le faiseur*, — напримѣръ Скриба, Баяра, Мельвиля, не то хоть Ансело или Теолона. Закройщикъ этотъ занимается перекройкою тѣхъ піесъ, которыя къ нему поступаютъ, и придаетъ имъ нѣкоторое однообразіе, семейное сходство. У каждого закройщика есть своя мѣрка и свой патронъ, нѣчто въ родѣ Прокустова ложа. Если піеса шире и длиннѣй его патрона, онъ ее обрѣзываетъ; если она уже или короче, онъ ее вытянетъ, надуетъ, размочитъ въ водѣ, и послѣ того наложитъ клеймо своей фабрики, — свое имя. Вотъ откуда берутся два имени на одной пьесѣ. Это славное ремесло — и почетное, и прибыльное. Піеса, которая прошла черезъ руки закройщика, принадлежитъ только въ третью долю и ужъ отнюдь не больше какъ въ половину тому, кто ее сочинилъ; остальное собственность закройщика, который сверхъ того выставляетъ имя свое на афишѣ передъ сочинителевымъ. Впрочемъ, это часто зависитъ отъ договора. Последнее условіе можетъ измѣниться, если піеса упадетъ рѣшительно.

Положимъ, что какой нибудь молодой литераторъ не согласенъ взять закройщика: піесы его никто не приметъ. Онъ жалуется своимъ пріятелямъ и знакомымъ. «Послушайте, говорить ему другой, опытный литераторъ: что вамъ за охота связываться съ директорами театровъ; оставьте вы ихъ въ покоѣ; станемте работать вмѣстѣ и посмотрите, какъ пойдетъ дѣло.» Старому писакъ нуженъ былъ свѣжій работникъ: онъ ничего не проиграетъ отъ товарищества; но молодой человекъ долженъ разстаться съ самостоятельностью; онъ привыкнетъ думать чужимъ умомъ и писать чужимъ слогомъ, хотя ни тотъ, ни другой никогда не могутъ сдѣлаться его собственностью. И какая книга или

драма, сочиненная вдвоемъ, открыла путь къ славѣ своимъ авторамъ? Кому изъ нихъ принадлежитъ мысль, кому слогъ, кому форма, кому удачный выборъ подробностей? Никто этого не знаетъ. Самымъ сочинителямъ трудно было бы рѣшить этотъ вопросъ, — такъ они перемѣшали, перебили, перетрясли, вывѣяли, высѣяли и свалили вмѣстѣ свои мысли, свой слогъ и свою форму. А если васъ спросятъ, что такое вы написали, куда какъ ловко отвѣчать о своихъ произведеніяхъ — Я сдѣлалъ половину, четверть или треть того-то! Это такой стыдъ, что ужасъ. Что подумаете вы о ваятель, который вамъ скажетъ — Въ этой статуѣ правая нога, лѣвое плечо и носъ моей работы?.... Гдѣ складчина умовъ, тамъ ремесло, а не искусство.

«Вошедъ въ товарищество, молодой человѣкъ обрекаетъ себя всегдашней второстепенности, и непременно кончить тѣмъ, что безъ зазрѣнія будетъ являться передъ публикой третью или четверткой автора. Онъ начинаетъ работать по-актно, по-картинно, по-сценно, по-главно; потомъ самъ ужъ кроить, подправляетъ и подкрашиваетъ; наконецъ съ гордостью говорить—У меня сыграно *сто дѣйствій*, а у такого-то всего семьдесятъ восемь, хотя онъ прежде меня сталъ писать для театра!» (Этотъ отзывъ — историческій: его слышали многіе). Онъ стряпаетъ пьесы изъ всего и на все; для всякаго и со всякимъ. Воръ ли кто или зажигатель, каторжный или просто мошенникъ, ему все равно: если у него есть сочиненная пьеса и связишки въ театрѣ, онъ ему пріятель, онъ его другъ. Имя его продаваться и отдаваться въ наймы: онъ обдѣляетъ вашу пьеску и предоставитъ вамъ всю честь успѣха: вы напишете подъ его именемъ, и онъ приметъ на себя *безчестіе* неудачи, если за такое, самоотверженіе вы положите ему какую-нибудь прибавочку. Вотъ механическая и химическая часть нашей литературной промышленности!» говоритъ Г. Люшѣ.

Это еще не все: до сихъ поръ мы говорили о тѣхъ, которые сами пишутъ пьесы и отдаютъ ихъ подправлять; но есть еще другой родъ сочинителей, которые только задумываютъ драмы и водевилы. «Нѣкто имѣетъ известное число драматическихъ идей, довольно сильныхъ и оригинальныхъ, но не умѣетъ употребить ихъ въ дѣло, *не знаетъ*

сцены: тогда онъ обращается уже не къ закройщику, а къ «плотнику», le charpentier, — это техническое выраженіе. Плотникъ строить пьесу изъ его идеи, и, когда кончилъ свое дѣло, они призываютъ другаго мастера для подкраски слога, — именно закройщика, le faiseur: вотъ трагедія втроемъ! Но иногда самъ закройщикъ — драматургъ односторонній; у него много «силы», онъ хорошо соображаетъ и выполняетъ ужасныя сцены, отлично умѣетъ подготавливать нечаянности, coups de théâtre, а между-тѣмъ какъ-то неловокъ въ любовныхъ сценахъ, жестокъ въ выраженіи материнскихъ чувствъ: онъ зоветъ сосѣда, слезнаго фабриканта, у котораго только и есть что нѣжности; сосѣдъ вставляетъ въ пьесу душу, — что называется «поддать живота», mettre des entrailles, — обминаетъ немного жесткость разговора, слегка посмачиваетъ слогъ своего пріятеля, и изъ этого выходитъ пьеса вчетверомъ.»

Все это кажется вамъ низкимъ до гнусности? Авторъ, дошедшій до такого торга своими способностями, человѣкъ безчестный, не правда ли? Быть можетъ, — но онъ человѣкъ богатый, всѣ говорятъ въ Парижѣ, что это «голова»! Теперь вы можете читать слѣдующую статью, потому что уже понимаете дѣло.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. Les beignets à la cour, *Олады при дворѣ*, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, Гг. Теолона, Дюмерсана Жема и Вандербуха.

Г. Лозэв-Веймаръ, человѣкъ, безспорно, умный: онъ издалъ года три назадъ книгу подъ страннымъ названіемъ Nérentès, которую читатели Французскихъ романовъ, конечно, пробѣжали и забыли. Въ этой книгѣ есть прелестная повѣсть, изъ которой Г. Дюмерсанъ съ товарищи состряпали водевиль, совсѣмъ не прелестный. Какъ бы то ни было, но вотъ въ чемъ дѣло.

Молодой Лудвигъ XV былъ уже великій государь; ему было четырнадцать лѣтъ и онъ уже цѣлый годъ царствовалъ. Онъ былъ такъ благороденъ, такъ прекрасенъ, и притомъ такъ скромненъ! Юныя его страсти еще спали у него въ сердцахъ. Изъ трехъ страстей предшественника и дѣда его Лудвига XIV, охоты, лакомства и любви, у него были

только двѣ первыя: впрочемъ и третья была уже не далеко. А въ ожиданіи этой третьей страсти, онъ билъ оленей и лакомился любимымъ своимъ блюдомъ,—не моднымъ, не очень утонченнымъ:—словомъ, онъ лакомился оладьями.

Г. Лоэвъ-Веймаръ привозить васъ въ Версаль,—не теперешній, а прежній, Бурбонскій Версаль,—беретъ васъ за руку и проводитъ по всемъ великолѣпнымъ покоемъ этого некогда роскошнаго дворца. Наконецъ вы входите въ довольно темную комнату, наполненную золотой и серебряною посудой. Древнія чаши, драгоценныя вазы, умывальницы съ чеканкою Бенвенуто Челлини. Въ уголку комнаты пылающій каминъ. Въ каминѣ двѣ вызолоченныя перекладины, на перекладинахъ сковородка. Подлѣ каминна прекрасный юноша, король, разводитъ и размѣшиваетъ въ фарфоровой чашкѣ; бѣлое, жидкое, подсахаренное тѣсто; подлѣ прекраснаго юноши дѣвушка, завитая и распудренная, стоитъ передъ каминомъ на козлахъ, и любопытнымъ, безпкойнымъ взоромъ слѣдуетъ за движеніями тѣста, которое трещить и гнется на сковородкѣ. Оба занимаются своимъ дѣломъ съ чрезвычайнымъ стараніемъ и внимательностью. Чтобы ловче было печь оладьи, дѣвушка сбросила свой гротуровый робронъ, и осталась въ одной бѣленькой юбочкѣ; полы этой бѣленькой юбочки загнуты были въ карманы; и изъ подъ полъ выглядывалъ розовый чулокъ на бѣленькой и тоненькой ножкѣ. Все это было очень мило. Но въ другомъ углу комнаты старая дама съ важностью сидѣла въ огромныхъ креслахъ, и внимательно читала какую-то духовную книгу.

Когда оладьи были испечены, поджарены и посыпаны сахаромъ, дѣвица Гюмберъ склала ихъ на огромное блюдо изъ Японскаго фарфора, и Лудвигъ заплескалъ руками съ радости при видѣ этой лакомой пирамиды. Дѣвица Гюмберъ и король сѣли за столъ, и оладьи пошли въ дѣло: дѣвица Гюмберъ такъ хорошо пекла ихъ, да притомъ она была такъ мила, такъ бѣла, такъ прелестна въ своей простой юбочкѣ! Король кушалъ оладьи, и смотрѣлъ на дѣвицу Гюмберъ; дѣвица Гюмберъ кушала оладьи и смотрѣла на короля, и скоро вкусныя оладьи были забыты, и голубые взгляды встрѣтились и смѣшались. Лудвигъ XV, себѣ невѣдомо, всту-

пилъ въ третью страсть Лудвига XIV, — любовь, изъ которой и не выходилъ уже.

Въ эту минуту пробилъ часъ, и кто-то тихонько поступался въ двери. То былъ камердинеръ короля, честный Лебель, Меркурій Лудвига XIV. Онъ пришелъ доложить, что весь дворъ собрался, что все готово къ охотѣ, и что герцога Мальи идетъ вслѣдъ за нимъ. — Боже мой, сказалъ король въ смущеніи: Боже мой, Лебель, что же намъ дѣлать?

Лебель, не глядя на дѣвицу Гюмберъ, не глядя на короля и ни на кого, указалъ на горку, на которой разставлена была посуда. Дѣлать нечего: дѣвица Гюмберъ въ одной юбочкѣ и то подобранной; глазки ея влажны, щечки красны, — все отъ того, что она стояла у камина: она поняла жестъ Лебеля, и спряталась за горку.

Тутъ Лудвигъ, отбросивъ свое минутное смущеніе, снова сталъ королемъ. Онъ подошелъ къ маршальшѣ Гюмберъ, и, какъ-бы оканчивая давно начатый разговоръ, ласково съ нею простился. Никогда еще король не бывалъ такъ прекрасенъ. Между-тѣмъ онъ былъ недоволенъ, брови его нахмурились, и онъ съ видимымъ неудовольствіемъ приготовился выслушать просьбу Г. Мальи.

Герцогъ Мальи, старый придворный, старый солдатъ, испросилъ эту аудіенцію, чтобы изложить королю все свои заслуги, все свои побѣды, все неотъемлемыя права свои на голубую ленту. Лудвигъ, твердо помня, что дѣвица Гюмберъ за горкой, что дѣвица Гюмберъ безъ роброна, отказалъ Г-ну Мальи, позвонилъ Лебеля, и герцога вышелъ, очень недовольный. Но какъ, приготовясь ѣхать на охоту, онъ былъ въ сапогахъ и шпорахъ, то проходя мимо голубаго роброна дѣвицы Гюмберъ, забытаго на креслахъ, онъ зацепилъ шпорою за гилянду этого роброна, и унесъ ее съ собою.

И Лудвигъ остался наединѣ съ дѣвицею Гюмберъ. Маршальша Гюмберъ была въ большихъ покояхъ; Лебель ушелъ за другимъ роброномъ, а дѣвица Гюмберъ не могла же выйти въ одной юбочкѣ, съ голою грудью и обнаженными плечами. Бѣдняжки, не зная что дѣлать, оба потупляли глаза: они оба были воспитаны въ строгихъ правилахъ; онъ подъ надзоромъ кардинала; она въ Шельскомъ аббатствѣ, гдѣ изъ всего мірскаго научилась только искусству печь олады, —

великому искусству, которое ее и погубило. Но у Лудвига была въ жилахъ кровь, готовая воспламениться при первой искрѣ; она, хотя и была дочь добродѣтельныхъ родителей, но по-неволѣ до самой души была погружена въ теплыя, заразительныя испаренія осьмнадцатаго вѣка. Весь развратъ временъ регентства вдувалъ тонкій ядъ свой въ это шестнадцати-лѣтнее сердце, которое билось такъ сильно подъ пламенными взглядами четырнадцати-лѣтняго короля.... Бѣдная дѣвушка!

Наконецъ Лебелъ, очень поздно возвратился съ маршальшей, которая, разумѣется, очень безпокоилась: она видѣла на шпорахъ Г-на Малы часть платья своей дочери. Въ этотъ день охота была отказана, потому что Лудвигъ чувствовалъ себя нездоровымъ; при дворѣ никто не зналъ, что онъ лакомился оладьями дѣвицы Гюмберъ.

Мѣсяца черезъ три послѣ того, въ газетѣ *Mercur de France* напечатано было слѣдующее: «Вчера, въ церкви Св. Людовика въ Версали, совершено было бракосочетаніе герцога Малы съ дѣвицею Гюмберъ, внучкою покойнаго маршала Гюмбера. По случаю этого бракосочетанія король пожаловалъ герцога кавалеромъ своихъ орденовъ и маршаломъ.»

Вотъ почти вся исторія и почти весь водевиль; исторія нѣжнѣе, насмѣшливѣе водевиля, за то водевиль откровеннѣе исторіи и не такъ остроуменъ. Этотъ водевиль одна изъ тѣхъ безвкусныхъ копій, который Г. Ансело ввелъ въ моду. Надобно однако жъ сказать, что эта пьеса имѣла большой успѣхъ.

2. *Charlotte Brown, Шарлота Браунъ*, комедія въ одномъ дѣйствіи, въ прозѣ, Г-жи Бауръ.

Вотъ что писалъ въ 1813 году Жофруа о госпожѣ Бауръ (*Baur*) и объ ея прелестной комедіи — Слѣдствія маскарада: «Комедія, которую играли вчера, пьеса новая, но «постройка ея древняя. Кажется, что сочинительница, «пройдя сквозь нынѣшнюю испорченность, сохранила всю «чистоту своего вкуса: связь и вѣрность идей, сцѣпленіе «сценъ, произведеніе, въ которомъ все тѣсно соединено «между собою, планъ, въ которомъ все движется и одно

«за другимъ слѣдуетъ, — все это добродѣтели другаго вѣка, «старые законы, лишившіеся всей своей силы, съ тѣхъ «поръ какъ ложный вкусъ захватилъ всю власть и стремится владычествовать надъ всѣми областями Литературы. Я радуюсь успѣху комедіи, въ которомъ есть и здра- «вый смыслъ и искусство.»

То что думалъ и писалъ Г. Жофруа въ 1815 году о слѣдствіяхъ маскарада, отчасти можно отнести и къ новому произведенію Г-жи Бауръ. Въ «Шарлоттѣ Браунъ» нѣтъ преувеличенныхъ страстей, которыми нынче театръ тѣшитъ испорченное воображеніе зрителей; нѣтъ катастрофъ, которыя поражаютъ умъ своею смѣлостью, а потомъ оскорбляютъ здравый смыслъ своею нелѣпостью; нѣтъ фразъ, которыя ослѣпляютъ паружнымъ величіемъ и призракомъ мысли; но вы найдете нравы тихіе, чистые, хотя неправдоподобные; дѣйствіе простое и ясное; разговоръ легкій и остроумный. Вѣрности правовъ не должно искать во Французской пьесѣ, какъ скоро дѣйствіе происходитъ за границею: Парижская публика принимаетъ за вещь очень естественную всякую нелѣпость, какую только сочинителю вздумается приписать Нѣмцамъ или Англичанамъ, — особенно Нѣмцамъ. Г-жа Бауръ помѣстила сцену свою въ Германіи: слѣдственно нравы и происшествія здѣсь — совсѣмъ фантастическіе.

Содержаніе комедіи ровное; планъ самъ собою развивается; ни какое непредвидѣнное, необычайное происшествіе не разстроиваетъ его порядка. Шарлота Браунъ, которая является во второй сценѣ большою дамою при какомъ-то маленькомъ Германскомъ дворѣ, невѣсткою оберъ-гофмаршала, графиней Расбергъ, несчастлива посреди всѣхъ почестей. «Ужасная» тайна тяготитъ ея совѣсть: всѣми этими почестями она обязана лжи. Графиня Расбергъ, по рожденію своему не могла бы ими пользоваться, потому что она только пріемная дочь одного Эльсбахскаго портнаго. Графъ Генрихъ Расбергъ, нынѣшній мужъ ея, проѣзжалъ черезъ этотъ городъ, увидѣлъ ее, и влюбился. Шарлота, или скорѣе Лотхень, долго противилась его страсти, которую между-тѣмъ сама раздѣляла. Наконецъ она уступила любви Генриха Расбергъ, — лучше сказать, своей собственной,

по уступила добродѣтельно: къ удивленію всѣхъ Парижскихъ зрителей, Гснрихъ Расбергъ на ней женился! Но такъ какъ отецъ его, оберъ-гофмаршалъ, одинъ изъ самыхъ гордыхъ Нѣмецкихъ бароновъ, такъ какъ онъ не захотѣлъ бы, чтобы сынъ его женился на дочери портнаго, — въ чемъ онъ былъ бы совершенно правъ, — то дочь портнаго, посредствомъ маленькой лжи, изъ Лотхенъ Браунъ сдѣлалась графинею Шарлотою Браунъ, наслѣдницею владѣтелей Эльсбаха, Розенбаха, Кирхенбаха и многихъ другихъ *баховъ*. Въ этомъ званіи она была представлена Генрихомъ тестю оберъ-гофмейстеру. Но, Боже мой, что будетъ съ Шарлотою, что будетъ съ Генрихомъ, если отецъ его, оберъ-гофмейстеръ, откроетъ этотъ подлогъ! Шарлота дрожитъ поминутно среди почестей и блеска, и страждетъ въ душѣ.

Къ этому горю Шарлоты прибавилось еще нѣсколько другихъ. Молодая Луиза Расбергъ, сестра ея мужа, съ которой она очень подружилась со времени своего замужества, говоритъ ей, что ее, Луизу, хотятъ отдать замужъ..... За кого жъ если не за Г. Рюдгейма, — *Bètemann, Sotmann и Rudeheim* суть три неизбѣжныя лица всякой Французской пьесы, основанной на Нѣмецкихъ правахъ! Ее дѣйствительно отдаютъ за Г. Рюдгейма, между-тѣмъ какъ она любитъ другаго и сама имъ любима, какъ они уже дали другъ другу слово. Кто жъ этотъ другой? Само собою разумѣется, что онъ не кто иной какъ наслѣдственный принцъ, сынъ владѣтельнаго герцога! Это ужъ всегда такъ водится, — со временъ Г. Скриба. Луиза очень добра, очень тиха, очень мила, очень покорна воли родителя, но она умѣетъ держать свое слово. Она говоритъ по-секрету Шарлотѣ, что вмѣсто того, чтобы публично выйти за Г. Рюдгейма, она тайно обвѣнчается съ наслѣдственнымъ принцемъ. При словѣ тайный бракъ, Шарлота въ длинной тирадѣ, исполненной благородія и убѣдительности, показываетъ Луизѣ всѣ заботы, всѣ огорченія, всѣ безирерывно возражающіяся безпокойства жизни, проведенной въ обманѣ, въ стыдѣ самого себя и въ страхѣ другихъ. Наконецъ она открываетъ ей тайну своего рожденія и всѣ мученія, которыя она терпитъ. Такимъ образомъ изложеніе подведено весьма естественно, и было бы даже замисловато, если бъ тайные

браки наслѣдственныхъ принцевъ существовали въ земной природѣ.

А между-тѣмъ время не терпитъ. Является оберъ-гофмаршалъ, графъ Расбергъ. Коротко и ясно объявляетъ онъ дочери своей Луизѣ, при Шарлотѣ, при Генрихѣ, даже при самомъ принцѣ, что рука ея уже обѣщана графу Рюдгейму, — замѣтите: *графу*, а не *князю*; Rudeheim всегда бываетъ графъ, князь обыкновенно — Sotmann; Bëtemann только баронъ. Шарлота, Генрихъ, принцъ, Луиза, — все въ смущеніи. Къ счастью, является запасное лицо, которое въ комедіяхъ всегда поспѣваетъ на выручку любовниковъ: это лице самъ владѣтельный герцогъ. Онъ знаетъ любовь сына своего къ Луизѣ, и проситъ для него руки ея. Можете не вѣрить; но наша обязанность сказать все такъ, какъ было. Да! владѣтельный герцогъ проситъ у своего оберъ-гофмаршала руки его дочери для своего сына, наслѣдственного принца. Нужно ли говорить, что оберъ-гофмаршалъ съ восторгомъ соглашается на эту честь?

Но вдругъ дѣйствіе принимаетъ совсѣмъ иной видъ. Тутъ начинается комическое: графиня Шарлота Расбергъ, урожденная Браунъ, женщина добрая и добродѣтельная, два раза въ жизнь свою солгала, и солгала въ вещахъ довольно важныхъ: во-первыхъ, она сказала оберъ-гофмаршалу, или по-крайней-мѣрѣ допустила его подумать, что она происходитъ изъ знаменитаго дома графовъ Брауновъ; во-вторыхъ, она не сказала своему пріемному отцу, портному, что настоящее происхожденіе ея должно оставаться въ тайнѣ. Портной зналъ, что милая его Лотхенъ вышла законнымъ образомъ за графа Расберга, и этого было ему довольно. Онъ соскучился въ Эльсбахѣ; и ему очень хотѣлось посмотрѣть на свою дочь, графиню Шарлоту, и на своего зятя, графа Расберга. Вздумано, сдѣлано: портной собрался, съѣхъ въ дилжансъ въ Эльсбахъ, и явился въ домъ графа Расберга въ тотъ самый день, когда нужно было для комедіи, — въ тотъ день, когда все на свѣтѣ происходитъ, — когда все эти важныя семейныя дѣла рѣшались и Луиза должна была выйти за принца.

Тутъ сряду три превосходныя сцены: первая между Шарлотою, графомъ Генрихомъ и портнымъ Брауномъ: дочь и

зять бросаются къ его ногамъ, и умоляютъ его ничего не говорить, принять и поддерживать ложь, къ которой принудила ихъ любовь. Сначала честность добраго портнаго возмущается, и онъ отказывается; но потомъ онъ уступаетъ слезамъ милой своей дочери. Портной рѣшается слѣдить барономъ. Тутъ графу Расбергу, оберъ-гофмаршалу, говорятъ, что отецъ его невѣстки хочетъ съ нимъ видѣться: благодаря Шарлотъ, которая его поддерживаетъ и почти непрерывно говоритъ за него, Браунъ довольно хорошо выполняетъ свою роль и думаетъ, что уже выпутался изъ хлопотъ, потому что на другой день на разсвѣтъ, онъ снова уѣзжаетъ. Но вдругъ послѣ ужина, собравшись уже спать, добрый Браунъ встрѣчается глазъ на глазъ съ послѣдственнымъ принцемъ, и тотъ начинаетъ спрашивать его о фамилии графовъ Брауновъ, о старшей и младшей линіи, объ ихъ обстоятельствахъ, процессахъ, и прочая. Ни одинъ еще разночинецъ, попавшійся въ знать, не жалѣлъ объ этомъ такъ, какъ нашъ Браунъ, — а онъ, бѣднякъ, попалъ въ знать по неволѣ!

Развязка — самая слабая часть этой комедіи. Принцъ вдругъ узнаетъ въ Браунѣ почтеннаго Эльсбахскаго мѣщанина, который, принявъ его къ себѣ, когда онъ былъ раненъ на сраженіи съ Французами, пекся объ немъ какъ о своемъ собственномъ сынѣ. Принцъ жалуется портнаго въ бароны, — принцъ, а не владѣтельный герцогъ; — и старый графъ Расбергъ соглашается утвердить бракъ сына своего съ дочерью портнаго, что нынѣ баронъ. Это и пошло, и невѣроятно!

5. Le père Goriot, *Старикъ Горіо*, водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, Гг. Жема, Комберуса и Теолоня.

Содержаніе повѣсти Г. Бальзака, «Старикъ Горіо», весьма извѣстно нашимъ читателямъ. Изъ этой повѣсти Гг. Жемъ и компанія кое-какъ сдѣлали небольшую драму, живую, занимательную, романическую, которую съ удовольствіемъ можно выслушать до конца. Въ первомъ дѣйствіи старикъ Горіо выдаетъ двухъ дочерей замужъ, и каждой даритъ, по обыкновенію, милліонъ приданаго. Во второмъ дѣйствіи выгоняютъ старика Горіо за неплатежъ изъ дома, въ которомъ онъ жилъ на хлѣбахъ. Въ последнемъ дѣйствіи старикъ Горіо, доведенный до крайности жестокостью

дочерей своихъ, находить гдѣ-то еще одну дочь, и снова богатѣть, чтобы замѣнить все, чего онъ лишился. Авторы этой драмы догадались, что Г. Бальзакъ зашелъ слишкомъ далеко въ своемъ «Старикъ Горіо», и придумали для его исторіи другой конецъ.

4. Le père Goriot, *Старикъ Горіо*, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, Гг. Ансело и Полена.

Эта пьеса такъ дурна, какъ только можетъ быть пьеса Г-на Ансело. Сверхъ-того она упала при представленіи.

5. Le cheval de bronze, *Бронзовый конь*, волшебная опера, слова Г. Скриба, музыка Г. Обера.

Никогда еще Г. Скрибъ не возносился такъ высоко, какъ въ этой оперѣ: онъ взлетѣлъ на воздухъ на бронзовомъ конѣ и забрался въ «Царство Поцѣлуйевъ», — а оно очень высоко, несмотря на то, что названіе его немножко пошло. Сверхъ-того, Г. Скрибъ сдѣлался ужаснымъ Азіатцемъ. Извѣстно, что онъ уже академикъ.

Новое произведеніе Г. Скриба — комическая опера, волшебная опера, Китайская опера, — все что вамъ угодно. Въ первомъ дѣйствіи вы въ домъ мандарина перваго класса, по имени Цинъ-цина. Цинъ-цинъ, видно, болѣе богатъ чѣмъ уменъ: онъ старъ, безобразенъ, да еще сверхъ-того ученъ, а между-тѣмъ у него четыре жены, и онъ еще собирается жениться на пятой, — юной Пеки, дочери мызника Чинъ-као. Г-жа Пеки, дочь мызника Чинъ-као, ни-чуть ни-крошечки не влюблена въ ученаго Цинъ-цина. Вообще надобно замѣтить, что дѣвушки плохо уважаютъ ученость. Зато она отъ всей души любитъ молодаго Янько: бѣда только въ томъ, что Янько не богатъ. Бѣдная Пеки принуждена покориться судьбѣ своей, и свадьба готовится, какъ вдругъ при звукахъ Китайской музыки, является сынъ императора, принцъ Янь. Всѣ падаютъ ницъ передъ принцемъ. Между-тѣмъ, онъ объявляетъ ученому Цинъ-цину, что императоръ назначилъ его, Цинъ-цина, камергеромъ послѣдняго принца. Цинъ-цинъ радуется своему возвышенію, а между-тѣмъ онъ, по званію камергера, долженъ подѣ опасеніемъ смертной казни повсюду слѣдовать за принцемъ.

Принцъ Янъ повѣряетъ своему камергеру Цинъ-цину злое свое горе. Три мѣсяца принцъ видитъ во снѣ юную красавицу, которая призываетъ его въ свои объятія. Кто жъ эта красавица? Никто этого не знаетъ; ни самъ даже ученый Цинъ-цинъ, который знаетъ всѣ восемьдесятъ тысячъ литеръ Китайской азбуки. Бѣдный принцъ Янъ не пьетъ, не ѣстъ, и все ѣздитъ по провинціямъ будущей своей имперіи, ища будущей своей красавицы. Ученый Цинъ-цинъ представляетъ принцу одну изъ жспъ своихъ, но не ее видѣлъ принцъ во снѣ три мѣсяца сряду. Тутъ Цинъ-цинъ, дрожа и труся, представляетъ принцу юную Пеки, но не ее видѣлъ принцъ во снѣ три мѣсяца сряду. Но плутовка Пеки пользуется этимъ случаемъ: она проситъ принца, чтобъ онъ не позволялъ отдавать ее за старика Цинъ-цина. Принцъ пробуетъ увѣщевать новаго своего камергера, но тотъ и слышать ничего не хочетъ. Видя, что съ старикомъ не сладить, принцъ идетъ къ бронзовому коню, ставитъ погу въ стремя, и приказываетъ Цинъ-цину ѣхать по обязанности своей съ нимъ. Мандаринъ съ трепетомъ повинуется; лошадь пускаетъ шутиху, и—всѣ трое взвились на воздухъ.

Дѣйствіе второе. Но прежде всего должно сказать вамъ, что такое этотъ бронзовый конь. Это новое, дивное изобрѣтеніе Г. Скриба. Онъ одинъ только въ состояніи придумать подобныя волшебства. Тыква Сапдрилионы, которая прсвращается въ золотую колесницу, хорошенькія мышки, которыя дѣлаются сѣропѣгими лошадьми, все—это ничего не значить въ сравненіи съ бронзовымъ конемъ Г. Скриба. О воображеніе, чего ты не дѣлаешь, божество всемогущее! Однажды Г. Скрибъ шелъ въ академію: идетъ онъ и видитъ, — на мосту Понъ-Нѣфъ стоитъ бронзовый конь, и на немъ сидитъ бронзовый Генрихъ IV. Г. Скрибъ записалъ въ своей памятной книжкѣ: «Видѣлъ сегодня бронзоваго коня; *годится въ водевилъ или оперу.*» И возвращаясь домой, онъ сдѣлалъ изъ этого коня оперу; велѣлъ коню летѣть въ Китай,—конь полетѣлъ въ Китай, и спустился пазсмъ въ деревнѣ Цин-цина. Всякой, кто сядетъ на этого коня, уносится въ безизвѣстныя пространства: потомъ и конь и всадникъ возвращаются, одинъ молчаливѣе

другаго. Конь молчитъ по привычкѣ, а человекъ потому, что если онъ станетъ говорить о своемъ воздушномъ путешествіи, то будетъ превращенъ въ истукана.

Вы знаете уже, что бронзовый конь унесъ далеко отъ земли дерзкаго принца Яна и робкаго его камергера Цинь-цина. Съ тѣхъ поръ объ нихъ ни слуху ни духу; всѣ четыре жены Цинь-цина и пріятели принца напрасно ломаютъ себѣ голову. Одинъ только человекъ могъ бы кое-что поразсказать о путешественникахъ: этотъ человекъ Янько, любовникъ Пеки, который тоже леталъ на бронзовомъ конѣ въ пространства безвѣстныхъ, и возвратился живъ и здоровъ. Но Янько не говоритъ ни слова, боясь превратиться въ истуканъ; сама Пеки, страшась лишиться своего любезнаго, уважаетъ его тайну. Между-тѣмъ и Пеки и четыре жены Цинь-цина, надѣясь, что наконецъ сдѣлались вдовами, радуются своему благополучію, какъ вдругъ Цинь-цинъ возвращается.

Цинь-цинъ возвращается одинъ: принцъ Янь остался гдѣ-то на дорогѣ. Тутъ всѣ жены мандарина окружаютъ его и принимаютъ распрашивать. Но ученый Цинь-цинъ человекъ осторожный: онъ не говоритъ ни слова и, утомленный путешествіемъ, ложится спать. Къ несчастію, во снѣ, тайна у него вырывается: онъ говоритъ о какой-то принцессѣ, о браслетѣ, — и вдругъ превращается въ истуканъ!

Жены Цинь-цина радуются, молодой Янько радуется. Онъ избавился отъ своего соперника, и можетъ жениться на своей любезной. Но, увы, счастье болтливо и доверчиво! Янько проговаривается, и бѣдный Янько, влюбленный Янько, счастливый Янько, превращается въ истуканъ.

При этомъ видѣ Пеки, въ отчаяніи, сбрасываетъ съ себя свою женскую одежду; надѣваетъ платье покойнаго Янько; хочетъ узнать эту тайну, смѣло садится на бронзоваго коня, и улетаетъ.

Дѣйствіе третье. Куда же летитъ прекрасная Пеки? Вы думаете, на какую-нибудь планету? Конечно, на планету: но на какую именно? На Венеру; въ губернію счастливой любви, въ уѣздъ пламенныхъ поцѣлуевъ. Да! знаменитое царство поцѣлуевъ, открытое Іоанномъ Секондомъ,

распространенное Иваномъ Доратомъ, снова открыто и снова распространено Г. Скрибомъ: онъ отрылъ всѣ сокровенныя его древности, пробудилъ его спящее эхо. На этой планетѣ, поцѣлуи падаютъ сотнями, сыплются тысячами; стоитъ только нагнуться, чтобы поднять дюжины дѣтъ поцѣлуевъ; стоитъ только протянуть губы. Тамъ поцѣлуи подбираютъ на берегу ручьевъ, срываютъ подъ тѣнію кустарниковъ; но эти поцѣлуи пагубны: по закону, существующему съ давняго времени на планетѣ Венерѣ, смертный, принесенный туда бронзовымъ кономъ и желающій быть счастливымъ любовникомъ царицы этихъ прекрасныхъ мѣстъ, не долженъ въ теченіе первыхъ сутокъ ни срывать, ни подбирать, ни принимать ни одного поцѣлуя. При первомъ поцѣлуѣ вышерѣченный смертный падаетъ сквозь опускающую дверь на спину бронзоваго коня, который несетъ, несетъ его, и сбрасываетъ тамъ, гдѣ взялъ, и никогда уже къ себѣ не подпускаетъ. Впрочемъ, при первомъ вступленіи на эту планету, васъ тотчасъ предостерегаютъ, что вы подвергаетесь опасности никогда не цѣловать владычицы этихъ прекрасныхъ мѣстъ, если захотите поцѣловать ее прежде истечения сутокъ.

Вы знаете, хотя я этого вамъ еще и не говорилъ, — но ваше воображеніе, конечно то же застыло на своего бронзоваго коня, — вы знаете уже, что принцъ Янъ, взглянувъ на царицу поцѣлуевъ, тотчасъ узнаетъ красавицу, которую онъ видѣлъ во снѣ. Эту красавицу зовутъ Стелла, что по-Латыни и по-Китайски значитъ — звѣзда. Здѣсь Г. Скрибъ доказываетъ всю свою ученость: онъ рѣшилъ, что Латынь языкъ всесвѣтный, даже и въ Китаѣ.

И Стелла тоже узнала свою звѣзду въ особѣ принца Яна; и желая сохранить его, она дѣлаетъ все, что только возможно, чтобы онъ цѣлыя сутки вытерпѣлъ искусь. И принцъ Янъ двадцать три часа и три четверти противился всѣмъ поцѣлуямъ, которые ему со всѣхъ сторонъ протягиваютъ. Еще четверть часа, и принцъ будетъ имѣть право обнять свою припещу. Но, увы, настаетъ ночь! Принцъ Янъ остается одинъ съ принцессой въ очарованныхъ рощахъ. Все кончено: роковой поцѣлуй раздается, Янъ про-

валивается на спину бронзоваго коня, и принцесса лишается всей своей надежды.

Между-тѣмъ судьбы рѣшили, что волшебство будетъ разрушено. Юная Пеки въ мужскомъ платьѣ является на островъ поцѣлуетъ, и поцѣлуи со всѣхъ сторонъ сыплются на молодаго незнакомца. Но незнакомецъ не поддается искушенію; онъ холоденъ и спокоенъ. Напрасно сама принцесса, чтобы свободнѣе предаться своей горести, старается скорѣе отправить незнакомца на землю; онъ ничего не хочетъ знать, ничего не видитъ, ничего не слышитъ, ничего не цѣлуетъ; онъ непроницаемъ для поцѣлуетъ; онъ ледяной, онъ резиновый: царица въ отчаяніи. Наконецъ сутки вышли; цѣлыя сутки въ этомъ блаженномъ царствѣ не дано ни одного поцѣлуя. И тутъ земля разверзается; но она уже поглощаетъ двоихъ, мнимаго юношу и царицу, имъ пріобрѣтенную.

Мы опять на нашей жалкой землѣ. Вотъ три неподвижные истукана.—Цинъ-цинъ первый истуканъ, Янько второй истуканъ, принцъ Янь третій и послѣдній истуканъ. Пеки слѣзаетъ съ бронзоваго коня своего, и помогаетъ Стеллѣ сойти на землю; въ эту минуту Цинъ-цинъ, Янько и принцъ снова превращаются изъ истукановъ въ людей. Цинъ-цинъ остается мужемъ четырехъ женъ своихъ; молодая Пеки выходитъ за любезнаго своего Янько; а принцъ Янь получаетъ руку Стеллы, и, въ ожиданіи Китайскаго престола, дѣлается императоромъ царства поцѣлуетъ со всѣми зависящими отъ него областями.

Вы видите, что эта поема глупа какъ бронзовыи конь.

Было время, когда Г. Скрибъ принималъ подъ свое покровительство Г. Обера; теперь Г. Оберъ принялъ подъ свое покровительство Г. Скриба. Въ этой новой партіи автора Фенеллы, видны всѣ достоинства, которыя дѣлаютъ музыку народною: она поетъ и, вы знаете, она жива, весела и развязна и помнитъ Россію. Г. Оберъ никогда не бывалъ такъ щедръ на легкія, пѣвкія аріи, на романсы по силамъ всѣмъ фортепіанамъ, на предестные квартеты по плечу всѣмъ хористамъ. Увертюра—прекрасное произведеніе, легкое, живое, пляшущее, скачущее и нисколько не Китайское. Первый хоръ, романсъ, большая

арія, маршъ принца Яна, все это прелестно. Во второмъ дѣйствіи замѣчательны: большая арія, потомъ восхитительное, почти оригинальное тріо между Пеки, Янько и Цинъ-циномъ, который поетъ во снѣ; и особенно финаль этого дѣйствія. Чинъ-као даетъ серенаду зятю своему Цинъ-цину. Цинъ-цинъ въ это время превращенъ въ истуканъ. Музыканты приходятъ, и, воображая себѣ, что онъ спитъ, поютъ тихо; потомъ голоса возвышаются, и изъ легкаго шопота переходятъ въ хоръ блестящій, полный огня и живости. Третье дѣйствіе не стоитъ двухъ первыхъ. Вообще это музыка шуточная, забавная, пріятная и легкая; она дѣлаетъ честь если не изобрѣтательности, не генію Г. Обера, то по-крайней-мѣрѣ его уму и смѣтливости.

Однимъ словомъ «Бронзовый конь» хорошая комическая опера, но не болѣе какъ комическая опера. Поэма понятна всякому, кто только не знаетъ Астрономіи; музыка понятна всякому, кто даже не знаетъ музыки.

ИТАЛИАНСКИЙ ТЕАТРЪ. Marino Faliero, *Марино Фаліеро*, драматическое дѣйствіе, въ трехъ актахъ, слова Г. Бидеры, музыка Г. Доницетти.

Въ началѣ прошлаго года мы говорили, что эта опера играна въ Неаполѣ и принята съ восторгомъ. Она представлена нынче въ Парижѣ въ присутствіи самого Доницетти, и мы можемъ сообщить нѣкоторыя подробности объ этой музыкѣ; но прежде должны сказать нѣсколько словъ, чтобы напомнить содержаніе этой драмы, прославленное лордомъ Байрономъ. Марино Фаліеро, знаменитый своими побѣдами надъ Турками и Венгерцами, своими заслугами въ качествѣ посланника и человека государственнаго и любимый Венеціанскимъ народомъ; Марино Фаліеро, достигшій престарѣлаго возраста и женившійся на молодой и прекрасной женщиной, вдругъ становится подозрительнымъ республиканской знати, и противъ него, противъ юной его супруги, пишутъ на городскихъ стѣнахъ кровавые сарказмы. Творцемъ этой гнусной обиды былъ Стено, молодой дворянинъ, одинъ изъ сорока вельможъ, раздраженный отказами Елены, супруги дожа. Это оскорбленіе и разныя неудовольствія, сдѣланныя дожу Венеціанскими

вельможами, заставило его вступить въ преступный заговоръ, котораго начальникомъ былъ Израэль Бертуччи, главный работникъ въ арсеналѣ. Заговорщики хотѣли умертвить всѣхъ сорокъ правителей. И самъ дожъ рѣшается принять участіе въ этомъ ужасномъ предпріятіи.

Фернандо, племянникъ дожа, питалъ къ Еленѣ страсть, которую она вполне разделяла. Движимый чувствомъ чести, онъ хочетъ уѣхать изъ Венеціи, и предувѣдомляетъ объ этомъ дядю. Но старикъ, не имѣя дѣтей и нѣжно любя своего племянника, удерживаетъ его, и заставляетъ остаться съ нимъ. Посреди пиршества, даннаго однимъ благороднымъ Венеціаниномъ, дожъ и Израэль Бертуччи оканчиваютъ устройство заговора. Между-тѣмъ какъ происходятъ эти дѣла, Стено, замаскированный, преслѣдуетъ Елену, и такъ неотступно, что возбуждаетъ ревность и гнѣвъ Фаліеро и племянника его, Фернандо. Дожъ клянется погубить враговъ своихъ, а Фернандо рѣшается отмстить шлагою дерзкому своему сопернику.

Во второмъ актѣ заговорщики собираются. Дожъ еще не рѣшается, когда назначить время для исполненія предпріятія, какъ вдругъ онъ узнаетъ, что Стено убилъ его племянника. Это заставляетъ его тотчасъ рѣшиться, и заговорщики готовятся приступить къ дѣлу.

Въ третьемъ актѣ дожъ объявляетъ женѣ своей о смерти Фернандо, и идетъ принять начальство надъ заговорщиками. Но ему измѣняютъ; онъ принужденъ отдать свой мечъ, и присутствовать при казни Израэля Бертуччи. Судъ лишаетъ Фаліеро достоинства дожа и приговариваетъ его къ смерти. Последняя сцена есть свиданіе между дожемъ и его юною супругою. Терзаемая раскаяніемъ, она признается ему въ своемъ проступкѣ и называетъ своего сообщника, который уже не существуетъ. Старый Фаліеро краснѣетъ отъ стыда и гнѣва, и готовъ проклясть невѣрную, но вспомнивъ, что ему самому скоро нужно будетъ Божеское милосердіе, прощаетъ Елену и мужественно идетъ на смерть.

Съ тѣхъ поръ, какъ вкусъ ко декламированной музыкѣ снова распространился въ Италіи, композиторы сдѣлались skupы на увертюры. Въ Марини Фаліеро оркестръ едва

Т. X. — Отд. VII.

только играетъ нѣсколько тактъ, и занавѣсъ поднимается, и тотчасъ начинается интродукція : это хоръ работниковъ въ арсеналѣ; онъ перерѣзанъ почти на половинѣ аріею Израэля Бертуччи, къ которому опять присоединяется хоръ работниковъ, воспѣвающихъ славу побѣдителя при Цара. Заэтимъ слѣдуетъ прелестная каватина Фернандо во дворцѣ дожа. музыкантъ хорошо выразилъ чувства негодованія и горести, волнующія Фернандо; потомъ дуетъ, котораго предметомъ послѣднее свиданіе Фернандо и Елены. Вторая половина этого дуета, въ которой голоса перекликаются и потомъ сливаются, производятъ чрезвычайно пріятное дѣйствіе. Далѣе, въ той сценѣ, когда дожъ рѣшается сдѣлаться главою заговора, композиторъ помѣстилъ дуетъ, котораго первая половина удивительна по своему величію, простотѣ и выразительности. Это истинная мелопея, обработанная такъ, что плѣняетъ слухъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворяетъ уму.

Финаль начинается посреди бала, въ то время какъ Фалиеро и Израэль устраиваютъ заговоръ свой, а Стено преслѣдуетъ Елену. Прелестные мотивы, оживляющіе пиршество, происходящее въ глубинѣ театра, служатъ акомпаниментомъ важному разговору между дожемъ и Бертуччи, остающимся на передней части сцены. Это самое устройство видимъ мы въ Ифигеніи въ Авлидѣ и въ Альцестѣ Глюка, и оно употреблено съ большимъ успѣхомъ авторомъ Маріено Фалиеро. *Andante*, помѣщенное въ этомъ финалѣ, весьма хорошо приготовляетъ слушателя къ сценамъ ревности, угрозъ, ярости, безпокойства, въ которыхъ участвуютъ Стено, Фернандо, Израэль, дожъ, супруга его Елена и всѣ присутствующіе на этомъ роковомъ пирѣ. Финаль оканчивается прелестнымъ *allegro*, въ которомъ музыкантъ слилъ веселіе праздника, надежды тѣхъ, которые жаждутъ мести, и горестныя предчувствія несчастной супруги Марино Фалиеро.

Во второмъ дѣйствіи заговорщики выходятъ одинъ за другимъ изъ гондолъ своихъ. Строгій хоръ, который они поютъ, прерывается баркароллою, слышимою вдаль. Фернандо, оживляемый надеждою отмстить за Елену, ожидаетъ своего соперника. Онъ поетъ вторую каватину, состоящую

изъ восхитительнаго *andante*, котораго тему играетъ сначала виолончели, и изъ превосходной *saballetta*, въ которой удивительнѣйшимъ образомъ выражена ярость. Наконецъ Фернандо окровавленнаго приводятъ къ Фаліеро. Сцена его смерти превосходна; музыка заслуживаетъ величайшей похвалы.

Послѣдняя сцена — одна изъ самыхъ трогательнѣйшихъ во всемъ этомъ твореніи. Мы говорили уже о содержаніи этой сцены. Дуэтъ, изъ котораго она состоитъ, превосходно приспособленъ къ положенію дѣйствующихъ лицъ. Вообще музыка Марино Фаліеро исполнена необычайной выразительности; написана съ жаромъ и чувствомъ; инструментовка весьма хороша, и ни на минуту не ослабляетъ вниманія слушателя пустотами въ оркестрѣ. Мелодіи, не отличаясь особенною новостью, просты, чисты, выразительно и весьма искусно разнообразятся, смотря по характерамъ дѣйствующихъ лицъ. На всякомъ шагу видно, что музыка «Фаліеро» написана человекомъ, который глубоко изучилъ всѣ тайны и пособія своего искусства.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦИИ. Множество сочиненій духовнаго содержанія. Мы упоминаемъ объ этомъ, какъ о примѣчательномъ явленіи въ нынѣшней Французской литературѣ. Оно было доводомъ утѣшительнаго направленія умовъ въ томъ краю, въ которомъ такъ долго свирѣпствовало безвѣріе, если бъ не состояло въ связи съ превратными политическими ученіями аббата де-ла-Менѣ, которыя болѣе и болѣе проникаютъ въ нѣдра общества.

— Такъ называемый лордъ Филингъ, котораго талантъ намъ вовсе не нравится, издалъ *Scènes de la vie castillane et andalouse*, расхваленныя общими словами во многихъ журналахъ.

— Г. Александръ Дюма, который все-еще не уѣхалъ въ Африку, написалъ родъ исторіи и романа, подъ заглавіемъ *Isabelle de Bavière*. Это картина царствованія Карла VI.

— Въ числѣ новостей есть нѣсколько романовъ, которые «общаютъ» быть хорошими, — романъ Г-жи Эмиль-Жи-рарденъ, — романъ Г. Ламоттъ-Лангона, — романъ Г. Фредерика Сучиѣ, и прочая. Мы ничего не знаемъ объ ихъ содер-

жапіи. Авторы «Струэнзе», Гг. Арну и Фурниэ, состряпали романъ изъ Русской исторіи, котораго содержанія мы и знать не любопытны.

— Хвалятъ довольно, но все общими словами, *Essai sur l'étude de l'histoire*, Г. Латура, и *Les maladies du siècle*, Г. Аллеза.

— Осьмой томъ *Encyclopédie des gens du monde* уже вышелъ изъ печати. Мы разсматривали съ большимъ вниманіемъ четыре первые тома этого творенія, которому Французскіе журналы воздаютъ такую хвалу, и нашли ихъ очень слабыми, очень посредственными. Мы надѣемся, даже увѣрены, что Русскій «Энциклопедическій Лексиконъ» будетъ несравненно лучше.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛИИ. Блестящій, мечтательный Томасъ Муръ является передъ свѣтомъ съ «Исторіею Ирландіи», и надо сказать правду, что эту первую часть своего труда посвятилъ онъ неблагодарнѣйшему изъ предметовъ, — преданіямъ, сохраненнымъ бардами и монахами среднихъ вѣковъ, или выбраннымъ изъ ихъ легендъ лѣтописцами одиннадцатаго и двѣнадцатаго столѣтій. Какая бы ни была тому причина, но изъ всѣхъ Европейскихъ народовъ одни Ирландцы до сей поры объявляютъ серьезное притязаніе на отдаленнѣйшую древность, и приписываютъ предкамъ своимъ высокое образованіе въ то время, когда Греки были еще варварами и Ромулъ висѣлъ еще у сосцевъ волчицы. Г. Муръ конечно не пускается такъ далеко: онъ хочетъ держаться середины между скептицизмомъ и легковѣріемъ, но его ослѣпляютъ, часто противъ воли, мечты прежней народной славы, парившія передъ молодымъ его воображеніемъ, и поэтъ не исчезаетъ въ историкъ. Не входя въ мелочныя разысканія о происхожденіи Ирландскаго народа, можно вообще полагать, что разные поселенцы, изъ которыхъ замѣчательнѣйшіе были Феръ-Болги или Белги, и Туата-Дананы, или Дамны, основались на островъ въ неопредѣленный періодъ; что въ какое-то равно неизвѣстное время Финикійцы производили черезъ Испанскія колоніи довольно обширный торгъ съ Ирландіею, и что это установило тѣсную связь между двумя послѣдними странами, которой

существованіе есть наилучшее дознанный фактъ Ирландской исторіи. Финикіяне вѣроятно вывозили отсюда мѣха и кожи: слѣдственно Ирландцы были къ нимъ въ такомъ же отношеніи, какъ Сѣверо-Американскіе Индѣйцы къ нынѣшнимъ Англійскимъ купцамъ. Что торговля съ Финикіянами не произвела здѣсь ни какого быстраго улучшенія, это можно доказать несомнѣнными фактами. Ирландія, вплоть до историческаго періода, была немногимъ лучше обширнаго лѣса, и трясины, доселѣ въ ней существующія, подтверждаютъ древнія извѣстія всѣхъ достовѣрныхъ писателей. За исключеніемъ «круглыхъ башенъ», о которыхъ сдѣлано больше пустыхъ заключеній, нежели о какомъ-нибудь другомъ зданіи въ подсолнечной, Ирландія не представляетъ ни одного каменнаго строенія старѣе одиннадцатаго вѣка. Діодоръ Сицилійскій, въ пятой книгѣ своей исторіи, говоритъ: «сви-рѣпѣйшіе изъ всѣхъ Галловъ тѣ, которые живутъ на сѣверѣ, какъ напримѣръ Бритты, занимающіе Ирландію». Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ ихъ «людоѣдами». Страбонъ и Св. Іеронимъ подтверждаютъ это свидѣтельство. Равно неблагоприятны отзывы Тацита, Солина и Помпонія Мелы. Такъ чѣмъ же тутъ хвастать! Поэмы самаго Г. Мура конечно болѣе приносятъ славы Ирландіи, нежели связи ея съ Финикіянами. Слабый историческій свѣтъ начинаетъ мерцать надъ этой землею около втораго вѣка передъ Рождествомъ Христовымъ, когда она подпала власти Милезійцевъ,—племени, которое перешло, полагають, съ береговъ Каспійскаго моря въ Испанію, и оттуда послало поселенцевъ въ Ирландію. Кто бы ни были Милезійцы, они такъ же немилосердно обходились съ Ирландцами, какъ потомъ Англо-Норманны съ ними. Кажется, они одни знали грамоту, потому что единственными памятниками борьбы между утѣшителями и утѣшенными остались пѣсни Милезійскихъ бардовъ, которые, разумѣется, стоятъ за своихъ. Впрочемъ и Г. Муръ не беретъ ихъ стороны. Введеніе Христіанской вѣры встрѣтило здѣсь менѣе сопротивленія, чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ Европы, и дѣйствіе ея было замѣчательно. «Съ этого времени, говоритъ Г. Муръ, драма Ирландской исторіи принимаетъ совсѣмъ иной характеръ. Кровавыя междоусобія королей и старшинъ уступаютъ мѣсто

«чистымъ и мирнымъ торжествамъ религіи. Рядъ святыхъ «обоого пола представляется нашимъ взорамъ; клобукъ и «ряса затмѣваютъ самый блескъ короны.» Авторъ очень пространно старается доказать, что догматы древнихъ Ирландскихъ христіанъ были тѣ самыя, какимъ слѣдовала Римская церковь; однако жъ Св. Іеронимъ называетъ Ирландцевъ раскольниками, папы часто буллами увѣщевали Англійскихъ королей истребить «этихъ нечестивыхъ», и епископы ихъ не получали изъ Рима инвеституры до временъ вторженія Англичанъ. Какъ же Г. Муръ согласить это? Впоследствии, когда кроворолитныя войны опустошали Европу и одна Ирландія, благодаря своему уединенію, наслаждалась спокойствіемъ и въ монастыряхъ своихъ давала убѣжище пришельцамъ изъ отдаленныхъ странъ, все западное христіанство, правда, прозвало ее «Островомъ святыхъ угодниковъ.» Читатели могутъ видѣть изъ этого обзора, что половинакниги знаменитаго поэта, которому вздумалось быть историкомъ, занята изслѣдованіемъ легендарной исторіи, а другая религіознымъ преніемъ. Авторъ достигъ въ ней только перваго вторженія Датчанъ, и если будетъ продолжать въ такой же соразмѣрности, то третій томъ, которымъ онъ хотѣлъ кончить свою исторію, врядъ-ли доведетъ ее и до реформациі.

— Изъ числа другихъ новостей мы упомянемъ только объ «Лодорѣ», *Lodore*, романъ Г-жи Шелли, написавшей «Франкенштейна» и нѣсколько другихъ повѣстей, которыя отличаются тонкимъ изобрѣтеніемъ характеровъ, сильною увлекательностью и нѣжною гармоніей слога. Основаніемъ повому ея произведенію служить ссора лорда Лодора съ женою, влекущая за собой отъѣздъ его и еще тягостнѣйшую разлуку дочери съ матерью. Характеры обѣихъ очаровательны: одна постепенно укрощаетъ свое негодованіе, и оставляетъ прежнюю суетность; другая, подкрѣпленная ея нѣжностью въ часы испытанія, изъ простодушнаго, невиннаго ребенка дѣлается вѣрною и великодушною супругой: да, — мало такихъ прелестныхъ созданій воображенія, какъ *Ethel Villiers*!

— Извѣстія о прочихъ замѣчательныхъ явленіяхъ Англій-

ской литературы, особенно по части «Путешествій», помѣщены въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ этого отдѣленія.

— Мы читали объявленіе о выходѣ новаго творенія Г. Бекфорда, изъ книги котораго помѣщенъ былъ у насъ въ прошломъ году прелестный отрывокъ, «Очерки Италіи, Испаніи и Португаліи». Заглавіе этого новаго творенія — *Alcobaça and Batalha*.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ ГЕРМАНИИ. Не посмотрѣвъ собственными глазами въ Нѣмецкіе критическіе журналы, нельзя и представить себѣ того множества сочиненій экзегетическаго и мистическаго содержанія, какимъ наводняется нынче Германская литература подъ всевозможными заглавіями, изъ которыхъ часто одно страннѣе другаго. Это преобладающая часть современной Нѣмецкой библіографіи: она поглотила и прежнюю тучу книгъ о Философіи, о которой мало теперь пишутъ, и совсѣмъ придавила изящную Словесность, въ которой давно уже не появляется ничего особенно примѣчательнаго.

— Извѣстный Нѣмецкій литераторъ, Лудвигъ Вахтлеръ, издалъ недавно нервую часть своихъ мелкихъ сочиненій, содержащую между прочимъ біографіи Ж. Ж. Руссо, Бернарденъ-де-Сенъ-Піерра, Иоганна Мюллера и Куріе. Большая часть статей, помѣщенныхъ въ этомъ томѣ, напечатана была прежде въ повременныхъ изданіяхъ, напримѣръ, въ Раумеровомъ Историческомъ Альманахѣ, а біографія Сенъ-Піерра передѣлана изъ Французской, сочиненной Эмѣ-Мартеномъ.

— При всемъ уваженіи къ Г. Румору, мы должны сказать, что его Киналопекомахія, или «Война собакъ съ лисицею», отдаленное во всѣхъ отношеніяхъ подражаніе извѣстной поэмѣ *Reineke Fuchs*. Дѣло въ томъ, что лисица надуваетъ собакъ на кусокъ хлѣба, и изъ этого возникаетъ длинная, предлинная вражда, которая оканчивается тѣмъ, что собаки растерзываютъ лисицу, убитую охотникомъ. Съ помощію неумѣстныхъ естественно-историческихъ, правоучительныхъ и Нѣмецко-шуточныхъ отступленій, автору стало этого предмета на шесть пѣсней.

— Въ новомъ собраніи стихотвореній Г. Густава Фицера есть нѣсколько пѣсень, кажется, нигдѣ еще не напечатанныхъ, но отличающихся тѣмъ же избыткомъ размышленія, какъ

и прежнія. Это не живое выраженіе чувствъ или предметовъ, а мысли посторонняго чловѣка о тѣхъ и о другихъ.

— «Поликратъ», новая трагедія Г. Вильгельма Шниттера, обличаетъ въ авторѣ поэтическое дарованіе и умъ образованный; но кажется, что онъ не совсѣмъ удачно воспользовался исторіею Поликрата, который становится у него безхарактернымъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ начинаетъ стращаться и счастья, и несчастья. Это бѣшеный ипохондрикъ, котораго сумазбродство пугаетъ читателя, но отнюдь не возбуждаетъ въ немъ поэтическаго участія и любопытства.

— Двѣ повѣсти извѣстнаго Фиделіо, *Der Geächtete bei Mongarten* и *Conrad von Felseck*, могутъ привлечь къ себѣ вниманіе любителей Нѣмецкихъ повѣстей. Когда мы говоримъ «Нѣмецкихъ», это имѣетъ свое значеніе: Нѣмецкія повѣсти тѣмъ особенно отличаются отъ Французскихъ, что, въ первыхъ герою, то есть, *онъ* и *она*, всегда въ концѣ женятся, а въ послѣднихъ *она* погибаетъ, а *онъ* идетъ на каторгу. Г. Фиделіо, въ обѣихъ этихъ повѣстяхъ, беретъ по парѣ любовниковъ и проводитъ ихъ сквозь строй разныхъ опасностей, — опасности отъ рыцарей, опасности отъ разбойниковъ, опасности отъ правосудія, инквизицій, войны, огня и воды; но, какъ въ Нѣмецкой Словесности любовь всегда застрахована, то чувствованія ихъ не претерпѣли отъ этого ни малѣйшаго уцербъ, и они все-таки женились.

— «Историческіе Разказы», *Erzählungen*, Шарлотты Глюмеръ, урожденной Шпоръ, ужасно сентиментальны, какъ и всѣ ея произведенія.

— *Frauengrösse*, новый романъ Богемуса (Г. Опица), очень занимателенъ: предметъ его взятъ изъ происшествій Тридцати-лѣтней войны въ Богеміи. Талантъ Богемуса уже извѣстенъ нашимъ читателямъ.

— Сатори, или просто Г. Нейманъ, написалъ историческую повѣсть подъ заглавіемъ «Іоанна I, королева Неаполитанская». Тутъ вы видите; какъ несчастная принцесса достигаетъ и потомъ лишается престола. Авторъ сохранилъ все историческое, и украсилъ его довольно удачно блесками романтизма. Книга его читается съ удовольствіемъ, кромѣ однако жъ разговоровъ высшаго общества, которые не похожи на то, за что выдаетъ ихъ книга.

— Г. Леопольдъ Шефферъ выдалъ историческій романъ, «Графиня Ульфельдъ», принятый Берлинскою публикой довольно благосклонно. Содержаніе взято изъ Датской исторіи, а обдѣлка приносить честь наблюдательности автора и его умѣнью живописать подробности.

— Мы упомянемъ еще о выходѣ въ свѣтъ четвертаго тома повѣстей барона А. фонъ-Штернберга: любители этого плодovitаго писателя найдутъ здѣсь — «Лейпцигскую битву», страшный разсказъ стараго времени; «Последнюю розу Калленфельса», «Коперника» и «Г. фонъ Мондшейна».

— Говоря о Словесности въ Германіи, нельзя избѣгнуть того, чтобъ не задѣть Философіи, потому что она тамъ входитъ въ составъ чернилъ, вмѣстѣ съ чернильными орѣшками, купоросомъ и сажеею. Впрочемъ во всякомъ хорошемъ романѣ есть много Философіи, и во всякой хорошей Философіи очень много романа. Подъ немножко страннымъ заглавіемъ, — «Человѣкъ и звѣзды, отрывки къ исторіи души міра», Эрлангенскій профессоръ докторъ Пфафъ издалъ собраніе статей, большею частію помѣщенныхъ прежде отдѣльно въ *Morgenblatt*, а теперь связанныхъ имъ въ одно цѣлое космографическаго содержанія. Тутъ есть разсужденія о системѣ міра, о планетахъ, о высшей Физикѣ и даже объ исторіи Астрономіи: жаль только, что авторъ слишкомъ часто сбивается въ колею Естественной Философіи, и подбиваетъ мечтательными предположеніями вмѣсто физическихъ достовѣрностей. Но тамъ, гдѣ онъ спускается съ высотъ шеллингизма къ уровню со здравымъ смысломъ, и оставляя толки о Фениксѣ, объ единствѣ и множествѣ міровъ, о небѣ и новѣйшихъ схоластикахъ, переходитъ къ последнему сочиненію Гершеля или говоритъ о звѣздахъ Тихо Браге и Кепплера, — тамъ книга его доставитъ удовольствіе и пользу каждому порядочно мыслящему читателю.

— Мы уже означили въ списокѣ новыхъ книгъ за прошлый мѣсяцъ выходъ двухъ новыхъ томовъ сочиненій Фихте, издаваемыхъ его сыномъ изъ бумагъ, оставшихся по смерти великаго философа. Эти два тома содержатъ въ себѣ чтенія его въ Берлинскомъ университетѣ о знаменитой

«Наукъ знанія» и о «Наукъ права», по которой однако жъ не возможно править людьми и двухъ сутокъ.

— Одинъ изъ остроумнѣйшихъ учениковъ Гегеля, профессоръ Е. Гансъ, издалъ, подъ именемъ «Смѣси», два тома мелкихъ сочиненій объ Исторіи, Политической Экономіи, Эстетикѣ, и прочая. Къ произведенію Г. Ганса нельзя приложить пословицы о ложности книжныхъ заглавій: это настоящая смѣсь. Подлѣ Гегеля и Гёте является экзѣвица Зонтагъ; подлѣ Гизо, Раумера и Геннинга, старинная Нѣмецкая актриса Софія Мюллеръ. Вторая часть содержитъ замѣчательные разборы главнѣйшихъ историческихъ и періодическихъ сочиненій, появившихся въ послѣднія пятнадцать лѣтъ въ Германіи, Франціи и Англіи. За этимъ слѣдуетъ нѣсколько эстетическихъ разсужденій, и между прочимъ одно о характерѣ Гамлета въ сравненіи его съ лицами, созданными Эсхиломъ и Софокломъ.

— Полковникъ Густавссонъ (бывшій Шведскій король) издалъ еще одну брошюру о переворотѣ, происшедшемъ 1809 года въ его отечествѣ. Эта любопытная книжка вышла на двухъ языкахъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ, подъ заглавіями — *Der dreizehnte Marz*, — *La Journée du treize mars*.

— Мы забыли сказать въ прошломъ мѣсяцѣ о выходѣ первой книжки новаго журнала «Литературный Зодиакъ», который издается въ Лейпцигѣ Г. Мюндтомъ при содѣйствіи князя Пюклеръ-Мускау, Фарнгагена, Шефера, Лемана, Гёшеля, и прочая, и прочая.

— Мы должны еще извѣстить любителей изящныхъ художествъ о выходѣ двухъ новыхъ тетрадей «Собранія архитектурныхъ проектовъ» (21 и 22), знаменитаго Шинкеля, о которомъ говорили мы съ такимъ удивленіемъ въ статьѣ «Новая архитектурная школа въ Германіи.» Каждая изъ нихъ состоитъ изъ шести листовъ рисунковъ. Первое занимаетъ здѣсь проектъ строенія (*Parkhofgebäude*) для жительства придворныхъ служителей и для помѣщенія придворной конторы въ Берлинѣ. Потомъ представленъ проектъ церкви для Петергофскаго Сада, — малаго размѣра, но въ очень богатомъ стилѣ среднихъ вѣковъ: созданіе это прелестно; пышно украшенные врата, надъ ними великолѣпное по-

лукруглое окно, четыре легкія, нѣжныя башенки по угламъ зданія, производятъ большой эффектъ въ рисунокѣ. Остальные листы посвящены проэктамъ разныхъ храмовъ въ Берлинѣ и другихъ городахъ Германіи: тутъ же находится и рисунокъ прекрасной церкви Св. Николая, строящейся въ Потсдамѣ. Прибавимъ еще что, почти, подѣ тѣмъ же заглавіемъ, какъ и твореніе Г. Шинхеля, въ Дрезденѣ выходитъ другое собраніе архитектурныхъ рисунковъ, которое заслуживаетъ вниманія художниковъ и любителей зодчества: это — *Architectonische Entwürfe und Details*, издаваемое обществомъ молодыхъ архитекторовъ. Первые двѣ тетради заключаютъ въ себѣ восемнадцать гравированныхъ листовъ. И «Всеобщая теорія музыки», сочиненіе Г. Опельта, заранѣе такъ расхваленное въ Лейпцигскихъ журналахъ, скоро выйдетъ изъ печати.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Французскія.

DE LA NOUVELLE JÉRUSALEM, par *Edouard Richter*. 4 vol.

CHRIST ET PEUPLE, par *M. Auguste Ségner*. 1 vol.

ANALYSE DE L'HISTOIRE asiatique et de l'histoire grecque, par *E. G. Arbanère*. 2 vol.

LETTRES ÉDIFIANTES, ou choix de lettres écrites des missions étrangères, précédé de tableaux géographiques, historiques, politiques, religieux et littéraires des pays de mission. Troisième édition, augmentée d'une notice historique sur les missions étrangères et de Nouvelles Lettres Edifiantes.

MÉLANGES historiques et littéraires, par *M. de Barante*. 3 vol.

HISTOIRE MONARCHIQUE et constitutionnelle de la révolution française, par *Eugène Labaume*.

SOUVENIRS ET MÉMOIRES du général *Lamarque*. Tome II.

ITALIE, GRÈCE, TURQUIE. Voyage en Orient à bord du *François I.*, armé en guerre pour cette expédition scientifique, et retour par la Sicile, Malte et les îles de l'Archipel. Mœurs, coutumes, monumens, antiquités et souvenirs historiques. 1 vol.

SOUVENIRS, impressions, pensées et paysages pendant un voyage en Orient, par *Alphonse de Lamartine*. 4 vol. avec un portrait.

- MÉMOIRES DE FLEURY** de la comédie-française (1757 à 1820). 3 vol.
- BIOGRAPHIE MARITIMES**, ou notices historiques sur la vie et les campagnes des marins célèbres français et étrangers, par M. *Hennequin*. Par livraisons.
- HISTOIRE PITTORESQUE** de l'Angleterre et de ses possessions dans l'Inde, par MM. le baron *de Roujoux*, *Taylor* et *Charles Nodier*. 3 vol. ornés de 500 gravures. Par livraisons.
- ATLAS PITTORESQUE** de 48 quartiers de Paris, avec un tableau d'assemblage et une nomenclature des rues, etc., par *A. M. Perrot*.
- ATLAS HISTORIQUE** et chronologique des littératures anciennes et modernes, des sciences et des beaux-arts, par *N. A. Jarry de Mancy*. 26 tableaux.
- ESSAI SUR LA GRAVELLE** et la pierre, considérées sous le rapport de leurs causes, de leurs effets et de leurs divers modes de traitemens, par *P. S. Ségalas*.

- NAPOLÉON EN EGYPTÉ**, Waterloo et le fils de l'homme, poèmes par *Barthélemy* et *Méry*. 1 vol.
- LE CONSEILIER D'ÉTAT**, roman par M. *Frédéric Soulié*. 2 vol.
- SAPHIRA**, ou Paris et Rome sous l'empire, roman par M. *de Kératry*. 3 vol.
- JEUNE ET VIEILLE**, roman, par Madame veuve *Laya*. 2 vol.
- MADemoiselle de ROHAN**, roman historique, par le baron *de Lamoignon Langon*. 2 vol.
- BRANCHES DE BRUYÈRES**, chroniques bretonnes, par Mme *Aimé Harel*. 4 vol.
- RODOLPH DE FRANGON**, roman historique du XVIe siècle. 1 vol.
- MADemoiselle de VALVILLE**, roman, par Mme *Laure Bernard*. 1 vol.
- LE SALMIGONDIS**, par *Alex. Dumas*, la duchesse d'*Abrantès*, etc. 2 vol.
- ISABELLE DE BAVIÈRE**, par *Alex. Dumas*. 2 vol.
- SCÈNES POPULAIRES**, par *Henri Monnier*. Vol. XII.
- MONSIEUR LE MARQUIS DE PONTANGES**, par Mme *de Girardin*, auteur du *Lorgnon*. 2 vol.
- FLAVIEN**, ou De Rome au désert, par *Alexandre Guiraud*, de l'Académie française. 3 vol.
- LE LIVRE DES ENFANS**, par MM. *Audibert*, l'abbé *de Guerry*, *Michel Raymond*, *Ernest Desprez*, *Michel Masson*, etc., Mmes *Desbordes-Valmore*, *Dupin*, *Waldor*, etc. 6 vol.

Англійскія.

- ORIENTAL ILLUSTRATIONS** of the Sacred Scriptures. By *Joseph Roberts*. 1 vol.

- THE HISTORY OF IRELAND. By *Thomas Moore*, esq. 1 vol.
- THE ANGLO SAXON CHURCH, its history, revenues and general character. By *Henry Soames*. 1 vol.
- STATE PAPERS published under the authority of his Majesty's commission. 3 vols.
- REPORT ON THE PENITENTIARIES of the United States. By *William Crawford*, esq. 1 vol.
- A VISIT THE ICELAND, by way of Tronjem, etc., in the summer of 1834. By *John Barrow*, Junior 1 vol.
- A WINTER IN THE FAR WEST. By *C. F. Hoffmann*. 2 vol.
- EXCURSION IN THE MEDITERRANEAN. By major sir *Grenville T. Temple*. 2 vol.
- ESSAY ON THE ARCHITECTURE of the Hindus. By *Ram Raz*. 1 vol.
- SKETCHS OF THE HISTORY OF MEDICINE, from its orgine to the commencement of the nineteenth century. By *J. Bostock*, M. D. 1 vol.
- MELANIE, and other poems, by *N. N. Willis*. Edited by Barry Cornwall. 1 vol.
- SCENES AND LEGENDS OF THE NORTH OF SCOTLAND, or The traditional history of Cromarty. By *Hugh Miller*. 1 vol.
-
- HENNEBON, or, the Countess of Montfort and Bertha of Burgundy, a novel. 1 vol.
- PIERCE FALCON, the Outeast, a novel. By *Emma Whitehead*. 1 vol.
- SYDNEY BERESFORD, a novel. By the author of the Bandit's Bride. 1 vol.
- LODORE, a nouvel. By the author of Frankenstein (Mrs. *Shelley*.) 3 vol.
- FINESSE, a nouvel. 2 vol.

Нѣмецкія.

- ADRIAN GRETSCH, weiland hochwürid. Priester und Capitular in Wien, homiletische Nachlass. Feiertags Predigten. Herausgeg. von *Leopold Schwerlich*. Wien.
- DER MENSCH UND DIE STERNE. Fragmente zur Geschichte der Weltseele von Dr. *W. Pfaff*. Nürnberg.
- BEITRÄGE ZUR THEORIE des Armenwesens. Veranlasst durch des Herrn Carl Godefroy Theorie der Armuth. Hamburg.
- DR. LUDWIG WACHTLER's vermischte Schriften. 1 Theil. Leipzig.
- LIEBE UND WAHRHEIT die Leitsterne aller Erziehung, v. *Wilh. Möller*. Erfurt.
- IKONOGRAPHIE DER HEILIGEN. Ein Beitrag zur Kunstgeschichte. Berlin.
- DIE KUPFERSTECHERKUNST und der Stahlstich, von *Mor. Henrici*. Leipzig.

MECHANIK. 2 Bd. enthaltend die allgemeinen dynamische Lehren, Geodynamik, Hydrodynamik und Acrodynamik. Von *Alex. Freih. v. Forstner*. Berlin.

MÜLFSTAFELN und Beiträge zur neuern Hygrometrie von *A. G. Stierlin*. Köln.

BEMERKUNGEN über die Anlage und Einrichtung der Salz-Magazine in den verschiedenen Provinzen des preussischen Staats, von *F. A. Eytelwein*. Berlin.

SPECIELLE PATHOLOGIE und Therapie der Krankheiten der Sensibilität des Menschen, von Dr. *Karl. Geo. Neumann*. Berlin.

NOSOLOGISCH-THERAPERTISCHE AUFSCHLÜSSE über mehrere der schlimmsten Krankheiten der Menschen, von Dr. *Ferd. Robert*. Marburg.

ANNALEN DER KLINISCHEN ANSTALT der Universität zu Breslau, für Geburtshülfe und Krankheiten der Weiber und Kinder, herausgeg vom Director derselben *J. W. Betschler*. 2 Bd. Breslau.

WILLIAM SWAIM'S PANACEE. Belege und Zeugnisse über Gebrauch und Wirkung dieses Geheimmittels in den gefährlichsten chronischen Krankheiten, von Dr. *E. Weidemann*. Zwickau.

GESCHICHTE der Gesetzgebung über das Apothekerwesen in Deutschland, nebst juristische Rechtsverhältnisse neuer Erfindungen, als Homöopathie, etc., von Dr. *C. Sundheim*. Giessen.

LEHRBUCH der operativen Chirurgie, von Dr. *E. L. Grossheim*. 3 Bd. Berlin.

JAHRESBERICHT der Königl. Schwed. Akademie der Wissenschaften über die Fortschritte der Botanik. 1830 und 1831 Jahre. 2 Bd. Breslau.

ANLEITUNG zur Pflanzenkenntniss, oder Botanik, für den Landwirth, Thierarzt, Aerzte und Wundärzte, von *M. v. Erdebji*. 2 Bd. Wien.

DER SCHNELL unterrichtende Botaniker und Blumist, etc., von *J. E. v. Reider*. Nürnberg.

NEPTUNISMUS und Vulcanismus, in Beziehung auf von Leonhardh's-Basaltgebilde, von *Chr. Kapp*. Stuttgart.

BEITRAG zu einer Monographie des bunten Sansteins, Muschelkalks und Ceupers, und die Verbindung dieser Gebilde zu einer Formation, von *Fr. v. Alberti*. Stuttgart.

GEOGNOSTISCHE Beschreibung des Zwickauer Schwarzkohlengebirges, von *A. v. Gubbier*. Zwickau.

DER MEDICINISCHE Blutelgel, darg. von *A. F. Otto*. Weimar.

HYMENSPTERORUE Ichneumonibus affinium monographiæ, ser. Nees ab Elenheck. Vol. 2. Stuttgart.

DIE WANZENARTIGEN Insekten, von Dr. *K. W. Hahn*. 2 Bd. mit Taf. Nürnberg,

DIE FOSSILEN Zähne und Knochen in der Gegend von Georgensmund in Bayern, von *H. v. Meyer*. Frankfurt a. M.

- ORGANISATION in der Richtung des kleinsten Raums. Dritter Beitrag, v. *Ehrenberg*. Berlin.
- GRUNDZÜGE der Chemie mit besonderes Berücksichtigung der Pharmacie und Medicin, von Dr. *E. Wittig*. Paderborn.
- APOLLONII CITIENSIS, Stephani, Palladii, Theophili, Meletii, Damaſcii, Joannis, aliorum scholia in Hippocraten et Galenum, e codd. mss. Vinnob., Monac., Florent., Mediol., Escorial., etc., primum graece edidit *Fr. Reinh. Dietz*. Vol. II. Regiomontii.
- HOMERI ILIAS. Recensuit et brevi annotatione instruit *Fr. Spitzner*, Saxo-Gothae.
- LEXICON SOPHOCLEUM adhibitis veterum interpretum explicationibus, grammaticorum notationibus, recentiorum doctorum commentariis compositum *Frid. Ellendt*. A. M. etc. Vol. I. Regiomontii.
- KINALOPEKOMACHIA. Der Hunde Fuchsenstreit. Herausgeg. von *C. Fr. v. Kuhmor*. Lübeck.
- GEDICHTE von *Fustav Pfizer*. Neue Sammlung. Stuttgart.
- DES SCHWEIZERS ALPENHORN. Gedichte von *Karl Steiger*. St. Gallen.
- POLYKRATES. Trauerspiel in fünf Aufzügen, von *Wilh. Schnitter*. Leipzig.
- POETISCHE ZWISCHENSPIELE in der Prosa des Lebens. Von *Fr. v. Sydow*. 2 Theile. Leipzig.
- JOHANNA I. Königin von Neapel. Eine historische Erzählung von *J. Satori (Neumann)*. 2 Bde. Leipzig.
- DRILLINGE. Historisch-romantische Erzählungen von *David Russa*. Wismar.
- DIE ERBSÜNDE. Novelle von *Emerentius Scävola*. 2 Theile. Berlin.
- DER KÖNIG. Ein Roman von *A. J. Gross-Hoffinger*. 2 Bde. Stuttgart.
- NOVELLEN von *A. Freih. von Sternberg*. 4 Bd. Stuttgart.

М О Д Ы.

Парижъ. Апрельъ.

При заключеніи этой книжки, извѣстія о Лоншанскомъ гуляньѣ еще не были получены въ Петербургъ: слѣдствен-но весеннія и лѣтнія моды еще не рѣшены. Причиною тому — современность Пасхи, которая, по новому и по старому стилю, припала въ нынѣшнемъ году въ одинъ и тотъ же день. Сверхъ-того апрѣль не лучше былъ въ Парижѣ чѣмъ у насъ. Послѣ нѣсколькихъ хорошихъ дней, вдругъ наступилъ холодъ и дождливая погода, и дамы принуждены были возвратиться къ зимнему платью.

Хотя это не относится къ модамъ, но, говоря о холодѣ, мы можемъ упомянуть здѣсь объ одномъ примѣчательномъ обстоятельствѣ: тогда какъ у насъ зима была такъ непостоянна и умѣренна, въ Америкѣ господствовали неслыханные морозы; Г. Араго читалъ въ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ письмо, которымъ доносятъ ему, что въ Соединенныхъ Штатахъ холодъ доходилъ до 37 градусовъ.

До Лоншанскаго гулянья всѣ лучшіе модные магазины въ Парижѣ содержатъ въ величайшей тайнѣ наряды, приготовляемые ими для отличнѣйшихъ щеголихъ на этотъ день, въ который рѣшается судьба шляпокъ, юбокъ, корсажей, платковъ и матерій. Последніе модные журналы не сообщаютъ ни какихъ новостей, и оправдываются тѣмъ, что они «учинили присягу» моднымъ магазинамъ, особенно Морису Бовѣ, не открывать великой тайны, пока она торжественно сама не обнаружится на гульбищѣ.

— Между-тѣмъ капоты совершенно такіе же, какіе носили въ прошломъ году, и единственный признакъ модной пуристики, *femme puriste fashionable*, — длинное зебровое перо, окрашенное полосами дикаго и голубаго цвѣтовъ.

— По вечерамъ видно множество турбановъ: самый употребительный фасонъ — *à la Juive*.

— Цвѣтъ башмаковъ на нынѣшнее лѣто будетъ краснаго дерева; но это только предположеніе. Много говорятъ объ одной чудесной лентѣ, *à dents frangées*.

==

Р. S. Вчера, 30 числа, получены самыя плачевныя извѣстія изъ Парижа. Въ пятницу на Страстной недѣлѣ, во время Лоншанскаго гулянья, неожиданно выпалъ страшный снѣгъ съ вѣтромъ и морозомъ, точно такъ же какъ у насъ въ Петербургѣ, и перепортилъ, уничтожилъ всѣ шляпки, цвѣты, ленты, банты, вуали, эшарпы. Впрочемъ хорошихъ экипажей было очень мало; дамы, исключая весьма немногихъ, явились въ шубѣхъ или сидѣли зипртанныя въ своихъ каретахъ, и новыя моды остались столь же неизвѣстными, какъ были прежде. Въ Свѣтлое Воскресеніе — полтора аршина снѣгу на улицахъ!

Письма изъ Дрездена сообщаютъ такія же новости: въ первый день праздниковъ — глубокій снѣгъ, вѣтеръ и морозъ. По этому кажется, что ужасная погода, которая изумила насъ въ первой половинѣ апрѣля, особенно въ Свѣтлое Воскресеніе, была общая во всей Европѣ.

==

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
AP50
.B5
t.10
ch.1

